

kindle

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА # 1

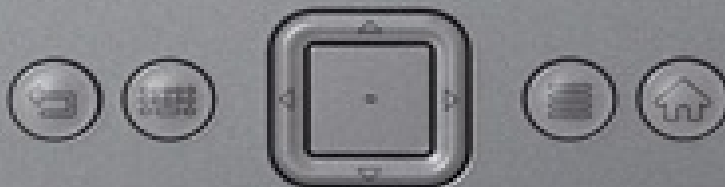
INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR

ЧЕТВЕРТАЯ ОБЕЗЬЯНА

Чем-то напоминает
«Молчание ягнят»
или Стивена King,
но гораздо сложнее
и гораздо интереснее.
amazon.com

После очередного
преступления
рядом с жертвой
находит надпись
«Не совершать зла».

ДЖЕЙ ДИ БАРКЕР

Annotation

Чикаго. Раннее утро. Под колесами автобуса погибает мужчина. Лицо его изуродовано до неузнаваемости, документов при нем нет. Зато рядом найдена белая коробка, перевязанная черной бечевкой, а в ней — человеческое ухо. Детектив Сэм Портер понимает, что это знак серийного убийцы У4О («Убийцы четырех обезьян»), который безнаказанно орудует в городе вот уже десять лет. После очередного преступления он оставляет надпись «Не совершать зла», связанную, по всей видимости, с древней притчей о четырех мудрых обезьянах. Чутье подсказывает Портеру, что вещи погибшего, и среди них дневник самого убийцы, — это своего рода издевательские подсказки, которыми маньяк намеренно дразнит сыщиков, бросая им вызов...

Для возрастной категории 16+

- [Джей Ди Баркер](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

- [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [Эпилог](#)
-

Джей Ди Баркер

Четвертая обезьяна

Посвящается моей матери

*Не бросай чтение. Мне очень нужно, чтобы ты
понял, что я сделал.*

Дневник

1

Портер — день первый, 6.14

Назойливо затренькал телефон. Дзынь... дзынь...

«Я же отключил звук. Почему все равно слышу, что мне пришло сообщение? Почему я вообще что-то слышу? Корпорация „Эппл“ без Стива Джобса превратилась в дерьмо».

Не открывая глаз, Сэм Портер перекатился на правый бок и принялся нащупывать телефон на прикроватной тумбочке.

Глухо звякнув, как и положено китайской дешевке, на пол упал будильник.

— Чтоб меня!

Нашарив телефон, он с трудом отсоединил его от зарядки и, прищурившись, поднес к самому лицу. На ярко освещенном экране прочитал:

«Позвони мне — 911».

Сообщение от Нэша.

Портер посмотрел на ту половину постели, где спала жена. Вместо нее там лежала записка...

«Пошла за молоком, скоро вернусь.

Целую-обнимаю.

Хизер».

Он вздохнул и снова посмотрел на дисплей телефона.

Время — 6.14.

Вот тебе и тихое воскресное утро!

Портер сел и перезвонил напарнику. Тот ответил после второго гудка:

— Нэш слушает.

— Привет, это я.

Нэш заговорил после короткой паузы:

— Портер, извини. Я долго думал, звонить тебе или нет. Наверное, раз десять набирал твой номер, а потом сбрасывал... В конце концов решил послать тебе эсэмэску. Дал тебе возможность, так сказать, проигнорировать меня, понимаешь?

— Все нормально, Нэш. Что там у тебя?

Снова пауза.

— Тебе лучше самому приехать и взглянуть.

— На что взглянуть?

— Тут ДТП... Несчастный случай...

Портер потер висок:

— ДТП? Мы с тобой служим в убойном отделе. С каких пор мы еще и ДТП занимаемся?

— Уж ты мне поверь, тебе лучше самому приехать и взглянуть, — многозначительно повторил Нэш.

Портер вздохнул.

— Куда ехать?

— Рядом с Гайд-парком, на Пятьдесят пятой. Я только что переслал тебе адрес.

Телефон звонко тренькнул прямо в ухо, и Портер невольно отдернул его подальше.

«Гребаный айфон!»

Он прочитал адрес и сказал Нэшу:

— Буду на месте через полчаса. Годится?

— Ага, — отозвался Нэш. — Мы тут все равно застряли надолго.

Портер нажал отбой и с трудом спустил ноги на пол, прислушиваясь к скрипам и стонам, которые в знак протеста издавал его пятидесятивосьмилетний организм.

Солнце уже вставало; его лучи проникали в спальню между створками жалюзи. Странно, какой тихой и мрачной кажется квартира без Хизер.

«Пошла за молоком»...

На глаза ему попала полупустая литровая бутылка «Джека Дэниелса». Она стояла на прикроватной тумбочке совсем недалеко от сброшенного на пол будильника. Треснувший циферблат тускло мерцал на полу; закорючки на нем уже не были похожи на цифры.

Сегодня явно не его день.

Последнее время таких дней становится многовато.

Портер потянулся к бутылке, но решил, что виски в шесть утра — перебор даже для него. Он нехотя встал и зашаркал в ванную.

Через десять минут Портер вышел из квартиры, одетый в свой лучший костюм — мятый темно-синий, купленный в магазине готового платья лет десять назад, — и по лестнице спустился с

четвертого этажа. В тесном подъезде остановился возле почтовых ящиков и набрал номер жены.

— «Вы позвонили Хизер Портер. Поскольку вас переключили на автоответчик, скорее всего, я увидела ваше имя на определителе номера и решила, что не хочу говорить с вами. Желающих заплатить дань в виде шоколадного торта или других сладостей прошу написать подробности в текстовом сообщении — возможно, я пересмотрю свое отношение к вам и перезвоню позже. Если вы занимаетесь продажами и хотите уговорить меня сменить компанию-провайдера, можете не продолжать. Телефонная компания и так должна мне деньги за год, не меньше. Все остальные — пожалуйста, оставьте сообщение. Имейте в виду, что мой любимый муж — полицейский. Он довольно вспыльчивый, и у него большой пистолет».

Портер улыбнулся. Он всегда улыбался, когда слышал ее голос.

— Привет, Кнопка! — сказал он после звукового сигнала. — Это я. Звонил Нэш. Рядом с Гайд-парком что-то случилось; еду туда, он меня ждет. Пока не знаю, когда вернусь; перезвоню попозже... — Помолчав, добавил: — Кстати, по-моему, у нас будильник сломался.

Он положил телефон в карман и толкнул дверь; промозглый чикагский воздух напомнил ему о том, что наступила осень.

Портер — день первый, 6.45

Портер поехал по Лейк-парк-авеню и добрался довольно быстро — без четверти семь уже был на месте. За несколько кварталов до места происшествия Портер увидел проблесковые маячки — сотрудники Чикагского полицейского управления полностью заблокировали перекресток Блэкстон-авеню и Пятьдесят пятой. Туда съехались не меньше двенадцати патрульных машин. Кроме того, он увидел скорую помощь и две пожарные машины. Насчитал не меньше двадцати своих коллег. Подоспели и представители прессы.

Приблизившись к месту преступления на своем «додже-чарджере» последней модели, он притормозил, опустил стекло и показал свой жетон. Молодой сотрудник, совсем мальчишка, поднырнул под желтую заградительную ленту и подбежал к нему.

— Детектив Портер? Нэш приказал проводить вас. Паркуйтесь где хотите — мы оцепили весь квартал.

Портер кивнул, встал рядом с пожарной машиной и вылез.

— А Нэш где?

— Вон он, рядом со скорой помощью, — ответил парень, протянув Портеру стакан с кофе.

Он еще издали увидел Нэша, который беседовал с судмедэкспертом Томом Эйсли. Эйсли прижимал к груди дощечку с зажимом, под которым Портер увидел толстенную кипу бумаги — не меньше пачки. В нынешнем мире планшетов и смартфонов Эйсли с его зажимом выглядел ужасно старомодным.

Заметив его, Нэш помахал рукой:

— Сэм, ты ведь знаешь Тома Эйсли из судмедэкспертизы?

— Да, мы знакомы лет двадцать уже, верно?

— Не меньше, — подтвердил Эйсли и, помявшись, спросил: — Как дела, Сэм? Как ты вообще?

— По-моему, ему осточертели вопросы типа: как жизнь, как дела, как он вообще и так далее, — буркнул Нэш.

— Нормально. Нормально. — Портер с трудом улыбнулся. — Спасибо, что спросил, Том.

— Если тебе что-нибудь понадобится, ты только дай знать. — Эйсли покосился на Нэша.

— Очень тебе благодарен. — Портер развернулся к Нэшу. — Итак, что тут случилось? Что за ДТП?

Нэш кивком указал на городской автобус, припаркованный у обочины шагах в пятидесяти от них:

— Человек против машины. Пошли...

Следом за ним Портер зашагал к автобусу. Эйсли со своей дощечкой не отставал.

Переднюю часть автобуса фотографировал сотрудник экспертно-криминалистической лаборатории. Портер увидел, что решетка радиатора смята. Заметил царапину чуть выше правой фары. Еще один эксперт поднимал что-то из-под правого переднего колеса.

Подойдя ближе, Портер разглядел черный пластиковый мешок с трупом. Его окружали сотрудники в форме, не подпускавшие к месту происшествия растущую толпу.

— Автобус наверняка шел на большой скорости; до следующей остановки еще далеко, — заметил Нэш.

— Я не превышал скорости! Проверьте по навигатору! Нечего обвинять, если не знаете!

Портер повернулся налево и увидел водителя автобуса, здоровяка весом не меньше полутора центнеров. Черная форменная куртка туго обтягивала мощный торс. Жесткие седые волосы сбились налево, а справа торчали дыбом. Водитель смотрел на них испуганно, переводя взгляд с Портера на Нэша и Эйсли и обратно.

— Он псих, говорю вам! Сам прыгнул прямо под колеса! Никакой это не несчастный случай. Он покончил с собой!

Нэш поспешил его успокоить:

— Никто вас ни в чем не обвиняет!

У Эйсли зазвонил телефон. Он посмотрел на экран, поднял палец и отошел на несколько шагов, чтобы принять вызов.

Водитель им явно не поверил:

— Ну да... Небось напишете, что я нарушал скоростной режим, и тогда прощай работа, прощай пенсия... думаете, легко найти работу в моем возрасте, при нашей дерьмовой экономике?

Портер посмотрел на нагрудную нашивку с фамилией.

— Мистер Нельсон, прошу вас, сделайте глубокий вдох и постарайтесь успокоиться.

По красному лицу водителя тек пот.

— Скоро мне придется мести улицы, а все потому, что этот крысеныш бросился под мой автобус. Тридцать один год отъездил без происшествий, и вот вам здрасте.

Портер положил руку ему на плечо:

— Пожалуйста, расскажите, что произошло.

— Ну уж нет! Пока не приехал представитель профсоюза, мне лучше держать язык за зубами, вот что!

— Я не смогу вам помочь, если вы будете молчать.

Водитель нахмурился:

— Чем это вы можете мне помочь?

— Ну, например, я могу замолвить за вас словечко перед Мэнни Полански из отдела общественного транспорта. Если вы, как утверждаете, ничего плохого не сделали, если готовы сотрудничать, никто не станет отстранять вас от работы.

— Ч-черт! Думаете, меня отстранят от работы? — Водитель вытер потный лоб. — На что жить-то тогда?

— Вряд ли вас отстранят, если узнают, что вы пошли нам навстречу, что пытались помочь. Возможно, даже суда не будет. — Портер старался его успокоить.

— Суда?!

— Пожалуйста, расскажите, как было дело. Обещаю, я замолвлю за вас словечко перед Мэнни и постараюсь избавить от неприятностей.

— Вы знакомы с Мэнни?

— Первые два года в полиции я служил в транспортном отделе. Ко мне Мэнни прислушается. Помогите нам, и я помогу вам, обещаю.

Водитель задумался, потом глубоко вздохнул и кивнул:

— Все было как я рассказал вашему приятелю, вон ему. Я прибыл на остановку на Корнелл точно по расписанию; один пассажир сошел, двое сели. Дальше мой маршрут идет по Пятьдесят пятой, я повернул... На перекрестке с Блэкстон как раз загорелся зеленый, так что не нужно было притормаживать — но газу я не прибавлял. Проверьте навигатор!

— Не сомневаюсь, что вы не прибавляли газу.

— Говорю вам, я не нарушал! Просто ехал со скоростью потока. Ну, может, чуть-чуть и превысил разрешенную скорость, но совсем ненамного и как все, — продолжал водитель.

Портер отмахнулся:

— Итак, вы ехали по Пятьдесят пятой...

Водитель кивнул:

— На светофоре стояли пешеходы, ждали, когда можно будет перейти дорогу. Их немного было — трое или, может, четверо. Ну вот, подъезжаю я, значит, а этот тип как выпрыгнет — и прямо впечатался в меня... Совершенно неожиданно. Только что стоял на тротуаре — и вот он уже на проезжей части. Я, конечно, дал по тормозам, но ведь автобус сразу не останавливается! Сами знаете, какой у него тормозной путь. В общем, сшиб его насмерть. И еще протащил шагов тридцать.

— Какой тогда был свет на светофоре?

— Зеленый.

— Не желтый?

Водитель покачал головой:

— Нет, зеленый. Я знаю, потому что видел, как он переключился. До желтого еще секунд двадцать оставалось. Я уже из автобуса вылез, когда увидел, что он переключился. — Он показал на светофор. — Да вы камеру проверьте!

Портер поднял голову. За последние десять лет почти на каждом городском перекрестке установили камеры видеонаблюдения. Когда они приедут в управление, надо будет напомнить Нэшу, чтобы прокрутил запись, хотя Нэш, скорее всего, уже все сделал как надо.

— Тот тип вовсе не случайно попал под колеса — он нарочно прыгнул! Сами увидите, когда посмотрите запись!

Портер протянул водителю свою визитку:

— Пожалуйста, побудьте здесь еще какое-то время, просто на всякий случай. Вдруг у меня возникнут еще вопросы.

— Ладно. — Водитель пожал плечами. — Вы обещали поговорить с Мэнни, помните?

Портер кивнул:

— Извините, я сейчас. — Он отвел Нэша в сторону, понизил голос: — Здесь явно не преднамеренное убийство... И даже если

покойник действительно покончил с собой, нам здесь делать нечего. Зачем ты меня вызвал?

Нэш положил напарнику руку на плечо:

— Ты уверен, что в порядке? Если ты еще не готов работать, я...

— Я в порядке, — отрезал Портер. — Говори, в чем дело.

— Может, нам сначала побеседовать...

— Нэш, мать твою, я не ребенок. Выкладывай, в чем дело!

— Хорошо, — вздохнул Нэш. — Но если окажется, что тебе все-таки еще тяжело, пожалуйста, сразу скажи. Если откажешься, никто тебя не упрекнет...

— По-моему, работа сейчас пойдет мне на пользу. Я сижу в четырех стенах и постепенно схожу с ума, — сказал Портер.

— Ты молодец, Портер, — тихо продолжал Нэш. — По-моему, ты заслужил быть здесь.

— Нэш, хватит! Выкладывай, в чем дело!

Напарник улыбнулся во весь рот:

— Тот тип, что лежит в мешке, — пострадавший... в общем, он не просто переходил дорогу. Он шел вон к тому почтовому ящику. — Нэш показал на почтовый ящик у входа в парк на противоположной стороне улицы. — Он собирался отправить по почте белую коробку, перевязанную черной бечевкой.

Портер вытаращил глаза:

— Не может быть!

— А вот может.

3

Портер — день первый, 6.50

Портер поймал себя на том, что не сводит взгляда с черного пластикового «савана».

На какое-то время он буквально лишился дара речи.

Нэш попросил остальных сотрудников и экспертов ненадолго отойти и пропустить Портера к жертве. Все послушно зашли за ограждение; многие косились на него и перешептывались. Окружающие на какое-то время перестали для него существовать. Портер видел перед собой только черный пластиковый мешок с трупом и лежащий рядом небольшой пакет с табличкой «№ 1». Криминалисты наверняка уже успели сфотографировать пакет со всех сторон. Конечно, коробку не вскрывали; все понимали, что этого делать нельзя. Честь открыть коробку предоставили ему.

Сколько таких коробок он повидал на своем веку?

Дюжину? Нет, больше. Гораздо больше.

Портер стал считать в уме.

Семь жертв. По три коробки на каждую — итого двадцать одна коробка.

Двадцать одна коробка... почти за пять лет.

Преступник как будто забавлялся. Они ни разу не нашли ни одной зацепки. Только коробки — и их содержимое. Никаких следов.

Призрак.

На памяти Портера их оперативная группа то увеличивалась, то уменьшалась. Одни сотрудники уходили, другие приходили. После каждой новой жертвы группу расширяли. Пресса узнавала о новой коробке, и репортеры налетали на управление, как стервятники. На преступника охотились буквально всем городом. Но рано или поздно приходила третья коробка, потом обнаруживали труп, а преступник снова пропадал. Таял во мраке неизвестности. Шло время; через несколько месяцев СМИ забывали о нем. Опергруппу сокращали; отдел занимался более насущными делами.

И только Портер вел дело с самого начала и никуда не уходил. Он приехал на место происшествия, где нашли самую первую коробку, и

сразу понял, что имеет дело с серийным убийцей. Начальству пришлось с ним согласиться после того, как за первой коробкой нашли вторую, третью, а затем и труп.

Тогда началась серия ужасных, тщательно спланированных преступлений.

Началось зло.

Он видел начало. Неужели сейчас он стал свидетелем конца?

— Что в коробке?

— Мы ее еще не открывали, — ответил Нэш. — Но, по-моему, догадаться несложно...

Коробка была совсем небольшой — примерно десять на семь с половиной.

Такая же, как все предыдущие.

Коробка, завернутая в белую бумагу и перевязанная черной бечевкой. Адрес надписан от руки, аккуратным бисерным почерком. Никаких отпечатков, скорее всего, найти не удастся — их никогда не было. Марки самоклеющиеся — слюны тоже не найти.

Портер искоса посмотрел на черный мешок.

— Ты правда думаешь, что это он? Личность установили?

Нэш покачал головой:

— При нем не нашли ни бумажника, ни документов. Он впечатался лицом в решетку радиатора. Отпечатки пальцев, конечно, сняли, но в базе их нет. Он — никто.

— Так не бывает, — возразил Портер. — У тебя перчатки есть?

Нэш достал из кармана пару латексных перчаток и протянул Портеру. Натягивая их, Портер кивнул в сторону коробки;

— Ты не против?

— Специально тебя дожидался, — ответил Нэш. — Сэм, это твое дело. Ты вел его с самого начала.

Как только Портер нагнулся, чтобы взять коробку, к нему подбежал эксперт-криминалист, на ходу включая видеокамеру:

— Извините, сэр, но у меня приказ все документировать.

— Все в порядке, сынок. Но кроме тебя, сюда больше никому нельзя. Ну как, можно?

На камере замигал красный огонек, и эксперт кивнул:

— Давайте, сэр!

Портер повернул коробку к камере, чтобы в объектив попал адрес; он старался не задеть алые капли.

— «Артуру Толботу. Дирборн-Паркуэй, 1547».

Нэш присвистнул:

— Богатенький район. Там живет местная аристократия. Правда, эта фамилия мне неизвестна.

— Толбот — инвестиционный банкир, — вмешался эксперт. — И недвижимостью он тоже занимается. Последнее время перестраивает промзону на берегу озера, там будут модные лофты. В общем, он хочет вытеснить из того района жильцов с низкими доходами и заменить их людьми, которые могут себе позволить высокую арендную плату и кофе в «Старбаксе» каждый день.

Портер бросил на эксперта внимательный взгляд:

— Как тебя зовут, сынок?

— Пол Уотсон, сэр.

Портер невольно улыбнулся:

— Когда-нибудь, доктор Уотсон, из вас выйдет прекрасный детектив!

— Я не доктор, сэр. Правда, сейчас пишу диссертацию, но мне работать еще года два.

Портер усмехнулся:

— Неужели сейчас никто ничего не читает?

— Сэм, коробка!

— Ну да, верно. Коробка.

Он дернул бечевку. Узел развязался без труда. Белая бумага была аккуратно подвернута по углам, сложена идеальными треугольничками.

«Как подарок. Он завернул ее, как человек, который готовит кому-то подарок».

Под бумагой они увидели черную коробку. Портер отложил бумагу и бечевку в сторону, покосился на Нэша и Уотсона и медленно поднял крышку.

Ухо было отмыто от крови и лежало на слое ваты.

«Как все предыдущие».

4

Портер — день первый, 7.05

— Я должен осмотреть труп.

Нэш встревоженно покосился на растущую толпу.

— Ты уверен, что хочешь осматривать его прямо сейчас? Здесь столько посторонних глаз...

— Давай раскинем палатку.

Нэш подал знак одному из сотрудников.

Через пятнадцать минут, к большому неудовольствию водителей, намертво застрявших в пробке, на Пятьдесят пятой улице установили большую палатку, перегородив два из трех окрестных переулков. Нэш и Портер откинули полог; следом за ними вошли Эйсли и Уотсон. У входа встал полицейский в форме — на тот случай, если кто-то все-таки прорвется через ограждение и попытается заглянуть внутрь.

Вокруг тела расставили шесть 1200-ваттных галогенных прожекторов на желтых металлических треножниках; они заливали замкнутое пространство резким, ярким светом.

Эйсли расстегнул мешок.

Портер опустился на колени.

— Его двигали?

Эйсли покачал головой:

— Как только его сфотографировали, я сразу же велел упаковать. Его позу не меняли.

Труп лежал ничком. В коротко стриженных темных волосах мелькала седина. Рядом с головой на асфальте растеклась лужа крови; одна струйка устремилась к углу палатки.

Портер надел еще одну пару латексных перчаток и осторожно приподнял голову покойника. Она отделилась от холодного асфальта, негромко чвакнув, — он невольно вспомнил фруктовый мармелад в рулончиках, который вот так же отлепляется от обертки. Внутри у него все сжалось, и он невольно порадовался, что не успел позавтракать.

— Помогите мне его перевернуть!

Эйсли взял труп за плечо, а Нэш за ноги.

— На счет «три». Раз, два...

Трупное окоченение еще не наступило; тело было мягким, податливым. Правая нога была сломана в трех местах, не меньше; левая рука тоже переломана.

— Жуть какая... — Нэш не сводил глаз с лица жертвы. Точнее, с того места, где положено находиться лицу. Щек не было; остались лишь рваные лоскуты. Нижняя часть лица сохранилась, но была разбита — рот зиял, как будто кто-то с силой развел в стороны его челюсти, словно капкан на медведя. Один глаз вытек; из глазницы сочилась белесоватая жидкость. Второй глаз, ярко-зеленый, невидяще смотрел на них.

Портер склонился ниже:

— Как по-твоему, удастся воссоздать его лицо?

Эйсли кивнул:

— Поручу кому-нибудь, как только мы доставим его в лабораторию.

— Пока трудно что-либо утверждать, но, судя по телосложению и легкой седине, я дал бы ему лет сорок — плюс-минус...

— Дай мне немного времени, и я постараюсь определить возраст точнее, — сказал Эйсли, посветив в глаз трупа миниатюрным фонариком. — Роговица не повреждена.

Портер знал, что сейчас можно определить возраст методом радиоуглеродного датирования глазного материала, который называется «методом Линнерупа». С его помощью удастся сузить возрастные рамки до года-двух.

На покойнике был темно-синий костюм в полоску. Правый рукав превратился в лохмотья; в области локтя материю протыкала кость.

— Кто-нибудь нашел вторую туфлю? — Недоставало левой. Черный носок пропитался кровью.

— Патрульный подобрал. Туфля вон на том столе. — Нэш показал в дальний правый угол. — Кроме того, на нем была мягкая фетровая шляпа.

— Фетровая шляпа?! Они что, снова вошли в моду?

— Только в кино, — ответил Нэш.

— У него в кармане что-то есть. — Уотсон показывал на правый нагрудный карман пиджака. — Квадратное. Еще одна коробка?

— Нет, для коробки мелковато. — Портер осторожно расстегнул пиджак и извлек из внутреннего нагрудного кармана малоформатную

тетрадь для упражнений — в таких тетрадях писали школьники и студенты до эпохи планшетов и смартфонов. Небольшая, похожая на блокнот, с черно-белой обложкой и разлинованными страницами. Тетрадка была почти полностью исписана; страницы покрыты таким мелким, бисерным почерком, что две строчки текста занимали место, обычно предназначенное для одной. — Возможно, это очень ценная улика... Похоже на дневник. Молодец, док!

— Я не...

— Ну да, ну да, — отмахнулся Портер и повернулся к Нэшу: — Ты вроде говорил, что смотрел у него в карманах?

— Мы обыскали только брюки — думали найти бумажник или права. А с полным обыском я хотел повременить до тебя.

— Тогда давай проверим остальное.

Он двигался против часовой стрелки, начав с правого переднего брючного кармана, — на всякий случай, вдруг его предшественники что-то упустили. Почти все карманы оказались пустыми; однако кое-что Портер нашел. Он осторожно выложил трофеи сбоку от себя. Нэш пометил их, а Уотсон сфотографировал.

— Вот и все. Для начала совсем немного.

Портер осмотрел находки.

Квитанция из химчистки.

Карманные часы.

Семьдесят пять центов разными монетами.

Квитанция оказалась самой обыкновенной, вырванной из квитанционной книжки. Если не считать номера 54 873, на ней не было никаких сведений, помогающих установить личность владельца. Ни названия, ни даже адреса химчистки они не увидели.

— Проверьте все на отпечатки, — распорядился Портер.

— Чего ради? — нахмурился Нэш. — У нас есть труп, но его отпечатков нигде нет.

— А может, я надеюсь на удачу. Может, мы все-таки найдем соответствие, и оно приведет к кому-то, кто сумеет его опознать. Что можешь сказать насчет часов?

Нэш поднес часы к свету:

— Не знаю, кто в наше время носит карманные часы. Может, этот тип все-таки старше, чем ты предположил?

— Судя по мягкой фетровой шляпе, все возможно.

— Или он просто любитель винтажной одежды, — вмешался Уотсон. — Многие мои знакомые любят винтаж.

Нэш нажал рычажок, и крышка часов откинулась со щелчком.

— Хм!

— Что?

— Они остановились в 15.14, то есть гораздо раньше, чем он попал под автобус.

— Может, стрелки сдвинулись от удара? — сказал Портер.

— На циферблате ни царапины; вообще нет следов повреждений.

— Вероятно, что-нибудь внутри сломалось. Дай-ка взглянуть.

Нэш протянул Портеру карманные часы.

— Поразительное искусство. По-моему, они ручной работы. Наверняка коллекционные.

— У меня есть дядя... — снова вмешался Уотсон.

— С чем я тебя и поздравляю, сынок, — усмехнулся Портер.

— У него магазин антиквариата в центре. Наверное, он сумеет больше рассказать об этих часах.

— Ты сегодня явно напрашиваешься на медаль! Ладно, значит, тебе поручаю отработать версию с часами. Как только передадим все вещдоки на хранение, вези часы к дяде, и посмотрим, что тебе удастся выяснить!

Уотсон расплылся в улыбке и кивнул.

— Кто-нибудь увидел странность в его одежде?

Нэш еще раз осмотрел тело и покачал головой.

— Туфли красивые, — заметил Эйсли.

— Еще бы не красивые! — улыбнулся Портер. — Фирмы «Джон Лоббс». Такие идут тысячи по полторы за пару. А костюмчик на нем дешевый, скорее всего, купленный в торговом центре или большом магазине готового платья. В лучшем случае он стоит не дороже нескольких сотен.

— Ты это к чему? — спросил Нэш. — Он работает в обувном магазине?

— Сам не знаю. Не хочу торопиться с выводами... Просто странно, что человек готов столько просаживать на обувь, а вот на костюме явно сэкономил.

— А может, он действительно работает в обувном магазине и может покупать хорошие туфли со скидкой? А что, вполне

правдоподобно, — сказал Уотсон.

— Рад, что ты с ним соглашаешься. И все же придется отобрать у тебя медаль — за глупость.

— Простите.

— Не волнуйся, док, я шучу. Я бы подколот Нэша, но он уже привык к моим фортелям на начальном этапе следствия. А вот тут ничего смешного нет. — Внимание Портера снова привлекла тетрадка. — Дай, пожалуйста, сюда.

Уотсон передал ему тетрадку, открыв ее на первой странице. Портер начал читать и прищурился:

«Здравствуй, друг мой!

Я вор, убийца, похититель. Я убиваю забавы ради, я убиваю из необходимости, я убиваю из ненависти, я убиваю просто для того, чтобы насытить потребность, которая с течением времени все больше разрастается во мне. Такая потребность очень похожа на голод; ее можно утихомирить только потоком крови или криками, которые издают под пыткой.

Я пишу так вовсе не для того, чтобы напугать тебя или произвести на тебя впечатление. Просто я собираюсь перечислить факты, выложить карты на стол.

Коэффициент моего умственного развития равен 156, по всем параметрам уровень гения.

Один мудрец когда-то сказал: „Измерять уровень своего интеллекта, пытаться наклеить ярлык на свой разум — явный признак невежества“. Я не просил проверять мои умственные способности; тест мне навязали — делай из этого любые выводы.

Ничто из вышперечисленного не дает понять, кто я такой, только какой я. Вот почему я решил перенести свои воспоминания на бумагу, поделиться всем, чем считаю нужным. Невозможно расти и развиваться, не делаясь знаниями. Ты (как и общество) не выучишься на собственных многочисленных ошибках. А учиться тебе предстоит еще многому, многое предстоит узнать.

Кто я такой?

Если я назову свое имя, пропадет все удовольствие. Ты со мной не согласен?

Скорее всего, ты называешь меня Обезьяньим убийцей, ты догадался, что речь идет о четырех обезьянах. Давай этим и ограничимся, хорошо? Может быть, тем из вас, кто любит все сокращать, понравится аббревиатура У4О? Современно, модно, стильно и просто — проще некуда. Не придется никого исключать.

Предвкушаю, как нам с тобой будет весело!»

— Чтоб тебя... — буркнул Портер.

Позвольте внести ясность с самого начала.

В случившемся нет вины моих родителей.

Я вырос в любящей семье, которую охотно запечатлел бы на своих полотнах Норман Роквелл.

После моего рождения мама, благослови Господь ее душу, ушла с работы в издательстве, несмотря на хорошие перспективы. Судя по всему, по работе она не тосковала. Каждое утро она готовила завтрак для нас с отцом; ровно в шесть мы садились ужинать. Мы любили проводить время вместе, всей семьей, и часто нам бывало очень весело.

Мама рассказывала, чем занималась целый день, а мы с отцом внимательно ее слушали. Звуки ее голоса напоминали ангельское пение; я по сей день мечтаю снова его услышать.

Отец работал в сфере финансов. Не сомневаюсь, что коллеги высоко его ценили, хотя дома он о работе не говорил. Он придерживался того мнения, что повседневные служебные дела нужно оставлять на работе, их не следует приносить домой, в святая святых, и выливать домашним, как помой свиньям. Работу он оставлял на работе, там, где ей и место.

Отец носил с собой блестящий черный портфель, но я ни разу не видел, чтобы он открывал свой портфель дома. Каждый вечер он ставил его у входной двери, где он и оставался до следующего утра, когда отец уезжал на службу. Он брал портфель, когда выходил из дому, нежно поцеловав маму и потрепав меня по голове.

— Сынок, береги маму! — говорил он обычно. — До тех пор, пока я не вернусь, ты — главный мужчина в доме. Если приедет сборщик оплаты счетов, отправь его к соседям. Не обращай на него внимания. Он не имеет никакого значения. Лучше узнай это сейчас, чем беспокоиться о чем-то подобном, когда у тебя будет своя семья.

Надев на голову мягкую фетровую шляпу и взяв портфель, он выходил за дверь, улыбнувшись и помахав нам рукой. Я подходил к большому панорамному окну и смотрел, как он идет по дорожке (зимой приходилось смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться на льду) и садится в маленький черный автомобиль с откидным верхом. У отца был «порше» 1969 года выпуска — замечательная машина, настоящее произведение искусства! После того как отец поворачивал ключ в замке зажигания, мотор оживал и начинал глухо ворчать; ворчание усиливалось, когда машина выезжала на дорогу и отец увеличивал скорость. «Порше» радовался возможности быстро глотать мили.

Ах, как отец любил свою машину!

Каждое воскресенье мы выносили из гаража большое синее ведро и кучу тряпок и мыли ее сверху донизу. Отец, бывало, часами чистил мягкий черный верх и натирал металлические изгибы воском — не один, а два раза. Мне поручали очищать от грязи спицы колес, и я очень ответственно относился к своей задаче. Когда мы заканчивали, машина блестела, как будто ее только что выкатили с витрины в автосалоне. Потом отец опускал верх и вез нас с мамой на воскресную прогулку. Хотя в «порше» было всего два места, я был мелким для своего возраста и умещался сзади, за сиденьями. Мы, бывало, останавливались в местной молочной, покупали мороженое и газировку, а потом отправлялись в парк, где гуляли среди больших дубов и травянистых лужаек.

Я играл с другими детьми, а мама и отец наблюдали за мной. Они сидели в тени старого дерева, держась за руки. Глаза у них светились любовью. Они шутили и смеялись, и я слышал их голоса, гоняясь за мячом или «летающей тарелкой».

— Посмотрите на меня! Посмотрите на меня! — кричал я.

И они смотрели. Они смотрели на меня так, как и должны смотреть на любимого сына родители. Они следили за мной с гордостью. Их сын, их радость. Вспоминаю себя в

нежном возрасте — мне было восемь. Я смотрел на них, как они сидят под деревом и улыбаются. Я смотрел и представлял, как их шеи разрезаны от уха до уха: из ран хлещет кровь и стекает на траву под ними. И я смеялся — смеялся до дрожи, до боли в сердце.

Конечно, это было много лет назад, но именно тогда все началось.

6

Портер — день первый, 7.31

Портер остановил «додж-чарджер» перед домом 1547 по Дирборн-Паркуэй и посмотрел на большой каменный особняк. Нэш, сидевший рядом, поднял телефон:

— Начальник звонил. Вызывает нас к себе. Требуется, чтобы мы сейчас же к нему заехали.

— Заедем... попозже.

— Он настаивал.

— Обезьяний убийца собирался отправить коробку сюда. Часы тикают. У нас нет времени на то, чтобы сейчас возвращаться в управление, — возразил Портер. — Мы ненадолго. Тут главное — не отставать.

— Обезьяний убийца? Ты в самом деле собираешься называть его, как он предложил? Хотя, конечно, подходит...

— Обезьяний убийца, «Четыре обезьяны», У4О... Мне все равно, как называть психа.

Нэш смотрел в окошко:

— Неплохой домик. Неужели здесь живет всего одна семья?

Портер кивнул:

— Артур Толбот, его жена, дочь-подросток от первого брака, наверное, есть еще одна или две маленькие тьявкующие собачонки и служанка... или пять служанок.

— Я справлялся в дежурной части; Толбот нам не звонил, не говорил, что кто-то из его близких пропал без вести, — сказал Нэш.

Они вышли из машины и начали подниматься по каменным ступенькам.

— Как будем разговаривать?

— Быстро, — ответил Портер, нажимая кнопку звонка.

Нэш понизил голос:

— Жена или дочь?

— Что?

— Ухо. Как по-твоему, чье оно — жены или дочери?

Портер собирался ответить, когда дверь приоткрыли — чуть-чуть, не сняв цепочки. Невысокая латиноамериканка смотрела на них холодными карими глазами.

— Чем вам помочь?

— Мистер или миссис Толбот дома?

— Моменто... — Она перевела взгляд с Портера на Нэша и захлопнула дверь.

— Лично я за дочь, — сказал Нэш.

Портер посмотрел в свой телефон:

— Ее зовут Карнеги.

— Карнеги?! Ты что, издеваешься?

— Никогда мне не понять богачей, — ответил Портер.

Дверь снова открылась, на пороге стояла блондинка лет сорока с небольшим. На ней был бежевый свитер и черные мягкие брюки в обтяжку. Волосы собраны в конский хвост. «Симпатичная», — подумал Портер.

— Миссис Толбот?

Блондинка вежливо улыбнулась:

— Да. Чем обязана?

Латиноамериканка вернулась в прихожую и издали наблюдала за происходящим.

— Я детектив Портер, а это детектив Нэш. Мы из Чикагского полицейского управления. Где мы могли бы поговорить?

Улыбка исчезла.

— Что она натворила?

— Простите, кто «она»?

— Маленькая засранка, дочь моего мужа. Хочется хоть одни выходные прожить спокойно, чтобы ее не ловили на воровстве из магазинов, угоне машин или распитии спиртных напитков в парке с такими же, как она, малолетними шлюшками. Пора мне бесплатно поить кофе всех стражей порядка, которые заезжают ко мне по утрам в воскресенье, ведь половина вашего управления уже побывала у нас дома... — Она распахнула дверь, и они увидели просторный холл. — Заходите!

Портер быстро кивнул Нэшу. Они вошли.

В центре высокого сводчатого потолка сверкала хрустальная люстра. Портер поймал себя на мысли, что ему хочется разуться,

чтобы не пачкать белый полированный мрамор.

Миссис Толбот повернулась к горничной:

— Миранда, будьте умницей и принесите нам чаю с бубликами — или, может быть, вы хотите пончиков? — При последних словах уголки ее губ дернулись в намеке на улыбку.

«Ах, этот юмор богачей!» — подумал Портер.

— Спасибо, мэм, ничего не надо.

Богатые белые женщины терпеть не могут, когда к ним так обращаются...

— Пожалуйста, называйте меня Патриша.

Следом за хозяйкой они повернули налево и очутились в большой библиотеке. Начищенные деревянные полы блестели в утреннем свете, на полу плясали солнечные зайчики, отражающиеся от хрустальной люстры над большим каменным камином. Хозяйка жестом указала на диван посреди комнаты. Портер и Нэш сели. Сама она устроилась в удобном с виду мягком кресле напротив, ноги закинула на оттоманку и потянулась к чайной чашке, стоящей на столике. Рядом с чашкой лежал нераскрытый выпуск «Чикаго трибюн».

— Только на прошлой неделе у нее была передозировка какой-то дряни, и пришлось среди ночи забирать ее из неотложки в центре города. Заботливые подружки выкинули ее там после того, как она отключилась в каком-то клубе. Оставили на лавке перед больницей. Представляете? Арти уезжал по делам, а мне пришлось с ней возиться. Надо было успеть привезти ее домой, пока муж не вернулся, чтобы не расстраивать его. Вот и приходится душе-мачехе прибирать грязь и делать вид, будто ничего не произошло.

Горничная внесла большой серебряный поднос и поставила его на стол рядом с гостями. Разлила чай по чашкам; одну протянула Нэшу, а вторую — Портеру. Кроме того, на подносе стояли две тарелки. На одной лежал поджаренный простой бублик, на другой — пончик с шоколадной начинкой.

— Я сторонник стереотипов, — заметил Нэш и потянулся к пончику.

— В этом нет необходимости, — сказал ей Портер.

— Ерунда; приятного аппетита, — ответила Патриша.

— Миссис Толбот, где сейчас ваш муж?

— Уехал рано утром в Уитон играть в гольф.

Нэш наклонился вперед:

— Уитон примерно в часе езды отсюда.

Портер отпил глоток чая и поставил чашку на поднос.

— А ваша дочь?

— Падчерица.

— Падчерица, — повторил Портер.

Миссис Толбот нахмурилась:

— Может, сами расскажете, во что она вляпалась на этот раз? А уж я тогда решу, можно ли вам допрашивать ее или лучше позвонить кому-нибудь из ее адвокатов.

— Так она дома?

Миссис Толбот округлила глаза. Бросила в чашку два кубика сахара, помешала, отпила. Обхватила пальцами горячую чашку.

— Она крепко спит в своей комнате. Была там всю ночь. Несколько часов назад я сама заходила к ней и проверяла, на месте ли она.

Портер и Нэш переглянулись.

— Можно нам ее увидеть?

— Что она натворила?

— Миссис Толбот, мы расследуем тяжкое преступление. Если ваша... падчерица дома, беспокоиться не о чем. Мы сразу уйдем. Если ее нет... — Портер не хотел без необходимости пугать ее, — если ее нет, возможно, у нас появится повод для беспокойства.

— Прикрывать ее не нужно, — подхватил Нэш. — Нам необходимо убедиться, что она жива и здорова.

Патриша повертела чашку в руках.

— Миранда, пожалуйста, приведите Карнеги.

Горничная открыла рот, собираясь что-то сказать, но потом, видимо, передумала. Портер смотрел ей вслед. Миранда вышла из библиотеки и поднялась по винтовой лестнице на второй этаж.

Нэш толкнул его локтем, и он обернулся. Портер проследил за его взглядом и увидел на каминной полочке фотографию в рамке. Девочка-блондинка, одетая в костюм для верховой езды, позировала рядом с гнедой лошадью. Портер встал и подошел к фотографии.

— Это и есть ваша падчерица?

Миссис Толбот кивнула:

— Четыре года назад. За месяц до того, как ее снимали, ей исполнилось двенадцать лет. Она тогда заняла первое место.

Портер не отрываясь смотрел на волосы девочки. До сих пор Обезьяний убийца похитил только одну блондинку; все остальные его жертвы были брюнетками.

— Патриша, в чем дело?

Они обернулись.

На пороге стояла девочка-подросток в футболке с изображением «Мотли Кру», в белом халате и тапочках. Светлые волосы были растрепанны.

— Пожалуйста, не называй меня Патришей, — отрезала миссис Толбот.

— Извини... мама!

— Карнеги, эти джентльмены из Чикагского полицейского управления.

Девочка побледнела.

— Патриша, зачем здесь полицейские?

Портер и Нэш смотрели на нее во все глаза. Оба уха у Карнеги были на месте. Там, где им и положено быть.

Портер — день первый, 7.48

Заморосил дождь. Каменные ступеньки были мокрыми и скользкими; Портер и Нэш выбежали из особняка Толботов и поспешили к стоящей у обочины машине. Оба запрыгнули внутрь и захлопнули дверцы, глядя на надвигающуюся грозу.

— Только грозы нам сегодня и не хватало, — вздохнул Портер. — Если дождь усилится, Толбот отменит партию в гольф, и мы его потеряем.

— У нас проблема посерьезнее. — Нэш что-то набирал на своем айфоне.

— Опять капитан Долтон?

— Нет, хуже. Кто-то уже твитнул.

— Что сделал?!

— Твитнул.

— Что такое за «твитнул»?

Нэш протянул ему телефон.

Портер прочел надпись мелким шрифтом:

«@У40 — Обезьяний убийца?»

Под коротким текстом шел снимок утреннего покойника, лежащего ничком на асфальте. В углу снимка виднелся капот автобуса.

— Кто разрешил публиковать снимок? — нахмурился Портер.

— Сэм, ты безнадежно отстал от времени. Никто ничего не разрешал. Никто ничего не просил. Кто-то снял произошедшее на камеру телефона и выложил на всеобщее обозрение, — вздохнул Нэш. — Так устроен «Твиттер».

— На всеобщее обозрение?! То есть... сколько народу это увидело?

Нэш уже снова что-то набирал.

— Снимок запостили двадцать минут назад, и его лайкнули три тысячи двести двенадцать раз. Ретвитнули больше пятисот раз.

— Лайкнули? Ретвитнули? Нэш, что за белиберда? Говори по-английски!

— Портер, это значит, что фото разошлось по Сети, как вирус. Весь мир в курсе, что он погиб.

Зазвонил телефон Нэша.

— А вот и капитан. Что ему сказать?

Портер завел мотор, включил передачу и покатил по Дирборн-Паркуэй в сторону шоссе.

— Передай, что мы отрабатываем версию.

— Какую версию?

— Толботов.

Нэш бросил на него озадаченный взгляд:

— Но Толботы ни при чем, они все дома.

— Речь не о тех Толботах. Мы должны побеседовать с Артуром. Готов поспорить, что жена и дочь — не единственные женщины в его жизни, — объяснил Портер.

Нэш кивнул и ответил на вызов. Из крошечного динамика доносились крики капитана. Через минуту, несколько раз повторив: «Да, сэр», Нэш прикрыл трубку рукой:

— Он хочет с тобой поговорить.

— Передай, что я за рулем. Разговаривать по телефону во время езды небезопасно. — Портер резко выкрутил руль влево, объезжая минивэн, который еле полз по сравнению с их ста сорока километрами в час.

— Да, капитан, — сказал Нэш. — Включаю громкую связь. Погодите...

После того как Нэш подключил айфон к аудиосистеме машины, голос капитана из металлического и еле слышного стал громким и звучным:

— ...в управление через десять минут, чтобы мы собрали опергруппу и были на шаг впереди. Репортеры буквально раздирают меня на части!

— Капитан, говорит Портер. Вы знаете, как все было, с точностью до минуты — как и я. Утром он собирался послать ухо по почте. Значит, он похитил очередную жертву день или два назад. Хорошо то, что он никогда не убивает их сразу, так что она, скорее всего, еще жива... и он ее где-то прячет.

Мы не знаем, сколько времени у нее осталось. Если он вышел ненадолго, только для того, чтобы отправить посылку, скорее всего, он

не оставил ей ни еды, ни воды; он ведь рассчитывал быстро вернуться. Средний человек может продержаться без воды три дня, а без еды — три недели. Капитан, времени у нее мало. В лучшем случае у нас три дня на то, чтобы найти ее, а может, и меньше.

— Поэтому я и приказываю вам приехать, — отрезал капитан.

— Сначала нам нужно проверить свои предположения. Пока не выясним, кого он похитил, мы работаем вхолостую. Если вам что-то понадобится... дайте мне час, и, может быть, я назову журналистам имя. Вы покажете им фото пропавшей девушки, и они успокоятся, — сказал Портер.

Капитан ненадолго замолчал, а потом вздохнул:

— Час. Не больше!

— Больше нам и не нужно.

— Обращайтесь с Толботом осторожно; он близкий друг мэра, — предупредил капитан.

— Понял вас, будем очень осторожны.

— И перезвоните после того, как поговорите с ним. — Капитан нажал отбой.

Они въехали на автомагистраль. Нэш набрал на навигаторе Уитон.

— Еще сорок пять километров.

Портер вдавил педаль газа в пол; они понеслись еще быстрее.

Нэш включил радио.

— «...хотя Чикагское полицейское управление еще не объявило ни о чем официально, ходят слухи, что пешеход, сбитый сегодня рано утром городским автобусом в районе Гайд-парка, не кто иной, как Обезьяний убийца, или Убийца четырех обезьян. Коробка, сфотографированная на месте происшествия, идентична тем, которые убийца рассылал в прошлом. „Обезьяньим“ убийцу прозвал Сэмьюел Портер, детектив Чикагского полицейского управления, один из первых, кто заметил в его действиях шаблон, кто, так сказать, разобрал почерк убийцы...»

— Это неправда; такое прозвище придумал не я.

— Ш-ш-ш! — зашипел Нэш.

— «Прозвище обязано своим происхождением резному панно над дверьми знаменитого синтоистского святилища Тосёгу в японском городе Никко. На панно изображены три мудрые обезьяны. Первая закрывает уши, вторая — глаза, третья — рот. Они олицетворяют

принципы „не видеть зла, не слушать зла, не говорить зла“. Иногда в композицию добавляется четвертая обезьяна, которая олицетворяет принцип „не совершать дурного“. Шаблон убийцы остается неизменным с самого начала. Первая жертва, Калли Тремел, была похищена почти пять лет назад. Через два дня после похищения он переслал по почте ее родственникам уху. Через два дня после уха они получили глаза. Еще через два дня — язык. Ее труп нашли в Бедфорд-парке еще через два дня после даты на почтовом штемпеле последней посылки; в ее руке была зажата записка со словами: „Не совершать зла“. Позже обнаружилось, что Майкл Тремел, отец жертвы, занимался подпольным игорным бизнесом и переводил миллионы долларов на офшорные счета...»

Нэш выключил радио.

— Он всегда похищает дочерей, чтобы наказать отцов за какое-то преступление. Что изменилось сейчас? Почему он не тронул Карнеги?

— Не знаю.

— Надо будет поручить кому-нибудь заняться финансами Толбота, — предложил Нэш.

— Неплохая мысль. Кто у нас есть?

— Может, позвать Мэтта Хозмана из отдела особо тяжких преступлений?

Портер кивнул.

— Звони! — Он достал из нагрудного кармана дневник, бросил его на колени Нэша. — А потом читай вслух.

Мама и отец подружились с нашими соседями, Саймоном и Лайзой Картер. Мне было всего одиннадцать, когда они поселились в нашем чудесном квартале, поэтому, на основании своего ограниченного опыта, я считал их всех старыми. Хотя сейчас, с высоты своего положения, я понимаю, что маме и отцу было тогда лет тридцать пять — тридцать семь, а Картеры были немного моложе, на год или два... в крайнем случае на три или даже на четыре, но вряд ли больше чем на пять лет. Они поселились по соседству; в конце переулка, где мы жили, было всего два дома.

Я уже упоминал о том, как невероятно красива была моя мама?

Как грубо с моей стороны упускать такую подробность! Болтать о мелочах и пренебречь картиной, прекрасно иллюстрирующей рассказ, который вы столь любезно согласились прочесть вместе со мной.

Если бы вы могли проникнуть в мою тетрадку и шлепнуть меня за глупость, я бы только обрадовался. Иногда я слишком много болтаю, и необходим толчок, чтобы вернуть небольшой поезд моего повествования обратно на рельсы.

Так на чем я остановился?

Ах да, мама.

Мама была настоящей красавицей.

Волосы у нее были как шелк. Светлые, густые, переливающиеся здоровым блеском. Они доходили ей до талии, спадая роскошными волнами. А глаза... О, какие у нее были глаза! Ярчайшего зеленого цвета, они казались изумрудами на фоне идеальной фарфоровой кожи.

Мне не стыдно признаться, что и фигура у нее была идеальной — многие оборачивались ей вслед. Она ежедневно бегала, и осмелюсь предположить, что у нее не

было ни грамма лишнего жира. Весила она килограммов пятьдесят, а то и меньше, а ростом доходила отцу до плеча — метр шестьдесят четыре или около того.

Она питала слабость к сарафанам, к открытым платьям без рукавов.

Мама носила такие платья не только в жару, но и в середине зимы. Она не обращала внимания на холод. Помню, однажды зимой, когда снег доходил почти до подоконника, я увидел, что она радостно мурлычет себе под нос на кухне и на ней короткий белый сарафан в цветочек. За кухонным столом сидела радостная миссис Картер с дымящейся чашкой в руках, а мама рассказывала ей, что носит такие платья, потому что они подчеркивают ее ноги. Она считала ноги лучшим, чем она обладает. Потом она призналась, что отец очень любит ее ноги. Стала рассказывать, как он ласкает их. Как любит, когда ее ноги лежат у него на плечах или обхватывают...

Тут мама заметила меня, и я вышел.

Портер — день первый, 8.23

Чикагский гольф-клуб — старейшее поле для гольфа в Северной Америке, построенное в 1892 году на берегу озера Блафф. Считается, что там играют в гольф сливки общества.

Портер почти не разбирался в гольфе. Ему претила сама мысль о том, чтобы бить по маленькому белому мячику, а потом часами искать его. Хотя он понимал, что гольф требует известного напряжения сил и стимулирует, он не считал его настоящим видом спорта. Вот бейсбол — дело другое. И футбол — дело другое. А то, во что можно играть в восемьдесят лет, хоть в брючках пастельных тонов и в кислородной маске, он спортом не считал и считать не собирался.

Зато ресторан при клубе ему очень понравился. Два года назад они с Хизер ездили туда на юбилей их свадьбы. Тогда Портер заказал самый дорогой стейк, какой мог себе позволить по своей «Визе». Хизер предпочла лобстера и потом еще долго о нем вспоминала. С зарплаты полицейского особенно не разгуляешься, но все, что доставляло ей радость, стоило затраченных усилий.

Он остановился у внушительного здания клуба и передал ключи парковщику:

— Поставьте поближе. Мы ненадолго.

Они уехали от грозы. Хотя небо и здесь посерело, черные грозовые тучи остались позади, зависли над городом.

Портер и Нэш вошли в просторный, со вкусом обставленный вестибюль. В дальнем углу у камина, откуда открывался вид на роскошное поле, сидели несколько членов клуба. Их голоса гулким эхом отдавались от мраморного пола и панелей красного дерева.

Нэш тихо присвистнул.

— Если увижу, как ты здесь попрошайничаешь, отправлю тебя ждать в машине, — предупредил Портер.

— С самого утра жалею о том, что не оделся понаряднее, — вздохнул Нэш. — Здесь, Сэм, совсем другой мир, чем тот, в котором мы загоняем мячи в лунки.

— Играешь в гольф?

— Последний раз, когда держал в руках клюшку, я не прошел дальше первого препятствия. А здесь, сразу видно, играют большие мальчики. Мне на такую игру терпения не хватит, — признался Нэш.

За стойкой администратора сидела молодая красивая блондинка. При их приближении она оторвалась от ноутбука и улыбнулась:

— Здравствуйте, джентльмены. Добро пожаловать в Чикагский гольф-клуб. Чем я могу вам помочь?

Блондинка ослепительно улыбалась, но Портер понимал, что она их оценивает. Вряд ли она не спросила, назначена ли у них встреча, по оплошности. Он достал свой жетон:

— Мы ищем Артура Толбота. Его жена сказала, что сегодня он здесь играет.

Улыбка увяла; блондинка перевела взгляд с жетона на Портера, потом покосилась на Нэша. Взяла трубку, лежащую на столе, и набрала внутренний номер, что-то тихо сказала и нажала отбой.

— Подождите, пожалуйста. Сейчас к вам выйдут. — Она жестом указала на диван в дальнем углу.

— Спасибо, мы постоим, — ответил Портер.

Блондинка снова улыбнулась и опустила голову к своему компьютеру; тонкие наманикюренные пальцы запорхали по клавиатуре.

Портер посмотрел на часы. Почти девять.

Вскоре из двери слева вышел мужчина за шестьдесят. Его волосы были гладко зачесаны назад, темно-синий костюм от Канали идеально выглажен. Приблизившись, он протянул руку Портеру:

— Детектив... Мне сказали, что вы приехали повидаться с мистером Толботом? — Пожатие у него оказалось вялым; отец Портера сказал бы — «как у дохлой рыбы». — Я Дуглас Прескотт, старший управляющий.

Портер показал ему жетон:

— Мы из Чикагского полицейского управления. Я детектив Портер, а это детектив Нэш. У нас крайне срочное дело к мистеру Толботу. Где нам можно его найти?

Блондинка украдкой поглядывала на них. Когда Прескотт покосился на нее, она снова уткнулась в свой ноутбук. Прескотт перевел взгляд на Портера.

— Насколько мне известно, мистер Толбот и его спутники начали партию в семь тридцать, так что сейчас они на поле. Вы можете его подождать. Если хотите, в столовой вас ждет завтрак за счет заведения. Если любите сигары, у нас превосходный выбор...

— Мы не можем ждать, — перебил его Портер.

Прескотт нахмурился:

— Джентльмены, мы не отвлекаем гостей от партии.

— «Мы»? — ухмыльнулся Нэш.

— Не отвлекаем, — повторил Прескотт.

Портер тяжело вздохнул. Похоже, все сговорились и с самого утра портят им жизнь.

— Мистер Прескотт, для долгих разговоров у нас нет ни времени, ни терпения. Так что выбирайте. У вас два варианта. Либо вы ведете нас к мистеру Толботу, либо мой напарник арестует вас за воспрепятствование осуществлению правосудия, прикует наручниками вон к тому столу и станет громко звать Толбота до тех пор, пока он сам к нам не выйдет. Поверьте, я уже видел, как он это делает; голос у него громкий, но противный. Конечно, решать вам, и все же я от души советую выбрать первый вариант, потому что он не столь опустошительно скажется на вашем предприятии.

Блондинка подавила смешок.

Прескотт метнул на нее сердитый взгляд, затем подошел к ним вплотную и понизил голос:

— Мистер Толбот — крупный спонсор и большой друг вашего босса, мэра. Всего две недели назад они играли вместе. Не думаю, что кто-то из них обрадуется, узнав, что два стража порядка угрожали поставить пятно на безупречном послужном списке Чикагского полицейского управления, запугивая гражданских лиц, исполняющих свой долг. Если я сейчас же позову его и сообщу, что вы намерены устроить скандал, он, скорее всего, сначала посоветует вам переговорить с его адвокатом и только потом решит, стоит ли уделять вам время.

Нэш снял с пояса наручники.

— Сэм, как хочешь, а я арестую этого засранца. Любопытно будет взглянуть, как он поведет себя в окружении наркоманов и насильников. В его отсутствие нам наверняка поможет мисс... — он посмотрел на бейдж блондинки, — Пайпер.

Прескотт побагровел.

— Отдышитесь, мистер Прескотт, и хорошенько подумайте, прежде чем произнесете следующие слова, — посоветовал Портер.

Дуглас Прескотт закатил глаза и повернулся к мисс Пайпер:

— Где сейчас мистер Толбот и его спутники?

Она ткнула в монитор розовым ногтем, покрытым шеллаком:

— Только что подошли к шестой лунке.

— У вас есть видеокамеры? — спросил Нэш.

Блондинка покачала головой:

— Наши гольф-кары оснащены навигаторами GPS. Они позволяют нам следить за узкими участками и не давать задерживать следующие партии.

— Значит, если кто-то играет слишком медленно, вы выдергиваете их с насиженного места и переводите на детское поле?

— Зачем такие крайности? Мы посылаем к ним профессионала, который советует, что делать. Помогает продвинуться дальше, — объяснила блондинка.

— Можете подвезти нас к нему?

Блондинка покосилась на Прескотта. Тот вскинул руки:

— Иди!

Пайпер достала сумочку из-под стола и показала на коридор в западной части здания:

— Следуйте за мной, джентльмены!

Не прошло и пяти минут, как они сели в гольф-кар и покатали по мощеной дорожке. Мисс Пайпер вела машинку, Портер сидел рядом с ней, а Нэш устроился на скамеечке сзади. Всякий раз, как они насккивали на колдобину или выбоину, Нэш подпрыгивал на месте и ругался.

Портер сунул руки в карманы. За городом было прохладно.

— Не сердитесь на моего босса. Он бывает... — она помолчала, подыскивая нужное слово, — сволочеват.

— Что такое «сволочеват»? — спросил Нэш.

— Значит, что такого не захочешь приглашать на мальчишник, — перевел Портер.

Нэш хихикнул.

— Я не собираюсь жениться — разве что у мисс Пайпер есть подружка, согласная выйти за стража порядка с крошечным жалованьем, которое ему платят за то, что в него довольно регулярно стреляют. Кроме того, у меня, как правило, ненормированный рабочий день, и к бутылке я прикладываюсь чаще, чем готов признаться девушке, с которой только что познакомился.

Портер повернулся к Пайпер:

— Мисс, не обращайтесь на него внимания. По закону вы не обязаны знакомить стражей порядка с симпатичными подружками.

Она посмотрела в зеркало заднего вида.

— Детектив, по-моему, вы — просто завидный жених. Как только вернусь к себе в общежитие, сразу же расскажу о вас своим сокурсницам.

— Буду очень вам признателен, — отозвался Нэш.

Портер невольно залюбовался открывшимся видом. Трава на поле была короткой и пышной, он не заметил ни единого сорняка. В зелени по обе стороны дорожки мелькали маленькие прудики. Над газоном высились мощные дубы; их раскидистые ветви защищали играющих от солнца и ветра.

— Вон они. — Пайпер кивнула в сторону группы из четырех мужчин, которые столпились вокруг чего-то напоминающего высокий узкий фонтан.

— Что там за штука? — спросил Нэш.

— Какая штука? — удивился Портер.

Пайпер улыбнулась:

— Джентльмены, это шаропомывочный аппарат.

Нэш помассировал висок и закрыл глаза:

— Сразу вспомнилось столько анекдотов на тему шаров, что даже голова разболелась.

— Ночью шел небольшой дождь, а грязь может помешать игре, — сообщила Пайпер. — Мыть шары разрешается только в начале или в конце лунки. Тех, кто моет шары во время игры, штрафуют.

— Сэм, слышишь? Всегда мой шары перед игрой!

Портер хлопнул напарника по плечу:

— Пожалуй, все-таки стоило оставить тебя в машине!

— Мне нравятся термины в гольфе... Мыть шары, потом загонять их в дырку... сразу видно, игра не детская!

— Нэш, угомонись!

Пайпер остановилась рядом с гольф-каром Толбота и поставила машинку на тормоз.

— Если хотите, я вас подожду.

Портер улыбнулся:

— Очень мило с вашей стороны, спасибо!

Нэш соскочил на землю.

— На обратном пути я сяду впереди, а багажная полка целиком в твоём распоряжении.

Портер подошел к четверым мужчинам, которые готовились начать игру, и помахал жетоном:

— Доброе утро, джентльмены. Я детектив Сэм Портер из Чикагского полицейского управления. Это мой напарник, детектив Нэш. Извините, что прерываю вашу партию, но у нас дело, которое не может ждать. Кто из вас Артур Толбот?

Высокий мужчина пятидесяти с небольшим с коротко стриженными волосами цвета перца с солью слегка тряхнул головой и улыбнулся — Нэш любил называть такую улыбку «гримасой политикана».

— Артур Толбот — это я.

Портер понизил голос:

— Мы с вами можем поговорить наедине?

Поверх белой рубашки для гольфа с коричневым поясом и брюк цвета хаки на Толботе была коричневая ветровка. Он покачал головой:

— Детектив, в этом нет никакой необходимости. У меня нет секретов от моих компаньонов.

Пожилой мужчина слева сдвинул очки в металлической оправе на кончик носа и пригладил прядь волос над наметившейся плешью, которая поднялась от ветра. Он встревоженно взглянул на Портера.

— Арти, мы можем продолжать. Ты нас догонишь, когда поговоришь.

Толбот поднял руку, прерывая своего спутника:

— Детектив, чем я могу вам помочь?

— Ваше лицо кажется мне очень знакомым, — обратился Нэш к другому спутнику Толбота, стоящему справа от него.

Портер посмотрел в ту же сторону. Да, пожалуй... Рост — около метра девяноста. Густые черные волосы. Спортивная фигура. Возраст

— около сорока пяти.

— Я Луис Фишмен. Мы с вами встречались несколько лет назад, когда вы расследовали дело Эль Бортон, а я работал в окружной прокуратуре. Впоследствии я занялся частной практикой.

Толбот нахмурился:

— Эль Бортон... Почему мне знакомо это имя?

— Она была одной из жертв Обезьяньего убийцы, — ответил третий спутник Толбота, стоящий у шаропомывочного аппарата.

— Точнее, второй, — кивнул Портер.

— Верно.

— Поганый ублюдок, — буркнул мужчина в очках. — Удалось вам его поймать?

— Возможно, сегодня утром его сбил городской автобус, — сказал Нэш.

— Городской автобус? Его что, водитель сдал в полицию? — спросил Фишмен.

Портер покачал головой и рассказал им о несчастном случае, который произошел несколько часов назад.

— И вы считаете, что сбитый — Обезьяний убийца?

— Похоже на то.

Артур Толбот побледнел:

— Зачем вы хотели меня видеть?

Портер глубоко вздохнул. Он терпеть не мог эту часть своей работы.

— Перед тем как погибнуть, он переходил улицу, чтобы добраться до почтового ящика. Он собирался отправить посылку...

— И что?

— Мистер Толбот, на посылке написан ваш домашний адрес.

Толбот вздрогнул. Как почти все жители Чикаго, он знал как действует Обезьяний убийца.

Фишмен положил руку на плечо Толботу:

— Что в посылке, детектив?

— Ухо.

— О нет! Карнеги...

— Мистер Толбот, Карнеги цела и невредима. И Патриша тоже. Они обе дома. Перед тем как ехать сюда, мы заглянули к вам. Ваша жена сказала, где вас найти, — быстро сказал Портер и понизил голос,

стараясь успокоить своего собеседника: — Мистер Толбот, нам нужна ваша помощь. Нужно, чтобы вы помогли нам определить, кого он похитил.

— Мне надо сесть, — сказал Толбот. — Похоже, меня сейчас стошнит.

Фишмен покосился на Портера и крепче сжал плечо Толбота:

— Арти, давай-ка я провожу тебя к машине. — Отойдя от ящика с шарами, он повел белого как бумага Толбота к гольф-кару и помог сесть.

Портер велел Нэшу не отставать и последовал за Толботом и его спутником. Для того чтобы не повышать голоса, он сел рядом с Толботом.

— Вам ведь известен образ действий убийцы? Так сказать, шаблон...

Толбот кивнул.

— «Не совершать зла», — прошептал он.

— Вот именно. Он выбирает человека, который совершил что-то плохое, то есть плохое по его мнению, и похищает кого-то из близких этого человека. Кого-то, кто ему небезразличен.

— Я... н-не... — Толбот начал заикаться.

Фишмен заговорил адвокатским тоном:

— Арти, не думаю, что тебе стоит отвечать, пока мы с тобой все не обсудим.

Толбот тяжело дышал, лицо по-прежнему было белым.

— Т-там был мой адрес? Вы уверены?

— Дирборн-Паркуэй, 1547, — сказал Портер. — Да, мы уверены.

— Арти... — еле слышно пробормотал Фишмен.

— Мы должны понять, кто у него, кого он похитил. — Помолчав, Портер спросил: — Мистер Толбот, у вас есть любовница? — Он наклонился к Толботу. — Если да, можете говорить смело. Это не будет предано огласке. Даю вам слово. Нам нужно только одно: найти девушку, которую он похитил.

— Все не так, как вам кажется, — сказал Толбот.

Портер положил руку ему на плечо:

— Вам известно, кого он похитил?

Толбот стряхнул его руку и встал. Отошел на несколько шагов, достал из кармана сотовый телефон, набрал номер.

— Ну давай же, ответь! Пожалуйста, ответь!

Портер медленно поднялся с места.

— Кому вы звоните, мистер Толбот?

Артур Толбот выругался и нажал отбой.

К ним подошел Фишмен:

— Если ты им скажешь, пути назад уже не будет! Понимаешь? Пройдет совсем немного времени, и обо всем узнают репортеры. Твоя жена. Твои акционеры. У тебя есть определенные обязательства. Они важнее, чем... Ты должен все хорошенько обдумать. Если тебе неудобно обсуждать дело со мной, посоветуйся с другими адвокатами.

Толбот метнул на него сердитый взгляд:

— Не собираюсь ждать биржевого анализа, пока какой-то псих...

— Арти! — перебил его Фишмен. — Давай хотя бы для начала во всем убедимся. Убедимся наверняка.

— Тянуть время — отличный способ допустить, чтобы жертву убили, — заметил Портер.

Артур Толбот раздосадованно взмахнул рукой и снова принялся набирать номер; он все больше тревожился. Отключаясь, он с такой силой ударил по экрану, что Портер засомневался, не разбил ли он телефон.

Портер жестом подозвал к себе Нэша и снова обратился к Толботу:

— Мистер Толбот, у вас есть еще одна дочь, ведь так? Дочь, рожденная вне брака?

Толбот кивнул и тут же отвернулся. Фишмен тяжело вздохнул, как будто из воздушного шара выпустили воздух.

Толбот покосился на Портера, потом на Фишмена, потом снова на Портера. Провел рукой по волосам.

— Патриша и Карнеги о ней не знают.

Портер подошел к Толботу ближе:

— Она здесь, в Чикаго?

Он заметил, что Толбота трясет от волнения. Банкир снова кивнул:

— Жилой комплекс «Флэр-Тауэр». Она живет в пентхаусе номер 3204 в северном крыле. Я позвоню туда, предупрежу, что вы приедете, и вас впустят.

— Где ее мать?

— Умерла. Уже двенадцать лет назад. Господи, ей всего пятнадцать...

Нэш отвернулся и позвонил в дежурную часть. Криминалисты и опергруппа будут там через несколько минут.

Портер и Толбот прошли к гольф-кару, сели.

— Кто о ней заботится? — спросил Портер. — С кем она живет?

— У ее матери обнаружили рак. Я обещал, что позабочусь о нашей дочери, когда ее не станет. Опухоль росла очень быстро; все было кончено где-то за месяц. — Он постучал себя по виску. — Вот здесь. Оперировать нельзя было; она засела слишком глубоко. Я бы все оплатил. Я предлагал... Но мне сказали, что операция невозможна. Мы обошли столько врачей... не меньше трех десятков. Я любил ее больше всех на свете. Мне пришлось жениться на Патрише, у меня были... обязательства. Были причины, которые превыше моей власти. Но я хотел жениться на Катрине. Иногда жизнь вносит свои коррективы, понимаете? Иногда приходится чем-то жертвовать ради высшего блага.

Портер этого не знал и, более того, не понимал. Какой сейчас век — пятнадцатый? Принудительные браки давно ушли в историю. А банкиру не мешало бы быть потверже...

— Мистер Толбот, мы приехали не для того, чтобы вас осуждать, — сказал он. — Как ее зовут?

— Эмори, — ответил Толбот. — Эмори Коннорс.

— У вас есть ее фото?

Толбот ненадолго замялся и покачал головой:

— С собой нет. Я не могу допустить, чтобы снимок нашла Патриша.

Портер — день первый, 8.31

— Карнеги и Эмори? Надо будет подарить Толботу на Рождество словарь популярных детских имен, — сказал Нэш. — И как он ухитрялся много лет прятать дочь и любовницу в одном из самых дорогих пентхаусов города так, чтобы жена ни о чем не догадывалась?

Портер бросил ему ключи и, обойдя «чарджер», распахнул переднюю пассажирскую дверцу.

— Веди ты; я пока почитаю дневник. Возможно, в нем найдется что-то полезное для нас.

— Вот лентяй! Ты просто любишь, когда тебя возят. Водитель миссис Портер...

— Пошел ты!

— Включу-ка «яблочко»; нам нужно поскорее добраться до места. — Нэш нажал переключатель на приборной панели.

Портер не слышал этого слова уже очень давно. В те дни, когда он только поступил в полицию, «яблочками» называли проблесковые маячки на магнитах, которые можно было быстро прикрепить к крыше машины без опознавательных знаков. Таких маячков, конечно, уже давно не выпускают; их сменили светодиодные панели по краю ветрового стекла, такие тонкие, что изнутри их не видно.

Нэш с места рванул на третьей скорости и повернул к выходу. Машину занесло; шины завизжали от удовольствия, чувствуя мощь.

— Я разрешил тебе вести машину, а не играть в GTA! — нахмурился Портер.

— У меня «форд-фиеста» восемьдесят восьмого года выпуска. Ты хоть понимаешь, что это такое? Представляешь себе унижение, которое я испытываю всякий раз, как влезаю в машину, захлопываю скрипучую дверцу, завожу чудовищный четырехцилиндровый мотор? Звук у него как у электрической точилки карандашей. Я мужчина, иногда мне просто необходимо отвлечься. Ну, пойми меня!

Портер отмахнулся:

— Мы обещали капитану, что отзвонимся после разговора с Толботом.

Нэш выкрутил руль влево и пролетел мимо минивэна, который послушно ехал в пределах разрешенной скорости. Они пронеслись так близко, что Портер разглядел игру «Энгри бердс» на экране айпада маленькой девочки на заднем сиденье. Девочка ненадолго оторвалась от игры и улыбнулась, увидев мигающие огоньки, а потом снова уткнулась в экран.

— Я еще из Уитона отправил ему эсэмэску. Он знает, что мы едем к «Флэр-Тауэр», — ответил Нэш.

Портер вспомнил маленькую девочку с айпадом.

— И все-таки скажи мне, как можно пятнадцать лет прятать дочь в современном мире? Ведь это непросто, верно? Я уже не говорю о свидетельстве о рождении, но как можно хранить такие тайны в век Интернета и соцсетей? А пресса? Толбот все время мелькает в новостях, особенно с тех пор, как начал строительство на берегу озера. Камеры следуют за ним повсюду; все только и ждут, что он облажается. Кто-то наверняка заснял его...

— С помощью денег многое можно скрыть, — возразил Нэш, на скорости входя в поворот и выезжая на магистраль.

Портер вздохнул и раскрыл дневник.

Летние месяцы в нашей области планеты бывают довольно теплыми. В июне я почти все время проводил на улице. Сразу за нашим домом начинался лес, а в глубине леса было маленькое озеро. Зимой оно замерзло, но летом вода была чистейшего голубого цвета и теплая, как парное молоко.

Я любил ходить к озеру.

Бывало, я говорил маме, что иду на рыбалку, но, по правде говоря, я не любил ловить рыбу. При мысли о том, что надо насаживать червя на крючок и забрасывать его в воду, а потом ждать, пока водная фауна начнет интересоваться извивающейся наживкой, мне делалось не по себе. Кроме того, я сомневался в том, что в естественных условиях, в дикой природе рыба питается червями. Для начала надо было увидеть, как червь заползает в озеро сам. А если в воде не много червей, вряд ли они служат основой рыбьего рациона. Насколько я понял, крупные рыбы питаются в основном не червями, а рыбешкой помельче. Возможно, рыбакам везло бы больше и чаще, если бы они ловили крупную рыбу на мелкую? Помимо всего прочего, мне всегда не хватало терпения на подобные глупости.

Но само озеро мне нравилось.

Оно нравилось и миссис Картер.

Помню, как я увидел ее в первый раз.

Было двенадцатое июня. Занятия в школе закончились неделю назад, с неба сияло солнце, улыбаясь нашему кусочку Земли, согревая его своей любовью. Я подошел к озеру с удочкой в руке, насвистывая песенку. Я всегда был таким счастливым ребенком. Я был в полном порядке.

Я устроился под любимым деревом, огромным дубом. Судя по его размерам, он был очень старым. Если спилить дерево и посчитать кольца, наверное, их оказалось бы много

— сто или даже больше. Приходили и уходили годы, а дуб все стоял на месте и смотрел вниз на остальной лес. Дерево в самом деле было очень красивым.

Шло время, и я устроил себе у подножия дуба уютное гнездышко. Удочку я всегда ставил слева от себя, а пакет с завтраком (в котором, естественно, был сэндвич с арахисовой пастой и виноградным джемом) — справа. Потом я доставал из кармана книжку и забывал обо всем.

Именно в тот день я проверял одну теорию. За месяц до того на уроке естествознания учитель объяснил, что Земле четыре с половиной миллиарда лет. Еще раньше нам сказали, что человечеству всего двести тысяч лет. После того как я услышал эти любопытные, но бесполезные факты, в моем подсознании пробудилась одна мысль. Именно поэтому накануне я взял в библиотеке именно ту книжку — книжку об окаменелостях.

Вот что мне хотелось понять. Если сегодня человечество исчезнет с лица Земли, надолго ли сохранятся свидетельства нашего существования? Здания, конечно, разрушатся быстро, и мать-Земля поспешит вернуть себе все, что принадлежит ей по праву. Органика исчезнет еще быстрее. Итак, допустим, по самым скромным оценкам (и потому что я забыл захватить калькулятор), что все следы нашего пребывания на Земле исчезнут за восемьсот тысяч лет. Складываем двести тысяч лет существования и восемьсот тысяч лет исчезновения; примерно выходит цикл в миллион лет.

Нашей планете четыре с половиной миллиарда.

Значит, вполне возможно, что за время существования Земли человечество (в той или иной форме) приходило и уходило четыре с половиной тысячи раз, не оставляя никаких следов своей предыдущей инкарнации. Даже если округлить этот цикл до десяти миллионов лет, шаблон повторится четыреста пятьдесят раз. А если допустить, что такой цикл равен ста миллионам лет, он все равно повторится сорок пять раз. И даже если предположить, что между каждой эволюцией человечества проходит миллиард

лет, одно и то же событие могло произойти четыре или пять раз.

Это меня поразило.

Известный нам мир, все, созданное человечеством, может полностью исчезнуть без труда и полностью смениться, и новые люди даже не будут знать о существовании своих предшественников.

Что, если мы не первые?

Что, если предыдущая человеческая раса дошла до некоей точки, когда были созданы динозавры, а потом динозавры всех их съели, но после сами погибли из-за огромного астероида? Что, если дерево у меня за спиной было создано нашими предшественниками с помощью генной инженерии? Может быть, на нашей планете не было деревьев, пока их не создали обитавшие на ней существа? В конце концов, у нас не было арахисовой пасты до тех пор, пока кто-то ее не придумал; почему с деревьями не могло случиться то же самое? Или с собаками? Если те, кто жили здесь до нас, довели до такого совершенства технику и технологии, неужели так трудно поверить, что создать животное им было труднее, чем для нас сегодня построить машину?

Что, если прогресс у предыдущей человеческой расы дошел до такой степени, что несколько сотен тысяч лет назад наши предшественники покинули Землю и могут в любой миг вернуться и навестить нас?

Как они выглядят — так же, как мы, или больше похожи на инопланетян из фильма «Близкие контакты третьего уровня», одного из моих самых любимых фильмов всех времен?

Разве мои предположения не разумнее, чем вера в то, что мы — первая или единственная человеческая раса, которая ступала на эту планету?

Потом я подумал о фоссилиях, или окаменелостях; вот почему я взял в библиотеке именно ту книгу.

Видите ли, предметы, сохранившиеся в камнях, «окаменевают» и остаются такими... сколько? Не знаю, но

очень долго — миллионы лет, если вспомнить динозавров. Если бы прошлая человеческая раса создала автомобиль или компьютер, разве мы бы не нашли их останки, сохранившиеся в камне?

Многие сразу согласились бы со мной, но я готов был с этим поспорить. В конце концов, для того, чтобы сохраниться в камне, существу или предмету для начала нужно туда попасть. Если остатки уничтожены дождем и ветром до того, как это могло произойти, доказательства бесследно исчезали.

За месяц до того дня я убил кошку и положил одеревеневший трупик на берег озера, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Не волнуйтесь, это была не чья-то домашняя, а обыкновенная бродячая кошка. Маленькая трехцветная кошка жила в лесу. По крайней мере, там я ее нашел. Если даже она была чья-то, на ней не было ошейника и бирки. Если она была чья-то и ей позволяли бегать без ошейника, вину за смерть животного следует возложить на хозяев.

Кошка выглядела не слишком хорошо. Так было уже давно.

Первые несколько дней останки ужасно воняли, но это быстро прошло. Сначала налетели мухи, потом в трупе завелись личинки. Возможно, в первые дни по ночам приходили и звери покрупнее. И вот прошел почти месяц, и от кошки не осталось ничего, кроме кучки костей. Ветер и дождь, несомненно, размоют и их; потом от трупа не останется ничего.

По-моему, человек способен исчезнуть так же быстро.

Сначала меня испугал шорох. Сколько бы раз ни приходил к озеру, я никогда никого здесь не видел. Однако ничто не вечно. В тот день я понял, что кто-то стоит на берегу озера шагах в ста от меня и смотрит на воду.

Я спрятался за дерево, чтобы меня не увидели.

Хотя она стояла под таким углом, что лица не было видно, я сразу же узнал ее волосы, длинные черные кудри,

которые доходили ей почти до талии.

Она покосилась в мою сторону, и я пригнулся ниже. Потом она повернулась направо и стала озираться. Видимо, решив, что она одна, успокоилась, достала из пляжной сумки полотенце и расстелила его на берегу.

Еще раз оглядевшись, она изогнула руку и расстегнула застежку платья. Оно упало к ее ногам кучкой белой материи в цветочек.

Я разинул рот.

Под платьем на ней ничего не было.

До того дня я ни разу не видел голой женщины.

Она закрыла глаза, подняла лицо к солнцу и улыбнулась.

У нее были такие длинные ноги!

И груди!

Я почувствовал, как краснею. Я до сих пор краснею, когда вспоминаю тот день.

Я увидел поросль волос в том месте, особом местечке.

Миссис Картер подошла к воде и шагнула вперед. Сначала она вздрогнула — наверное, вода была холодной.

Она шагнула дальше, туда, где дно опускалось.

Когда вода дошла ей до бедер, она нагнулась, набрала пригоршню воды и плеснула себе на грудь. Через мгновение она нырнула и поплыла к середине озера.

Я наблюдал за ней из своего безопасного укрытия — из-за дерева.

Ночь я провел беспокойно.

Вместе с летом в наши края пришла жара; после того как природа сбросила весеннюю дымку, в моей комнате стало душно.

Правда, я не спал не из-за жары; мне не давали покоя мысли о миссис Картер. Не скрою, они были самыми нечистыми и очень новыми для меня. Стоило мне закрыть глаза, и я видел ее стоящей в озере; в лучах солнца на теле поблескивали капельки воды. Потом я вспоминал ее ноги... такие длинные и нежные... Кровь ударяла в такое место, куда никогда не ударяла раньше, и я чувствовал...

Тогда я был маленьким мальчиком; достаточно сказать, что я был поражен.

На следующее утро я проснулся от звуков ее голоса.

Сначала я подумал, что мне еще снится сон, и обрадовался такому сну, мне хотелось еще раз посмотреть, как она снимает платье и входит в озеро. Мне хотелось снова и снова смотреть такой занимательный спектакль. Я услышал ее шепот, за которым послышался смех мамы. Я открыл глаза.

— Настоящее извращение, — сказала она. — Раньше меня еще ни разу не связывали.

— Неужели ни разу?! — спросила мама.

Миссис Картер хихикнула:

— Из-за этого я кажусь тебе ханжой?

— Нет, просто неопытной. Пройдет время, и ты сама удивишься, узнав, на что способен твой муженек, чтобы завестись.

— Правда?

— О да. Вот на прошлой неделе... — Мама понизила голос до шепота.

Я сел в постели. Голоса были еле слышными; они доносились из другой части дома.

Я поспешно оделся и прижался ухом к двери, но по-прежнему не мог разобрать слов.

Осторожно повернув ручку, я высунулся в коридор; в носках я шел по деревянному полу бесшумно.

Коридор оканчивался в гостиной, которая, в свою очередь, переходила в кухню. Я потянул носом и почувствовал, что мама что-то печет: изумительно пахло яблоками и тестом. Может, пирог? Люблю вкусные пироги.

Я не говорил, что моя мама великолепно готовила?

Ее кулинарные таланты поражали даже самых строгих критиков. Не скрою, на ужин я ел даже овощи в ее исполнении. Спаржа у нее получалась восхитительно. А брокколи! Я просто обожал ее брокколи. Однажды она пожарила брокколи во фритюре. Как же было вкусно!

Мама и миссис Картер одновременно расхохотались.

Я прижался к стене в конце коридора. Я по-прежнему не слишком хорошо слышал, но не смел войти в гостиную. Ладно, сойдет и так.

— Мой Саймон не такой предприимчивый, — сказала миссис Картер. — К сожалению, запас... приемов у него небольшой. Можно сказать, все его фокусы умещаются в сумочке, а не в мешке... Точнее, в бумажном пакетике.

Открылась дверца холодильника; зазвенели бутылки.

— Мой муж не такой, — ответила мама. — Иногда я затеваю игру нарочно, чтобы отвлечь его от спальни. Или от прачечной. Или от кухонного стола.

— Не может быть! — смеясь, воскликнула миссис Картер.

— Может, — ответила мама. — Мужчины похожи на зверей во время гона. Иногда его ничто не остановит.

— Но ведь у вас ребенок?

— Мальчик вечно где-то бродит, чем-то занимается. Или лежит в постели и спит, как медведь во время зимней спячки. Под ним может разверзнуться земля, и он способен заснуть даже во время побоища.

Значит, вот чем занимаются мама и соседка, пока я в школе, а отец на работе? Сидят на кухне и проводят время за пустой болтовней о том, о сем, кто, что, когда, почему и как?

Я осторожно высунул голову из-за угла, по-прежнему не произнося ни звука.

Мама что-то мешала на рабочем столе. Миссис Картер сидела за столом и держала в руках кружку с кофе.

— Попробуй кое-что изменить, чтобы добавить изюминку, — посоветовала мама. — Миссионерскую позу оставь миссионерам, вот мой девиз! Купи игрушки для взрослых или принеси в спальню еду. Все мужчины обожают взбитые сливки.

Мне не разрешали носить еду в комнату — после того как мама нашла у меня под кроватью наполовину съеденную коробку печенья.

Миссис Картер снова хихикнула:

— Вот уж ни за что бы не подумала!

— А ты подумай.

— А если ему не понравится или он решит, что я извращенка? Я, наверное, не переживу унижения.

— Ему понравится; им всегда такое нравится.

— Ты так думаешь?

— Я не думаю, я знаю.

Ненадолго они замолчали; потом заговорила миссис Картер:

— У твоего мужа когда-нибудь было так, что не получалось, ну, ты понимаешь...

— У моего мужа? — Голос у мамы стал очень высоким от волнения. — Что ты, нет. У него все в полном порядке!

— Даже когда он выпьет?

— Особенно когда он выпьет!

Деревянный стул скрипнул.

Я заглянул за угол. Мама села рядом с миссис Картер и положила руку ей на плечо:

— С твоим такое часто случается?

— Только когда он пьет.

— Он много пьет?

Миссис Картер задумалась, подыскивая нужные слова.

— Не каждую ночь.

Мама сжала ей плечо:

— Что ж, мужчины есть мужчины. Ему еще предстоит повзрослеть.

— Думаешь?

— Конечно. Когда семейная жизнь только начинается, мужчина ощущает сильное давление. Конечно, вы оба его ощущаете, но он особенно. Он купил вам чудесный дом. Вы, наверное, уже думали о детях?

Миссис Картер кивнула.

— Все такие мысли давят на него, как тяжелый груз. Каждая новая забота добавляет фунт-другой; потом он едва может ходить или стоять. Он пьет, чтобы как-то разобраться с проблемами, только и всего. Я не вижу ничего плохого в том, чтобы чуть-чуть выпить, успокоить нервы. Так что не

бойся. Пройдет время, давление ослабеет, и все у вас наладится. Вот погоди, и увидишь.

— Ты не думаешь, что дело во мне? — спросила миссис Картер почти по-детски.

— Ты такая хорошенькая! Конечно нет, — ответила мама.

— По-твоему, я хорошенькая?

Мама фыркнула:

— И ты еще спрашиваешь! Ты просто сногшибательная! Да я почти не встречала таких красавиц, как ты!

— Как мило, что ты мне это говоришь, — сказала миссис Картер.

— Я говорю правду. Любой мужчина был бы счастлив иметь тебя, — сказала мама.

Они снова замолчали, и я украдкой высунулся из-за угла, стараясь не шуметь.

Мама и миссис Картер целовались.

Эмори — день первый, 8.46

Мрак.

Он клубился и кружился вокруг нее, как течение в глубоком море. Холодный и безмолвный, он ползал вокруг нее и прикасался, словно незнакомец.

«Эм, — шептала мама, — вставай, опоздаешь в школу».

— Не-е-е-ет! — протянула она. — Еще несколько минуточек...

«Вставай, малышка; больше я не буду повторять».

— У меня страшно болит голова. Можно я сегодня останусь дома? — Собственный голос показался ей тихим, далеким и очень сонным.

«Я не стану снова покрывать тебя и врать директору. Ну почему одно и то же каждый день?»

Что-то было не так. Мама умерла очень давно, когда ей было всего три года. Мама не было рядом в ее первый школьный день. Мама ни разу не отводила ее в школу. Ее вообще не водили в школу. Почти всю жизнь с ней занимались дома.

— Мама! — негромко позвала Эмори.

Молчание.

Как ужасно болит голова!

Она попыталась открыть глаза, но глаза не открывались.

Голова болела ужасно, боль пульсировала. И сердце билось учащенно; пульсация особенно ощущалась за глазами.

— Мама, где ты?

Она взгляделась во мрак слева, ища освещенные красные цифры на своем будильнике. Но будильника не было; в комнате царила крошечная тьма.

Обычно на потолке ее комнаты отражался свет большого города, но сейчас было темно.

Она ничего не видела.

«Это не твоя комната».

Слова пришли в голову неизвестно откуда, как будто их произнес неизвестный голос.

«Где я?»

Эмори Коннорс попыталась сесть, но в левой части головы запульсировала боль, и она вынуждена была снова лечь. Она потянулась рукой к левому уху и нащупала толстую повязку. Повязка намокла.

«Кровь?!»

Потом она вспомнила укол.

Он сделал ей укол.

«Кто он?»

Эмори не знала. Его она не помнила. Зато укол помнила. Его рука... Он зашел сзади и всадил ей в шею иглу. Она почувствовала холод.

Попыталась повернуться.

Она хотела сделать ему больно. Ее учили на уроках самозащиты, куда ее записал отец. «Главное — наказать и изувечить. Бей его по яйцам, детка. Вот умница, моя дочка».

Ей хотелось развернуться, врезать ему ногой, а кулаком ударить в нос или в дыхательное горло — а может, в глаза. Она хотела причинить ему боль до того, как он причинит боль ей, она хотела...

Эмори не обернулась.

Вокруг все почернело, и ее накрыл сон.

«Он изнасилует и убьет меня, — подумала она, пока сознание уходило от нее. — Помоги мне, мама», — думала она, а вокруг все чернело.

Мамы нет. Она умерла. И скоро Эмори к ней присоединится.

Ну и ладно, вот и хорошо. Ей хочется снова увидеть маму.

Но он ее не убил. Или все-таки?..

Нет. Мертвые не чувствуют боли, а у нее дергает ухо.

Она заставила себя сесть.

Когда она выпрямилась, кровь потекла с головы, и она чуть снова не потеряла сознание. Мрак закружился, но через некоторое время остановился.

«Что он мне вколол?»

Она слышала, как девочкам что-то добавляют в напитки в клубах и на вечеринках, накачивают их чем-то; потом они просыпаются в незнакомых местах, в мятой одежде, и не помнят, что с ними случилось. Она не ходила ни на какую вечеринку; она бегала на

Вашингтон-сквер. Он потерял собаку. Он выглядел таким грустным; держал в руке поводок и звал ее.

«Белла? Стелла? Как звали его собаку?»

Эмори не помнила. Голова как будто ватой набита, или в ней клубится дым, он не дает думать.

— Куда она побежала? — спросила Эмори.

Он нахмурился, он чуть не плакал.

— Она увидела белку и бросилась за ней, вон туда. — Он показал на восток. — Раньше она никогда не убегала. Ничего не понимаю!

Эмори обернулась, проследила за направлением его взгляда.

И тут сзади метнулась рука...

Укол.

— Пора спать, красавица, — прошептал он ей на ухо.

Никакой собаки у него не было. Как она могла быть такой дурой?

Ей стало холодно.

Что-то удерживало правую руку вниз. Эмори дернула руку на себя и услышала металлический лязг. Дотянувшись левой рукой до правой, ощупала гладкую сталь на запястье, тонкую цепь.

Наручники.

Он приковал ее к тому, на чем она лежит.

Приковал за правую руку; левая свободна.

Она глубоко вздохнула. В помещении, где она находилась, было душно и сыро.

«Не паникуй, Эм. Не позволяй себе поддаваться страху».

Глаза старались привыкнуть к темноте, но ничего разглядеть не могли. Кончиками пальцев она ощупала поверхность, на которой лежала. Кровать?

«Нет, не кровать. Что-то еще».

Стальное.

«Больничная каталка!»

Эмори сама не понимала, как догадалась, — просто догадалась, и все.

Господи, куда она попала?!

Ее передернуло; она только сейчас поняла, что лежит совершенно голая.

Эмори задумалась, потом опустила руку, пощупала между ног. Там ничего не болело.

Если бы он ее изнасиловал, она бы, наверное, это поняла?

Она не знала.

Эмори занималась сексом всего один раз в жизни, и ей было больно. Не очень больно, просто неприятно, и только сначала. Ее друг, Тайлер, обещал быть с ней нежным, и сдержал слово. Все закончилось довольно быстро; для него тот раз тоже был первым. Это случилось всего две недели назад. Отец разрешил ей пойти в школу имени Уитни Янга, где учился Тайлер, на вечер встречи выпускников. Тайлер снял номер в отеле «Юнион»; ему даже где-то удалось раздобыть бутылку шампанского.

Как же болит голова!

Она осторожно ощупала повязку. Бинты полностью закрывали левое ухо. Повязку скрепляло что-то вроде клейкой ленты. Она осторожно отлепила липучку...

— Ах ты...

Холодный воздух резанул, как ножом.

Она все-таки немного размотала бинт, чтобы можно было просунуть под него руку.

Глаза ее наполнились слезами, когда она ощупала то, что осталось от ее уха: в лучшем случае зазубренный шрам, зашитый и мягкий.

— Нет... нет... нет! — закричала она.

Голос гулким эхом отдавался от стен и возвращался к ней, как будто в насмешку.

Остаток дня прошел очень быстро. После того как стал свидетелем поцелуя, я спешно вернулся к себе в комнату с вытаращенными глазами и выпуклостью в шортах; сердце так сильно билось, что готово было вырваться из моей юной грудной клетки. Я много раз видел, как целуются отец и мать, но их поцелуи никак на меня не действовали. А тогда... Я понял, что в самом деле увидел нечто особенное.

Вскоре после этого миссис Картер ушла. Я смотрел ей вслед. Видел, как она медленно идет по дорожке и по газону к своему дому. Она несколько раз оглянулась; заметив, что я наблюдаю за ней из окна спальни, улыбнулась так ослепительно, что ее улыбка осветила бы даже самую темную комнату.

Знала ли она, что я видел их поцелуй?

Я не уверен, но что-то подсказывало мне: она бы этого хотела.

Портер — день первый, 9.13

Нэш поставил «чарджер» на стоянку для инвалидов перед «Флэр-Тауэр» и заглушил мотор.

— Ты в самом деле здесь припаркуешься? — мрачно спросил Портер.

Нэш пожал плечами:

— Мы ведь копы; нам можно. И потом, кто усомнится в твоей инвалидности, когда увидят, как ты выползаешь из машины?

— Когда все закончится, напомни, чтобы я поискал нового напарника.

— По-моему, замечательная идея. Может, мне достанется какая-нибудь знойная юная напарница, только что из академии, — ухмыльнулся Нэш.

— Может, тебе повезет и попадетсЯ такая, которой захочетсЯ папика.

— Не помню, чтобы такой вопрос был в анкете, но, может быть, я его пропустил.

Швейцар распахнул перед ними большие стеклянные двери, и они подошли к стойке. Портер показал жетон.

— Пентхаус 3204 в северном крыле!

Молодая женщина с коротко стриженными темно-русыми волосами и голубыми глазами улыбнулась ему в ответ:

— Ваши коллеги прибыли минут двадцать пять назад. Садитесь в лифт номер шесть и поднимайтесь на тридцать шестой этаж. Пентхаус будет справа от выхода. — Она протянула ему ключ-карту. — Вот, держите.

Они сели в лифт номер шесть, и двери со свистом закрылись. Портер нажал кнопку тридцать шестого этажа, но кабина не двинулась с места.

— Вставь карту в щель, — подал голос Нэш.

— В щель? Какого хрена ты подался в детективы?

— Прости, я утром не успел справиться в календаре, какое сегодня «слово дня», — парировал Нэш. — Вон в то устройство.

Похоже на машинку для считывания кредитных карт.

— Понял, понял, Эйнштейн. — Портер сунул карту в устройство и снова нажал кнопку. На сей раз панель осветилась ярко-голубым светом, и они начали подниматься.

Дверцы лифта открылись, и они вышли на площадку, от которой отходили коридоры. Застекленные полы позволяли любоваться просторным атриумом этажом ниже. В конце коридора справа дверь была открыта; рядом с ней стоял полицейский в форме.

Портер и Нэш подошли к нему, показали жетоны и зашли внутрь. Открывающийся вид захватывал дух.

Пентхаус занимал весь северо-восточный угол здания. Внешние стены были стеклянными от пола до потолка; за ними имелся еще и внутренний дворик. Вокруг них раскинулся город; вдали виднелось озеро Мичиган.

— Когда мне было пятнадцать, — сказал Портер, — я жил не на таком просторе.

— В этой гостиной поместится вся моя квартира, — вздохнул Нэш. — После сегодняшнего дня придется, наверное, сдать жетон и заняться недвижимостью. Скоро я тоже стану магнатом!

— Вряд ли тебе сразу удастся подняться на такую высоту, — предупредил Портер. — Возможно, вначале придется пройти заочный курс обучения в Интернете.

Нэш достал из кармана две пары латексных перчаток, одну пару протянул Портеру, вторую надел сам.

В пентхаусе уже работала бригада экспертов-криминалистов. Пол Уотсон издали заметил их и поспешил навстречу. Он работал возле огромного, от пола до потолка, стеллажа с книгами у противоположной стены.

— Если здесь и была борьба, то признаков нет. В жизни не видел такой чистой квартиры! Холодильник забит продуктами под завязку. В мусорной корзине я нашел квитанцию двухдневной давности. Мы затребовали распечатку телефонных переговоров, но не думаю, что там что-то удастся выяснить. Мне удалось определить последние десять входящих звонков; все они от ее отца.

— У нее здесь наземная линия связи?

Уотсон пожал плечами:

— Может, она прилагается к такой квартире.

— Скорее всего, папочка провел. При наземной линии не сошлешься на то, что связи нет или не слышно звонков, — заметил Нэш.

— А как насчет исходящих? — спросил Портер.

— Три номера. Сейчас мы их проверяем, — ответил Уотсон.

Портер начал осматривать квартиру; туфли скрипели на деревянном полу.

В кухне он увидел шкафчики вишневого дерева и темные гранитные столешницы. Все бытовые приборы из нержавеющей стали — плита «Викинг», трехкамерный холодильник. В гостиной стоял большой угловой бежевый кожаный диван. Он казался таким уютным, что мучительно было даже смотреть на пухлые подушки. Напротив дивана расположился телевизор «Самсунг» с диагональю восемьдесят дюймов, не меньше.

— Четыре-ка, — заметил Нэш.

— Что такое «четыре-ка»?

— Телевизор с ультравысоким разрешением. В четыре раза больше пикселей, чем у стандартных телевизоров эйч-ди.

Портер только кивнул. У него дома до сих пор стоял самый обычный телевизор-«кубик» с диагональю экрана девятнадцать дюймов. Он отказывался заменить древний прибор плоской панелью, ведь тот еще работал. Раньше делали технику на совесть: его телевизор долго не ломался.

В гостиной имелся и рабочий уголок с большим дубовым письменным столом. Эксперт копировал файлы с большого, двадцатисемидюймового моноблока iMac.

— Что-нибудь нашли? — спросил Портер.

Эксперт покачал головой:

— Все выглядит вполне обычно, ничего из ряда вон... Как только вернемся, проанализируем ее личные файлы и активность в соцсетях.

Портер прошел в спальню. Постель застелена очень аккуратно. Никаких плакатов на стенах, только несколько картин.

— Как-то это неправильно.

Нэш выдвинул несколько ящичков комода; в каждом лежала идеально сложенная одежда.

— Ага. Больше похоже на дом из рекламы или из плохого сериала. Если здесь живет пятнадцатилетняя девчонка, она самый аккуратный

ребенок на свете.

На ее прикроватной тумбочке стояла единственная фотография в рамке: женщина лет двадцати пяти — двадцати восьми. Струящиеся темные волосы, ярко-зеленые глаза... Портер таких в жизни не видел.

— Ее мать? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Да, наверное, — отозвался Уотсон.

Мать Эмори стояла на ступеньках планетария Адлера.

— Толбот сказал, что она умерла от рака, когда Эмори было всего три года, — заметил Портер, разглядывая фотографию. — Рак мозга, ну надо же!

— Если хотите, я наведу справки, — живо предложил Уотсон.

Портер кивнул и поставил фотографию на место.

— Да, может, мы что-нибудь и выясним.

— Кровать прямо по струнке застелена, — заметил Нэш. — Вряд ли девочка заправляла ее сама.

— Я до сих пор не убежден, что девочка здесь живет.

Ванная поражала воображение — сплошной гранит и известковый туф. Две раковины. В душе можно было устраивать вечеринки; Портер насчитал не меньше шести насадок с дополнительными форсунками, встроенными в стены.

Он подошел к раковине, потрогал ее зубную щетку.

— Еще влажная, — заметил он.

— Сейчас уберу в пакет, — сказал Уотсон. — Вдруг понадобится ДНК. Передайте мне ту щетку тоже.

К спальне примыкала еще одна малая гостиная. Стены были уставлены стеллажами, которые ломались от книг — Портеру показалось, что там больше тысячи томов. Книги были самые разные, от Диккенса до Дж. К. Роулинг. На большом мягком анатомическом кресле посреди комнаты лежал раскрытый роман какого-то Тада Макалистера.

— Может быть, она все-таки живет здесь, — сказал он, беря книгу. — Этот роман вышел несколько недель назад.

— А ты откуда знаешь? — удивился Нэш.

— Хизер тоже его купила. Она большая поклонница этого типа.

— Ясно.

— Посмотрите-ка, — сказал Уотсон. Он держал в руках учебник английской литературы. — А в гостиной на столе лежит учебник

высшей математики... Эта серия, «Уортингтон», особенно популярна у тех, кто учится на дому. Мистер Толбот сказал, в какой школе учится его дочь?

Портер и Нэш переглянулись:

— Мы не спрашивали.

Уотсон листал страницы.

— Если она где-то учится, можно расспросить ее друзей... — Он покраснел. — Извините, сэр. Я хотел сказать... конечно, вы расспросите ее друзей — если решите, что вам это нужно.

На поле для гольфа Толбот вручил Портеру свою визитную карточку с номером мобильного телефона. Портер похлопал себя по карману, чтобы убедиться, что карточка на месте.

— Когда мы здесь закончим, я позвоню ее отцу и все выясню.

Они вышли из спальни и продолжили осмотр в холле.

— Сколько здесь спален?

— Три, — ответил Уотсон. — Взгляните вот сюда! — Он показал комнату справа от них.

Портер зашел в комнату. На двуспальной кровати стояла корзина с грязным бельем. В изголовье висел большой католический крест. Комод был уставлен фотографиями в рамках — их было так много, что они стояли в два ряда.

Нэш взял одну.

— Это она? Эмори?

— Да, наверное.

На многочисленных снимках она была представлена в разных возрастах: от малышки до очень красивой юной девушки в темно-синем платье; она стояла рядом с мальчиком лет шестнадцати с длинными волнистыми темными волосами. Надпись маленькими буквами в углу гласила: «шк. им. Уитни Янга, вечер встречи выпускников, 2015».

— Значит, она там учится? — спросил Портер.

— Я выясню. — Уотсон показал на молодого человека рядом с Эмори: — По-вашему, это ее бойфренд?

— Похоже на то.

— Можно взглянуть? — попросил Уотсон.

Портер протянул ему фотографию.

Уотсон перевернул рамку и сдвинул крошечные петельки, потом аккуратно извлек снимок.

— «Эм и Тай». — Он показал им надпись на обороте. Имена были напечатаны мелким шрифтом в правом нижнем углу.

— Элементарно, мой дорогой Уотсон, — сказал Портер.

— Что? Нет, «Уитни Янг» — не элементарная, а старшая школа.

Нэш хихикнул:

— Нравится мне этот парень! Давай заберем его к себе?

— Капитан меня убьет, если я приведу еще одну дворняжку с улицы, — ответил Портер.

— Сэм, я серьезно. Рабочая сила нам очень пригодится. На то, чтобы найти девочку, у нас два, максимум три дня. У него вроде бы есть голова на плечах, — продолжал Нэш. — Если ты не начнешь подбирать людей в опергруппу, это сделает капитан. Уж лучше ты сам, не то нам подсунут кого-нибудь вроде Мюррея. — Он кивнул в сторону детектива, стоящего в коридоре; тот уже давно рассматривал кончик шариковой ручки. — Можно привлечь его как связующее звено с экспертно-криминалистической лабораторией...

Портер ненадолго задумался, а потом развернулся к Уотсону:

— Хочешь участвовать в расследовании?

— Я пока считаюсь в нашей лаборатории стажером... Неужели мне правда можно поработать с вами?!

— Главное, ни в кого не стреляй, — вмешался Нэш.

— У меня нет оружия, — ответил Уотсон. — И никогда не испытывал потребности сдавать экзамен на право ношения. Я скорее книжный червь.

— У Чикагского полицейского управления договор с вашим бюро. Можно официально привлечь тебя в опергруппу в качестве эксперта-консультанта, — объяснил Портер. — Как думаешь, удастся тебе договориться с начальством?

Уотсон поставил фото на комод и достал мобильный телефон.

— Дайте мне минутку, я позвоню. — Он отошел в дальний угол и набрал номер.

— Умный парень, — заметил Нэш.

— Свежая голова нам не помешает, — согласился Портер. — А то от тебя, Бог свидетель, помощи мало.

— Спасибо, и тебя туда же. — Нэш положил фото в пакет для вещдоков. — Отвезу его в штаб.

Портер провел рукой по волосам и оглядел комнату.

— Знаешь, чего еще я здесь не увидел?

— Чего?

— Во всем пентхаусе нет ни единого снимка ее папаша, — ответил Портер. — Здесь нет ни одной вещи, которая подтверждала бы их родство. И даже в компьютере наверняка не найдется ничего, свидетельствующего о его связи с этим местом. Скорее всего, квартира записана на какую-нибудь компанию, которая принадлежит другой компании, которая, в свою очередь, принадлежит какой-нибудь офшорной компании на каком-нибудь Острове сокровищ, где до сих пор гниют пиратские кости...

Нэш пожал плечами:

— Тебя это удивляет? У него есть официальная семья, своя жизнь. Он из тех, кто рвется в политику. Незаконные дети не очень хорошо сочетаются с избирательной кампанией, если они не твоего противника. То же самое относится и к любовницам. Посмотрим правде в глаза: хотя Толбот и говорил, что любил ее мать больше жизни, тем не менее она оставалась всего лишь любовницей, иначе он бросил бы жену и женился на ней, а не прятал ее в этой башне, вдали от посторонних глаз, независимо от того, есть у них общий ребенок или нет.

Уотсон убрал телефон в карман и вернулся к ним.

— Начальник не против при условии, что я буду успевать справляться еще и с текущими делами.

— А что, возможны трудности?

Уотсон покачал головой:

— Да нет, я все успею. Если честно, мне и самому хотелось сменить обстановку. Приятно будет хотя бы ненадолго выбраться из лаборатории.

— Значит, замечано. Добро пожаловать в опергруппу по делу Убийцы четырех обезьян. Все нужные бумаги заполним в управлении.

— Сэм, не будь таким церемонным, — вмешался Нэш. — Тебе необходимо поработать над собой.

Уотсон показал на фото:

— Хотите, я попробую разыскать этого Тая?

— Да, — кивнул Портер. — Вдруг что и получится?

Он положил снимок в пакет для вещдоков.

Нэш выдвинул верхний левый ящик комода. Там лежало женское нижнее белье. Нэш взял верхние трусы, повертел их в руках и присвистнул:

— Большой размерчик!

— По-моему, в этой комнате живет кто-то вроде няни или экономки, — заметил Портер. — Эмори всего пятнадцать. Она никак не может жить здесь одна.

— Ясно, но тогда где няня сейчас? Почему не заявила о том, что девочка пропала? — спросил Нэш. — Прошел целый день, а может, и больше.

— В полицию она не обращалась, но, может быть, обратилась к кому-то еще, — предположил Портер.

— Имеешь в виду Толбота? — Нэш покачал головой: — Вряд ли; мне показалось, что он неподдельно удивился и расстроился, когда ты сообщил ему новость.

— Если няня работает нелегально, она не станет обращаться в полицию, — заметил Уотсон. — Скорее уж ему позвонит.

— Или кому-то, кто на него работает.

— Допустим, все было именно так, как вы говорите, и она позвонила Толботу. Тогда почему он притворился, будто ничего не знает? Разве ему не хочется найти Эмори?

Портер пожал плечами:

— Адвокат настойчиво просил его помалкивать. Может быть, такая у него позиция. Они скрывали девочку ото всех пятнадцать лет. С чего бы все менять сейчас? У него есть средства; возможно, он бросил на ее поиски своих людей, и мы ему не нужны.

— Тогда зачем рассказывать нам о ней? Если больше всего Толбота заботит, как бы спрятать ее от всего мира, почему он не попытался сбить нас со следа?

Портер подошел к корзине с грязным бельем и потрогал лежавшее сверху полотенце:

— Еще теплое.

Нэш медленно кивнул:

— Значит, ей кто-то позвонил, предупредил, что мы едем...

— Да, согласен. Скорее всего, она сбежала, как только ей позвонили.

— Это не значит, что здесь какой-то заговор. Возможно, она просто нелегал, как только что предположил наш доктор Уотсон, и Толбот не хочет, чтобы ее депортировали, — сказал Нэш.

— Я не...

Нэш взмахнул рукой, предлагая ему замолчать:

— Спорим, она где-то близко. Надо будет поставить кого-нибудь, чтобы следили за квартирой.

У Нэша зазвонил телефон.

— Эйсли, — сообщил он, посмотрев на экран и нажал клавишу ответа. — Нэш слушает.

Портер воспользовался случаем и набрал номер Хизер. Прослушал текст на автоответчике и отключился, не оставив сообщения.

Нэш нажал отбой и сунул телефон в передний карман брюк.

— Он просит нас приехать в морг.

— Что он нашел?

— Говорит, нам лучше увидеть это своими глазами.

— Милый, положить тебе меда в овсянку?

Мама замечательно варила овсянку. Не из полуфабриката, не из каких-то там хлопьев. Она покупала цельный овес и разваривала до волшебной мягкости, а подавала кашу с тостом и соком в уютном уголке для завтрака на кухне.

— Да, мама, — ответил я. — Можно мне еще сока?

Было начало девятого утра. Четверг, солнечный летний день.

Я услышал, как в нашу сетчатую дверь тихо постучали, и мы оба, обернувшись, увидели, что на крыльце стоит миссис Картер.

Мама широко улыбнулась:

— А, это ты! Заходи!

Миссис Картер улыбнулась в ответ и распахнула дверь. Благодаря яркому солнцу я увидел очертание ее ног под сарафаном, когда она переступала порог. Она сжала мне плечо и улыбнулась, а потом подошла к маме и поцеловала ее в щеку.

Поцелуй в щеку показался мне довольно пресным после того, что я видел вчера, но от меня не ускользнуло, как они переглянулись.

Мама погладила соседку по голове:

— Сегодня волосы у тебя выглядят совершенно потрясающе. Я бы убила за такие волосы. Я делаю кофе по-ирландски; хочешь?

— Что такое кофе по-ирландски?

— Ой-ой-ой, какие мы еще молоденькие! Кофе по-ирландски — это кофе, в который добавляют чуть-чуть виски «Джемесон». По-моему, такой кофе прекрасно заводит теплым летним утром, — сказала мама.

— Виски по утрам? Какой ужас! Да, пожалуйста.

Мама налила в чашку горячий кофе, а потом достала из шкафчика, который мне не разрешалось открывать, зеленую бутылку с желтой этикеткой. Отвинтила крышку и плеснула из бутылки в чашку, а потом передала чашку миссис Картер. Я успел заметить, что, когда их руки соприкоснулись, пальцы касались друг друга чуточку дольше, чем это было необходимо.

Миссис Картер отпила глоток и улыбнулась:

— Умереть не встать! Должно быть, зимой такой кофе чудеса творит!

Мама посмотрела на нее и наклонила голову:

— Неужели ты в том же платье, что и вчера?

— Д-да... к сожалению, — покраснела миссис Картер. — Сегодня мне обязательно нужно постирать.

— Не могу допустить, чтобы ты ходила во вчерашнем. Пойдем-ка со мной! — Мама встала и направилась в сторону спальни. — У меня есть несколько платьев, которые я уже не ношу. По-моему, они прекрасно тебе подойдут.

Миссис Картер улыбнулась мне и пошла за мамой, держа в руке кофе по-ирландски. Я смотрел, как они скрываются за углом. Когда они вошли в спальню, мама закрыла дверь.

Сначала я хотел остаться за столом и доесть завтрак. В конце концов, завтрак — самая важная трапеза за целый день. Я еще рос и прекрасно понимал, как важно правильно питаться. И все же я не остался за столом; я на цыпочках подкрался к спальне и прижался ухом к двери.

С той стороны не слышалось ничего, кроме молчания.

Я вышел на участок и повернул за угол.

Окно маминой спальни выходило на восток, а прямо под ним в тени старого тополя рос большой розовый куст. Стараясь, чтобы меня не заметили с улицы, я обошел дерево и заглянул в окно. К сожалению, тогда я был еще низкорослым и тщедушным; со своего места я видел только потолок комнаты.

Я быстро сбегал на задний двор и взял большое пластиковое ведро. Поставил его вверх дном рядом с

деревом, влез на него и снова повернулся к окну.

Миссис Картер стояла ко мне спиной. Она не сводила глаз с мамы, которая рылась в своем шкафу с пылом собаки, которая хочет спрятать любимую косточку. Когда мама повернулась, в руках она держала три платья. Они с миссис Картер о чем-то говорили, но слов я не слышал; окно в комнате было закрыто. Мама не любила открывать окно спальни даже в летнюю жару.

Миссис Картер закинула руки за голову и расстегнула крючки на шее. Когда ее платье упало на пол, у меня перехватило дыхание. Мама протянула ей одно из своих платьев, и миссис Картер надела его через голову. Мама отступила на шаг и смерила соседку одобрителем взглядом. Потом поднесла к губам зеленую бутылку с желтой этикеткой и отпила прямо из горлышка. Вздрыгнула, широко улыбнулась и протянула бутылку миссис Картер, которая, замявшись всего на секунду, тоже поднесла ее к губам и сделала глоток.

Я знал, что такое алкоголь, но ни разу на моей памяти не видел, чтобы мама пила — только отец. После долгого рабочего дня он, как правило, выпивал рюмочку-другую, но мама... ее поведение меня озадачило. И очень удивило.

Миссис Картер вернула бутылку маме; мама отпила еще глоток и передала бутылку соседке. Они обе смеялись за стеклом.

Мама протянула миссис Картер еще одно платье, и та воодушевленно закивала. Сняла платье и подошла к большому маминому зеркалу, прижав второе платье к груди. Кроме белых хлопчатобумажных трусиков, на ней ничего не было. Сердце у меня забило чаще.

Мама подошла к ней сзади, отбросила ее волосы вбок, открыв изгиб шеи. Я увидел, как мама нежно поцеловала соседку в то место, где шея переходит в плечо. Миссис Картер закрыла глаза и, слегка запрокинув голову, прижалась к маме. Платье она выронила, и оно упало на пол. В зеркальном отражении я видел, как мамина рука гладила

живот соседки, поднимаясь выше, пока не дошла до ее правой груди.

В отличие от миссис Картер, глаза у мамы были открыты. Я знаю это, потому что видел их, я видел, как они смотрят на меня из зеркала, а ее ладони спускались все ниже по телу соседки и нырнули ей в трусики.

Портер — день первый, 10.31

Бюро судебно-медицинской экспертизы и морг округа Кук располагались в центре Чикаго, недалеко от Уэст-Харрисон-авеню. Портер и Нэш добрались туда довольно быстро и припарковались на участке, зарезервированном для правоохранительных органов. Кабинет Эйсли находился на третьем этаже, но он просил их идти прямо в морг, сказав, что будет ждать их там.

Портеру никогда не нравилось в морге. Там всегда пахло формальдегидом и хлоркой, но эти местные «освежители воздуха» не скрывали других запахов: грязных ног, старого сыра и дешевых духов. Всякий раз, входя в дверь, он вспоминал, как в старших классах школы учитель мистер Скарлетто заставил его анатомировать свинью. Едва он входил в морг, ему сразу же хотелось оттуда выйти. Хотя стены были выкрашены веселенькой голубой краской, он отчетливо сознавал, что их окружают мертвецы. Глядя на сотрудников морга, которые ходили с одинаково бесстрастными лицами, Портер невольно гадал, что хранится в их домашних холодильниках. Зато Нэш, кажется, ничего не имел против морга; он задержался на полпути к смотровому залу, у торгового автомата.

— Представляешь, у них закончились батончики «сникерс»! Кто занимается этой фигней? — ворчал он, разглядывая то, что осталось. — Слушай, Сэм, есть у тебя четвертак?

Портер сделал вид, что не расслышал, и толкнул стальную дверь напротив зеленого кожаного дивана — должно быть, он появился здесь еще во времена президента Кеннеди.

— Да ладно тебе! Я проголодался, — крикнул сзади Нэш.

Том Эйсли сидел за металлическим столом в дальнем углу и быстро печатал на клавиатуре. Увидев их, он нахмурился:

— Вы что, пешком добирались?

Портер уже собирался ответить, что на самом деле они доехали довольно быстро, с включенной мигалкой, но передумал.

— По пути мы заезжали во «Флэр-Тауэр». Осмотрели квартиру жертвы.

Большинство людей спросили бы, что они нашли, но только не Эйсли; он, похоже, начинал интересоваться людьми только после того, как у тех останавливался пульс.

Нэш тоже вошел из коридора, держа в руках недоеденный батончик «кит-кат».

— Тебе лучше? — спросил его Портер.

— Не дави на меня; я со вчерашнего дня не был дома. И сигареты все вышли.

Эйсли встал.

— Наденьте оба перчатки. И идите за мной.

Они прошли мимо стола, вошли еще в одни двойные двери и очутились в большом смотровом зале. Шаги гулким эхом отдавались от бежевого плиточного пола — такой же плиткой до половины были выложены и стены. Верхнюю половину выкрасили белой краской. Над головой ярко горели лампы дневного света; отражаясь в дверцах шкафчиков из нержавеющей стали, свет становился ослепительным.

Когда они вошли, им показалось, что здесь градусов на двадцать холоднее, чем в коридоре. В зале было так холодно, что изо рта вырывался пар. Руки покрылись гусиной кожей.

На столе посреди зала лежал обнаженный труп; над столом висела большая круглая хирургическая лампа с ручками по обе стороны. Лицо трупа было накрыто белой простыней. Большой Y-образный надрез начинался в районе пупка и разделялся у грудных мышц.

Портер пожалел, что не запасся жвачкой: она хоть немного отбивала специфический запах.

— Там наш мальчик? — спросил Нэш.

— Да, — кивнул Эйсли.

Труп отмыли от грязи; грязь и пыль остались только в многочисленных ссадинах, напоминавших сыпь.

— Утром я этого не заметил, — сказал Портер, подходя ближе.

Эйсли показал на большие багрово-черные кровоподтеки на правом предплечье и ноге:

— Сюда его ударил автобус. Видите вмятины? Это следы от решетки радиатора. Судя по замерам на месте происшествия, сначала его отбросило вперед, а потом протащило по асфальту. Естественно, повреждены все внутренние органы. Больше половины ребер сломано, четыре ребра проткнули правое легкое, два — левое. Кроме того,

разрыв селезенки и одной почки. Судя по всему, причиной смерти стала травма головы, хотя любая из остальных травм могла стать роковой. Смерть наступила почти мгновенно. Спасти его было нельзя.

— Это и есть твоя важная новость? — разочарованно спросил Нэш. — Я думал, ты что-то нашел.

Эйсли выгнул бровь:

— Ну да, кое-что.

— Том, я не любитель саспенса. Выкладывай, что ты нашел, — сказал Портер.

Эйсли подошел к столу из нержавеющей стали и показал на то, что казалось коричневым мешком на молнии, заполненным...

— Это его желудок? — спросил Нэш.

Эйсли кивнул.

— Ничего странного не замечаете?

— А как же! Желудок больше не у него внутри, — ответил Портер.

— А еще?

— Док, для гадания у нас нет времени.

Эйсли вздохнул:

— Видите язвы? Вот тут и тут...

Портер нагнулся:

— Вижу, ну и что?

— Рак желудка, — ответил Эйсли. — Этому человеку жить оставалось месяц или около того; самое большее — два месяца.

— Он умирал? Он знал, что умирает?

— Наверняка знал. На такой стадии не заметить болезнь уже нельзя. Болезнь быстро прогрессировала. На поздних стадиях корректирующего лечения не существует. Должно быть, его мучили сильные боли. Скорее всего, он все знал, и мои находки подтверждают мои слова. Он получал большие дозы октреотида, который вызывает тошноту и диарею. Кроме того, я обнаружил у него высокую концентрацию трастузумаба. Кстати, любопытный препарат. Вначале его применяли для лечения рака молочной железы, затем обнаружили, что он помогает и при других видах рака.

— Думаешь, удастся установить его личность по лекарствам?

Эйсли медленно кивнул:

— Очень может быть. Трастузумаб, как правило, назначают внутривенно. Лекарство необходимо вводить медленно, в течение часа, не реже чем раз в три недели. Не знаю, проводят ли такие процедуры частнопрактикующие врачи. Скорее всего, он вынужден был регулярно ездить в больницу или какой-нибудь крупный онкоцентр. В нашем городе таких всего несколько. Лекарство часто дает осложнения на сердце, поэтому пациентов тщательно мониторят.

Нэш повернулся к Портеру:

— Если он умирал, думаешь, нарочно прыгнул под автобус?

— Сомневаюсь. Как-то все странно. Зачем тогда похищать еще одну девушку? Он явно собирался довести дело до конца. — Портер повернулся к Эйсли: — Сколько, по-твоему, ему оставалось жить?

Эйсли пожал плечами:

— Трудно сказать. Но ясно одно: немного; несколько недель. Самое большее, около месяца. — Он снова показал на желудок. — Должно быть, он испытывал невыносимые, мучительные боли.

— Он принимал что-нибудь обезболивающее? — спросил Портер.

— Я нашел у него в желудке частично переваренную таблетку оксикодона. Сейчас мы проверяем его волосы на наличие других препаратов, уже выведенных из организма. Не удивлюсь, если мы обнаружим следы морфина, — ответил Эйсли.

Портер посмотрел на темные волосы покойника. Волосы хранят следы лекарств и пищи. Обезьяний убийца стригся довольно коротко; волосы не длиннее двух с половиной сантиметров. В среднем волосы у человека вырастают по полтора сантиметра в месяц. Значит, волосы их покойника хранят следы по меньшей мере двухмесячной давности. По волосам можно в пять раз точнее, чем по анализу мочи, определить, принимал человек определенные вещества или нет. За долгие годы службы он навидался всякого. Подозреваемые старались вывести вещества из организма всем, чем только можно, — от клюквенного сока до собственной урины. Но из волос ничего вымыть невозможно. Вот почему многие наркоманы, которые находятся на испытательном сроке, бреются наголо.

— У него есть волосы, — тихо сказал Портер.

Эйсли ненадолго сдвинул брови, но потом понял, что Портер имеет в виду.

— Я не нашел никаких признаков химиотерапии, ни одного цикла. Возможно, рак обнаружили слишком поздно, и о традиционных методах лечения речь уже не шла.

— Или он смирился с тем, что умрет, и решил ограничиться симптоматическим лечением, — предположил Нэш.

Эйсли подошел к другому столу, на котором были аккуратно разложены личные вещи покойника.

— Вот здесь, — он показал на серебристую коробочку, — полно лоразепама.

— Его назначают при неврозах, тревожных расстройствах, да?

Нэш ухмыльнулся:

— Стать серийным убийцей — странный выбор досуга для человека с тревожным расстройством.

— Это дженерик, ативан. При раке желудка врачи иногда выписывают его, чтобы снизить кислотность. Тревожность ведет к повышению секреции желудочной кислоты, а лоразепам ее снижает, — пояснил Эйсли. — Вполне возможно, он был спокойнее всех нас, вместе взятых.

Портер посмотрел на карманные часы, помеченные биркой и запечатанные в прозрачном пакете. Крышка была покрыта сложным узором, под ней виднелись стрелки.

— Не удалось снять с них отпечатки?

Эйсли кивнул:

— У него все руки в ссадинах, но подушечки пальцев не пострадали. Я снял полный комплект и переслал в лабораторию. Правда, мне оттуда еще не ответили.

Портер покосился на туфли.

Эйсли проследил за направлением его взгляда.

— А, о них чуть не забыл! Посмотрите-ка, очень странно... — Он поднял одну туфлю и вернулся к трупку, потом приложил пятку к голой ступне. — Они ему почти на два размера велики. Он напихал в носки папиросной бумаги.

— Кто носит туфли на два размера больше? — спросил Нэш. — Кажется, ты сказал, что такие стоят полторы тысячи?

Портер кивнул:

— Может быть, это не его туфли. Надо проверить и их на отпечатки.

Нэш покосился на Эйсли, обвел взглядом зал.

— У вас есть... а, не важно; уже нашел. — Он ненадолго отошел к другому столу и вернулся с набором для снятия отпечатков. Опытной рукой посыпал порошком туфли. — Есть!

— Сними и отправь в лабораторию. Только напомни, что это срочно, и добейся, чтобы они тебя поняли, — сказал Портер.

— Уже иду.

Портер повернулся к Эйсли:

— Еще что-нибудь?

Эйсли нахмурился:

— Что? Лекарства тебе мало?

— Я не...

— Есть еще кое-что.

Он обошел стол и поднял правую руку покойника. Портер старался не смотреть на зияющий разрез в груди.

— Я нашел маленькую татуировку, — сказал Эйсли и показал на черное пятнышко на внутренней стороне запястья. — По-моему, это цифра восемь.

Портер нагнулся.

— Или символ бесконечности. — Он достал телефон и сфотографировал татуировку.

— Свежая. Видишь воспаление по краям? Он набил ее меньше недели назад.

Портер постарался свести воедино все, что он узнал.

— Возможно, это как-то связано с религией. Он умирал.

— Дальше уж вы работайте — вы же детективы, — сказал Эйсли.

Портер приподнял край белой простыни, закрывающей голову. Материя отлепилась с громким треском, как липучка.

— А лицо, возможно, удастся реконструировать, — заметил Эйсли.

— Правда? — оживился Портер. — Думаешь, получится?

— Реконструкцию буду делать не я, — ответил Эйсли. — У меня есть друг... подруга... она работает в Музее науки и промышленности. Она специалист по такого рода делам — старым останкам и прочему. Последние шесть лет она воссоздает останки представителей племени иллиной, найденные неподалеку от округа Макгенри. Обычно она

работает с фрагментами черепа и костей, а не с таким... свежим материалом. Но, думаю, у нее получится. Я ей позвоню.

— Она? — переспросил Нэш. — У тебя завелась подружка? — Он снял отпечатки с туфель и упаковал набор для снятия отпечатков. — Довольно много — шесть частичных и по крайней мере три целых отпечатка большого пальца. Я, конечно, вовсе не хочу сказать, что у нашего неизвестного три пальца, хотя в таком случае опознать его было бы гораздо легче. Отправлю то, что есть... Встречаемся в оперативном штабе! Давай через час? Я и капитана извещу.

Портер вспомнил о дневнике, который лежал у него в кармане. Час — совсем неплохо.

Хотя мама меня заметила, я никуда не убежал, а продолжал наблюдать. Я знал, что должен уйти; понимал, что между ними происходит что-то личное, не предназначенное для моих глаз. И все же я продолжал смотреть. Не думаю, что мог бы прекратить, даже если бы захотел. Я стоял у дерева, пока мама и миссис Картер не скрылись из виду. Точнее, упали вниз, но не знаю куда — на пол или на постель.

Ведро подо мной зашаталось. И я зашатался. Коленки затряслись, как желе. Как же я испугался! Сердце глухо стучало в груди. Сказать, что оно билось часто, — преуменьшение.

Происходившее настолько захватило меня, что я не услышал, как мимо нашего дома проехала машина мистера Картера. Я заметил ее, только когда она закрипела по гравию у дома соседей. Миссис Картер тоже услышала машину; как сурок в последний день зимы, она высунула голову из окна; грудь у нее ходила ходуном, рот был приоткрыт. Она заметила меня в тот же миг, как я увидел ее. Делать было нечего, поэтому я застыл на месте, не сводя с нее взгляда. Она обернулась и что-то прокричала, и тогда к окну подошла мама. На меня она не смотрела.

Они обе отошли от окна.

Хлопнула дверца машины. Мистер Картер никогда не возвращался домой так рано. Обычно он приезжал с работы в шестом часу, примерно тогда же, когда и мой отец. Он увидел, что я стою возле дерева на перевернутом ведре, и нахмурился. Я помахал ему рукой; он не помахал в ответ. Быстро взбежал на свое крыльцо и скрылся за дверью.

Через миг из нашего дома вышла миссис Картер и побежала по лужайке, на бегу расправляя платье. Она покосилась на меня; я поздоровался, но она не ответила.

Взойдя на свое крыльцо, она открыла дверь очень осторожно, а потом тихо прикрыла ее за собой.

Я соскочил с ведра и последовал за ней.

Наверное, я все же не назвал бы себя любителем совать нос в чужие дела. Скорее мною двигало здоровое детское любопытство. В общем, я отправился к дому Картеров без всякой задней мысли. Подойдя к их парадному крыльцу, я услышал звонкий шлепок.

Тут я не мог ошибиться. Мой отец был поборником дисциплины; он не раз шлепал меня по мягкому месту. Не вдаваясь в подробности, признаю, что пару раз я заслужил порку и не держал на него зла за то, что он так поступил. Не раз получая то же самое, я съежился, услышав крик боли.

Когда миссис Картер вскрикнула после шлепка, я понял, что мистер Картер ударил ее. Последовал еще один шлепок, за ним визг.

Я подошел к машине мистера Картера. Мотор остывал постепенно, а капот был еще горячим; воздух над ним как будто дрожал.

Я стоял рядом с машиной Картеров, когда мистер Картер выбежал из своего дома.

— Какого дьявола тебе здесь надо? — рявкнул он на меня, направляясь к моему дому.

На пороге показалась миссис Картер, но дальше не пошла. Она стояла в дверях, прикладывая к лицу мокрое полотенце. Правый глаз у нее заплыл, распух и слезился. Когда она меня заметила, у нее задрожали губы.

— Не позволяй ему обижать свою мать, — одними губами проговорила она.

Мистер Картер подошел к нашей кухонной двери и замолотил в нее кулаком. Мне показалось странным, что кухонная дверь закрыта. Летом ее открывали ранним утром и не запирали до поздней ночи; только сетчатый экран уберегал дом от насекомых и других существ. Должно быть, мама...

Я разглядел маму у бокового окна. Она смотрела на мистера Картера, который стоял на нашем заднем крыльце.

— Открывай, шлюха проклятая! — заорал он. — Открывай, или я разнесу твою чертову дверь!

Мама молча смотрела на него, не двигаясь с места.

Я направился к дому, но мама вскинула руку вверх, призывая меня оставаться на месте. Я замер, не зная, что делать. Сейчас я понимаю: с моей стороны наивно было думать, будто я что-то могу сделать. Мистер Картер был крупным мужчиной, даже выше отца. Если бы я как-нибудь попытался помешать ему, он бы прихлопнул меня как муху, которая жужжит над головой.

— Думаешь, можешь превратить мою жену в половую тряпку? — Он снова замолотил в дверь. — Я знал, я так и знал, мать твою, ненасытная шлюшка! Я ведь давно вижу, что между вами что-то происходит. Она вечно ошивается в твоём доме! От нее воняет тобой! Уж я-то сразу почуял! Ну, теперь с тебя причитается! Как там говорится — око за око, зуб за зуб? Или, может, лучше выразиться по-простому — сиську за жопу? Хватит, сучка, нагулялась! Теперь плати! Бесплатно ничего не бывает!

Мама отошла от окна.

Миссис Картер у меня за спиной истерически зарыдала.

Мистер Картер развернулся и злобно ткнул в нее пальцем:

— Заткнись, мать твою! — Лицо у него побагровело. На лбу выступил пот. — И не надейся, что я с тобой закончил! Когда разберусь здесь, у нас с тобой будет длинный и тяжелый разговор. Ты уж мне поверь. Когда я покончу с этой потаскушкой, я займусь тобой. Думаешь, тебе сейчас больно? Погоди, пока я вернусь — тебя ждет десерт!

И тут дверь открылась. На порог вышла мама и поманила его пальцем.

Портер — день первый, 10.40

Эмори поняла, что ее сейчас вырвет.

Едкая густая желчь подступала к горлу. Эмори с трудом сглотнула и поморщилась от мерзкого послевкусия.

Глубоко задышала открытым ртом и заплакала.

Он отрезал ей ухо! Какого черта! Почему...

Ответ пришел почти сразу, и она едва не задохнулась и закашлялась. Жгучие соленые слезы текли по лицу и капали на колени. Она пыталась вытереть лицо, но слезы не останавливались.

Она задышалась и икала, все ее тело сотрясалось. Лило не только из глаз, но и из носа. Когда ей казалось, что она начинает успокаиваться, откуда-то снова подступали страх, боль и гнев — и все повторялось сначала, лишь немного слабее, чем раньше.

Припадок наконец прошел, и дыхание успокоилось. Эмори долго сидела неподвижно. Голова стала странно пустой и легкой, зато болело все тело, ныли мускулы, лицо распухло от слез. Она ощупала наручники, все еще надеясь, что они не настоящие, а игрушечные или такие, которые продаются в магазинах для взрослых — о таких ей рассказывала подруга Лори. По словам Лори, ее бойфренд предлагал поиграть с ними, но она наотрез отказалась.

Никакой кнопки, отпирающей наручники, она не нашла; браслет плотно сидел на запястье. Наручники невозможно отпереть без ключа. Можно попробовать взломать замок, но для этого надо найти шпильку, булавку или что-то подходящее. Нужно поискать...

Кого она обманывает? Она понятия не имеет, как взламывать замки.

Эмори прекрасно знала о существовании Убийцы четырех обезьян. О нем знали все жители Чикаго, а возможно, и весь мир. Известно было не только то, что в городе орудует серийный убийца. Все с ужасом говорили о том, как он мучает похищенных девушек, прежде чем убить их: отрезает части тела и посылает родственникам. Сначала ухо, потом...

Свободная рука Эмори непроизвольно метнулась к глазам. Хотя ее окружал сплошной мрак, все же она различала очертания предметов; он пока не тронул ее глаза.

Пока... Может быть, он до них доберется, когда возвратится сюда. Сердце у нее забило чаще.

Сколько осталось времени до того, как...

Нет, нельзя о таком думать. Нельзя, и все.

Нельзя думать о том, что кто-то вырежет ей глаза, пока она еще жива.

«И язык тоже, дорогуша. Не забывай про язык. После уха и глаз он вырезает язык и посылает обрубок мамочке и папочке. Незадолго до того, как...»

Голос у нее в голове казался странно знакомым.

«Ты не помнишь меня, милая?»

Она кое-что сообразила — и сразу же почувствовала, как изнутри поднимается гнев.

— Ты не моя мама! — сквозь зубы процедила Эмори. — Моя мама умерла!

Боже! Она сходит с ума. Разговаривает сама с собой. Может, это от укола? Что он ей вколол? Неужели у нее галлюцинации? Или она просто спит и видит страшный сон, побочное действие. А потом она...

«Милая, все неприятные последствия ты сможешь обдумать потом, когда у тебя будет больше времени. А сейчас постарайся придумать, как отсюда выбраться. До того как он вернется. Ты не согласна?»

Эмори поймала себя на том, что кивает.

«Я желаю тебе только самого лучшего».

— Перестань!

«Обдумаешь потом, когда ты будешь в безопасности. А до тех пор... Эм, сейчас все плохо. Я не могу написать тебе записку и вытащить тебя отсюда. Это гораздо хуже, чем директор школы».

— Замолчи!

Тишина.

Единственными звуками были ее собственное дыхание, пульсация крови в здоровом ухе — и саднящая боль под повязкой.

«На том месте, где было твое ухо, дорогуша».

— Пожалуйста, не надо! Прошу тебя, замолчи!

«Лучше тебе уже сейчас принять то, что случилось. Прими и иди дальше».

Эмори спустила ноги со своей импровизированной лежанки. Колесики заскрипели, и каталка поехала к стене; ударившись о нее, покатила назад. Когда ноги коснулись холодного бетона, Эмори захотелось визжать. Страшно было ступать неизвестно по чему, но о том, чтобы сидеть неподвижно и ждать, пока ее похититель вернется, и речи быть не могло. Надо срочно придумать, как выбраться отсюда.

Она напряженно вглядывалась во мрак, стараясь найти хотя бы крошечный источник света, но никакого света не было, кругом одни тени. Эмори подняла руку к лицу. Собственные пальцы она заметила, только когда поднесла их почти к самому носу.

Эмори заставила себя встать, не обращая внимания на головокружение и боль на месте уха. Глубоко вздохнула и для равновесия ухватилась за край каталки рядом с тем местом, куда ее приковали наручниками. Она стояла неподвижно, пока тошнота немного не отпустила.

Как темно! Слишком темно.

«Милая, а если ты упадешь? Представь, что ты куда-то пойдешь, споткнешься и упадешь. Как по-твоему, пойдет падение тебе на пользу? Лучше сядь и хорошенько подумай. Как тебе мое предложение?»

Эмори старалась не обращать на голос внимания; она осторожно вытянула левую руку вперед и сжала пальцы. Ее рука схватила пустоту. Эмори пошла вдоль каталки, ища стену, возле которой стояло ее ложе. Правая рука лежала на каталке, левую она тянула вперед. Шаг, другой, потом...

Пальцы коснулись стены, и она чуть не отпрянула. Шершавая поверхность показалась ей влажной и грязной. Она осторожно провела ладонью в обе стороны, нащупала какое-то углубление и провела по его краям кончиком пальца, пока не нащупала еще одно углубление, на сей раз не горизонтальное, а вертикальное. Чуть ниже узор повторился. Ее палец обводил прямоугольники.

Шлакблоки.

Она поднесла палец к носу, понюхала.

Ничего.

«Знаешь, там, где есть одна стена, обычно бывает и другая. Иногда попадаете и дверь, и окно... или даже два окна. Попробуй обойти помещение по периметру. Может быть, тебе удастся понять, в какой дыре ты очутилась. Правда, ты прикована к этой мерзкой каталке; не слишком удобно идти и тащить ее за собой».

Эмори с силой дернула каталку, сдвинула ее с места. Снова заскрипели колесики. Она крепче ухватилась за край. Главное — держаться за металлический каркас, держаться за что-нибудь... ей стало чуточку легче. Она понимала, что это глупо, и все же...

«Каталка — как костыль. Кажется, так говорят?»

— Да пошла ты! — вслух сказала Эмори.

Левой рукой ведя по стене, а правой волоча за собой каталку, она медленно продвигалась вперед. Ноги шаркали по полу — медленно, нарочито мелкими шажками. Она считала шаги, пытаясь представить себе пространство, в котором находится. Прошла двенадцать шагов, прежде чем наткнулась на первый угол. По ее приблизительным подсчетам, одна стена равнялась примерно двенадцати шагам.

Она повернула и двинулась вдоль стены налево. Каталка отчаянно сопротивлялась, не желая менять курс. Вскоре она за что-то зацепилась и застряла. Эмори дернула сильнее, каталку занесло, как тяжело нагруженную магазинную тележку с заблокированным колесом. Потом колеса выровнялись, и каталка сдвинулась с места.

Она снова побрела вдоль стены.

Как и предыдущая, эта стена была сложена из шлакоблоков. Пальцы с каждым шагом ощупывали швы; Эмори водила по стене вверх-вниз в поисках выключателя, двери — чего угодно, но ничего не находила, только очередной шлакоблок.

Шесть шагов. Семь.

Эмори ненадолго остановилась; у нее кружилась голова. Она ничего не видела — как темно! Она почти ничего не видела перед собой, даже прижавшись носом к стене. Задрав голову, она гадала, насколько здесь высокий потолок. Да и есть ли он, потолок?

«Конечно, милая, здесь есть потолок. Серийные убийцы очень умны; ты не первая девушка, которая попала в его логово. Скольких девушек он уже похитил? Пять? Шесть? Он успел отточить все приемы. Не сомневаюсь, помещение, в котором ты находишься, надежно заперто. И все-таки не останавливайся, исследуй дальше.

Твое поведение мне по душе. Так гораздо лучше, чем сидеть и ждать, когда он вернется. Сидеть и ждать — для дураков. А у тебя появилась цель. Ты проявляешь инициативу».

Эмори провела рукой по стене, наклонившись как можно дальше вперед, потом привстала на цыпочки, потянулась вверх.

Ничего; только стена.

Рост у нее метр шестьдесят четыре. Если встать на цыпочки и вытянуть руку, можно достать... какую отметку? Метра два? Цепь от наручников довольно длинная; в ней есть небольшой зазор. Возможно, она дотянется и выше.

Эмори присела, сделала глубокий вдох и резко подпрыгнула, подняв руку вверх. Она старалась дотянуться до места как можно дальше от себя. Растопыренные пальцы хватали воздух. Когда она тяжело опустилась на пол, на холодный бетонный пол, ступни обожгло болью, которая отдалась в травмированном левом колене. В прошлом году она порвала связку, когда играла в волейбол, и с тех пор колено периодически болело.

Эмори помассировала больное место и прижалась к стене.

Она прошла семь шагов. Продолжала двигаться налево и сделала еще пять шагов, прежде чем добралась еще до одного угла.

Всего двенадцать шагов.

Каталка снова застряла при повороте, и она сердито дернула ее к себе.

«Эй, мне кое-что пришло в голову. Что, если он следит за тобой? Что, если у него здесь видеокamеры?»

— Для видеокamер здесь слишком темно.

«Инфракрасные камеры показывают в темноте, как днем. Возможно, он сидит где-нибудь наверху, закинув ноги на стол, смотрит реалити-шоу с твоим участием и ухмыляется. Голая девушка в замкнутом пространстве! Голая девушка пытается выбраться из заточения. Предыдущая жертва затратила полчаса на то, чтобы обойти все помещение. Эта пошла в отрыв; она уложилась в двадцать минут. Как интересно! Как занимательно!»

Эмори остановилась и вгляделась в темноту.

— Эй! Где ты? Ты... следишь за мной?

Тишина.

— Эй!

«Может, он стесняется?»

— Заткнись!

«По-моему, он спустил штаны и вытащил свою штуковину, а на дверь повесил табличку „Не беспокоить“. Он смотрит передачу „Эмори после заката“, и самое веселье только началось. А девчонка-то, оказывается, спортсменка! Видали, как она подпрыгнула?»

— Теперь я знаю, что ты не моя мама; она бы ни за что так не сказала, — вслух произнесла Эмори.

«Ну, по-моему, он все-таки за тобой следит. Иначе зачем он тебя раздел? Мужчины — извращенцы, дорогуша. Все до одного. И чем раньше ты это поймешь, тем лучше».

Эмори медленно развернулась и, наклонив голову, стала всматриваться в темноту.

— Здесь нет никакой камеры; я бы заметила красный огонек.

«Верно. Потому что у всех камер есть красные огоньки.

Мерцающие красные огоньки, заметные издали. Вот если бы я производила камеры, мне бы и в голову не пришло выпустить камеру без красного мерцающего огонька. Не сомневаюсь, есть надзорный комитет, который проверяет каждую...»

— Да заткнешься ты когда-нибудь? — закричала Эмори, и от смущения ее обдало жаром. Она спорит сама с собой. Не может быть — она разговаривает и спорит сама с собой!

«Я хочу сказать, что не на всех камерах есть красные огоньки, только и всего. Не нужно обижаться».

Эмори досадливо вздохнула и потянулась к стене; двенадцать шагов в одну сторону, угол, еще двенадцать шагов — угол. Место заточения показалось ей огромным квадратом. Она ощупала две стены, но не нашла двери. Остается еще две стены.

Она снова пошла вдоль стены, волоча за собой каталку; пальцы ощупывали уже знакомые швы между шлакоблоками, проводили дорожки в толстом слое пыли. Через двенадцать шагов она снова очутилась в углу. Двери не было.

Осталась последняя, четвертая стена.

Она подтянула к себе каталку. Сейчас она не столько боялась, сколько злилась. Начала считать шаги. Когда досчитала до двенадцати и пальцы коснулись угла, она остановилась. Двери она так и не нашла. Где дверь? Неужели она ее пропустила? Четыре угла, четыре левых

поворота. Она понимала, что обошла всю комнату. Совершила круг, так?

Эмори толкнула каталку в угол и снова быстро зашагала вдоль стены.

Один угол. Два угла, три угла. Она шла быстрее, чем в первый раз; когда рука уткнулась в очередной угол, каталка по инерции ударила ее. Эмори вскрикнула; рука прижалась к низу живота.

Неужели здесь нет двери?

«Похоже, тот, кто проектировал помещение, совершенно не разбирается в своем деле. Разве можно делать комнату без двери? Наверное, ты все-таки пропустила ее».

— Ничего я не пропускала. Здесь нет двери.

«Тогда как ты попала сюда?»

Высоко над головой что-то щелкнуло. И вдруг загремела музыка — так громко, что Эмори показалось, будто в уши ей втыкают ножи. Она машинально прижала ладони к голове, и слева ее словно молнией пронзило: рука задела место, где раньше было ее ухо. Наручник больно врезался в запястье правой руки. Она нагнулась вперед и вскрикнула от боли, но музыка тише не стала. Песня показалась ей знакомой. Она ее уже слышала.

«Роллинг Стоунз», «Сочувствующий дьяволу».

Пожалуйста, разрешите представиться,
Я человек богатый и со вкусом,
Я был неподалеку уже много лет,
Заполучил много человеческих душ и доверия.

Какое-то время мистер Картер стоял на месте и смотрел на маму в упор. Лицо у него было красным, как запрещающий сигнал светофора; лоб наморщился и покрылся испариной. Руки были сжаты в кулаки. Сначала мне показалось, что он ударит маму, но он ее не ударил.

Мама смотрела куда-то поверх его плеча; на секунду наши с ней взгляды встретились, а потом она повернулась к нему:

— Второй раз предлагать не буду. Сейчас или никогда! — Она намотала на палец прядь светлых волос и с мрачной улыбкой отпустила.

— Ты что, издеваешься?

Мама повернулась назад, к кухне, и кивнула:

— Пошли!

Он смотрел, как она входит в дом, потом повернулся к жене:

— Считай, что это первая часть урока! Когда здесь закончу, я вернусь домой и начнется часть вторая! — Он фыркнул, как будто удачно пошутил, а потом вошел в наш дом и захлопнул за собой дверь.

Миссис Картер разрыдалась.

Я был мальчиком, еще не мужчиной, и понятия не имел, как утешить плачущую женщину — откровенно говоря, мне и не хотелось ее утешать. Вместо этого я снова обежал дом, подошел к окну маминой спальни и вскарабкался на ведро. В спальне никого не было.

И вдруг изнутри дома послышался ужасный крик. Но голос был не мамин.

Портер — день первый, 11.30

Хотя с тех пор, как Портер в последний раз побывал в комнате 1523 в цокольном этаже Чикагского полицейского управления на Мичиган-авеню, прошло всего две недели, ему показалось, что здесь слишком тихо и безжизненно.

«Как в спячке».

Все замерло в ожидании.

Он включил свет и прислушался. Постепенно оживали, жужжа, лампы дневного света; воздух в зале был спертый. Он подошел к столу, порылся в разбросанных бумагах и папках. Все точно такое, как было, когда он уходил.

С фотографии в серебряной рамке в дальнем правом углу на него смотрела жена. При виде ее он невольно улыбнулся.

Присев на край стола, достал телефон и набрал ее мобильный номер. Через три гудка его переключили на автоответчик:

— «Вы позвонили Хизер Портер. Поскольку вас переключили на автоответчик, скорее всего, я увидела ваше имя на определителе номера и решила, что не хочу говорить с вами. Желающих заплатить дань в виде шоколадного торта или других сладостей прошу написать подробности в текстовом сообщении — возможно...»

Не дослушав, Портер нажал отбой и придвинул к себе папку с ярлыком «Убийца четырех обезьян». Все, что им удалось о нем узнать, умещалось в единственной папке — во всяком случае, до сегодняшнего дня.

Он гонялся за Убийцей четырех обезьян в течение пяти лет. Убийца оставил после себя семь мертвых девушек.

«Двадцать одна коробка. Не забывай о коробках!»

Конечно, о коробках он не забывал. Они преследовали его всякий раз, как он закрывал глаза.

Зал был не очень большой, примерно семь на девять метров. Стены выкрашены скучной бежевой краской. Кроме его собственного, здесь стояло еще пять металлических столов. Столы были старыми, старше большинства сотрудников Чикагского полицейского

управления. Стояли они неровно, кое-как. В дальнем углу располагался старый деревянный стол для конференций, который Портер нашел на складе в конце коридора. Его поверхность была исцарапана и исписана; на кленовом лаке остались многочисленные отпечатки стаканов, чашек и банок, которые туда ставили много лет. В дальнем углу было большое бурое пятно; они уже давно оставили надежду как-то отчистить или отскрести его. Нэш клялся и божился, что оно напоминает Иисуса. Портер считал, что пятно кофейное.

На стене за столом для конференций висели три доски. На первых двух были фотографии жертв У4О и различные места преступления; третья доска сейчас пустовала. Опергруппа пользовалась третьей доской для «мозговых штурмов».

Вошел Нэш и протянул ему стакан с кофе.

— Уотсон совершил налет на «Старбакс». Я велел ему подгрести сюда, как только он доложится лейтенанту наверху. Остальные уже спускаются. У тебя мозги не перегрелись? Я чую запах дыма.

— Пять лет, Нэш. Начинаю думать, что конца этому не будет.

— Где-то есть по крайней мере еще одна. Мы должны ее найти.

Портер кивнул:

— Да, знаю. И мы ее найдем. Мы вернем ее домой. — То же самое он уже говорил всего полгода назад, когда пропала Джоди Блумингтон, но они не успели вовремя. Он не может больше смотреть в глаза родителям... хватит, сколько можно?

— Вот и вы! — послышался с порога низкий голос Клэр Нортон.

Портер и Нэш повернулись к ней.

— Сэмми, без тебя здесь было как в морге. Дай-ка я на тебя посмотрю! — Она подошла к нему и крепко обняла. — Если тебе что-нибудь будет нужно, звони, хорошо? Обещай, что позвонишь, — прошептала она ему на ухо. — Звони в любое время дня и ночи, понял?

Любые виды проявления сочувствия пугали Портера. Он похлопал Клэр по спине и поспешил отстраниться. Ему стало неловко — примерно так же, подумалось ему, как бывает неловко священнику, который обнимается со служкой на глазах у прихожан.

— Спасибо, Клэр. Спасибо, что держишь тут оборону.

Клэр Нортон прослужила в управлении почти пятнадцать лет. В свое время она стала самой молодой чернокожей сотрудницей

Чикагского полицейского управления. Ее взяли на работу после того, как она прослужила патрульной всего три года. Она заслужила повышение после крупной операции, когда с ее помощью удалось разоблачить одну из крупнейших наркосетей в истории города; все участники оказались несовершеннолетними. Всего тогда взяли больше двадцати школьников, в основном из школы имени Кули, хотя преступники распространяли свой товар еще в шести школах. Да, они действовали исключительно на территории школ, что затрудняло работу полиции. Школы похожи на острова; огороженные заборами, изолированные, они словно живут своей жизнью. За ними трудно следить снаружи. Наркотики контрабандой проносили в здание и хранили в пустых шкафчиках в раздевалках. Покупатели делали заказы онлайн, расплачивались криптовалютой, средства через систему «Биткоин» переправляли на заграничные счета. После того как платеж проходил, покупатель получал текстовое сообщение с одноразового мобильного телефона, в котором указывались номер шкафчика и код. Внутри находилась партия товара. Товар проносили и раскладывали незаметно, а на тех немногочисленных шкафчиках, которые случайно обнаруживали школьные охранники, не находили ни отпечатков пальцев, ни других зацепок.

Очень нужен был свой человек внутри.

Клэр выглядела юной; хотя в то время ей было двадцать три года, на вид ей можно было дать лет пятнадцать. Ее послали в школу имени Кули. Целых три месяца она изображала ученицу десятого класса (кстати, оценки у нее были отличные). Никто из учителей и одноклассников не знал, что она работает под прикрытием; в курсе были только директор школы и лейтенант. В первый же месяц своего пребывания в школе Клэр начала покупать небольшие партии наркотиков. Прошло два месяца, а они ни на шаг не приблизились к раскрытию дела. Клэр размещала заказ онлайн, оплачивала покупку, получала эсэмэску с номером шкафчика в раздевалке и кодом, открывала шкафчик и забирала посылку. Все шло как по маслу. Ни разу ей не удалось увидеть, кто кладет наркотики в шкафчик. Руководство школы подозревало кого-то из уборщиков. В конце концов, у кого еще есть доступ к шкафчикам в школьной раздевалке? Но никаких доказательств найти не удалось.

Дело сдвинулось с мертвой точки лишь на третий месяц.

Клэр часто ходила в библиотеку. И вот она заметила, что там каждый день собираются примерно одни и те же люди. Многие приходили туда поработать за компьютерами. Чаше других там оказывался один парень, Тревор Джолсон. Клэр заметила, что многие ученики предпочитают садиться на одни и те же места, работать за одними и теми же компьютерами. Сама она тоже так поступала; сидеть на одном и том же месте было удобно, к определенному компьютеру привыкаешь. К тому же некоторые компьютеры были помощнее, и все старались занять именно их. Все — но только не Тревор. Он каждый день садился за другой компьютер. Спустя какое-то время Клэр заметила в его передвижениях некий шаблон. Тревор садился на один стол левее того, за которым работал накануне. Предположив, куда он сядет в очередной раз, Клэр поставила на тот компьютер программу-кейлоггер и стала ждать.

На следующий день Тревор пришел в библиотеку в обычное время, в начале третьего. Он сел за тот компьютер, «заряженный» Клэр. Все его действия немедленно регистрировались сотрудниками, которые устроились за школьным зданием, в передвижной лаборатории, замаскированной под грузовик. Вскоре Тревор зашел на форум наркоманов, посмотрел запросы и подтвердил сделки через торговую площадку «Биткоин» под названием «КоинКриб». Закончив работу, он тщательно стер из памяти компьютера все следы своего пребывания и покинул библиотеку.

Клэр проследовала за ним в спортивный зал. Там Тревор встретился с двумя футболистами из школьной команды и тремя девушками-чирлидерами. Ей удалось подслушать его распоряжения. Он говорил им, что куда положить, продиктовал номера шкафчиков и коды. Она не видела, как его подручные раскладывали товар, потому что в раздевалке по совету полиции установили скрытые камеры.

На следующее утро сотрудники управления взяли всех шестерых. Они заговорили в тот же миг, как увидели друг друга, спеша поскорее выложить все и опередить остальных, чтобы скостить себе срок.

В конце концов удалось взять еще семнадцать участников преступной сети, в том числе сына начальника одного школьного округа. Коды от шкафчиков он брал из файла, который хранился на домашнем компьютере его отца.

После того дела ее прозвали Джамп-стрит в честь старого сериала, где полицейских тоже внедряли в школу. Правда, называть Клэр так в глаза никто не осмеливался.

Клэр покачала головой:

— Хоть бы поблагодарил меня за то, что я присматриваю за твоим напарником! Он туп как пробка. Спорим, если запереть его в комнате и вернуться через час, он будет валяться на полу мертвым, с языком, засунутым в розетку.

— Эй, я тоже здесь, — напомнил Нэш. — Я все слышу!

— Знаю. — Клэр повернулась и взяла у него стакан с кофе: — Спасибо, малыш!

Следом за Клэр в оперативный штаб вошел Эдвин Клозовски, для сотрудников просто Клоз. В одной руке он сжимал битком набитый портфель, а в другой держал недоеденный шоколадный кекс.

— Наконец-то вся банда в сборе? Давно пора! Вы не представляете, какая тоска сидеть в центральной аппаратной и вскрывать жесткие диски извращенцев — любителей «клубнички»! Еще немного — и я бы вернулся в фирму по производству компьютерных игр! Как дела, Сэмми? — Он похлопал Портера по плечу.

— Привет, Клоз!

— Рад, что ты вернулся. — Клозовски поставил портфель на один из пустых столов и запихнул в рот остатки кекса.

Портер заметил Уотсона, который стоял в дверях, и поманил его к себе.

— Клоз, Клэр, знакомьтесь, это Пол Уотсон. Временно прикомандирован к нам от экспертно-криминалистической лаборатории. Очень нам помогает. Кто-нибудь видел Хозмана?

Клэр кивнула:

— Я разговаривала с ним минут двадцать назад. Он проверяет финансы Толбота, но пока ничего интересного не нашел. Обещал, что свяжется с тобой, как только на что-нибудь наткнется.

Портер кивнул:

— Ладно, тогда начнем!

Все расселись за большим столом. С белых досок на них смотрели жертвы Убийцы четырех обезьян.

— Нэш, где тот снимок Эмори?

Нэш достал снимок из пакета и передал ему. Портер приклеил его на крайнюю правую доску.

— Я повторю все с самого начала. Конечно, почти все вы всё прекрасно знаете, но Уотсон не в курсе, а мы, может быть, что-нибудь поймем от повторения. — Он указал на снимок в нижнем левом углу: — Калли Трелел. Двадцать лет, похищена пятнадцатого декабря две тысячи девятого года. Она стала первой жертвой...

— О которой нам известно, — уточнила Клэр.

— Она стала первой жертвой, после чего мы заговорили о почерке убийцы, которого прозвали Обезьяньим или Убийцей четырех обезьян. Правда, судя по косвенным уликам, ему уже доводилось убивать раньше, — сказал Клозовски. — Убийцы не возникают вдруг, ниоткуда. Они формируются постепенно, со временем оттачивая приемы и почерк.

Портер продолжал:

— Родители заявили о ее пропаже во вторник, а ухо получили по почте в четверг. В субботу они получили глаза, а во вторник — язык. Все посылки были упакованы в маленькие белые коробки, перевязанные черной бечевкой, с адресом, надписанным от руки. Ни на одной коробке не удалось найти отпечатков. Он с самого начала проявлял крайнюю осторожность.

— Что подтверждает версию о том, что она не была его первой жертвой, — сказал Клозовски, упорно стоя на своем.

— Через три дня после того, как прибыла последняя коробка, какой-то бегун обнаружил ее труп в Алмонд-парке. Ее оставили на скамье, а к рукам приклеили картонную карточку, на которой было написано: «Не совершать зла». Мы начали догадываться о его образе действия после того, как он прислал глаза, но карточка подтвердила наши подозрения.

Уотсон поднял руку. Нэш закатил глаза:

— Док, мы не в третьем классе! Не стесняйся, выкладывай, что у тебя на уме!

— «Док»? — повторил Клозовски. — А, понял. Не обращайтесь внимания!

— Кажется, я где-то читал, что именно так он подбирал себе жертв? «Не совершать зла»? — спросил Уотсон.

Портер кивнул:

— После второй жертвы, Эль Бортон, мы это поняли. Сначала мы думали, что Обезьяний убийца считал злом нечто, совершенное самими жертвами, и потому похищал их, но после Эль мы сообразили, что его целью были вовсе не сами девушки, а их родственники. Эль Бортон пропала второго октября две тысячи десятого года, почти через год после первой жертвы. Ей было двадцать три года. Нам сообщили о ней через два дня после похищения, когда родители получили коробку с ее ухом. Еще через неделю обнаружили ее труп; в руки ей сунули налоговую декларацию на имя ее бабушки за две тысячи восьмой год. Мы немного покопали и обнаружили, что бабушка умерла в две тысячи пятом. Оказалось, что отец девушки последние три года заполнял фальшивые декларации. Тогда мы подключили Мэтта Хозмана из отдела по борьбе с финансовыми преступлениями, и он обнаружил, что дело гораздо серьезнее. Отец Эль получал налоговые вычеты на двенадцать человек, которые уже умерли. Все они обитали в доме престарелых, которым он управлял.

— Откуда убийца мог это узнать? — спросил Уотсон.

Портер пожал плечами:

— Мы не знаем. Но в свете новых данных мы решили заняться родственниками Калли Тремел.

— Первой жертвы, — кивнул Уотсон.

— Оказалось, что ее мать отмывала деньги в банке, где работала; за последние десять лет через ее руки прошло свыше трех миллионов долларов, — сказал Портер.

Уотсон нахмурился:

— Вот интересно, откуда убийца мог знать, чем она занималась? Может быть, это ниточка? Надо выяснить, у кого был доступ к этим сведениям, и можно установить личность Обезьяньего убийцы...

— Ага, как будто все так просто! — фыркнул Клозовски. Он встал и подошел к доске. — Мелисса Ламекс, жертва номер три. Ее отец торговал детской порнографией. Сестра Барбары Макинли насмерть сбила пешехода за шесть лет до того, как похитили Барбару. Ее причастность к преступлению удалось установить только после похищения... Отец Сьюзен Деворо в своем ювелирном магазине менял настоящие бриллианты на поддельные. Брат Эллисон Краммер держал во Флориде подпольный цех, в котором трудились нелегалы. А Джоди Блумингтон, его последняя жертва...

— Предпоследняя, — уточнил Нэш. — Последняя — Эмори Коннорс.

— Извините, предпоследняя жертва... Так вот, ее отец ввозил в страну кокаин, работал на картель Карлитто. — Клововски стучал пальцами по снимкам. — Все похищенные и убитые девушки находились в родстве с людьми, которые совершили что-то плохое, но между собой они никак не связаны. В их преступлениях нет ничего общего.

— Он похож на члена «Комитета бдительности», — заметил Уотсон.

— Да, и судя по всему, база данных у него мощнее, чем у полиции. Ни одно из совершенных преступлений не было нами зарегистрировано, — сказал Портер. — Если бы не Обезьяний убийца, эти люди до сих пор разгуливали бы по улицам.

Уотсон встал и подошел к доске. Прищурившись, он принялся разглядывать фотографии жертв.

— В чем дело, док? — спросил Клоз и прыснул.

Все посмотрели на него.

Клоз обиделся:

— Значит, когда Нэш обзывается, это мило и забавно, а нам, айтишникам, запрещено? Теперь понятно, как у вас идут дела в вашем в подвале!

Уотсон постучал по доске:

— Он наращивает мощь. Посмотрите на даты!

— Нарацивал, — поправил его Нэш. — Больше он никого не убьет.

— Ну да, верно, наращивал. До пятой жертвы, Сьюзен Деворо, он убивал примерно одну жертву в год. Потом он стал похищать девушек через шесть-семь месяцев. Кроме того, вот что. — Он постучал по фотографии Барбары Макинли. — Только она одна блондинка. Все остальные брюнетки. Это имеет какое-то значение?

Портер пригладил волосы и покачал головой:

— Я так не думаю. Убивая девушек, он на самом деле наказывает за преступления их родственников. Не думаю, что все как-то связано с самими жертвами.

— Все остальные девушки похожи внешне. У всех длинные темно-русые волосы, и по возрасту они близки. Так что какой-то типаж

у него есть. Исключение составляет только блондинка Барбара. Так сказать, аномалия. — Немного помолчав, Уотсон спросил: — Он их насиловал?

Клэр покачала головой:

— Нет. Ни одна из них не была изнасилована.

— У кого-нибудь из них есть брат?

— У Мелиссы Ламекс, Сьюзен Деворо и Калли Трэмел было по одному брату; у Эллисон Краммер — два, — ответила Клэр. — Я беседовала с ними, когда опрашивала членов семей.

Уотсон кивнул; он усиленно соображал. Портеру показалось, что он видит, как в его голове вращаются шестеренки.

— Если допустить, что в половине семей был по крайней мере один сын и он похищал там детей наугад, среди жертв должны были попасться один или двое мужчин. Но этого не произошло; была причина, по которой он предпочитал дочерей сыновьям, — только мы не знаем почему.

Портер откашлялся:

— Откровенно говоря, не уверен, что сейчас это имеет какое-то значение. Нам не нужно волноваться за его следующих жертв. Как верно подметил Нэш, больше он никого не убьет. Мы должны сосредоточиться на его последней жертве.

Уотсон вернулся на место.

— Извините, иногда мне в голову приходит много мыслей сразу, и я теряю нить.

— Не извиняйся, мы потому и попросили тебя присоединиться к нам. Часто полезно взглянуть на происходящее свежим взглядом.

— Понятно, — кивнул Уотсон.

Портер взял синий маркер и сверху на третьей доске написал большими буквами: «ЭМОРИ КОННОРС».

— Итак, что нам известно о жертве?

— Судя по записям охранника, который сидит у входа в ее жилой комплекс, вчера в начале седьмого вечера она вышла на пробежку, — ответила Клэр. — По словам охраны, такие пробежки были для нее обычными. Она бегала почти каждый день, по вечерам. Никто не видел, как она вернулась.

— Им известно, где она любила бегать? — спросил Нэш.

Клэр покачала головой:

— Они видели только, как она уходила и приходила.

— Возможно, на этот вопрос сумею ответить я, — вмешался Клоз, что-то набравший на своем макбуке. — Она носила «Фитбит Сердж».

— Что?!

— Умные часы для фитнеса. Они измеряют давление, пройденное расстояние, считают калории. Кроме того, в них есть встроенный навигатор GPS. Я нашел у нее на компьютере программу со всеми данными. Сейчас я получаю доступ к информации.

— Есть надежда, что ее навигатор еще жив?

Клоз покачал головой:

— Там все работает совсем не так. Часы фиксируют местоположение, когда они на руке у владельца, затем сохраняют данные в облачном приложении на смартфоне или передают напрямую на компьютер. Она синхронизировала часы с телефоном — он тоже выключен, но, по-моему, я знаю, куда она пошла.

Он развернул макбук, чтобы остальные видели монитор. На нем появилась карта. На карте проступила пунктирная синяя линия, начинающаяся от «Флэр-Тауэр». Она шла по Уэст-Эри-стрит в сторону реки. На набережной линия окружала большое зеленое пространство.

— Такой же маршрут можно найти почти каждый день. — Клоз постучал по экрану. — Это Монтгомери-Уорд-парк.

Портер наклонился ближе и прищурился. Зрение у него ни к черту.

— Клэр, съезди туда, пожалуйста, после того как мы здесь закончим. Сделаешь?

— Сделаю, босс.

Он повернулся к Клозу:

— Ты нашел еще что-нибудь в ее компьютере?

Клоз снова развернул макбук к себе и принялся что-то набирать на клавиатуре.

— Ты дал мне возможность легально порыться в компьютере красивой девчонки. Наверное, излишне говорить, что я искал тщательно.

— Вот извращенец! — фыркнула Клэр.

Клоз ухмыльнулся:

— Горжусь своим больным воображением, дорогая. Когда-нибудь ты мне еще спасибо скажешь. — Какое-то время он смотрел на

монитор. — Бойфренда Эмори зовут Тайлер Матерс. Он учится в одиннадцатом классе школы имени Уитни Янга. И...

Все сотовые телефоны в комнате одновременно запикали.

— ...Я послал вам его фото, мобильный номер и домашний адрес, — продолжил Клоз. — Они встречаются чуть больше года. Она считает, что у них серьезные отношения.

— А это не так? — спросил Портер.

Клоз лукаво улыбнулся:

— Я зашел на его страничку в «Фейсбуке». Похоже, парень любит поиграть.

Все посмотрели на него.

— Да ладно вам! Если вы в качестве пароля используете имя жены или подружки, то заслуживаете того, чтобы вашу почту взломали.

Портер мысленно велел себе сменить пароль к своей электронной почте.

— В следующий раз все-таки дождись ордера. Сейчас нам меньше всего нужно, чтобы ты испортил дело.

Клоз отдал ему честь:

— Есть, капитан!

Портер написал на доске: «Тайлер Матерс» — и провел стрелку к мальчику на фото с Эмори.

— Мы с Нэшем сегодня нанесем Тайлеру визит. Есть в ее компьютере еще что-нибудь интересное?

— У Эмори «Мак», к тому же очень красивый. Пожалуйста, не оскорбляй этот шедевр, называя его компьютером. Такие оскорбления тебя недостойны, — ответил Клоз.

— Ах, простите! Так есть в ее «Маке» еще что-нибудь?

— Нет, сэр. — Клоз покачал головой.

— Что с тремя исходящими звонками по телефону?

Клоз поднял руку и принялся загибать пальцы:

— Пиццерия, китайский ресторан, итальянский ресторан. Эта девочка умеет выбирать еду.

Клэр откашлялась:

— В списке постоянных гостей значится Т. Матерс. Кроме него, там всего одно имя: А. Толбот.

Портер написал на доске: «Артур Толбот», а под ним — «Финансы?».

— Очень любопытно узнать, что нароеет Хозман по этому типу. Обезьяний убийца выбрал Эмори не без причины; готов поспорить, ее папаша занимается нечестными делишками.

— Может, вызвать его на допрос? — предложила Клэр.

— Если мы вызовем его на допрос, он окружит себя целым взводом адвокатов; мы ничего из него не вытянем. Если нам понадобится снова побеседовать с ним, лучше всего, наверное, организовать неформальную встречу; попробовать застать его врасплох в таком месте, где он чувствует себя спокойно. Так он скорее проговорится, — ответил Портер. — Кроме того, он в нашем городе большая шишка, дружит с мэром и кто знает с кем еще. Если мы дернем его на раннем этапе, то, скорее всего, ничего не узнаем; потом, если понадобится вызвать его снова, он позвонит кому-нибудь из своих приятелей и попросит защиты. Лучше подождать, пока у нас не появится чего-нибудь конкретного.

— А вот что любопытно, — сказал Клоз, не отрывавшийся от монитора. — Лифт в этом здании записывает всех, кто входит и выходит.

Портер вздохнул:

— Надеюсь, ты не взломал базу, как страничку в «Фейсбуке» ее бойфренда? Потому что если да, то...

Клоз поднял руки вверх:

— Да ладно вам, неужели я похож на рецидивиста?

— Еще как похож! — буркнула Клэр себе под нос.

— И вас туда же, мисс Нортон.

Клэр ухмыльнулась и высунула язык.

— Управляющий жилым комплексом оказался настолько любезен, что предоставил нам доступ, — пояснил Клоз.

— И что там? — спросил Портер.

Клоз поджал губы и прищурился, просматривая текстовый файл.

— Вчера Эмори спустилась вниз в три минуты седьмого вечера; назад она не возвращалась. Возможно, именно тогда она отправилась на пробежку. А в 9.23 в пентхаус поднялась некая Н. Барроуз. Она спустилась вниз сегодня в 9.06 утра.

— Всего за несколько минут до того, как прибыла наша бригада, — заметила Клэр.

— Готов поспорить, что мисс Барроуз и есть наша пропавшая экономка, — сказал Портер. — Пожалуйста, наведи справки у портье «Флэр-Тауэр». Может, у них записано ее полное имя?

— Если бойфренд девушки находится в списке гостей, ты не думаешь, что и экономка должна там быть? — спросила Клэр. — В списке ее нет.

— Может, она живет в нашей стране нелегально? — заметил Нэш.

— Тогда зачем предъявлять ключ-карту на свое настоящее имя? — возразил Портер. — Или, может быть, это не настоящее ее имя?

Все промолчали.

Портер глубоко вздохнул.

— Итак, мы возвращаемся к человеку дня, утреннему покойнику. — Он пересказал коллегам все, что они узнали у Эйсли.

— Он умирал? — удивился Клоз.

— Ему оставалось жить меньше месяца.

— Думаешь, он нарочно бросился под автобус?

— По-моему, такую версию нельзя исключать, — ответил Портер.

Он написал на доске У40, а под ним следующее:

КВИТАНЦИЯ ИЗ ХИМЧИСТКИ

ДОРОГИЕ ТУФЛИ — НА 2 РАЗМЕРА ВЕЛИКИ

ДЕШЕВЫЙ КОСТЮМ

МЯГКАЯ ФЕТРОВАЯ ШЛЯПА

75 ЦЕНТОВ МЕЛОЧЬЮ (2 ЧЕТВЕРТАКА, 2 МОНЕТЫ ПО 10 ЦЕНТОВ И 5 ЦЕНТОВ)

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

УМИРАЛ ОТ РАКА ЖЕЛУДКА

— Не верится, что подонок умирал, — буркнул Клоз, ущипнув себя за руку.

Портер постучал по доске:

— О чем нам говорят его личные вещи?

— Квитанция из химчистки —дохлый номер, — отозвалась Клэр. — Если не считать номера 54 873, на ней нет никаких сведений, даже даты или адреса приемного пункта. Бланк квитанции вырван из типовой книжки; их заказывают в магазинах канцтоваров онлайн. Половина химчисток в городе пользуются такими бланками.

— Клоз, займись этим. Запиши список всех химчисток в радиусе пяти километров от места происшествия и обзвони их все; выясни, пользуются ли они такими бланками. Если да, спроси, есть ли вещи по квитанции номер 54 873. Судя по квитанции, Обезьяний убийца свои вещи так и не получил. Если даже ты обнаружишь не одну квитанцию с таким номером, мы потом сможем сократить список, ведь другие клиенты заберут свои вещи. Если ничего не найдешь, расширь сферу поисков. Правда, он ходил пешком и, вполне вероятно, сдал вещи в химчистку неподалеку.

Клоз взмахнул рукой:

— Принимаю твой вызов!

Нэш подался вперед и, прищурившись, посмотрел на доску. Ему давно выписали очки, но он отказывался их носить.

— А что делать с костюмом и туфлями?

— Пока Клоз обзванивает химчистки, пусть заодно проверит и обувные магазины, — предложила Клэр.

Обернувшись к ней, Клоз показал средний палец и высунул язык.

Какое-то время Портер смотрел на доску.

— Нет, Клозу, пожалуй, лучше ограничиться химчистками. Туфли не по размеру беспокоят и меня, но пока мы не можем предположить ничего конкретного. Сохраним сведения на доске на тот случай, если они пригодятся позже.

— А мелочь чем нам поможет? — спросил Нэш. — У всех присутствующих в карманах наверняка найдутся такие монеты.

Портер задумался. Может, и правда стереть упоминание о мелочи с доски? Нет, пусть пока останется.

— Пока не будем ничего исключать. — Он повернулся к Уотсону: — Удалось что-нибудь выяснить насчет карманных часов?

— Я поеду в дядину лавку, как только мы здесь закончим, — ответил тот.

Портер снова посмотрел на доску.

— Думаю, скорее всего, мы разыщем его благодаря вот этому. — Он подчеркнул последнюю строчку. — По словам Эйсли, у него в крови обнаружены следы октреотида, трастузумаба, оксикодона и лоразепама. Трастузумаб вводят внутривенно и под наблюдением медперсонала. Этим занимаются лишь в нескольких крупных

медицинских центрах. Необходимо обойти их, дать им приметы Обезьяньего убийцы и искать пропавших пациентов.

— Я могу этим заняться, — вызвалась Клэр. — Много ли онкобольных разгуливают по городу в фетровых шляпах и дешевых костюмах, но при этом покупают дорогие туфли? Чувствую, тут-то нам и пригодится его гардероб. Если он и на процедуры являлся в таком виде, наверняка его там запомнили.

— Согласен. — Портер кивнул. — Кроме того, Эйсли нашел у него на правом запястье небольшую татуировку. — Он вывел изображение на экран телефона и пустил его по рукам. — Татуировка свежая. По мнению Эйсли, он набил ее где-то около недели назад.

Клоз внимательно рассмотрел фото.

— Что это — знак бесконечности? Довольно странно для типа, который готовится отбросить коньки.

— Наверное, знак что-то для него значил, — заметила Клэр, нагибаясь поверх его плеча. — Только моряки и пьяницы делают татуировки, повинувшись внезапному порыву. Обычно сто раз подумаешь, прежде чем украшать себя особой приметой.

Клоз покосился на нее снизу вверх и ухмыльнулся:

— Ты по опыту знаешь? Ничего не хочешь нам показать?

Она подмигнула ему:

— Мечтать не вредно, компьютерный наш гений!

Портер достал из кармана дневник и выложил его на стол.

— И вот еще что...

Ненадолго все замолчали и уставились на тетрадку.

— Ух ты, а я подумал, что Нэш присочинил! Этот гад действительно вел дневник? — оживился Клоз. — Ты включил его в список улик? В материалах дела о нем ни слова!

Портер покачал головой:

— Не хочу, чтобы репортеры пронюхали о нем раньше времени... Пока не стоит.

Клоз присвистнул:

— Рукописный манифест Обезьяньего убийцы? Черт, да ведь он стоит целое состояние!

— Это не манифест; больше похоже на автобиографию. Начинается в то время, когда он был еще маленький.

Клоз поудобнее развалился на стуле:

— Что-нибудь типа: «Сегодня Бекки Смит пришла в школу в коротком красном платье, которое мне так нравится. Я был счастлив. Решил проводить ее домой и спросить, серьезно ли она ко мне относится. Когда она ответила „нет“, я выпустил ей кишки в ее гостиную. Да, оторвался по полной! Завтра в школьной столовой пицца. Я люблю пиццу, но не так, как бургеры, бургеры с сыром такие...»

Клэр бросила в него ручкой, и Клоз ойкнул.

Нэш кивнул в сторону дневника:

— Ладно, раз никто не задает этот вопрос, его задам я. Ты дочитал до конца? Что там на последней странице?

Портер подвинул ему тетрадку:

— Загляни, если хочешь.

Прищурившись, Нэш взял дневник. Все затихли; сразу стало душно. Нэш пролистал дневник до последней страницы.

«Ах, добрый сэр! Разве мама не учила вас, что заглядывать в конец книги до того, как вы заслужили такое право, — смертный грех? Писатели на нашей большой планете переворачиваются в гробах, возмущенно закатывают глаза и от всей души желают вам и вашим близким самого наихудшего. Хотелось бы мне сказать, что я в вас разочарован, но это будет ложью. Будь все наоборот и окажись я сейчас на вашем месте, несомненно, поступил бы точно так же. Но, увы, ответы, которые вы ищете, нельзя найти здесь, в конце. Предлагаю вам налить себе большую чашку кофе, устроиться поудобнее в вашем любимом кресле и пролистать назад, к началу. Вам в самом деле стоит начать с начала, разве вы так не считаете? Как вы узнаете, чем закончится наша история, если не будете знать, с чего все началось? Узнать меня — значит понять мои побудительные мотивы, а у меня они есть, уверяю вас! Вам нужно только понять, на что обратить внимание. Научиться читать между строк, будь они неладны. Ведь в том, чтобы узнать правила игры, заключается половина удовольствия! Удачи, друг мой. Я за вас болею, правда болею. Все это так забавно, вам не кажется?»

Нэш пролистал еще несколько страниц и снова швырнул дневник на стол:

— Вот ведь гад!

— Я же тебе говорил. — Портер пожал плечами.

— Что там? — спросил Уотсон.

Портер по памяти воспроизвел последние строки и взял тетрадку в руки.

— Я сейчас как раз его читаю и пока не знаю, что с ним делать. У нас в руках оказалась автобиография Обезьяньего убийцы, но пока я не понимаю, как с его помощью мы найдем Эмори. Пока что я вижу только бессвязные рассуждения явно нездоровой личности.

— Даже после смерти этот ублюдок издевается над нами!

— Может быть, сделаешь несколько копий? — предложила Клэр. — Мы все прочтем дневник; может, кто-нибудь что-то и заметит.

Портер покачал головой:

— У нас нет времени для того, чтобы устраивать тут библиотечный кружок. У каждого из вас есть задания. Кроме того, я не доверю эту тетрадку никому за исключением присутствующих. Читаю я быстро; если что-нибудь найду, сразу же скажу вам.

— А как насчет камеры на месте происшествия? — спросил Уотсон. — Кто-нибудь уже отсмотрел запись?

— Я послал запрос, но в центре еще не проанализировали записи, — ответил Клоз. — Я этим займусь.

— По видеозаписи будет ясно, прыгнул ли он под автобус нарочно, или в самом деле произошел несчастный случай, — прокомментировал Портер. — Если нам повезет, возможно, мы сумеем разглядеть его лицо.

Нэш пожал плечами:

— Лично я ставлю на самоубийство. Иначе зачем он таскал с собой свой дневник? Он знал, что скоро кто-нибудь его прочтет, иначе не написал бы последнюю страницу. Он хотел уйти на своих условиях, а не позволять болезни сожрать его. По-моему, он специально подсунил нам дневник как последнюю фигу.

— Если он собирался покончить с собой, зачем бросаться под автобус до того, как отправил по почте уху? — возразил Уотсон. — Разве не логично было бы сначала покончить с последней жертвой?

— Серийные убийцы — не самые логичные люди на земле, — ответил ему Нэш. — Возможно, он ограничился ухом, потому что хотел, чтобы мы поняли, кто он такой. — Нэш повернулся к Портеру: — Расскажи-ка им о подруге Эйсли!

Портер кивнул:

— Да, чуть не забыл! У Эйсли есть знакомая — насколько мы поняли, близкая знакомая; она работает в музее. Возможно, она сумеет реконструировать его лицо по черепу. Если все получится, у нас появится его портрет, который мы размножим...

— У Эйсли завелась подруга?! И как ей не противно встречаться с парнем, который работает в морге? — изумился Клоз.

— Похоже, она не против. Ну а мы не в том положении, чтобы отказываться от добровольной помощи, — сказал Портер.

Уотсон все разглядывал татуировку:

— Знаете, это может быть как-то связано с его наследием.

— Что ты имеешь в виду?

Уотсон показал на телефон:

— Парень узнаёт, что скоро умрет. И вот он пишет дневник, потом похищает последнюю жертву и бросается под автобус, зная, что, из-за коробки с ухом, мы признаем в нем Обезьяньего убийцу. Татуировка с символом бесконечности, возможно, именно это и означает — он планировал жить вечно.

— Так сказать, дань памяти серийного убийцы? — тихо уточнил Портер.

— Даже самые умные из них, которым удавалось много лет водить за нос стражей порядка, в конце концов хотят, чтобы о них узнали. Хотят признательности за то, что они сделали. Поставьте себя на его место. Наверное, ему не хотелось умирать, пока весь мир не узнает, кто он такой на самом деле... — Уотсон покачал головой. — Скорее всего, так и есть! Тот, кому все время удавалось выйти сухим из воды, наверняка хотел заявить о себе во всеуслышание. Мы все равно до него уже не дотянемся; наверное, он захотел попасть в учебники истории.

Портер понимал, что парень прав.

— Что это значит для Эмори?

В комнате стало тихо. Ответа не знал никто.

ИНФОРМАЦИЯ ПО ДЕЛУ

Жертвы

1. Калли Тремел, 20 лет, 15.12.2009
2. Эль Бортон, 23 года, 02.10.2010
3. Мисси Ламекс, 18 лет, 24.07.2011
4. Барбара Макинли, 17 лет, 03.12.2012 (единственная блондинка)
5. Сьюзен Деворо, 26 лет, 18.04.2013
6. Эллисон Краммер, 19 лет, 09.11.2013
7. Джоди Блумингтон, 22 года, 13.05.2014

Эмори Коннорс, 15 лет, 03.11.2014

Вчера вышла на пробежку в 18.00

ТАЙЛЕР МАТЕРС

Бойфренд Эмори

АРТУР ТОЛБОТ Финансы?

Н. БАРРОУЗ

Экономка? Няня?

Есть ключ-карта, но не включена в список постоянных гостей.

Вещи, обнаруженные на трупе У40

Дорогие туфли — «Джон Лоббс»/1500 долл./пара — размер 44,5/
неуст. жертва носит 42-й.

Дешевый костюм.

Мягкая фетровая шляпа.

75 центов мелочью (2 четвертака, 2 монеты по 10 центов и 1 по 5 центов).

Карманные часы.

Квитанция из химчистки (54 873) — Клоз составит список ближайших приемных пунктов.

Умирал от рака желудка — лекарства: октреотид, трасту-зумаб, оксикодон, лоразепам.

Татуировка на внутренней стороне правого запястья — цифра 8, символ бесконечности?

Необходимо выяснить:

— Ходила ли Эмори в школу? Если да, то в какую?

- Отношения Эмори и Тайлера.
- Реконструкция лица.

Задания:

- Клэр: Монтгомери-Уорд-парк, проверить онкологические центры.
- Нэш и Портер допрашивают Тайлера.
- Клоз: квитанция из химчистки, просмотр записи с камеры — удастся ли разглядеть его лицо?
- Уотсон — консультация у дяди насчет часов. Информация о матери Эмори.

Отец приехал домой с работы ровно в 17.43. Его черный «порше» вполз на дорожку, как дикая кошка, которая охотится за ночной жертвой; мотор мурлыкал от радостного возбуждения. Он вышел из машины и поставил портфель на крышу.

— Как делишки, приятель?

Должно быть, какую-то часть пути он проехал с опущенным верхом, потому что волосы у него были растрепаны. Отец никогда не ходил растрепанным; он всегда тщательно укладывал волосы. Заметив мой взгляд, он провел рукой по своей густой шевелюре; все снова стало правильно.

Я испуганно покосился на наш дом. Хотя с тех пор, как туда зашел мистер Картер, прошло несколько часов, он так и не вышел. Миссис Картер тоже исчезла, за что я был ей очень признателен. Рыдать, стоя на крыльце, не к лицу настоящей леди, даже такой хорошенькой, как миссис Картер.

— Я проголодался, — сказал отец. — А ты? Наверное, твоя мама готовит нам настоящий пир. Пойдем-ка есть! Что скажешь? Как тебе мое предложение?

Он взъерошил мне волосы своей большой рукой. Я попытался увернуться, но он снова взъерошил мне волосы, расплывшись в улыбке:

— Ладно тебе, приятель! — Одной рукой он подхватил портфель, другую положил мне на плечо и повел меня к дому.

Внутри у меня все сжалось; мне показалось, что сейчас меня вырвет, но скоро тошнота прошла. Я старался шагать как можно медленнее, только, конечно, у меня ничего не вышло. Отец без труда тащил меня за собой.

Мы поднялись на заднее крыльцо и толкнули дверь на кухню. Я затылком чувствовал на себе взгляд миссис Картер.

Обернувшись, заметил, что она стоит у окна и наблюдает за нами. Она прикладывала к лицу что-то, похожее на упаковку замороженного горошка.

Мама стояла у раковины и мыла посуду. Когда мы вошли, она радостно улыбнулась и поцеловала отца в щеку:

— Как прошел день, милый?

Отец тоже поцеловал ее и поставил портфель на столешницу.

— Как обычно... м-м-м, как вкусно пахнет! Что там у тебя? — Он потянул носом воздух и подошел к большой кастрюле, стоявшей на плите.

Мама положила руку ему на плечо:

— Я приготовила говяжье рагу, твое любимое! Что же еще?

Я в полном недоумении озирался. Осмотрел кухню, за ней гостиную и коридор. Двери в обе спальни и ванную стояли открытые. Я не заметил никаких признаков мистера Картера. В том, что он не выходил из нашего дома, я не сомневался: он бы непременно прошел мимо меня. Он бы...

— Да, пахнет восхитительно, — вполголоса произнес отец. — Приятель, ну-ка, накрой на стол! А я налью себе чего-нибудь покрепче и со льдом.

Мама широко улыбнулась мне:

— Ставь глубокие тарелки и большие тарелки, милый. Пожалуй, возьми красный сервиз. Он красивый!

Наверное, глаза у меня сделались огромные, как блюдца, но мама как будто ничего не замечала. Весело насвистывая, она надела перчатки для духовки и перенесла кастрюлю с рагу на стол.

Ненадолго я застыл на месте, не сводя с нее взгляда; потом подошел к ящичку, где мы хранили столовое серебро, и достал три суповые ложки. Хотя за последний год здорово вырос, я еще не дотягивался до навесной сушилки, в которой стояли тарелки. Для таких случаев мы держали на кухне маленькую стремянку. Я влез на нее, взял три тарелки и начал накрывать на стол.

На кухню вернулся отец; он нес свое «покрепче и со льдом». Заняв место за столом, он повязал салфетку.

— Ну, приятель, чем ты сегодня занимался? — спросил он меня.

Я покосился на маму, но та деловито нарезала хлеб.

Мистера Картера не было ни на кухне, ни в спальнях, ни в гостиной; иначе отец непременно увидел бы его. И из нашего дома он не выходил; я знал это точно.

— Да так, слонялся, и все, — сдавленным голосом ответил я.

Мама поставила хлеб на стол и села. Взяв мою тарелку, она зачерпнула половником в кастрюле и налила мне до краев.

— Всем большие порции! — Она лучезарно улыбалась.

Я не отрываясь смотрел на суп.

Отец улыбнулся маме:

— А ты? Как у тебя прошел день?

Мама налила ему столько же, сколько и мне.

— У нас здесь все тихо... Даже рассказывать не о чем.

Я не отрываясь смотрел на суп.

Мистера Картера нигде не было видно.

Она же не... не может быть!

Когда я потянулся за ложкой, внутри у меня все сжалось. Мне показалось, что сейчас меня вырвет так, как никогда не рвало раньше. Я старался не дышать, не вдыхать аромат мяса и специй, поднимавшийся от тарелки. Рагу в самом деле пахло восхитительно, а к моему горлу подступала желчь.

У меня на глазах отец зачерпнул полную ложку и начал с аппетитом есть. Мама тоже ела, искоса поглядывая на нас. Я наблюдал, как она улыбается, как промокает губы салфеткой.

— Нравится? — спросила она. — Я приготовила его по новому рецепту.

Отец радостно закивал:

— По-моему, ты никогда не готовила более вкусного мясного рагу. Дорогая, ты — просто кулинарная

волшебница!

— Можно мне выйти? — спросил я; внутри все переворачивалось.

Мама и отец повернулись ко мне, жуя бедного мистера...

И тут из подвала послышался громкий стон.

Мы с отцом дружно развернулись на звук; мама не двинулась с места. Она продолжала есть, глядя в свою тарелку.

— Что там...

Звук послышался снова — на сей раз ошибки быть не могло. Внизу стонал мужчина.

Отец встал:

— Это из подвала.

— Сначала доешь, милый, — посоветовала мама.

Отец медленно подошел к двери, ведущей в подвал.

— Что происходит? Кто там?

— У тебя рагу остынет. Холодное оно уже не такое вкусное.

Я встал и зашел отцу за спину; он потянул ручку двери.

Мне не хотелось спускаться в подвал. Ступеньки были крутыми и скрипели даже от самого малого веса. Стены были сырыми и грязными. На потолке обитало больше пауков, чем в лесу за нашим домом. Источник света был только один: голая лампочка посреди комнаты. Меня всегда одолевал страх, что лампочка перегорит, когда я буду внизу. Если она перегорит, выхода уже не будет. Я останусь в подвале навсегда, и пауки будут по одному, один за другим, спускаться на меня.

В подвале жили чудовища.

Отец открыл дверь и щелкнул выключателем. Лампочка тускло замерцала желтоватым светом у подножия длинной лестницы.

Снова стон — громче, настойчивее.

— Оставайся здесь, приятель!

Я обхватил его руками и покачал головой:

— Папа, не ходи туда! Чудовища тебя съедят. Если не чудовища, то пауки уж точно.

Он отбросил мои руки:

— Остайся здесь, с мамой.

Мама все сидела за столом и что-то напевала себе под нос. Кажется, песенку Ричи Валенса: «Пойдем, пойдем, малышка...»

Отец начал спускаться. Он спустился наполовину, когда я решил пойти за ним.

Клэр — день первый, 13.17

Парк имени А. Монтгомери Уорда находится метрах в пятистах от «Флэр-Тауэр». Он разбит на небольшом участке земли вдоль берега реки Чикаго.

Клэр ненадолго остановилась у большой скульптуры из нержавеющей стали. Судя по табличке, скульптура называлась «Памятное кольцо Земли». Она много раз видела это произведение искусства издали, проезжая по Эри. Впервые подойдя к скульптуре близко, она вынуждена была признать: издали невозможно представить, что именно олицетворяет груда металла. Сооружение было длиной не меньше пяти метров и метра три высотой. Одни говорили, что это изображение огромного обручального кольца; другие — гробницы Гетти. Клэр казалось, что сооружение напоминает Годзиллу, который слопал содержимое скобяной лавки, а потом сел испражняться посреди парка. Она не понимала современного искусства, но не страдала по этому поводу и нисколько не переживала из-за того, что попадет в могилу, так и не поняв, в чем смысл авангардного творения.

Клэр прикрыла глаза от солнца и огляделась.

Хотя парк был совсем небольшим, Клэр понимала, в чем заключается его притягательность, особенно для такой любительницы бега, как Эмори. Тропа кружила по всему парку, а с западной стороны шла вдоль берега реки. Слева она разглядела детскую площадку, а справа — большой огороженный участок. Внутри ограды бегали не меньше десяти собак, а владельцы кидали им мячики и «летающие тарелки». За мячиками бегали не только собаки, но и — иногда — маленькие дети.

Клэр всегда хотелось завести собаку, но квартира у нее была чуть больше коробки от «Хэппи мил», и она не сомневалась: стоит ей привести домой любое существо на четырех лапах, и домовладелец тут же выставит ее за дверь.

На собачьей площадке она насчитала двенадцать владельцев собак. На другом конце парка шестеро взрослых сидели вокруг

качелей и горок и наблюдали за детьми. Клэр мысленно подбросила монетку, решила, что выпал «орел», и зашагала к качелям.

Когда Клэр приблизилась, четыре мамы и два папы смерили ее настороженными взглядами.

— Здравствуйте! — сказала она самым обезоруживающим тоном.

Недостаточно обезоруживающим — двое мужчин натужно заулыбались, глядя по сторонам; три мамы подозвали к себе детей. Одна даже завела дочурку себе за спину. Да, для того чтобы тебя признали своей в компании родителей, определенно нужен ребенок; здешние обитатели не рады странным взрослым, которые бродят по парку в одиночку. Клэр показала свое удостоверение.

— Я детектив Нортон. Работаю в Чикагском полицейском управлении. Мне нужна ваша помощь.

У входа в парк с визгом затормозили три патрульные машины и фургон экспертно-криминалистической лаборатории; проблесковые маячки были включены, но сирены молчали. Клэр невольно вспомнила клоунские машинки в цирке. Открылась задняя дверца фургона, и оттуда вышли три эксперта.

Женщина в черных брюках и сером свитере сняла дочку с качелей и подошла к ней:

— В чем дело?

Клэр понимала: стоит ей упомянуть Обезьяньего убийцу, и все родители поспешно похватывают детей и разбегутся, не дав ей задать ни одного вопроса. «Умолчание — не ложь», — внушала она себе. Иногда кое о чем невредно умолчать.

— Нам стало известно, что вчера в этом парке пропала девочка. Пожалуйста, если вам не трудно, уделите нам несколько минут. Если вы ответите на наши вопросы, мы будем вам очень признательны.

Все родители заговорили одновременно — сначала друг с другом, потом с ней. Клэр не разбирала ни слова. Трое детей заревели без всякой причины — может, им просто хотелось, чтобы взрослые обращали внимание на них, а не друг на друга и не на постороннюю тетку. Клэр подняла руки над головой:

— Тихо, прошу вас!

Заревел четвертый ребенок. С другой стороны парка залаяла собака; за ней еще одна и еще две. Через несколько секунд шум стал невообразимым.

— Хватит! — рявкнула она тоном, обычно предназначенным для очередного бойфренда, которого необходимо было послать куда подальше.

Взрослые замолчали; дети постепенно последовали их примеру — все, кроме пухлощекого малыша, стоявшего рядом с качелями. Он продолжал плакать навзрыд; личико у него покраснелось, текло и из глаз, и из носа.

Женщина в сером свитере подхватила дочку на руки и легонько встряхнула.

— Девочку похитили отсюда? Мы стараемся глаз не спускать с детей, смотрим за ними все вместе. Здесь хорошо и в основном спокойно, но в наши дни трудно понять, с кем имеешь дело. Столько психов развелось... — Она ненадолго задумалась и вдруг ахнула: — Господи, неужели похитили девочку Андерсонов?! Сегодня я не видела ни Джулию, ни ее маму. Она такая милая малышка. Надеюсь, ничего...

Клэр подняла руку:

— Речь не о маленьком ребенке.

Она заметила, что взрослые вздохнули с облегчением. Женщина в сером свитере обвела остальных многозначительным взглядом и повернулась к Клэр:

— А о ком? — Очевидно, она была здесь главной, потому что остальные ее слушали. Даже плачущие дети начали успокаиваться.

Клэр вывела на экран телефона фотографию, присланную Клозом, и протянула телефон своей собеседнице:

— Ее зовут Эмори Коннорс. Ей пятнадцать лет. По нашим сведениям, вчера около шести вечера она бегала в парке, и ее похитили. Вы ее узнаете?

Женщина в сером свитере потянулась к телефону:

— Можно? — Она посмотрела на экран и наморщила лоб. Потом прищурилась и развернулась к своей группе: — Мартин!

Двое мужчин держались на заднем плане. Тот, что справа, в брюках цвета хаки и голубой рубашке, сдвинул очки на переносицу и подошел ближе. Женщина протянула ему телефон:

— Это ведь она, да?

Мартин наклонил голову:

— Господи, и ведь мне сразу показалось: с ней что-то не так! Мы должны были вызвать полицию.

Клэр убрала телефон в футляр на поясе, достала из заднего кармана брюк блокнотик и ручку.

— Мартин? Как ваша фамилия?

— Ортнер. Мартин Р. Ортнер. — Мужчина начал произносить фамилию по буквам, но Клэр нетерпеливо покачала головой и повернулась к женщине в сером свитере:

— А вас как зовут?

— Сьюзен Дилейн, — ответила та. — Мы с детьми стараемся приходить в парк несколько раз в неделю. Правда, лично я прихожу каждый день. Сейчас еще тепло... Лучше, когда дети тратят энергию здесь, чем дома.

Клэр осмотрела детей. Одни так и льнули к родителям, другие катались на карусели. Только один мальчик так и стоял возле качелей и деловито вытирал соплю рукавом свитера. «Где его родители?» — мимоходом подумала Клэр и повернулась к Сьюзен Дилейн:

— Расскажите, пожалуйста, что вы видели.

— Он сказал, что она подвернула ногу, упала и, видимо, сильно ударилась головой. И собирался отвезти ее в больницу! — выпалил Мартин. — Мне еще тогда все показалось странным, но он действовал очень быстро. Я хотел позвонить в Службу спасения, но он посадил ее в машину и уехал, прежде чем...

— Она прибегает сюда каждый день, — перебила его Сьюзен. — И вчера прибежала. Она бежала по тропе, потом скрылась за деревьями — вон там. Обычно через несколько секунд она показывается с другой стороны, но вчера не выбежала оттуда. Я еще сказала Мартину, может, с ней что-то случилось, и мы решили ее поискать. На полпути увидели того типа; он шел нам навстречу и нес ее на руках. Сказал, что увидел, как она подвернула ногу и упала, ударившись головой. Сказал, что знает ее и отвезет в больницу — мол, так будет быстрее, чем вызывать скорую. Мы даже ответить не успели, а он уже подбежал к своей машине, усадил ее на пассажирское сиденье и уехал.

— И вы не вызвали полицию? — Клэр нахмурилась.

— Он сказал, что знает ее, — тихо повторил Мартин.

— Какая у него машина?

Сьюзен поджала губы:

— Белая «тойота».

Мартин покачал головой:

— Его машина была не белая, а бежевая.

— Нет, у него была белая «тойота». Я точно помню!

— Она точно не белая; скорее бежевая или, может быть, серебристая. И не «тойота», а «форд» — или «фокус», или «фиеста», — не сдавался Мартин.

— Где он припарковался?

Мартин показал на небольшую парковку в конце Эри.

— Вон там, под фонарем.

Клэр посмотрела в ту сторону; никаких камер видеонаблюдения она там не заметила.

— Хорошо. Прошу вас задержаться еще ненадолго. Сейчас к вам подойдет наш сотрудник и запишет ваши показания.

— Нам придется работать с полицейским художником, составлять фоторобот? — Сьюзен просияла. — Всю жизнь мечтала!

— А может, будет опознание? — подхватил Мартин.

— Пожалуйста, подождите, — ответила Клэр и направилась к подъехавшим коллегам.

Капитан Терри Белкин узнал ее и помахал рукой:

— Я расставил ребят на Эри и Кингсбери; а здесь что слышно?

Клэр кивнула в сторону группы родителей:

— Вон те двое, которые стоят впереди, сказали, что регулярно видят, как она бегает в парке. Вчера она забежала за те деревья, а потом долго не появлялась, а когда они пошли ее искать, ее вынес на руках какой-то тип. Скорее всего, она была без сознания. Он сказал, что она упала и ударилась головой и он везет ее в больницу. Уверял, что знаком с ней.

Белкин снял фуражку и провел рукой по редующим светлым волосам.

— Ничего себе! Увез, можно сказать, среди бела дня! Они хоть рассмотрели его?

— Видели, как он сажает ее в белую, бежевую или, возможно, серебристую «тойоту» или «форд», — ответила Клэр. — Раз они так плохо запомнили цвет и марку машины, вряд ли смогут что-то сказать о его внешности... Нам поможет только чудо. Правда, я опросила

только тех двоих, что стоят впереди. Мы должны побеседовать и с собачниками. Пошли туда кого-нибудь; проследи, чтобы никто не ускользнул.

Белкин подозвал к себе двух подчиненных, стоящих у фургона экспертно-криминалистической лаборатории.

— Торо и Гиллесли, вы снимете показания. Торо, иди на детскую площадку, Гиллесли, займись собачниками. Все остальные окружите...

Он повторил все, что сказала Клэр.

— Мы должны прочесать весь парк, начиная с того дальнего угла, где она встретилась с похитителем. Карлайл!

— Да, сэр? — ответил молодой сотрудник, державший в руках два стакана кофе из «Старбакса».

— Свяжись с парковой службой. Если здесь есть камеры, нам нужны записи, — велел Белкин.

— Есть, сэр!

Клэр поблагодарила Белкина и, отвернувшись, позвонила Портеру и ввела его в курс дела. Хотя узнать удалось немного, это все же лучше, чем ничего.

Когда я, набравшись храбрости, затопал за отцом, он уже почти спустился. Увидев, что я ослушался, он сначала молча мотнул головой, приказывая мне вернуться на кухню, но, поняв, что я не вернусь, только тяжело вздохнул.

Когда отец спустился на нижнюю ступеньку, снова послышался стон — на этот раз громче, чем раньше. Отец остановился у подножия лестницы и пристально посмотрел в дальний угол.

— О господи! Что ты наделала?

Мама наверху уже не просто мурлыкала, а пела во весь голос; звенела посуда. По-моему, она положила себе добавки рагу. Она не ответила отцу, хотя, уверен, слышала его так же отчетливо, как я слышал ее.

Я спустился в подвал и тоже посмотрел в дальний угол: там на полу скорчился человек. Он был прикован наручниками к водосточной трубе. Из рта у него торчала тряпка, приклеенная двумя большими кусками клейкой ленты, обматывавшими всю голову.

Я еще подумал: когда клейкую ленту отдерут, с ней выдерут и волосы — с корнями.

Мистер Картер умоляюще смотрел на нас. Его белая рубашка была разодрана в клочья, пуговицы отлетели и валялись на полу, в пыли и грязи. На его груди я увидел длинные порезы — некоторые начинались от самых плеч и тянулись до самого пупка. Один порез спускался ниже, но я старался даже не смотреть туда, даже не думать о том, как ему должно быть больно.

Его располосованные рубашка и брюки потемнели от крови. Под ним натекла целая лужа, и в подвале ощущался металлический запах. У него были подбиты оба глаза; синяки уже начали чернеть. Судя по всему, у него был сломан нос.

Отец посмотрел на него в упор:

— Не так положено обращаться с соседями. Кажется, ему здорово досталось.

Я попробовал ответить, но в горле у меня пересохло, и с моих губ слетел только слабый стон.

Мистер Картер посмотрел на нас и застонал. Говорить ему мешал кляп. Слезы бежали у него по лицу и текли под воротник рубашки.

Мама спустилась по лестнице следом за нами. Должно быть, ей надоела песенка Ричи Валенса, потому что больше она не пела. Она бросила на мистера Картера презрительный и такой гневный взгляд, что мне показалось, будто в подвале стало жарче.

— Он... этот человек, если его, конечно, можно назвать человеком, сегодня избил свою красавицу жену, а потом решил, что можно явиться сюда и угрожать мне! Он считал, что я заслужила трепки. Естественно, я так не считала и не намерена была терпеть его оскорбления! Слышал бы ты, как он орал на малышку Лайзу! Бог свидетель, она мухи не обидела в жизни, не говоря уже об этом... этом существе.

Отец задумался.

— И ты, значит, избил его и приковала наручниками к трубе?

— Нет, я его не била. Я столкнула его с лестницы, приковала к трубе, а потом начала изгонять из него бесов. Мне пришлось нелегко, и, хотя я трудилась часа три, мне удалось лишь проделать в нем вмятину. Зато нагуляла аппетит; я решила, что продолжу после того, как мы поужинаем. Кстати, пока мы тут стоим, ужин остывает.

Отец медленно кивнул. Потом подошел к мистеру Картеру и опустился рядом с ним на колени.

— Саймон, это правда? Ты избил свою жену? А потом пришел сюда, ко мне в дом, и угрожал женщине, которую я люблю? Матери этого чудесного маленького мальчика? Неужели ты так поступил, Саймон?

Мистер Картер энергично замотал головой; глаза его забегали. Он переводил взгляд с отца на маму и обратно.

Мама сделала шаг вперед. Из-за спины она достала длинный нож.

— Лжец! — пронзительно закричала она и вонзила нож ему в живот.

Мистер Картер взвыл, несмотря на кляп. Сначала его лицо побагровело, потом побледнело, и мама выдернула нож.

Из раны вытекло на удивление мало крови. Я не сводил взгляда с бледной плоти, за которой можно было различить желтый жир и темную мышечную ткань. Когда он дышал, рана то открывалась, то закрывалась, как будто тоже втягивала в себя воздух. Я подошел поближе, чтобы было лучше видно.

Мама снова замахнулась ножом.

Если бы отец захотел ее остановить, не сомневаюсь, он бы так и сделал. Но он ее не остановил, спокойно наблюдал за ней, сидя на корточках рядом с мистером Картером.

Мама вонзила нож в бедро мистеру Картеру с такой силой, что кончик звякнул, как будто прошел ногу насквозь и застрял в бетонном полу. Мистер Картер снова взвыл и снова заплакал. Мне даже стало немного смешно. Взрослые мужчины не плачут; так говорил мне отец.

Мама повернула нож в ране и выдернула его. На сей раз крови было много, очень много. Поверх прежней лужи натекла новая, а нога у него задергалась.

Я невольно улыбнулся. Мистер Картер мне не нравился. Совсем не нравился. Особенно после того, что он сделал с миссис Картер. Приятно было знать, что он получил по заслугам.

— Мама, можно? — попросил я.

Мама повернулась ко мне и наклонила голову. Потом посмотрела на отца. Тот немного подумал и кивнул:

— Лучше в левую ногу, приятель. В новое место — так лучше.

Когда мама протянула мне нож, мистер Картер забился, задергался. Он пытался расстегнуть наручники, но безуспешно. На запястьях у него проступили глубокие красные раны. Нож оказался тяжелее, чем я думал, — и еще

он был липкий. Серебристое лезвие покрылось алой пленкой, которая уже подсыхала; рукоятка была в пятнах. Я вытер ее о рубашку.

Мама ахнула:

— Только не о рубашку! Пятна потом не вывести!

Отец улыбнулся:

— Ничего, пусть мальчик развлечется. А рубашку его мы сожжем вместе с вещами мистера Картера, когда покончим с ним.

— Мне нравится эта рубашка. В ней он как маленький мужчина. Мамин любимый маленький мужчина!

Мама была права: та рубашка была и моей любимой. Белая, на пуговицах, в светло-зеленую полоску. Жаль, я поздно вспомнил про тряпки — мы хранили их в другом углу подвала. К сожалению, тогда ущерб уже был причинен. Я понимал, что буду скучать по рубашке, но согласился с отцом: от нее придется избавиться. Мы никогда потом не хранили такие вещи. Никогда не знаешь, кто что увидит и когда кто-нибудь заглянет проверить, как и что.

Вытерев нож насухо, я подошел к мистеру Картеру и вонзил лезвие точно, как учил меня отец. Нос мистера Картера отлетел быстро, после всего трех ударов; правда, уши удалось отсечь еще быстрее. А глаза? Они вылезли, как спелые виноградины.

Портер — день первый, 13.38

Школа имени Уитни Янга оказалась приземистым трехэтажным строением из стекла и бетона на углу Уэст-Адамс-стрит и Саус-Лафлин-авеню. Она располагалась неподалеку от Иллинойского университета. Поскольку школа входила в пятерку лучших по стране, отдать в нее детей мечтали многие жители Чикаго. Среди учащихся были представители всех социальных слоев — бедные смешивались с богатыми из всех районов города; для того чтобы расслоение не чувствовалось, ученики носили школьную форму. Портер подумал, что все усилия администрации напрасны. Начать с того, что школу возвели на участке земли, освободившемся после пожара, который полыхал во время восстаний, последовавших за убийством Мартина Лютера Кинга-младшего. Разумеется, несмотря на форму, ученики делились на группы по этническим признакам, то есть делали именно то, против чего на словах выступало руководство. Латиноамериканцы тусовались в одном углу, чернокожие в другом, белые богачи, белые бедняки, готы, скейтеры... здесь были представлены те же слои и социальные группы, что и во всем городе. Итальянцы в одном квартале, китайцы в другом, богатые, бедные... Нам нравится верить, что мы одинаковые, но дайте нам шанс, и все пытаются слиться с той группой, где им удобнее. Парнишка со скейтом под мышкой показал Портеру средний палец и одними губами проговорил: «Фараон», а потом расхохотался и скрылся в коридоре с приятелями.

Школьный охранник проводил Портера и Нэша в приемную и попросил подождать. Меньше чем через минуту к ним вышел лысый коротышка; он возился со своим айпадом и оторвался от него совсем ненадолго.

— Доброе утро, джентльмены. Я директор Колби. Чем могу вам помочь?

Портер пожал директору руку и показал жетон.

— Нам нужно побеседовать с одним из ваших учеников, Тайлером Матерсом. Он сегодня в школе?

Колби испуганно посмотрел на двух секретарш, стоящих за стойкой. Те, в свою очередь, с любопытством наблюдали за директором. Три ученика сидели на стульях вдоль стены; все не сводили с них глаз.

— Давайте зайдем ко мне в кабинет. — Колби улыбнулся и пригласил их в комнатку слева. — У Тайлера неприятности? — спросил он, садясь за стол.

Нэш устроился на одном из двух стульев напротив директорского стола. Стулья оказались маленькими и низкими, сидеть на таких было неудобно. Портеру тут же показалось, будто он вернулся на много лет назад в собственное детство и его вызвали к директору для выговора. В школе он часто сидел на таких же неудобных стульях — столько раз, что и не сосчитаешь. У него даже ладони вспотели. Хотя директор Колби был ниже его ростом на целую голову, сейчас он смотрел на них свысока, так как сидел в высоком кожаном кресле. Взгляд у него сделался такой властный, что Портеру показалось: еще пять минут, и его исключат... Он отогнал неприятные воспоминания и наклонился вперед:

— Нет, что вы. Мы хотим поговорить с ним о его подружке.

Колби нахмурился:

— О подружке? Не знал, что у него есть подружка.

Нэш вывел фотографию на экран своего телефона и придвинул директору:

— Ее зовут Эмори Коннорс. Она тоже учится у вас?

Колби взял телефон и какое-то время смотрел на фотографию.

— Нет. Симпатичная девушка. — Он вернул телефон Нэшу и нажал кнопку на столе. — Мисс Колдуэл! Будьте добры, найдите Тайлера Матерса и попросите прийти ко мне в кабинет.

— Да, сэр, — ответил бесплотный женский голос.

Портер покосился на Нэша. Тому тоже было не по себе.

Он сложил руки на коленях и старался не смотреть на директора школы. Интересно, подумал Портер, сколько всего натворил его напарник, пока учился в школе? Должно быть, он тоже был завсегдаем в кабинете директора. Колби, видимо, тоже о чем-то догадался, но ничего не сказал, а только самодовольно улыбнулся и постучал по своему айпаду.

— По нашим данным, он сейчас на уроке математики на третьем этаже. Придет через несколько минут. Хотите чего-нибудь попить?

Портер покачал головой.

— Нет, сэр, — ответил Нэш. — Нет, спасибо.

Через пять минут в дверь постучали, и в кабинет вошел подросток лет шестнадцати. Он внимательно посмотрел на двух детективов и обратился к Колби:

— Вызывали, сэр?

Колби встал.

— Проходи, Тайлер. Закрой за собой дверь. С тобой хотят поговорить представители Чикагского полицейского управления.

Тайлер вытаращил глаза. Наверное, усиленно соображал, что он такого натворил. Из-за чего его персоной заинтересовалась полиция?

Портер широко улыбнулся:

— Расслабься, сынок, ты не сделал ничего плохого. Мы пришли, чтобы спросить тебя об Эмори.

— Об Эм? — удивленно переспросил мальчик. — С ней все в порядке?

Портер повернулся к Колби:

— Вы не будете так добры и не дадите нам несколько минут поговорить с мистером Матерсом наедине?

Колби покачал головой:

— Извините, но он несовершеннолетний. Поскольку здесь нет его родителей, мне необходимо остаться.

— Что ж, ясно, — ответил Портер.

Он встал с крошечного стула и прислонился к краю стола, загораживая Колби от его ученика. Нэш последовал его примеру. Колби у них за спинами кашлянул, но ничего не сказал.

— Когда ты последний раз видел Эмори?

Тайлер переминался с ноги на ногу:

— Кажется, в субботу. Мы ходили в кино, а потом поужинали в центре. А что с ней? Вы меня пугаете.

Портер покосился на Нэша:

— Мы считаем, что ее похитили.

Тайлер побледнел:

— Но кто мог ее похитить... и почему?

— Мы считаем, что ее похитили вчера вечером в парке имени А. Монтгомери Уорда, когда она там бегала. Парк недалеко от...

— Знаю, — кивнул Тайлер. — Она все время там бегает. Сколько раз я просил ее не ходить туда одной, но она никогда меня не слушает! — Глаза у него подозрительно заблестели, и он вытер их рукавом. — Она такая красотка и бегает в коротеньких шортиках... Я внушаю ей, что это небезопасно. В городе полно психов, знаете? О господи! — Он чуть не плакал. Потом сделал глубокий вдох и подавил слезы. — Я без конца шлю ей эсэмэски, но она не отвечает! Это на нее не похоже. Обычно она отвечает через минуту, самое большее — через две. А со вчерашнего дня молчит. Я собирался сразу после школы навестить ее дома.

— В какой школе она учится?

— Ни в какой. То есть она учится дома. В основном занимается с репетиторами, — ответил Тайлер.

— А живет с ней кто? Гувернантка?

Тайлер кивнул:

— Мисс Барроуз.

— Как ее имя?

— Не знаю, простите. Когда я прихожу, она в основном сидит у себя. Мы с ней почти не разговариваем.

— Не знаешь, где мы можем ее найти?

Тайлер снова покачал головой:

— Как по-вашему, что с ней? Я имею в виду Эмори. Не верю, что кто-то способен на такое.

Колби у них за спинами пошевелился. Портер почти забыл о директоре.

— Я могу чем-нибудь вам помочь? — спросил Тайлер.

Портер достал из заднего кармана визитную карточку и протянул ему:

— Если что-нибудь узнаешь, позвони мне.

— Вы отследили ее телефон? Ведь вы можете это сделать, да?

— Ее телефон вне зоны действия сети со вчерашнего дня, — ответил Нэш. — Скорее всего, вышел из строя.

— Оба?!

Вымывшись, с еще влажными волосами, пахнувший тальком, я вышел из своей комнаты и вернулся на кухню. У меня разгулялся аппетит, а от кастрюли с мясным рагу исходил просто восхитительный аромат. Я сел на свое место за столом и ел ложку за ложкой, напоминая себе, что надо жевать. В голове у меня вертелась песенка Ричи Валенса, которую раньше напевала мама; вскоре я заметил, что мурлычу себе под нос. Со слухом у меня все было в порядке даже в раннем возрасте.

Мама и отец были еще внизу, в подвале. Я слышал их смех, усиленный эхом. Как же они веселились! Я же утратил всякий интерес после того, как мистер Картер отключился в третий и последний раз. По-моему, у него отказало сердце. Конечно, он потерял много крови, но недостаточно для того, чтобы от этого умереть. Как правило, человек умирает, если теряет около сорока процентов общего объема крови. Мистер Картер был настоящим здоровяком; в нем, наверное, было четыре или пять литров крови. Вряд ли он потерял больше литра-полутора в общей сложности. Иногда бывает трудно сказать наверняка, но я мог примерно судить по луже на бетонном полу в подвале.

Нет, он умер не от потери крови; он умер от страха.

После того как я вырезал ему глаза (отец заметил, что в этом мне еще нужно практиковаться), мама продолжала резать. Сделает несколько небольших надрезов — а потом поглубже. Она обожала вот так играть — сначала чуть колола в плечо, просто чтобы привлечь его внимание, а потом вонзала нож глубоко в бедро и поворачивала (она любила поворачивать нож в ране). Лишившись глаз, он не знал, куда придется следующий удар и где появится следующий разрез. От напряжения его моторчик работал на повышенных оборотах. Когда мистер Картер в первый раз потерял

сознание, отец сходил наверх за нашатырем. Никто не хотел, чтобы он отключился так рано. Пропадало все удовольствие. Правда, чем дальше, тем труднее нам удавалось его взбадривать. Шок часто портит дело.

В конце он глубоко вздохнул или ахнул. Он задержался, сжался — а потом обмяк на бетонном полу. По-моему, он в очередной раз обмарался, но судить наверняка было трудно — он и без того стал похож на грязную кучу. Поскольку все начала мама, я знал, что отец заставит ее убираться; такое было правило. Отец соблюдал свои правила.

Снизу снова донесся смех. Мне стало интересно, чем они там до сих пор занимались.

Я потянулся за очередной добавкой, когда услышал, что в нашу сетчатую дверь тихо постучали. Обернувшись, я увидел за сеткой миссис Картер. Оба глаза у нее были подбиты. Я сразу понял, что к утру кровоподтеки почернеют. Левая щека тоже побагровела и распухла. Левую руку она качала правой.

— Мой муж здесь? — тихо спросила она.

Я потянулся за салфеткой, промокнул губы. На самом деле мне вовсе не обязательно было вытираться, я ел аккуратно, просто надо было подумать, а салфетка выглядела прилично и уместно.

— Он не возвращался домой. Прошло уже несколько часов. — Она говорила хрипло, севшим голосом. Должно быть, до того, как прийти к нам, она долго плакала. Я еще подумал: почему она так хочет, чтобы он вернулся? Он ведь ее избил. Неужели она в самом деле готова пустить его домой, как будто ничего не произошло?

Я встал из-за стола и посмотрел на задвижку. Дверь не была заперта. Я ни в коем случае не собирался впускать ее, но это не означало, что она не могла войти по собственному желанию. Она не была для нас чужим человеком. Обычно она пару раз стучала и сразу после этого входила. Почему бы и нет? Но в тот раз она не вошла. Она стояла на крыльце, раскачиваясь вперед-назад. Стояла и смотрела на меня

подбитыми глазами, которые все время закрывались и больше напоминали щелки.

— Сейчас спрошу у мамы. Подождите, пожалуйста, — сказал я «взрослым», уверенным голосом, почти небрежно. Я словно намекал: «Мне можно доверять, я здесь, чтобы помочь вам всем, чем могу, мадам!»

Она кивнула. Должно быть, кивок причинил ей боль, потому что она поморщилась.

Прежде чем спуститься в подвал, я ей улыбнулся.

Портер — день первый, 15.03

Портер нажал отбой.

— Второй номер — тупик. Клоз говорит, что проверил оба. Первый — мобильный номер ее личного телефона, а вторым она пользовалась только для прямой связи с отцом.

Они стояли у главного входа в школу имени Уитни Янга.

— Он просит нас срочно приехать в управление; пришла запись с уличной камеры видеонаблюдения.

Клоза они застали в информационном отделе. Его стол с компьютером стоял в самом дальнем углу. Вся столешница была завалена справочниками, разрозненными документами, обертками из-под фастфуда и множеством сувениров с Бэтменом. Нэш потянулся к копии бэтмобиля, но не успел дотронуться до игрушки, потому что получил линейкой по руке.

— Когда я прихожу в гости к тебе домой, я не играю с твоими куклами Барби, — буркнул Клоз. — И ты не трогай мои вещи!

— Что ты нашел? — спросил Портер.

Перед Клозом стояли пять мониторов. Посередине — самый большой, двадцатисемидюймовый, с прямым проецированием изображения на сетчатку. По бокам от него имелись еще четыре дисплея с диагональю двадцать два дюйма, по два с каждой стороны. Клоз показал на центральный монитор. В дальнем правом углу застыл городской автобус. В углу, рядом с его левым бортом, стояла группка людей — пешеходов, которые ждали, когда светофор переключится на зеленый.

Портер приблизился.

— Где он?

Клоз постучал по экрану, показывая на небольшое пространство между крупным мужчиной в черном костюме и женщиной с коляской.

— Видишь? Это верх его шляпы.

Нэш прищурился:

— Почти ничего не вижу.

— Сейчас прокручу немного вперед. — Клоз постучал по клавишам, и фигурки задвигались. Женщина наклонилась и что-то сказала малышу в коляске — губы у нее зашевелились. На долю секунды в объективе возник будущий покойник. Хотя он сдвинул шляпу вперед, прикрыв от камеры лицо, сомнений у них не возникло.

— Можно сделать почетче? — спросил Портер.

Клоз покрутил колесико на мыши, увеличивая масштаб изображения.

— Если увеличение слишком большое, изображение становится зернистым. Правда, это не имеет большого значения. Вот, убедитесь сами...

Он снова нажал клавишу воспроизведения, и фигурки на мониторе задвигались в замедленном режиме. Портер смотрел, как по экрану ползет автобус; светофор переключился на зеленый.

— Водитель не врал; когда он подъехал к перекрестку, свет был зеленый.

Клоз постучал по экрану ручкой:

— Следи за нашим парнем!

Когда автобус приблизился, человек в фетровой шляпе шагнул вперед. По-прежнему не открывая лица, он посмотрел на дорогу, потом на тротуар. И вдруг метнулся с тротуара на мостовую. Его ноги даже не успели коснуться земли — плечо столкнулось с радиатором автобуса, и его подбросило вверх и вперед. Даже на замедленной скорости воспроизведения все произошло очень быстро. Он как будто вплавился в капот автобуса; потом отлепился и поплыл в воздухе, исчезая с экрана.

— Проклятие! — буркнул Нэш.

Автобус проехал дальше; стоящие на перекрестке пешеходы как зачарованные смотрели ему вслед.

— Наши ребята допросили всех, но того типа никто не запомнил, — продолжал Клоз. — Почти все стояли уткнувшись в свои телефоны, а шли на автопилоте. Никто не может описать его приметы. Хотя можно было бы предположить, что тип в фетровой шляпе выглядел, мягко говоря, необычно.

— Он явно прыгнул сам, это ясно, — заметил Нэш. — Выходит, он и не собирался идти к почтовому ящику. Самоубийство при помощи средства общественного транспорта.

— Я сто раз перематывал запись назад, на разной скорости, с разным увеличением. Нигде его лица отчетливо не видно, — сказал Клоз. — По-моему, он знал о камере. Хотя выделялся в толпе из-за нелепой одежды, он надвинул шляпу под нужным углом, чтобы его лица не было видно. Он точно знал, что делает, и, по-моему, хотел, чтобы мы видели его, но не его лицо, — отсюда и костюм.

— Итак, Обезьяний убийца знает, что умирает, и, вместо того чтобы позволить всему окончиться естественным путем, похищает последнюю жертву, наряжается в пух и прах и устраивает нечто вроде инсценировки, чтобы убедить нас, что это именно он? — Портер рассуждал вслух. — Он явно рассчитывал, что мы найдем уху и поймем, кто он такой. Он прихватил с собой дневник, потому что хочет, чтобы мы узнали его биографию, поняли, с чего все началось. Он написал биографию так, словно хотел, чтобы ее включили в учебники истории. Он всегда отличался скрупулезностью; зачем оставлять такую важную улику репортерам и психам из Интернета? Как бы ни казалось на первый взгляд, в его действиях нет ничего случайного. И его поступок, и его внешний вид — он продумал все. По-моему, это значит, что любая мелочь, любая деталь его внешности, содержимое его карманов — часы, квитанция из химчистки, может быть, даже мелочь, — все оставлено намеренно.

Нэш нахмурился:

— Сэм, по-моему, ты преувеличиваешь.

— Дешевый костюм, мягкая фетровая шляпа, туфли не по размеру... Вряд ли он что-то оставил на волю случая. Он по-прежнему водит нас за нос, ведет какую-то игру, пытается что-то сказать. Все одно к одному. Как хотите, но все это что-то значит.

— А может, все, что мы нашли, — просто случайный набор всякой дряни, которая оказалась при нем, когда он поцеловался с автобусом?

Портер тяжело вздохнул.

— Не стоит видеть заговор во всем, что тебя окружает, вот что я имею в виду, — объяснил Нэш.

— Этот тип орудовал в городе несколько лет, не оставляя после себя ни единой улики, ни единой зацепки; а теперь вот что случилось... — У Портера зазвонил телефон. Он выхватил его из кармана; слушая, что говорят на том конце линии, кивал. Закончив

разговор, он схватил ключи со стола Клоза. — Звонил Гиллеспи из «Флэр-Тауэр». Они задержали Барроуз, которая поднималась наверх в служебном лифте.

Маму и отца я нашел внизу; они катались по окровавленному полу, сплетясь в тесном объятии, и хохотали, как школьники в перемену. Я поднес палец к губам, заставляя их замолчать.

— В чем дело, приятель? — спросил отец, отбрасывая с маминого лица длинную прядь волос. Под волосами у нее на лице я заметил что-то красное — возможно, прилип кусочек плоти. Точнее сказать было бы затруднительно; она вся была в крови.

— Там наверху миссис Картер, она стоит у двери черного хода, — тихо сказал я. — Она ищет мистера Картера. Она видела, как он зашел к нам. Видела, как он зашел в дом вместе с мамой. Я наблюдал за ними со двора.

По отцовскому лицу трудно было понять, о чем он думает; так было всегда. Он повернулся к маме:

— Это правда? Она видела?

Мама пожала плечами:

— Возможно. Он вел себя совершенно безрассудно, угрожал насилем. Я просто защищалась. Лайза все поймет. Она очень понятливая женщина.

Отец быстро обвел подвал взглядом, обдумывая происходящее. Мистер Картер, превратившийся в кучу окровавленного мяса, по-прежнему был прикован к водопроводной трубе; его тело выглядело гораздо хуже, чем раньше, когда мне надоело развлекаться и я вернулся наверх. Мама и отец продолжили резать и кромсать его и после того, как он умер. То, что осталось, больше не было человеком: это была грудa мяса, отброшенная игрушка хищника.

— Она там, — сказал я. — Наверху.

Мама вздохнула:

— Нам сейчас не до гостей.

— Может, попросим ее зайти попозже? — ухмыльнулся отец.

— У нас дверь черного хода не заперта. Она может войти, — сказал я. — Может быть, уже вошла.

— Очень будет некстати, — заметил отец, выпуская маму и вставая.

Мне пришлось с ним согласиться.

— Как думаешь, получится у тебя прогнать ее? — спросил меня отец.

— Н-не знаю, — запинаясь, ответил я.

— Приятель, ты уже большой мальчик, практически мужчина. Нисколько не сомневаюсь в том, что ты намного умнее ее. Разберись, реши головоломку, найди способ.

Я понимал, что миссис Картер сейчас никак нельзя видеть маму и отца, особенно в таком виде. А пройти мимо нее незамеченными им бы никак не удалось — с заднего крыльца отлично просматривалась дверь в подвал. Если, конечно, предположить, что она по-прежнему стояла за дверью.

В глубине души мне даже хотелось, чтобы она зашла в дом и стояла сейчас на ступеньках, прислушиваясь. Я вспомнил, как наблюдал за ней на берегу озера. Представил, что бы почувствовал, если бы приковал ее в подвале.

— Что скажешь, приятель? Как по-твоему, справишься ты с ней?

Я кивнул:

— Да, сэр.

Эмори — день первый, 15.34

Эмори лежала на каталке, свернувшись калачиком, прижав одну руку к уху, а вторую к стене. Правда, совсем заглушить музыку не получалось. Она была слишком громкой, громче, чем из любого динамика. Несколько месяцев назад они с Кирсти Доналдсон ходили на концерт группы Imagine Dragons; они стояли шагах в трех от сцены, прямо перед усилителем — такого огромного она в жизни не видела. Усилители были такими мощными, что у них на головах волосы буквально вставали дыбом, и они сделали грандиозные селфи.

Но сейчас все было гораздо громче. Музыка была не просто громкой — она оглушала, многократно отдаваясь от стен. Ритм сотрясал ее до костей.

Когда музыка только началась — ей казалось, с тех пор прошло несколько часов, — она пыталась кричать, но из-за грохота не слышала собственного голоса. Сначала она прослушала «Роллинг Стоунз», потом Дженис Джоплин, за которой последовала еще дюжина групп; многие казались знакомыми, но их названия она не знала. И все же она кричала; в ней горели гнев, ненависть и страх, которые требовали выхода. Она кричала, пока не охрипла; Эмори понимала, что, скорее всего, у нее сел голос, слышит она это или нет. Она кричала, пока язык не стал сухим и шершавым, как наждак, а голова не начала разламываться от боли.

Эмори пыталась спрятать голову между коленями, и это ненадолго помогло, но вскоре правое плечо затекло оттого, что голова склонилась под неудобным углом. Она в досаде дернула наручники, но металлический браслет лишь глубже врезался в запястье. Ей хотелось плакать, но слезы иссякли несколько часов назад.

Как же холодно!

Без одежды все поверхности казались сырыми и ледяными.

— Мама! — Хотя позвала вслух, она себя не слышала. Теперь вокруг нее гремел саундтрек из сериала «Место преступления»... она смутно вспомнила название группы, которая исполняла главную тему:

The Who, кажется. Она терпеть не могла классический рок, почти так же сильно, как рэп. — Мама, ты еще здесь?

После саундтрека к «Месту преступления» зазвучала песня «Отель Калифорния». Эту песню она очень любила; к счастью, мелодия исполнялась чуть тише, чем другие. Она подняла голову и взглянула вверх. Она была почти уверена, что музыка доносится откуда-то сверху, с большой высоты. Шли часы; глаза Эмори немного привыкли к темноте. Хотя мрак был по-прежнему почти кромешным, она различала очертания предметов. Увидела ножки каталки, во всяком случае, ближайšie к ней. Она видела свою руку, прикованную к каталке, и часть защитного бортика. Она попробовала повернуть наручники на запястье, надеясь, что удастся найти слабое звено в цепочке или цепь соскочит с перил, но цепь звякнула о крестовину, которая не давала ей больше двигаться. Потом она...

Внизу послышался шорох. Эмори взвизгнула и поспешно подтянула ноги к груди.

— Что там? Таракан?!

Нет. То, что там пробежало, было слишком большим для таракана. Скорее это мышь или...

Только не крыса! Все что угодно, только не крыса! Эмори терпеть не могла крыс. Иногда она видела их на улице — они вылезали из водостоков, поблескивая глазками-бусинками и щеря острые желтые клыки. Потом крысы бежали в переулки, к мусорным контейнерам, в поисках еды. Крысы едят все подряд. Она слышала, что иногда крысы нападают на бездомных большими группами или стадами... нет, скопление крыс называется не так. Когда-то она это учила — несколько лет назад такой вопрос попался ей в контрольной по естествознанию. Стая — вот как! Тогда ей показалось это смешным. Большая группа крыс называется стаей. Сейчас ей было совсем не смешно. Что может быть хуже крысы? Только стая крыс.

— Мама!

Что-то еще задело ее ногу, и она, резко отдернувшись, ударилась головой о край каталки. Пожалуйста, не надо! Только не крысы! Они наверняка хорошо видят в темноте. Эмори представила себе зверька, который затаился в углу и смотрит на нее, оскалив пасть. Из пасти капает слюна — наверняка заразная...

«Не люблю все время говорить о плохом, но вынуждена задать тебе вопрос. Чем, скорее всего, будет питаться крыса, запертая в цементном мешке вместе с голой девочкой?»

Эмори застонала и на секунду услышала свой стон. Потом гитарные риффы заглушили все остальные звуки.

«Я знаю, крысы в еде непривередливы; они благодарны за любую предложенную им еду. Наверное, нежная юная девушка придется им по вкусу. Ты со мной согласна? По сравнению со старым иссохшим бомжом ты для них — как нежная мраморная говядина».

Эмори снова взгляделась в окружающий ее мрак. Она чувствовала, как крыса следит за ней, но сама не видела ее.

«Интересно, умеют ли они лазать».

Каталка закрипела, когда Эмори сдвинулась на середину.

«Наверное, если их много, они способны построить крысиную пирамиду и взобраться наверх друг по другу. Они изобретательные твари. Мне говорили, что иногда они нарочно кусают жертву в щеку, чтобы та открыла глаза и они могли выгрызть их из глазниц. Для них это хорошая приманка. Они коварны. Да, эти мелкие твари очень коварны!»

— Нет там никакой крысы, — вслух сказала Эмори. — Как крыса сюда попадет?

«Ага, в том-то и загвоздка. Хотя... он ведь как-то поместил сюда тебя. Может, он и крысу подбросил... или двух, или трех. В конце концов, он отрезает части тела и рассылает их родственникам жертвы; его способ развлекаться можно назвать в лучшем случае сомнительным. Скорее всего, у него не все дома».

У Эмори чаще забилося сердце; пульс глухо стучал в изуродованном ухе.

В очередной раз, когда крыса пробежала мимо, она отчетливо разглядела ее, пусть всего на миг. Потом упитанный грызун скрылся во мраке.

Я поднимался по ступенькам медленно, как улитка, соображая на ходу и пытаюсь сочинить какую-нибудь правдоподобную историю. Главное — не пускать ее к нам в дом, тем более — не дать спуститься в подвал.

Выйдя на кухню, я увидел, что она сидит за столом. Похоже, пока меня не было, она снова плакала. Вытирала глаза мокрой салфеткой и отщипывала куски булки.

Переступив порог, я закрыл за собой дверь в подвал. Летом рама разбухла; мне пришлось с силой дернуть ручку, чтобы дверь закрылась плотно.

Я сел за стол, не сводя взгляда с остывшего рагу.

— Там что-то случилось с котлом, и мама помогает отцу его чинить.

Я говорил тихо, так тихо, что едва слышал себя. Я придумал не самую лучшую ложь, но решил, что и так сойдет; ничего другого в голову все равно не приходило. Потом я поднял глаза и посмотрел на ее усталое лицо.

Миссис Картер тоже посмотрела на меня. Хотя я отсутствовал лишь несколько минут, мне показалось, что синяки у нее под глазами еще больше потемнели, а щека еще больше распухла. Как может мужчина сделать такое с женщиной, которую он любит, как может он причинить ей такую боль? Она дергала коленом под столом, а когда заговорила, голос у нее был слабым, далеким:

— Он ведь умер, да?

Она скорее утверждала, а не спрашивала, и говорила без всяких эмоций.

— Они там чинят котел, — повторил я. — Котел у нас старый и часто выходит из строя.

Она покачала головой и вздохнула:

— Можешь сказать мне правду, ничего страшного.

Отец просил меня разобраться с ней. Он хотел, чтобы я решил головоломку. Если я ей скажу, им придется и ее убить? Если она должна умереть, то умрет ли она по моей вине?

Но ведь она должна была узнать; она имела право знать. Как она поступит, если я сейчас промолчу? Уйдет домой и вызовет полицию? А потом, еще хуже, скажет полицейским, что мистер Картер пошел к нам и больше не возвращался? Я должен был ей сказать.

— Он хотел сделать маме больно. Она защищалась. Никто не имеет права обвинять ее за это.

Она снова вздохнула и скомкала в руке мокрую салфетку.

— Да. Наверное.

— Давайте я отведу вас домой, — сказал я ей.

Миссис Картер вытерла нос тыльной стороной ладони.

— А как... что они сделали с... господи, неужели он правда умер?

Она снова разрыдалась. Ее поведение озадачивает меня даже сейчас, хотя с тех пор прошло много лет. Иногда кажется, что у женщин нескончаемый запас слез; они так легко плачут по любому поводу — и не просто плачут, рыдают. У мужчин все по-другому. Мужчины плачут редко, во всяком случае от эмоций. У них слезы появляются скорее от боли. Женщины замечательно справляются с болью, но не с эмоциями. Мужчины справляются с эмоциями, но не с болью. Различия иногда очень тонки, и тем не менее они есть.

Я никогда не плакал. Я сомневался в том, что умею плакать.

Я встал и протянул ей руку:

— Пойдемте, я отведу вас домой.

Портер — день первый, 16.17

Вход в пентхаус Эмори караулил полицейский Томас Гиллеспи. В одной руке он держал чашку кофе, а в другой — бутерброд с ветчиной. Губы у Гиллеспи были испачканы майонезом; и на нагрудном кармане его форменной рубашки висела майонезная клякса, которая постепенно двигалась вниз. Сначала Портер хотел сказать Гиллеспи, что он испачкался, но потом решил промолчать. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем клякса сползет вниз, на пол. Нэш тоже заметил майонез, но ничего не сказал. Портер и Нэш понимающе переглянулись.

— Вижу, ты тут устроился с удобствами, — заметил Портер, переступая порог.

Гиллеспи откусил очередной кусок и вытер рот рукавом.

— Все лучше, чем восемь часов торчать в патрульной машине, — ответил он с набитым ртом. — Никогда не видел такой красивой квартиры. — Он кивнул в сторону гостиной: — Диван со встроенным массажем или чем-то в этом роде. Стоит на него сесть, и подушки делают тебе массаж. Телевизор тоже откуда-то узнает, что ты здесь, — включается, как только ты заходишь в комнату. Нет, я не просиживаю штаны во время работы — разве что минутку-другую. Да, кстати, внизу у них настоящий ресторан и магазин деликатесов; там я купил поесть. Такого вкусного бутерброда я в жизни не ел! — Он откусил еще кусок; ломоть ветчины упал ему на ботинок.

— Том, где она? — спросил Портер, теряя терпение.

Гиллеспи махнул второй рукой в сторону коридора, едва не расплескав кофе.

— В своей комнате, левая дверь, а не правая. Кстати, ее зовут Нэнси, Нэнси Барроуз. Не женщина — огонь!

Портер прошел мимо него в коридор. Гиллеспи последовал за ним.

Нэш проговорил одними губами:

— Я тоже хочу!

— Бутерброд или кофе? — нахмурился Гиллеспи.

— Диван, — ответил Нэш.

— А, да... я тоже. — Гиллеспи откусил еще и выругался, увидев, что майонезная клякса упала на деревянный пол.

Дверь в спальню была закрыта. Портер негромко постучал.

— Мисс Барроуз! Я детектив Сэм Портер из Чикагского полицейского управления. Можно войти?

— Открыто, детектив! — ответил женский голос. Он услышал легкий австралийский акцент, напомнивший ему о Николь Кидман.

Портер повернул ручку и открыл дверь.

Ясно. Николь Кидман, только покрупнее. Килограммов сто, а то и больше.

Нэнси Барроуз сидела за столом в углу; на ее пухлых коленях лежала книга. Вошедшего Портера она смерила мрачным взглядом.

— Пока ваш подчиненный-неандерталец рылся на кухне и бог знает где еще, он запер меня в комнате. Учтите, я подам жалобу вашему начальству, не говоря уже о мистере Толботе! Он точно не потерпит такого обращения. У кого-то даже хватило наглости рыться в моих вещах, в моем белье! Кто дал вам право?

Портер постарался улыбнуться как можно миролюбивее:

— Прошу прощения, мисс Барроуз. Мы делаем все возможное, чтобы как можно скорее найти Эмори. Мистер Толбот дал нам разрешение сюда войти. В квартире никого не было, и мы принялись осматривать все, что могло помочь нам найти девочку. Если мы порылись в ваших личных вещах, то из самых лучших побуждений.

Она прищурилась:

— Вы рассчитывали найти зацепку в ящике с моим нижним бельем?

Портер не нашелся с ответом. Он покосился на Нэша; тот лишь пожал плечами. Портер решил пропустить вопрос мимо ушей.

— Будьте добры, скажите, где вы были сегодня утром?

— Ходила за покупками.

— У нее были продукты, когда она вернулась, — сказал Гиллеспи с порога. — Правда, не представляю, что можно делать семь часов в продуктовом магазине.

Нэнси Барроуз глубоко вздохнула:

— К вашему сведению, сегодня у меня выходной. Я подстриглась, уложила волосы и сделала несколько других дел. С каких пор покидать

свою квартиру — преступление?

Портер переступил с одной ноги на другую.

— Скажите, мисс Барроуз, когда вы в последний раз видели Эмори?

— Вчера вечером она пошла бегать. Так как по телевизору были новости, должно быть, она ушла в половине шестого или в шесть; самое позднее — в четверть седьмого, — ответила она. — Кажется, накрапывал дождь, и все-таки она пошла.

— И вы не встревожились, когда она не вернулась?

Барроуз покачала головой:

— Я решила, что она пошла к своему бойфренду. Последнее время они много бывают вместе.

— Когда вы поняли, что с ней что-то случилось?

Она покосилась на книжку у себя на коленях:

— Не думаю, что я что-то поняла. Повторяю, иногда она ходит к своему бойфренду.

— Ей пятнадцать лет, — напомнил Нэш. — Восемь вечера... Девять вечера... Когда она обязана возвращаться домой? Моя дочь — ее ровесница; я бы ни за что не отпустил ее в город после наступления темноты, особенно с каким-то парнем.

— Детектив, я не ее мать.

Портер показал на фотографии:

— Вы играете заметную роль в ее воспитании. Очевидно, она вам небезразлична.

Барроуз покосилась на снимки и перевела взгляд на детективов:

— Я стараюсь помочь ей, чем могу, и первая готова признать, что со временем мы с ней стали довольно близки, но ее отец ясно дал понять, что я — просто обслуживающий персонал, ничего больше; меня легко будет заменить, если я переступлю некие границы. Если вывести за скобки мои чувства к Эмори, работа мне нравится и я не горю желанием ее потерять.

— В чем конкретно заключаются ваши обязанности? — спросил Нэш.

— Главным образом, я — наставница Эмори. Я живу с ней с тех пор, как скончалась ее мать. Слежу за ее учебой и за домашней прислугой.

— Как в фильме «Миссис Даутфайр»?

— Кто? — нахмурилась мисс Барроуз.

Портер отодвинул Нэша:

— Не важно. Эмори не ходит в школу?

Барроуз снова тяжело вздохнула:

— Детектив, школьная система в вашей стране оставляет желать лучшего. Мистер Толбот хотел, чтобы Эмори получила по возможности наилучшее образование. Лучший способ приобрести знания — заниматься один на один. Я училась в Оксфорде и была первой студенткой в выпуске. У меня две докторские степени, по психологии и по литературе. Кроме того, я три года проучилась в Кембриджской школе семейного образования. Я создала среду, в которой интеллект Эмори расцветает и развивается, а не пребывает в застое из-за некомпетентности ваших учителей и сверстников, с которыми она встретилась бы в какой-нибудь местной школе. В шесть лет она уже читала на уровне пятого класса. К двенадцати годам она превзошла программу по математике средней школы. На следующий год она будет готова к поступлению в университет — на два года раньше, чем большинство школьников в вашей стране.

Портер заметил, что мисс Барроуз говорит гладко, как по писаному. Скорее всего, ей уже не раз приходилось произносить подобную речь в защиту домашнего образования.

— Кто ее воспитывает, следит за дисциплиной? Кто, например, рассказывает о вреде спиртных напитков? Кто проверяет, с какими мальчиками она встречается? Почему у нее вообще появился бойфренд в пятнадцать лет? — вмешался Нэш.

Мисс Барроуз закатила глаза:

— Если с раннего возраста прививать девочке правильные ценности, она вырастает более зрелой, чем ее сверстницы, и в подростковом возрасте вполне заслуживает доверия.

— Значит, вы считаете нормальным закрывать глаза на то, что она в любое время дня и ночи одна выходит на пробежку? — возмутился Нэш.

— Нэш, достаточно, — осадил его Портер. Он помнил, что дочь его напарника — ровесница Эмори. И все-таки не стоит проецировать на работу свои семейные проблемы.

— Извините, но мне кажется, что тот, кому поручено опекать девочку, не должен отпускать ее бегать одну после наступления

темноты. Почему ее не держали в строгости?

Барроуз нахмурилась:

— Эмори — необычная девочка. Она умна и изобретательна. Гораздо умнее и изобретательнее, чем была я в ее возрасте, и гораздо умнее большинства сверстников. Я не вижу смысла ей перечить; главное — чтобы ее досуг не влиял на успеваемость.

Нэш густо покраснел:

— Перечить? Ничего себе! Кто здесь вообще все решает?!

Барроуз решила, что с нее хватит.

— Детектив Нэш, в конечном счете я работаю на мистера Толбота. Мои обязанности ограничиваются образованием девочки, ее оценками. Если бы мистер Толбот хотел, чтобы я в какой-то степени заменяла ей родителей, я бы охотно с этим согласилась, но, нанимая меня, он дал понять, что такой задачи передо мной не ставит — и сейчас не хочет, чтобы я играла такую роль. Если у вас есть вопросы или вы озабочены воспитанием Эмори или ее окружением, советую обратиться непосредственно к мистеру Толботу. А я не потерплю, чтобы мне выговаривали за то, что находится вне моей компетенции! Учтите, хотя сейчас я беседую с вами добровольно, продолжать разговор у меня нет никакого желания.

Нэш уже приготовился возразить, но Портер сжал его плечо:

— Пойди-ка прогуляйся, выпусти пар. Дальше я сам.

Нэш смерил их обоих досадливым взглядом и вихрем вылетел из комнаты.

— Мисс Барроуз, прошу прощения за моего напарника. Он совершенно необоснованно сорвался на вас.

Она потерла подбородок:

— Понимаю его тревогу, но, не зная ни мистера Толбота, ни Эмори...

Портер поднял руку:

— Не нужно ничего объяснять!

— Она мне безразлична, в самом деле безразлична. Мне больно при мысли, что она могла попасть в беду.

— Когда вы впервые узнали, что ее похитили? — спросил Портер.

— Около часа назад мне позвонил мистер Толбот, — ответила она. — Он был очень расстроен, чуть не плакал. Сказал, что играл в гольф со своим адвокатом и два детектива специально разыскали его,

чтобы сообщить о том, что Эмори пропала... — Она помолчала и продолжала: — Поскольку сегодня у меня выходной, с утра я выключила телефон. Иначе, конечно, я бы обо всем услышала раньше. После его звонка я сразу вернулась сюда. — Она глубоко вздохнула. — Знай я раньше...

Портер положил руку ей на плечо:

— Все нормально, мисс Барроуз. Сейчас вы здесь.

Гувернантка кивнула и натянуто улыбнулась.

— Какие у Эмори отношения с отцом?

Барроуз вздохнула:

— Знаете, до сегодняшнего утра единственной эмоцией, которую он проявлял, был гнев. Обычно он держится очень отстраненно, особенно с Эмори. Он редко приезжает ее навестить. Я должна еженедельно представлять отчет о ее успехах в учебе. Так он следит за ней, оставаясь на расстоянии. Насколько я понимаю, у него есть все основания быть сдержанным... но все-таки он ее отец. Конечно, следует ожидать, что ему пристало принимать больше участия в ее жизни.

— Но ведь они, кажется, часто разговаривают по телефону?

Мисс Барроуз пожала плечами:

— Да, разговаривают, но общаются совсем не так, как нормальные отец и дочь. Девочка знает, что у нее есть богатый покровитель, спонсор, если хотите, но больше ничего. Она боится его и хочет ему угодить, но в их отношениях очень мало любви. Вот почему его реакция так удивила меня... — Она наклонилась и понизила голос: — Если бы вы задали мне такой же вопрос неделю назад, я бы ответила, что этот человек, узнав о ее похищении, скорее улыбнется, чем проронит хоть слезинку. Наличие незаконнорожденной дочери, которая много лет сидит у него на шее, — проблема, которую не всегда можно решить с помощью денег, и это не дает ему покоя. Он не любит ничего, что не может контролировать. Он часто бывает холодным, очень холодным.

— Как по-вашему, он может быть замешан в ее похищении?

Мисс Барроуз ненадолго задумалась, а потом покачала головой:

— Нет. Хотя он бессердечный ублюдок, не думаю, что он способен причинить вред своей плоти и крови — как, впрочем, и кому-то другому. Если бы он хотел убрать ее из своей жизни, он бы что-

нибудь сделал уже много лет назад. Девочка ни в чем не нуждается. Он заботится о том, чтобы у нее все было самое лучшее.

— В обмен на молчание? — спросил Портер.

— Нет, скорее на сотрудничество, — ответила она. — Я никогда не слышала, чтобы он просил ее держать их отношения в тайне. Все очень просто: они друг друга понимают.

В комнату заглянул Гиллесли, хрустя картофельными чипсами. Портер угрожающе покосился на него; Гиллесли поднял руки и вышел. Портер снова повернулся к мисс Барроуз:

— Вы не заметили ничего необычного в дни или недели, предшествовавшие ее вчерашнему похищению? Она ничего такого не говорила? Может, обмолвилась, что ей кажется, будто за ней следят? Может, ей звонили с незнакомого номера и бросали трубку? Меня интересуют любые происшествия.

Барроуз покачала головой:

— Я ничего такого не помню.

— А она сказала бы вам, если бы что-нибудь было?

— Вопреки всему, что думает обо мне ваш напарник, мы с Эмори были близки... то есть мы с ней близки. Она о многом мне рассказывала, делилась со мной, доверяла мне и в других вопросах. Если бы ее что-то беспокоило, наверное, она бы об этом упомянула.

— В других вопросах?

Мисс Барроуз покраснела:

— В женских вопросах, детектив. Обычное дело...

— Скорее всего, ее похититель какое-то время следил за ней. Не появился ли в ее жизни кто-то новый? Не заметили ли вы в последнее время в здании человека, которого не видели раньше? А может, кого-то, кого видели здесь, а потом где-то еще, например сегодня в продуктовом магазине?

— Вы думаете, он следил за ней?

Портер пожал плечами:

— Мы не знаем. Могу вам сказать, что ее похититель чрезвычайно осторожен. Он ничего не оставляет на волю случая. Не думаю, что он схватил ее в парке под влиянием порыва. Скорее всего, он какое-то время следил за ней, узнал ее распорядок дня, привычки, вычислил, где и когда она бывает. Возможно, он следил и за вами.

Мисс Барроуз посмотрела на свои руки и покачала головой:

— Никого такого я не помню. Наш жилой комплекс очень хорошо охраняется. Думаете, он мог пройти сюда?

— В прошлом ему удавалось проходить в здания, которые охранялись еще серьезнее. По-моему, если бы у него появился повод сюда попасть, он бы что-нибудь придумал.

Вдруг мисс Барроуз ахнула:

— Книга!

— Какая книга? — нахмурился Портер.

Барроуз встала и быстро вышла из комнаты, едва не сбив по пути Гиллесли. Портер поспешил за ней; он невольно восхитился быстротой ее движений — в конце концов, гувернантка была довольно крупной женщиной. Она вышла в гостиную и взяла со стола учебник, который они нашли в свой прошлый визит.

— Я увидела его три дня назад и спросила о нем Эмори. Весь изложенный в нем материал мы прошли два года назад. Я еще подумала: странно, что она купила учебник высшей математики, тем более такой заурядный. Мы уже давно занимаемся по более продвинутой программе. Она ответила, что не покупала учебник и понятия не имеет, откуда он взялся.

Портер настороженно глянул на обложку.

— Мисс Барроуз, пожалуйста, положите книгу.

Сетчатая дверь, которая вела на кухню Картеров, так и стояла открытой нараспашку. Она ударялась от ветра о белую дверную раму с облупившейся краской. Я придержал ее, пропуская миссис Картер вперед. Она зашла в дом; на кухне было темно. На обратном пути она не произнесла ни слова; мы оба молчали. Если бы не шелест ее шагов, я бы и не знал, что она идет за мной.

Я закрыл дверь и задвинул засов. Ветер снаружи взвыл в знак протеста.

Миссис Картер встала лицом к раковине, оперлась руками о столешницу и склонила голову. Глаза у нее подернулись поволокой; она о чем-то задумалась. Я заметил на кухонном столе бутылку бурбона, а рядом с ней стакан с картинкой из мультика про Снупи и Вудстока. Правда, краски на картинке давно выцвели. Я налил в стакан немного бурбона — как сказал бы отец, на два пальца.

— Ты не слишком ли мал для такого? — поинтересовалась миссис Картер, разворачиваясь ко мне лицом.

— Это я не себе, а вам. — Я протянул ей стакан.

— Лучше не надо.

— А по-моему, надо.

После работы отец никогда не отказывался пропустить стаканчик-другой; я знал, что спиртное помогает ему расслабиться. А миссис Картер точно нужно было расслабиться.

Она с сомнением посмотрела на коричневую жидкость, но все-таки взяла стакан и поднесла к припухшим губам. Она прикончила бурбон одним махом — если бы существовала такая должность, как тренер по питью, он бы сейчас ею гордился. Потом она с размаху поставила стакан на столешницу, передернулась и крякнула.

Я невольно улыбнулся. Она вела себя со мной как со взрослым. Мы с ней в тот миг были как два приятеля, которые решили хлопнуть по рюмочке на кухне. Мне ужасно хотелось попробовать, но я внушал себе, что сейчас не время; мне нужно сохранять ясную голову. Ночь впереди длинная.

— Хотите еще? — спросил я.

Когда она кивнула, я налил ей еще, чуть-чуть побольше, чем в прошлый раз.

Она выпила вторую порцию быстрее, чем первую; она больше не вздрагивала, а на губах даже появилось подобие улыбки. Потом она села за стол.

— Саймон был хорошим человеком — почти все время. На самом деле он не хотел сделать мне больно. Все... только от напряжения. Он не заслуживал того, чтобы...

Я сел за стол рядом с ней.

В школе я, бывало, часами набирался храбрости, когда хотел попросить у девочки карандаш. Я рос застенчивым мальчиком. Но в миссис Картер было что-то такое, из-за чего рядом с ней я чувствовал себя свободно. Рядом с ней у меня не сосало под ложечкой, мне не делалось жарко, как обычно в таких случаях. Я осторожно погладил ее распухшую щеку. За последние двадцать минут кровоподтеки заметно почернели.

— Он наверняка причинил бы вам боль снова, может быть, даже убил бы вас.

Она покачала головой:

— Нет, только не мой Саймон. Он был не такой.

— Такой, такой; посмотрите, что он с вами сделал.

— Я сама виновата, я заслужила.

В голове у меня мелькнула картинка: миссис Картер с моей матерью. Знала ли она, что я все видел?

— Вы не сделали ничего такого, что заслуживало бы избиения, какое он вам устроил. Мужчина не должен распускать руки с женщиной... если он настоящий мужчина.

Она улыбнулась:

— Тебя научил этому отец?

Я кивнул:

— Женщин надо уважать, холить и лелеять. Они — дары, ниспосланные нам. — Кроме того, отец говорил, что женщины слабы и не способны защищаться от избиения, ни физического, ни словесного, но эту часть я опустил.

— Твой отец очень милый.

— Да.

Миссис Картер потянулась к бутылке и налила себе еще, потом подвинула бутылку мне:

— Может, попробуешь? Ты когда-нибудь пил спиртное?

Я покачал головой. Я солгал. На мой прошлый день рождения отец смешал мне «Мартини». Мама налила себе бокал своего любимого красного вина, и мы чокнулись. Я почти все выплюнул на стол, а остальное так сильно обожгло мне горло, что я не смел больше пить. Мама смеялась, а отец похлопал меня по спине:

— К выпивке, приятель, требуется привычка! Ничего, когда-нибудь ты распробуешь, и тебе понравится. Правда, боюсь, этот день настанет не сегодня! — Потом он тоже рассмеялся: — Может быть, ты скорее любитель пива!

Миссис Картер снова подвинула ко мне бутылку:

— Давай же, не бойся. Она не кусается. Т-ты ведь не хочешь, чтобы я пила одна? Это было бы очень невежливо. — Голос у нее стал не такой резкий, как раньше. Язык еще не заплетался, но даже мальчик с таким ограниченным опытом, как я, понимал, что она изрядно навеселе.

«Разберись, реши головоломку, найди способ»...

Я взял бутылку и отвинтил крышку. Прочитал надпись на черной этикетке: «Эван Уильямс. Кентуккийский бурбон». В свете лампы над столом бурая жидкость поблескивала, как жидкая карамель. Я поднес бутылку к губам и сделал маленький глоток. Горло обожгло, но не так сильно, как тогда от «Мартини». Наверное, во второй раз я уже знал, чего ожидать, а может, у меня развилась переносимость. Мне стало... хорошо. Я бы не выбрал бурбон сам, но и назвать его плохим не мог. Более того, от виски в желудке стало

жарко. Я сделал еще глоток, чуть больше, чем в предыдущий раз.

Миссис Картер засмеялась:

— Посмотрите на него! Ты прямо заправский пьяница! Вот погоди, дам тебе сигару и красивую бейсболку, и можешь идти играть в покер с дружками!

Я улыбнулся и придвинул бутылку ей:

— Еще хотите?

— Ты что же, меня спаиваешь?

— Нет, мэм, просто я подумал...

— Дай сюда. — Она потянулась к бутылке. На сей раз не стала возиться со стаканом; выпила прямо из горла, как до того я. Когда она поставила бутылку на стол, ее снова передернуло.

— «Леденцы — молодцы, а коньяк — верняк», — пробормотал я себе под нос.

Она расхохоталась:

— Где ты это слышал?

— Отец как-то сказал. В тот вечер он сильно напился.

— Твой отец, похоже, очень интересный человек, — заметила она.

Я подумал, не выпить ли еще глоточек. От первого мне стало тепло и спокойно. Спокойствие — это хорошо. Мне нравилось быть спокойнее. Я кивнул в сторону бутылки, и она вернула ее мне. Она расплылась в улыбке, а потом вдруг прыснула.

— Что? Что я сделал?

Она замахала на меня руками и закашлялась от смеха. Губы у меня расплылись в улыбке, а потом я расхохотался вместе с ней, хотя и не понимал, над чем она смеется.

— Скажите! — потребовал я. — Вы должны мне сказать!

Миссис Картер положила обе ладони на стол и перестала смеяться. Она хмыкнула и сказала:

— Я подумала: если отправлю тебя домой пьяного, твои родители, наверное, убьют меня.

Я какое-то время смотрел на нее в упор, в глаза. Потом мы оба снова расхохотались; смех смешивался со слезами — мы хохотали до колик.

Она взяла бутылку и отпила еще глоток. Бурбон тек как вода.

— Любимый напиток Саймона. Правда, после бурбона он всегда делался таким злым! Ты ведь не злишься, нет?

Я покачал головой.

— И я тоже не злюсь. Так почему он становился таким злым? Почему всякий раз злился и бил меня, стоило ему притронуться к этой бутылке? Почему он не мог стать таким, как мы с тобой сейчас? Смешно. Господи, неужели он правда умер? Мой Саймон умер! Они в самом деле убили его, да?

Я понял, что напрасно пил во второй раз. Теперь напротив меня сидели две миссис Картер. Если я прищуривался правильным образом, они на какое-то время сливались в одну, а потом их опять становилось две. Я закрыл один глаз, потом второй, потом снова открыл первый.

— Я знаю, позавчера ты подглядывал за мной там, у озера, — тихо сказала миссис Картер.

Адреналин ударил мне в голову, две миссис Картер соединились в одну и больше не раздваивались.

— Вы... знаете?

Она медленно кивнула:

— Ага.

Я покраснел. Оторвал от нее взгляд и уставился на стол, на бурбон. Потянулся к бутылке, но, прежде чем я схватил ее, рука миссис Картер накрыла мою. Она дрожала:

— А знаешь, мне почему-то даже хотелось, чтобы ты смотрел. Я видела, как ты ходил туда с удочкой. Я знала, что ты там будешь.

— Зачем вы...

— Иногда женщина хочет быть желанной, вот и все. — Она сделала еще глоток. — По-твоему, я хорошенькая?

Я кивнул. Она казалась мне настоящей красавицей. Кроме того, она была взрослой женщиной. Не такой, как девчонки в школе, которые только-только выросли из

лифчиков нулевого размера, «принцессиных» вечеринок, обмена записками и мечтаний о самой последней и крутой мальчиковой группе. Она была женщиной — женщиной, которая говорила со мной «об этом». Вернулось тогдашнее ощущение; кровь ударила мне в пах. Я знал, что ей ничего не видно под столом, и все-таки смутился. Выдернул у нее руку и поднес бутылку к губам; на этот раз меня не обожгло. Бурбон показался мне просто восхитительным.

Я вернул ей бутылку, и она не отпрянула; она отпила из горлышка. Когда она наконец отлепилась от бутылки, содержимое уменьшилось почти на четверть. Миссис Картер попыталась поставить ее на стол, но промахнулась. Бутылка упала на пол и со звоном разбилась; стекло и бурбон оказались у нас под ногами.

— Ах ты... — сказала она. — Ну и наделала я дел! Плохо.

— Ничего страшного, я все уберу. — Я встал со стула, и стены закружились у меня перед глазами. Я ухватился за спинку стула, несколько раз глубоко вздохнул. Стены остановились.

Миссис Картер наблюдала за мной со своего стула — желтая виниловая обивка и металлический каркас. Потом она уронила голову на стол, на сложенные руки.

Я стоял в полной тишине. Я не произнес ни слова, пока не услышал, как ее дыхание выровнялось, как бывает во сне. Тогда я толкнул дверь на улицу, и на кухню проникла ночная прохлада.

Надо позвать маму и отца — один я не сумею ее связать.

Портер — день первый, 16.49

— Он старый. Тираж давно распродан. — Уотсон читал крошечные буквы на своем айфоне. — «Высшая математика», авторы Уинстон Гилберт, Томас Бротингтон и Кармел Торнтон. Первое издание — тысяча девятьсот двадцать третий год, а последнее, судя по всему, вышло в тысяча девятьсот восемьдесят девятом.

Три человека склонились над книгой, лежащей на столе в квартире Эмори. Освобождая место, отодвинули в сторону степлер, рулончик клейкой ленты и стакан с ручками.

Уотсон достал из черной коробочки кисть и порошок для снятия отпечатков. Окунул кисточку в порошок и начал посыпать обложку, делая рукой круговые движения, чтобы порошок лег ровным слоем.

— Желаю удачи, когда будешь возвращать его в библиотеку, — мрачно заметил Нэш.

Уотсон сделал вид, что не слышал. Он достал из сумки большой фонарь, включил его и снова склонился над книгой.

— Это обычный фонарь? — спросил Портер.

Уотсон покачал головой:

— «Феникс»-семьсот пятьдесят. Его светодиоды дают две тысячи девятьсот люмен. Это почти вдвое ярче, чем у тех фонарей, которые нам выделяют официально. Кроме того, у него есть функция инфракрасного излучения и стробоскопический эффект.

Нэш присвистнул:

— Ни фиги себе фонарик! Наверное, мы, копы, на Рождество просим Санта-Клауса подарить нам новые стволы, а вы, криминалисты, просите такие вот фонарики. Ну что ж, все по справедливости.

— Что-нибудь видно? — спросил Портер.

Уотсон склонился ниже:

— Вижу только один набор отпечатков, скорее всего оставленный Барроуз. Мне придется снять у нее отпечатки, чтобы исключить ее. И проверить корешок... — Он посветил на переплет. — Ни единой

складки. По-моему, книгой никогда не пользовались. Она в замечательном состоянии.

— Не хочу показаться сторонником теории заговоров, но не думаешь ли ты, что она заряжена? — спросил Нэш.

Портер нахмурился:

— Заряжена?

— Ну да, как взрывное устройство, например. Может, часть страниц внутри вырезана и там что-то спрятано?

Уотсон попытался открыть обложку.

— Нет, не надо! — крикнул Нэш, пятась к стене.

Обложка ударилась о столешницу. Нэш зажмурился.

Портер прочел первую страницу.

— Это никакая не бомба, а самый обыкновенный учебник.

— Выпью-ка я воды, — сказал Нэш, уходя в сторону кухни.

Портер листал страницы. Уотсон был прав: для издания 1987 года учебник выглядел совсем новеньким. Глянцевые страницы склеились. Они пахли новой книгой, принося воспоминания об уроках английского в третьем классе — единственный раз, когда ему достался новый учебник.

— Если книжку подбросил Обезьяний убийца, что, по-твоему, она означает?

Уотсон вздохнул:

— Не знаю. Он не оставлял каких-то зацепок?

— Ни единой.

— Он явно пытается что-то вам сказать. Иначе зачем было трудиться? — Он принялся листать учебник. — В нашем городе есть немало букинистических магазинов, но я не знаю ни одного, в котором торговали бы старыми учебниками.

— Кому мог понадобиться старый учебник высшей математики?

— Может быть, учителю математики?

— Думаешь, он из школы появился?

Уотсон задумался и покачал головой:

— Если бы книжка попала в систему школьных библиотек, она не была бы в таком идеальном состоянии. Учебники там не лежат мертвым грузом; ими пользуются, причем часто небрежно.

— Хорошо. Может быть, поставщик?

Уотсон пролистал страницы до начала. Прочел что-то на обороте титула, постучал по нему пальцем и развернул книгу, чтобы Портеру тоже было видно:

— Его выпустили здесь, в Чикаго. Судя по адресу, производитель находится совсем рядом — в Фултоне.

Портер нахмурился:

— Это ты загнул страницу?

— Нет, сэр.

Кто-то ее загнул. В углу страницы имелась складка, едва заметная, но все же складка. Выходит, Обезьяний убийца хотел, чтобы они ее увидели.

Портер достал телефон, позвонил Клозу и продиктовал ему адрес. Послушал ответ и нажал отбой.

— По тому адресу находится старый склад, который послезавтра должны снести.

Портер и Нэш многозначительно переглянулись. Тело третьей жертвы, Мисси Ламекс, Обезьяний убийца оставил под брезентом в центре заброшенного склада, также предназначенного на снос. И тот склад тоже находился в районе Фултон.

Не помню, как я заснул, но, наверное, в какой-то момент отключился, потому что проснулся в своей постели, в лучшей пижаме. Виски ломило от страшной боли — такой я в жизни не испытывал. Утреннее солнце заглядывало в щели жалюзи и так пекло глаза, что, казалось, я ослепну.

Вчера ночью отец отругал меня за то, что я напился. Я пробовал объяснить, зачем это сделал, но он и слушать меня не хотел. А может, и хотел. Не помню; события вечера слились в одно размытое пятно.

Откинув одеяло, я спустил ноги на пол.

Хотя я старался двигаться очень осторожно, от касания к полу боль прошла по всему телу и добралась до больной головы. Мне хотелось вернуться под теплое одеяло и проспать годик-другой, но я понимал, что, если скоро не встану, родители придут меня искать. В нашем доме, если ты не сидел за завтраком в девять, служба закрывалась и ты оказывался перед холодильником с пустой тарелкой и бурчащим животом. Видите ли, мама запирала холодильник. Ровно в девять она запирала холодильник на блестящий навесной замок. Он оставался запертым до обеда, и то же самое повторялось во время ужина. Хотя я вполне мог попоститься до полудня, чувствовал, что полный желудок поможет мне быстрее справиться с последствиями вчерашнего вечернего кутежа и, возможно, мне даже станет легче.

Вчерашняя одежда грудой лежала у меня в ногах; я уже собирался надеть ее, когда почувствовал, что от моей футболки пахнет рвотой. Я не помнил, чтобы меня рвало, правда, у меня не было никаких причин полагать, что отвратительный запах исходил от кого-то, кроме меня. Кого еще могло стошнить в моей комнате? Просто нелепо. Нет, скорее всего, меня все-таки тошнило. Видимо, бурбон

устремился наружу через входные ворота. Я выпил столько, что в моем маленьком организме больше не осталось места...

Я оставил кучу одежды на полу, велел себе сжечь ее при первом же удобном случае, и достал из комода чистые джинсы и рубашку. Потом вышел в коридор и отправился на кухню.

— Вот молодец, сынок! — просиял отец, сидевший за тарелкой, полной яичницы и сосисок. — Садись! Жирная пища утихомирит твой желудок. Конечно, ты еще молод для похмелья, но похмелье — именно то, что тебе сейчас нужно после того, сколько ты выпил вчера ночью!

Я с трудом добрался до стула и сел, тяжело дыша. Внутри все переворачивалось. Бурбон — напиток для мужчин, и я собирался вести себя как мужчина. Не хотел показывать слабость под внимательным взглядом отца.

Отец привстал и налил мне полный стакан апельсинового сока. Потом с видом фокусника, который достает кролика из черного цилиндра, сдернул салфетку, под которой стояла стопка.

— Подобное лечат подобным, сын мой. Вот тебе лучшее средство для опохмела. Кентуккийский бурбон — самый быстрый способ справиться с похмельем, известный в цивилизованном мире. — С широкой улыбкой он придвинул ко мне стопку.

Я смотрел на стопку налитыми кровью глазами, бледный, и ждал, когда он скажет, что пошутил, но отец молчал. Потом он придвинул стопку ближе ко мне:

— Выпей, приятель. Обещаю, тебе сразу полегчает!

— Правда?

Он кивнул.

Я осторожно поднес стопку к губам. Голова у меня раскальвалась. Я втянул носом аромат теплой карамели и ванильного теста.

— Давай быстрее. Настоящие мужчины умеют пить бурбон одним глотком, не пролив ни капли!

Сделав глубокий вдох, я опрокинул в себя содержимое и заставил все проглотить, поморщившись, когда жидкость ожгла мне пищевод и желудок. Мне показалось странным, что я чувствую ее внутри. Никогда раньше я не задумывался о том, какой путь проделывают пища и напитки внутри меня. Спиртное — в самом деле странная штука!

— Поставь стопку на место! — весело приказал отец.

Я послушался, и стопка ударилась о дерево так сильно, что я не сомневался: сейчас она разобьется у меня в руке.

Отец захлопал в ладоши от радости:

— Вот молодец сынок!

Я вытер губы рукавом; мое дыхание пахло бурбоном. Оно напоминало пригорелый тост с патокой.

Отец и себе налил чуть-чуть. Выпил и тоже с маху поставил стопку на стол. Крякнул, передернулся, глубоко вздохнул и посмотрел на меня. Неожиданно он посерьезнел.

— Я хочу, чтобы ты запомнил сегодняшний день как свою первую выпивку. Думаешь, у тебя получится, приятель? Когда станешь старше и будешь вспоминать свою жизнь, я хочу, чтобы ты вспомнил, как впервые попробовал запретный плод, выпил бурбона со своим стариком. Вот что значит настоящая дружба отца и сына. Забудь о том, что было вчера; забудь, как ты выпивал с нашей славной соседкой-шлюшкой. Забудь, из-за чего тебе пришлось выпивать. Когда ты станешь старым, я не хочу, чтобы ты вспоминал, как напился с миссис Картер. Не хочу, чтобы ты вообще о ней думал. Помни только то, что происходит сейчас. Ну, как по-твоему, приятель? Сможешь — или ни за что?

Я немного подумал и кивнул:

— Смогу, отец. — Я широко улыбнулся. — Точно смогу.

— Честное-пречестное?

Я поднес свою руку к его руке, мы сплели мизинцы, и я дал слово.

— Вот и хорошо, потому что первый раз должен быть именно таким. Первый раз надо выпивать с собственным отцом, а не с бешеной сучкой-соседкой.

Я никогда раньше не слышал, чтобы он ругался; и мама тоже. Мои родители не произносили грязных слов. Конечно, сами слова я уже слышал; я слышал их много раз в школе и от других взрослых, но никогда от отца, никогда произнесенные его голосом.

— О, прости, приятель. Нехорошо при тебе употреблять такие слова. И ты, пожалуйста, никогда никого так не обзывай, особенно женщину. Я подаю тебе плохой пример. А ведь сам же всегда повторяю, что женщин надо холить и лелеять и обращаться с ними с крайним уважением. Если, конечно, они не совершают чего-то неподобающего с твоей женой. Если не делают такого, что может происходить только между женатыми людьми. А она ведь это делала, да?

Я опустил голову и вспомнил, как подсматривал вчера за мамой и миссис Картер. Понятно, что отец имел в виду именно это; ему не нужно было все объяснять на пальцах. Я медленно кивнул.

— Я не злюсь на твою мать, совсем не сержусь. Миссис Картер — красивая женщина. Красивая молодая женщина. Видишь ли, бывают люди настолько привлекательные, что они буквально зачаровывают всех вокруг. Здравый смысл уходит прочь, и внутри тебя остается пустота, которую, как тебе кажется, можно заполнить только этим человеком. Наверное, наделив желанием, Создатель стремился сделать нас более цельными; Он, так сказать, добавил приправ для полноты картины — все как у пчелок, птичек и так далее. Влечение заставляет мир вертеться. Оно заставляет нас порождать себе подобных, и мы, когда находимся в соответствующем состоянии, делаем глупости... Ты подумай, как я разболтался! Не успеешь оглянуться, как окажется, что мы с тобой ведем разговор о важных вещах, а я не уверен, что ты уже готов к такому разговору. Кстати, я не уверен, что имею право произносить такие речи. — Отец наклонил бутылку и поболтал коричневую жидкость. — Иногда эта штука делает все только хуже — желание, влечение. А иногда — наоборот, становится лучше. Я не возражаю против того, чтобы время от времени выпивать, но

предпочитаю сохранять голову на плечах, особенно когда приходится иметь дело с дамами. Алкоголь лишает нас здравомыслия.

Я посмотрел на него снизу вверх:

— Отец, я не хотел пить. Не хотел! Но боялся, что она вызовет полицию, и не знал, как еще ей помешать.

Он положил свою руку на мою и сжал:

— Все в порядке, сынок. Не пойми меня неправильно. Я ценю то, что ты сделал. Ты поступил совершенно верно и справился просто замечательно. Но мне немножко грустно оттого, что тебе пришлось так поступить, вот и все. Мы с мамой немного увлеклись; нам не следовало ставить тебя в такое положение.

Я огляделся по сторонам и сообразил, что еще не видел маму.

— Она сейчас внизу с нашей гостьей, — объяснил отец, который как будто читал мои мысли.

Интересно, подумал я, жива ли еще миссис Картер. Откровенно говоря, я удивлялся, что она еще жива. Хотя мама и отец вчера ночью действительно дали себе волю, обычно они всегда проявляли осторожность. Они не любили оставлять после себя недоделки.

— Миссис Картер какое-то время побудет у нас?

— Да, сынок, наверное, побудет, — не сразу ответил отец. — Видишь ли, я сказал, что я не сержусь на твою маму, и я действительно на нее не сержусь, но часть вины за случившееся все-таки лежит на ней. Если бы они с миссис Картер не... ну, ты понимаешь, если бы они так не увлеклись, мистер Картер не стал бы волноваться. Он ни за что не явился бы к нам в дом, не стал бы оскорблять маму и угрожать ей, и ей не пришлось бы столкнуться с таким затруднением. Если бы он вчера не пришел, твоей матери просто незачем было бы причинять ему боль. Мистер Картер, возможно, сейчас сидел бы у себя на крыльце и радовался хорошей погоде с красавицей женой, а мама не ползала бы все утро на четвереньках, отмывая пол подвала

от грязи. — Он покачал головой и рассмеялся: — Ну и кровищи из него вытекло, да, сынок?

Я не мог не согласиться с ним. Неожиданно для себя я улыбнулся во весь рот.

Отец долго играл со стопкой, вертя ее между пальцами. Наконец он поставил стопку на стол и провел рукой по волосам.

— Однако, если бы мама увлеклась мистером Картером, это была бы совершенно другая история. Мужчина не имеет права прикасаться к собственности другого мужчины, если он не готов отвечать за последствия. Наказание может быть суровым, более того, самым суровым. Если бы все произошло именно так, мистер Картер непременно понес бы наказание, но отвечать пришлось бы не только ему, а и другим сторонам, которые принимали во всем участие, верно? Мистер Картер ни в коем случае не должен был бы один отвечать за свое преступление, нет, сэр! Откровенно говоря, в таких случаях я возложил бы львиную долю ответственности на женщину. В конце концов, если дело касается женщин, мужчины часто ничего не могут поделать. Женщины чувствуют нашу слабость и пользуются ею. Они готовы приложить все силы, лишь бы получить, что им хочется... — Он понизил голос и задумчиво продолжал: — Сынок, между твоей мамой и мистером Картером что-нибудь было? Если было, говори, не бойся. Ты когда-нибудь видел их вместе, чтобы они занимались взрослыми вещами?

Его неожиданный вопрос застал меня врасплох.

У меня перехватило дыхание, а когда я попытался заговорить, ни одно слово не слетело с моих губ. Я покачал головой и наконец сказал:

— Нет, отец, я так не думаю.

Он прищурился:

— Не думаешь — но и наверняка не утверждаешь?

Я ничего не ответил; я не знал, что сказать.

— Если твоя мать больше не чиста, я должен все знать.

Мне показалось, что язык у меня во рту распух и не ворочается. Отец пытливо смотрел на меня. В его взгляде не

было злости, но он смотрел на меня очень внимательно. Отец читал каждое мигание моих глаз и каждое подергивание носа. Я не отворачивался, потому что он понял бы это как признак откровенной лжи.

— Отец, я никогда не видел ее с мистером Картером.

Он склонил голову и долго смотрел на меня. Наконец он улыбнулся и похлопал меня по руке:

— К сожалению, все получилось, как получилось, и нет смысла плакать над разлитым бурбоном. Верно, мой мальчик? Лучше все принять, со всем примириться и двигаться дальше, чем без конца думать о прошлом. Правда скоро выйдет на свет; она всегда выходит, и тут-то я со всем спешно разберусь. Ну, а пока светит солнце, воздух свеж и я не собираюсь тратить понапрасну такой славный летний день.

Я потянулся через стол за тостом. Хлеб уже остыл, но приятно было чем-то набить желудок.

— Как твоя голова?

Я понял, что головная боль почти прошла, осталось только легкое покалывание за левым глазом — и головокружение.

— Гораздо лучше!

Он взъерошил мне волосы:

— Рад слышать! Давай, ешь. Когда позавтракаешь, пожалуйста, отнеси тарелку вниз нашей гостье. Пожалуй, налей ей и апельсинового сока. Как мне кажется, она успела нагулять аппетит. А я наведуясь в дом к нашим соседям и приберусь там немного. Надо собрать ее вещи. Если кто-то вдруг решит узнать, где они, лучше, если все будет выглядеть, как будто Картеры отправились в небольшую поездку.

— Тогда, наверное, надо куда-нибудь перегнать их машину, — заметил я, отщипывая кусочки тоста.

Он снова взъерошил мне волосы:

— Ты точная копия своего отца, верно?

Я широко улыбнулся.

Эмори — день первый, 17.00

Музыка умолкла.

Вдруг, неожиданно.

Только что у нее над головой громыхала «Милая наша Алабама», как будто там разбушевался ураган, — и вдруг наступила тишина.

Правда, совсем тихо не стало. У Эмори звенело в ушах, и, хотя она понимала, что это последствие оглушительной музыки, звон как будто доносился из мощных динамиков. Мощность не увеличивалась и не уменьшалась; она оставалась неизменной.

Звон в ушах.

Мисс Барроуз предупреждала ее об опасности громких звуков почти три года назад, прежде чем отпустить на первый концерт группы Jack's Mannequin. Она хотела ее напугать; теперь Эмори понимала, что это было очевидно. Мисс Барроуз рассказала, что, если долго слушать слишком громкую музыку, особенно в замкнутом пространстве, можно оглохнуть. Она подробно рассказывала о каких-то ворсинках во внутреннем ухе, которые повреждаются, как перегоревшие проволочки, из-за чего мозг начинает слышать звуки, которых нет. Кажется, она еще говорила, что чаще всего такие явления временные и постепенно проходят.

Чаще всего.

Когда мисс Барроуз перед ее походом на концерт вручила ей затычки для ушей, Эмори взяла их, не споря. Правда, вставлять их она не стала: не хотелось, чтобы друзья видели ее с дурацкими розовыми затычками. Они лежали у нее в кармане, и в конце вечера у нее действительно зазвенело в ушах — почти как сейчас.

«Никакого сравнения с тем, что ты испытываешь сейчас, дорогуша! Разве ты не помнишь? То было едва слышно и продолжалось совсем недолго. В конце концов, концерт шел совсем недолго, да и музыка была не настолько громкой. Не то что пытка, которой тебя подвергли только что. Сколько времени гремела музыка? Пять часов? Десять? У тебя уже нет одного уха; уверена, что это не поможет».

— Заткнись! — попыталась крикнуть Эмори. Но слова вышли приглушенно и спутанно; пересохшему горлу трудно было их произносить.

«Я только хочу сказать, что затычка для уха пошла бы тебе на пользу. Одна сторона у тебя плотно забинтована. Если ужасная музыка начнется снова, попробуй оторвать кусок бинта и заткнуть им здоровое ухо. Как говорится, лишняя осторожность не помешает. Если ты выберешься отсюда, у тебя останется только одно ухо, а его лучше поберечь. Тебе так не кажется? Ты знаешь, что хуже, чем девушка с одним ухом? Знаешь?»

— Пожалуйста, замолчи.

«Знаешь, что еще хуже?»

Эмори закрыла глаза; мрак вокруг стал еще крошечнее. Она начала мурлыкать себе под нос «Это моя вечеринка» Джесси Джей.

«Хуже девушки с одним ухом может быть только девушка с одним ухом и без глаз. По-моему, глаза могут стать следующей остановкой в твоём маленьком путешествии, милая, потому что, если музыка умолкла, значит, ее кто-то выключил».

У Эмори перехватило дыхание, а голова слегка закружилась. Она едва заметно повернула ее справа налево, потом в другую сторону. Перед глазами как будто стояла черная стена.

Глаза продолжали привыкать к темноте, но до полной победы было далеко. Как и раньше, она различала лишь неясные контуры, и больше ничего. Эмори сидела на каталке, подтянув колени к груди, но не видела даже собственных ступней. Сверкающая сталь каталки казалась всего лишь тусклым размытым пятном. Это не значило, что вокруг не было никакого движения. Вокруг нее все шевелилось и двигалось. Темнота клубилась волнами, наползала и окружала ее; мрак был таким густым, что его можно было ножом резать...

Эмори вздрогнула. Может быть, сейчас он где-то рядом с ней, а она даже не догадывается! Может быть, он стоит в шаге от нее с ножом в руке, готовый вонзить острие ей в глаза и вырвать их. У нее не будет времени ответить или оттолкнуть его, пока он не начнет вырезать ей орган зрения.

Эмори продолжала мурлыкать, но мелодия и ритм сбивались.

— Я танцую, я т-танцую, — тихо пела она. — Так поставь пластинку и крути, пока я не скажу: «Хватит!»

Она вытянула перед собой свободную руку и медленно поводила перед собой, вглядываясь в темноту.

— Эй... ты здесь?

Перед своим мысленным взором она видела похитителя — высокого, худого мужчину, который прислонился к дальней стене с ножом в одной руке и ложкой в другой. Его пальцы крепко сжимали рукоятку, и он проводил лезвием по краю ложки. И нож, и ложка были в бурых пятнах, оставшихся после ее предшественниц... Несмотря на мрак, она понимала, что он ее видит. Он видит ее отчетливо. У его ног на полу стояла белая коробочка, и бечевку он тоже приготовил заранее. На правой руке он развел указательный и средний пальцы в виде буквы V, ткнул себе в глаза, потом нацелился в ее глаза. Его сухие, потрескавшиеся губы расплылись в ухмылке. Он нарочито медленно провел по ним языком.

— Здесь не на что смотреть, — низким голосом произнес он. — Твои молодые глаза уже запятнаны злом этого мира; нужно их вытащить. Это единственный способ перестать видеть — единственный способ очистить тебя, сделать тебя чистой.

Эмори чуть отползла назад, крепче прижавшись к металлической каталке.

— Ты ненастоящий, — сказала она себе. — Я здесь одна.

Ей хотелось, чтобы музыка вернулась.

Если он все же здесь, если правда стоит в этом помещении и собирается причинить ей боль, Эмори не хотелось слышать, как он приближается. Так будет лучше.

Звон в ушах утих, и она заставляла себя не обращать внимания на бешено бьющийся пульс в поврежденном ухе, заставляла себя прислушиваться к тому, что творится вокруг.

Неужели она слышит его дыхание?

— Если хочешь сделать мне больно, давай скорее, чертов псих! — крикнула она. Точнее, хотела крикнуть; в горле так пересохло, что голос стал высоким и надтреснутым.

Она услышала звук.

Был ли он раньше?

Откуда-то доносилось ритмичное кап-кап.

Но откуда?

После того как пришла в себя, она обошла всю свою темницу по периметру, ощупала ладонями все стены. Она шла босиком — если бы где-то что-то протекало, если бы где-то была лужа, она бы наверняка нашла ее...

При мысли о воде у нее заболело горло.

«Возможно, ты слышишь воду, потому что очень хочешь пить, дорогуша. Мозг иногда выкидывает странные номера. По-моему, если бы он хотел, чтобы у тебя была вода, он дал бы тебе воды».

Эмори закрыла глаза и вслушалась. Понимала, что это глупо; она все равно ничего не видела. И все же после того, как зажмурилась, стало легче. Звуки стали чуть громче, чуть отчетливее.

Кап... кап... кап...

Она наклонила голову, выставив вперед здоровое ухо и медленно поворачивая его, найдя такое положение, при котором капало отчетливее. Когда звуки снова начали утихать, она остановилась и медленно повернула голову.

Звуки доносились слева.

Эмори соскользнула с каталки и встала на ледяной бетон. По коже побежали мурашки; она обхватила себя левой рукой, стараясь хоть как-то согреться. Правой рукой она дернула каталку.

«Не забывай о крысах, дорогая. Эти малыши, наверное, сейчас так и снуют вокруг тебя. Возможно, они уже давно нашли воду; теперь хотят запить ею небольшой обед, кусочек девичьего мяса. На месте крысы я бы, наверное, обосновалась рядом с водой. Я бы и охраняла эту воду; я бы охраняла ее ценой жизни».

Эмори с трудом шагнула вперед, волоча за собой каталку. Шаг... другой...

Отдаляться от стены не хотелось. Стена ее успокаивала, как большое одеяло. И все-таки она шагала прочь. Оставив стену за спиной, она сделала еще шаг, точнее, маленький шагок. Не зная, что перед ней, большего она не может себе позволить.

«Ты представляешь, а вдруг он рассыпал здесь битое стекло? Или ржавые гвозди? А может, в полу дыра? Если ты упадешь и сломаешь ногу, тебя ждет масса неприятностей — тебе будет гораздо хуже, чем в теперешнем положении, это уж точно. Кстати, не люблю приносить дурные вести, но мне кажется, что кое о чем стоит упомянуть. Ты уже поняла, кто выключил музыку? Потому что, если он поблизости,

сейчас тебе стоит в первую очередь думать вовсе не о том, как бы поскорее напиться».

— Если он собирается причинить мне вред, он не остановится, — отрезала Эмори. — Не собираюсь сидеть на месте и ждать, пока он сделает первый шаг.

Она с трудом шагала вперед; пальцы на ногах с каждым шагом все больше немели.

Неужели бетон делается холоднее?

— Он не даст мне умереть, во всяком случае, пока сам со мной не покончит. В новостях рассказывали, что он держал девушек в живых не меньше недели, прежде чем убивал их. Я пробыла здесь всего день, не больше. Я еще нужна ему.

«Наверное, в твоих словах есть смысл, но он может сделать с тобой очень много неприятных вещей... которые, правда, тебя не убьют. Он уже отрезал у тебя ухо. Ты знаешь, что за ухом последуют глаза. Хотя... подумай, так ли это плохо? То есть... ты ведь сейчас все равно ничего не видишь. Откровенно говоря, меня бы больше беспокоила потеря языка. В темноте еще можно кое-как существовать, но потерять способность говорить — это в самом деле очень жестоко. Ты всегда была такой разговорчивой».

Эмори прислушалась. Она уже близко; до воды оставалось несколько шагов, не больше.

Мимо, задев ее ногу, пробежала крыса, и она взвизгнула и дернулась, едва не опрокинув каталку. Это точно была крыса; грубый мех и крошечные лапки, тонкий холодный хвост.

Эмори заставила себя глубоко вздохнуть. Ей необходимо сохранять хладнокровие.

По ее ноге пробежала еще пара маленьких лапок. На сей раз она вскрикнула очень громко; пересохло у нее в горле или нет, она не умолкала. Ей показалось, будто ее вырвало толченым стеклом. Очень хотелось замолчать, но крик не прекращался — всем крикам крик. Она больше кричала не из-за крысы и не из-за того, что ее похитили и заперли непонятно где, как в ловушке; она кричала из-за отца и из-за людей вокруг нее; она испытывала досаду из-за того, что учится на дому и у нее очень мало друзей. Боль в ухе, онемевшие пальцы ног, то, что она голая оказалась в незнакомом месте, — все вспомнилось, нахлынуло одновременно. Она не знала, кто сейчас ее видит и видит

ли. А где ее похититель? Очень далеко или совсем рядом, затаился во мраке. А еще она кричала из-за мамы, которая умерла и оставила ее страдать в одиночестве.

Когда она наконец замолчала, внутри все горело, как будто она проглотила раскаленный свинец и заела ржавым лезвием, но ей было все равно; крик прочистил ей голову. Ей нужна ясная голова.

Ей нужно подумать.

Звон в ушах прекратился.

Эмори прислушалась здоровым ухом, стараясь разобрать другие звуки, помимо глухого биения пульса.

Кап!

Слева послышался тихий шорох. Когти скребли по бетону. Крошечные когти что-то закапывали. Или раскапывали.

— Не обращай внимания, — хрипло велела она себе.

«Интересно, сколько их там?»

— Не обращай на них внимания, и все.

Эмори заставила себя идти вперед, передвигаясь по чуть-чуть: шаг, другой. Вдруг...

Палец ноги во что-то уткнулся, и она с трудом удержалась, чтобы не отпрыгнуть. Она понимала: если она отдернется, то непременно врежется спиной в каталку и потеряет равновесие. Она упадет и ударится затылком о бетонный пол; тогда все будет кончено. Она ни за что не сумеет бежать. А если дело обстоит еще хуже, если она не найдет стенки и ей придется начинать все сначала? Бродить здесь во мраке с каталкой — хуже смерти. А она едва не упала — еще бы чуть-чуть, и она...

Эмори пощупала то, на что наткнулась в темноте, пальцем ноги. Что там? Похоже на металлическую пластину. Во всяком случае, поверхность казалась холоднее, чем бетон. Холодная, сырая. Эмори кое-как опустила на колени, чтобы ощупать пластину левой ладонью. Правую, прикованную к каталке, приходилось держать за спиной. Она дернула каталку, подтягивая металлическое сооружение к себе, давая себе больше пространства для маневра.

Металлическая пластина? Да, так и есть, причем довольно большая, примерно метр на метр. Через равные расстояния в поверхности торчали головки шурупов — наверное, ими пластина была привинчена к бетону.

Эмори провела ладонью по поверхности: как она и ожидала, поверхность оказалась влажной.

Кап!

На сей раз капля упала так близко, что на нее попали брызги; от волнения Эмори покрылась испариной. Она провела пальцем по металлу и поднесла палец к губам. Еще до того, как лизнула, она ощутила металлический привкус ржавчины. И все же она попробовала; мозг подсказывал, что, если она в самое ближайшее время не получит воды, скоро все остальное потеряет смысл.

Хотя вода была затхлой, она была мокрой. Эмори захотелось еще.

Подтянув к себе каталку, она нагнулась как можно ниже к пластине. Каталка со скрипом подъехала к ней. Эмори снова нагнулась и вытянула шею как можно дальше. Скоро цепь закончилась; она высунула язык, стараясь дотянуться до мокрой поверхности. Пусть она ничего не видит в темноте, зато она чувствует воду: она рядом, совсем рядом!

Она снова услышала шорох. Крошечные коготки скребли по бетону...

«На твоём месте я бы все-таки убрала язык и закрыла рот. Независимо от того, есть там вода или нет, крысы наверняка считают человеческий язык настоящим деликатесом. Ты так не думаешь? По крайней мере, ты облегчишь своему хозяину задачу. Так гораздо легче вырезать язычок у тебя изо рта».

Эмори отпрянула. Из-за отрезанного уха она не могла определить, откуда доносится шорох. Только что казалось, что он рядом с ней; потом, когда она наклонила голову, шорох удалился. Ей показалось, что коготки заскреблились в противоположном углу.

Кап!

Брызги попали ей на руку и на щеку.

— Ч-черт... — Эмори снова наклонилась как можно дальше вперед, дергая каталку за наручник. Она тянулась, пока ей не показалось, что у нее вот-вот переломится шея от напряжения. Металлический браслет больно впивался в кожу, но она заставляла себя не обращать внимания на боль; ее мысли были сосредоточены на одном-единственном — на воде.

Она дернулась вперед.

Язык на секунду коснулся поверхности металлической пластины — всего на секунду, и то в лучшем случае, и на губах появился привкус ржавчины. Это произошло так быстро, а металл был таким холодным, что она не поняла, в самом ли деле ей удалось слизнуть немного воды или она приняла за воду холодный металл. Конечно, напиться каплей воды оказалось невозможно; наоборот, капелька лишь распалила ее жажду.

Она не будет плакать! Она отказывалась плакать.

Эмори наклонилась как можно дальше вперед и изо всех сил дернула цепь. Металл впился ей в руку — плевать! Эмори изо всех сил подтягивала к себе каталку. Каталка сдвинулась с места, и она смогла наклониться чуть ниже. Язык нашел воду — ледяную, освежающую, грязную, ржавую лужицу, которая скопилась в небольшом углублении в центре пластины. Язык окунулся в лужицу всего на миг, а потом каталка перевернулась и с грохотом упала на нее; Эмори ударилась головой, и все вокруг погрузилось в еще более кромешный мрак.

Обнаружив в буфете поднос для завтрака, я нагрузил его едой и питьем. Поставил тарелку с тостами, почистил банан, налил в стакан апельсинового сока, в миску насыпал кукурузных хлопьев (я сам всегда предпочитал их на завтрак). К хлопьям не мешало бы добавить молока; но, заглянув в холодильник, я увидел, что молока осталось не больше чашки. Отец очень любил молоко, а я и подумать не смел злить его, забрав остатки, прекрасно понимая, что мама не купила молока, когда в последний раз ездила за продуктами. Конечно, сегодня она пополнит запас. Нельзя, чтобы завтра отец полез в холодильник и обнаружил, что молока нет, — ни в коем случае!

Спускаться в подвал с подносом оказалось гораздо труднее, чем без него. Я не сводил взгляда с высокого стакана сока, стоящего на подносе; жидкость в нем плескалась: с каждым шагом она доходила до ободка, а потом опускалась вниз. Если сок все же выплеснется, он намочит тост, чего бы я не потерпел. Я и так чувствовал себя виноватым, что обманул вчера миссис Картер; я не собирался усугублять вину, подав ей мокрый тост.

Когда я спустился на самую нижнюю ступеньку, ко мне подошла мама. В одной руке она держала ведро, а в другой — несколько тряпок и большую щетку. На руках у нее были длинные пластиковые желтые перчатки; они доходили ей почти до локтей.

Когда я был маленький, она, бывало, надевала их и говорила, что у нее утиные лапы.

Кря-кря...

— Доброе утро, мама.

Она посмотрела на меня снизу вверх и просияла:

— Какое же доброе у тебя сердечко! Представляю, как засмуцается наша гостья, когда увидит тебя. Она все время

бормочет, что ей стыдно перед тобой. Сейчас ей, наверное, не терпится нормально позавтракать и чем-то промочить горло.

Проходя мимо меня, мама отщипнула кусочек тоста, а остаток положила на тарелку.

— Постарайся как можно доходчивее растолковать ей наши правила. Очень не хочется, чтобы она с самого начала доставляла нам неприятности.

С этим пришлось согласиться.

— И не слишком много света; не стоит раздражать отца большими счетами за электричество.

— Да, мама.

Я смотрел, как она поднимается по лестнице, и принохивался. В подвале пахло мокрым металлом и отбеливателем.

Я увидел миссис Картер за секунду до того, как она заметила меня. Кто-то — мама или отец — приковал ее за левую руку к той же водопроводной трубе, к которой несколько часов назад был прикован ее муж. Правда, она не сидела на полу, а примостилась на краю старой отцовской раскладушки. Ее правая рука была прикована к каркасу. По словам отца, раскладушку он привез с войны. Мне всегда казалось, что старая скрипучая походная кровать тоже успела поучаствовать в боях. Толстый брезент вытерся и местами порвался; в выцветшей зеленой материи зияли дыры. Металлические ножки, которые, наверное, блестели, когда были новыми, теперь потускнели и покрылись пятнами ржавчины. Когда миссис Картер заерзала, брезент прогнулся и ножки заскрипели.

Я не понял, почему она лежит — потому что так ей удобнее или потому, что по-другому просто не может. В подвале царил полумрак. Мама погасила весь свет, кроме голый лампочки посередине. Хотя я не чувствовал дуновения ветра, лампочка слегка покачивалась вперед-назад, отбрасывая густые, черные тени на стены и на пол.

Маме (или отцу) хватило дальновидности поставить раскладушку справа от трубы. Пространство слева, которое

вчера занимал мистер Картер, можно было, таким образом, беспрепятственно убирать. Вчера пол и стены были забрызганы ярко-алой кровью. Сегодня крови я не увидел, зато на полу осталось темное пятно. Я представил, как мама здесь убиралась. Она ликвидировала беспорядок с тем же воодушевлением, с каким создавала его, но кровь оттирать трудно. Уж если она куда попала, то въедается намертво. Я велел себе не забыть: надо посоветовать маме посыпать то место кошачьим наполнителем. Наполнитель не только впитывает жидкость, но и маскирует запах.

Интересно, узнала ли миссис Картер запах крови и пота своего мужа.

Я чуть не выронил поднос, когда она вдруг села и уставилась на меня выпученными, налитыми кровью глазами. Она что-то бормотала, только из-за кляпа у нее во рту я не мог понять, что она говорит. Я испытал дежавю. Она кричала не так громко, как раньше ее муж, и все же кричала. Она, конечно, была напугана, ну а он вчера был просто в ужасе.

— Доброе утро, миссис Картер. Хотите позавтракать?

Кляп не давал ей не только говорить, но и нормально дышать: нос у нее был заложен, потому что она много плакала. Правда, об этом я старался не думать. Несмотря на то что пережила не самую лучшую ночь в своей жизни, она по-прежнему оставалась хорошенькой. Я видел ее красоту даже под кровоподтеками и ссадинами. Левый глаз выглядел лучше правого; он еще не пришел в норму, но хотя бы не слезился, как несколько часов назад.

Поставив поднос на край раскладушки, я вспомнил, как у меня болела голова, и представил, что ей сейчас, наверное, еще хуже. Если не считать того, что ее избил, она выпила гораздо больше, чем я, и, хотя была опытнее, я подозревал, что сегодня и она мучается похмельем.

— Может, хотите опохмелки?

Она озадаченно посмотрела на меня, и я осознал свою ошибку.

— Извините... рюмочку, чтобы вам полегчало.

Она по-прежнему изумленно смотрела на меня, чуть склонив голову влево. Хорошо хоть бормотать перестала.

— У вас сразу пройдет голова. У папы наверху есть бурбон; я выпил буквально один глоток, и мне сразу стало легче. Конечно, сейчас еще рано, но вовсе не обязательно весь день мучиться от боли.

Миссис Картер медленно покачала головой; она не сводила с меня взгляда.

Я кивнул в сторону подноса:

— Нам с отцом пришлось самим готовить завтрак, а мы не самые лучшие повара на свете. Может быть, завтра мама приготовит что-нибудь получше. В ее исполнении завтрак — настоящий пир. Так хотите поесть?

Она кивнула и даже чуть-чуть подвинулась, чтобы мне было удобнее. Отодвинуться дальше ей мешал наручник: браслет впился в руку. Она сердито покосилась на него и что-то буркнула.

Я придвинулся ближе:

— Если я выну кляп, обещаете не кричать? Лично я не против, конечно. Просто знайте, что подвал у нас глубокий и вас никто не услышит. Даже на кухне крики почти не слышны. А уж снаружи вообще ничего не заметно... — Я схватился пальцами за край кляпа и дернул. Что-то такое было в ее коже... От прикосновения к ее лицу у меня по телу побежали мурашки. Откровенно признаюсь, что густо покраснел, а сердце у меня забилось чаще.

Когда кляп повис у нее на шее, миссис Картер глубоко вздохнула и выдохнула, а потом еще и еще раз. Я решил, что ее тошнит, и уже собирался сбегать наверх за бумажным пакетом, но тут она заговорила — с большим трудом и очень хрипло, оттого что у нее пересохло в горле.

— Крики?

Я пожал плечами.

— Ты сказал, что наверху крики едва слышны... как будто такое случалось не один раз. Твои родители уже поступали так прежде?

— Как поступали?

— Так... — Она дернула наручник, и цепь звякнула о трубу.

— А... — Я опустил глаза на поднос. — Не знаю.

Она нахмурилась:

— Ты не знаешь, приковывали ли твои родители женщину в этом подвале раньше?

Я потянулся за стаканом:

— У вас, должно быть, пересохло в горле; сок очень вкусный, как солнышко в стакане.

— Я не хочу сока; я хочу, чтобы вы меня отпустили. Пожалуйста, отпустите меня!

— Может, тогда банан? На вашем месте я бы съел его. Мы купили их два дня назад, и они сейчас как раз в нужной стадии спелости — видите? Чуть-чуть зеленого и желтый. То, что надо, чтобы ваши губки снова стали пухлыми.

— Пустите меня! — закричала миссис Картер; слова царапали ее пересохшее горло. — Пустите! Пустите! Пустите! Пустите!

Я вздохнул.

— Придется снова ненадолго вставить вам кляп, а я пока объясню вам правила. Извините, миссис Картер.

Она отворачивалась и плотно сжимала губы, но я знал, как нужно действовать. Схватил ее за волосы и резко дернул назад. Я не хотел делать ей больно, но она не оставила мне выбора. У меня был крошечный складной ножик, который умещался в ладони. Я достал его, нажал на кнопку, выщелкнул лезвие и, не успела она и глазом моргнуть, кольнул ее в шею. Потом поднес к самым ее глазам окровавленное острие, чтобы она видела. Я ее только оцарапал — пустил кровь, чтобы дать понять, что я способен, если захочу, причинить ей гораздо больше вреда.

Не сводя взгляда с ножа, миссис Картер жалобно заскулила.

Свободной рукой я затолкал ей в рот кляп и выпустил ее волосы. Надо было действовать быстро, вот я и обострил ситуацию (простите за невольный каламбур)! Еще раз нажав на кнопку, я убрал лезвие и опустил нож в карман рубашки.

— Правила просты, миссис Картер. На то, чтобы их объяснить, уйдет всего минута; потом я вас оставлю, чтобы вы позавтракали. Вы наверняка проголодались.

Она побагровела от гнева.

— Обещаете хорошо себя вести, пока я буду объяснять правила?

— Да пошел ты! — пробормотала она из-за кляпа.

Ее ругательства поразили меня в самое сердце. Как грубо! Разве я не старался ей помочь?

— Лайза, мы не потерпим в своем доме таких выражений! Даже со стороны наших гостей, — прогремел сзади голос отца.

Обернувшись, я увидел, что отец стоит у подножия лестницы с чашкой дымящегося кофе в руке. Он подошел ближе и продолжал:

— Все начинается с таких грязных слов. За грязными словами быстро следует грубость, затем гнев и ненависть... совершенно недопустимые в цивилизованном обществе. Не успеешь оглянуться, как мы все начнем бегать голыми по улицам, размахивая топорами. Мы этого не потерпим, ясно? Мы стараемся правильно воспитывать сына. Он берет пример со взрослых, которые его окружают. Он учится у взрослых, которые его окружают. — Отец шагнул ко мне, взъерошил мне волосы. — Этот мальчик быстро растет и все впитывает, как губка. Мы с его матерью стараемся познакомить его с системой ценностей, прежде чем выпустим в большой, опасный, прекрасный мир. И здесь вступают в действие наши правила.

— Правила произошли от трех обезьян. — Я не мог не захлопать в ладоши. Рассказ всегда приводил меня в возбуждение. — Некоторые называют их «Тремя таинственными обезьянами», но на самом деле их было четыре. Их звали...

— Помедленнее, сынок. Когда рассказываешь анекдот, неужели ты пропускаешь самую соль?

Я покачал головой.

— Вот именно, — кивнул отец. — То же самое относится и к таким рассказам. Начать, если это уместно, следует с небольшой предыстории, затем переходи к основному содержанию и заканчивай красивым поклоном, чтобы все увязать воедино. Тут важно не спешить; ты должен наслаждаться рассказом, как наслаждался бы хорошим куском мяса или рожком твоего любимого мороженого.

Отец был прав; впрочем, он всегда был прав. Я был слегка нетерпелив, но собирался исправить этот недостаток.

— Отец, может, ты сам расскажешь? Ты рассказываешь гораздо более лучше меня.

— Надо говорить просто «лучше меня», сынок.

— Извини. Лучше меня.

— Если наша гостья пообещает хорошо себя вести, так и быть, я посижу с вами немного и сам все расскажу. В конце концов, для всех будет лучше, если она поймет правила с самого начала. Ты со мной согласен?

Я кивнул.

Миссис Картер смотрела на нас с каменным видом; лицо у нее покраснелось под синяками, оставшимися после вчерашнего вечера.

— Миссис Картер, вы обещаете хорошо себя вести? Мне кажется, что вам история понравится.

Она быстро перевела взгляд с меня на отца и обратно на меня. Что-то пробормотала, но из-за кляпа я не разобрал, что именно. Я потянулся к кляпу, но отец меня остановил.

— Лучше пока оставить его на месте, — сказал он. — Думаю, наша гостья будет сидеть тихо. Не правда ли, Лайза?

Она резко опустила и подняла голову.

Отец сел рядом со мной на край раскладушки, а свою чашку поставил на бетонный пол. Немного кофе пролилось с его стороны и смешалось с бурым пятном.

— Мудрые обезьяны изображены на панно над входом в знаменитое святилище Тосёгу в Японии, в городе Никко. Их вырезал Хилари Дзингоро в семнадцатом веке; считается, что они изображают жизненный цикл человека... правда,

жизненный цикл изображен на других панно, а мудрые обезьяны — только на втором. Считается, что истоки притчи — в учении Конфуция.

— Не таком, как в печенье с предсказаниями — в настоящем учении Конфуция, — выпалил я. — Тот, настоящий, был китайским ученым, редактором, политиком и философом. Он родился около пятисот пятьдесят первого и умер в четыреста семьдесят девятом году до нашей эры.

— Молодец, сынок! — просиял отец. — Ему принадлежат самые знаменитые китайские тексты и кодексы поведения, которым следуют по сей день, причем не только в Китае, но и во многих странах современного мира. Конфуций был настоящим мудрецом. Некоторые также говорят, что идея обезьян попала в Японию благодаря одной буддистской школе Тендай. По-моему, никто ничего не знает точно. Такие притчи всегда переживают века. Не удивлюсь, если когда-нибудь станет известно, что и Китай, и Япония узнали об обезьянах из какого-нибудь еще более древнего источника, а тот источник, в свою очередь, получил ее из еще более древнего. Возможно, мудрые обезьяны появились на заре существования человека.

Миссис Картер по-прежнему не сводила с нас взгляда.

— Итак, — продолжал отец, — жизненный цикл человека, вырезанный над входом в святилище Тосёгу, включает девять резных панно; обезьяны появляются на втором. Может ли кто-нибудь сказать мне, как зовут этих обезьян?

Я, конечно, знал ответ и с серьезным видом поднял руку. Если миссис Картер тоже знала ответ, она предпочла не участвовать в нашей беседе.

Отец посмотрел на меня, потом на миссис Картер и снова на меня.

— Раз ты первый поднял руку, тебе и отвечать. Назови-ка их имена!

— Мидзару, Кикадзару и Ивадзару!

— Ты совершенно прав! Дайте мальчику заслуженную награду! — Отец заулыбался. — Ты получишь бонусные

очки, если знаешь, что означают их имена!

Конечно, отец знал, что я отвечаю правильно, однако любил такие невинные забавы, поэтому я ему подыграл:

— Мидзару значит «не вижу зла». Кикадзару — «не слышу зла», а Ивадзару — «не говорю зла».

Отец медленно кивнул и постучал миссис Картер по колену.

— Возможно, вы встречались с их изображениями; сюжет запечатлен на многочисленных картинах и в статуэтках. Первая обезьяна закрывает глаза, вторая — уши, а третья прикрывает своей волосатой лапой рот.

— Значит, когда миссис Картер употребила плохое слово, она нарушила правило Ивадзару, — уверенно заявил я.

Однако отец покачал головой:

— Нет, сынок; хотя грязно ругаться плохо и это признак неразвитого ума, для того чтобы нарушить правило Ивадзару, ей пришлось бы сказать что-то плохое о ком-то.

— А-а-а, — кивнул я.

Миссис Картер застонала и задергалась. Цепи зазвенели.

— Тише, тише, Лайза. Тебе тоже дадут слово, и до тебя дойдет очередь, только ты должна быстрее поднимать руку, — обратился к ней отец.

Она снова дернулась, цепи ударились о трубу и о металлический каркас раскладушки. Она разочарованно застонала.

— Может быть, тогда ты скажешь?

— Есть и четвертая обезьяна, но о ней никто ничего толком не знает, — ответил я.

Отец кивнул:

— Первые три обезьяны определяют правила, согласно которым должны жить мы все, но самая важная — именно четвертая.

— Сидзару, — сказал я. — Ее зовут Сидзару!

— Она символизирует принцип «не совершаю зла», — подхватил отец. — И это, конечно, самое главное. Если кто-то увидит или услышит зло, тут от него самого мало что

зависит. Если кто-то говорит зло, такой недостаток тоже можно исправить, но, когда зло совершают... тому, кто совершает зло, нет прощения!

— Те, кто совершают зло, — нечистые, да, отец?

— Да, сынок, определенно. — Отец снова повернулся к миссис Картер. — К сожалению, ваш муж попал в последнюю категорию. Таким, как он, не место на нашей большой планете. Правда, лично я предпочел бы избавить мир от его грязи чуть более осмотрительно, чем показалось уместным моей милой женушке, но что сделано, то сделано, и нет смысла волноваться из-за того, что мы не в силах изменить. Кроме того, я бы также предпочел, чтобы вы не стали свидетельницей наших вчерашних забав, но вы решили поиграть в детектива и увидели то, что не должны были видеть. Поэтому мы попали в затруднительное положение. Что с вами делать?

— Она чиста, отец? — вынужден был спросить я, потому что ответа я не знал. Конечно, она видела и слышала зло, но отец еще раньше говорил мне, что такие нарушения простительны. Говорила ли она зло? Совершала ли зло? Этого я не знал.

Отец убрал с глаза миссис Картер прядь волос. Долго молча смотрел на нее, потом ответил:

— Не знаю, сынок, но собираюсь выяснить. Мистер Картер был человеком неприятным, здесь никаких сомнений быть не может, но кое-что подтолкнуло его к действию — что-то нажало последнюю кнопку и вызвало извержение. — Он дотронулся кончиком указательного пальца до синяка под глазом миссис Картер. — Все время спрашиваю себя, что это могло быть и не стоит ли за всем произошедшим наша милая миссис Картер.

Я снова вспомнил картинку: мама и миссис Картер сплелись в объятиях. Я не мог рассказать об этом отцу. Пока не мог. Если действия миссис Картер побудили мистера Картера нарушить правила, не разумно ли предположить, что в действиях миссис Картер отчасти повинна и мама? Если

мама нарушила правила... последняя мысль была для меня невыносима.

Отец пристально смотрел на меня. Знал ли он? Выдал ли я себя? Отец не стал настаивать. Вместо этого он встал и показал на поднос с завтраком:

— К сожалению, ваш завтрак остыл. Но уж как есть, так есть. Надеюсь, в следующий раз вы примете предложенную вам еду с улыбкой, а не так грубо. — Он похлопал меня по плечу: — Не забудь, сынок, никакой утвари для нашей гостии.

— Знаю, отец.

— Вот молодчина!

Он начал подниматься по лестнице.

Я повернулся к миссис Картер и потянулся к ее кляпу:

— Может быть, еще одна попытка?

Она кивнула, не сводя взгляда с отцовской спины, которая постепенно скрывалась из виду.

Портер — день первый, 17.23

Округ Фултон, расположенный чуть севернее Лупа и граничащий с центром Чикаго, переживал период урбанистического обновления. Когда город только строился, Фултон стал центром лесоторговли и торговли зерном. Позже именно здесь зародилась знаменитая компания розничной торговли «Сирс», которая поставляла товары по почте. В 1886 году на площади Хеймаркет проходили знаменитые митинги протеста рабочих; здесь на протяжении почти столетия сколачивались крупнейшие капиталы. В двадцатом веке округу пришлось несладко. В годы Великой депрессии и двух мировых войн Фултон обеднел, и на его улицах распространилась преступность. Здания разрушались, рабочие места сокращались, а немногочисленным владельцам предприятий, которые пытались там остаться, пришлось приварить решетки на окна. Идя на работу или возвращаясь с нее, они ежедневно встречались с наркоторговцами и проститутками. И только в 2008 году застройщики начали скупать там недвижимость. Фултон в третий раз за свою историю рождался заново.

В наши дни почти все старые склады превращены в высокодоходные лофты и многоквартирные дома, где полюбили селиться молодые представители чикагской элиты. Бывшие текстильные и обувные фабрики стали модными жилыми комплексами. И хотя строители бережно сохраняют кирпичные фасады, внутри появились корты для сквоша, спа и кофейни.

Между этими хипстерскими мекками время от времени попадаются и старые, полуразрушенные строения. Портер считал: если бы здания умели думать, они бы испуганно следили за соседями и ждали, когда и им, в свою очередь, сделают «круговую подтяжку». Немногочисленные оставшиеся старые здания как будто надеялись, что им удастся выжить. Однако на некоторые площадки приезжали бульдозеры, сносили старье до основания, чтобы потом на месте обветшалых строений возвести нечто совершенно новое.

Именно такое строение находилось по адресу Дес-Плейнс-Роуд, 1483.

Приземистое по сравнению с соседними домами, оно было всего лишь трехэтажным, а его площадь составляла самое большое тысячу квадратных метров. Если присмотреться, можно было заметить, что оригинальная красно-кирпичная облицовка во многих местах обвалилась, но по большей части ее не было видно под многими слоями краски — цвета варьировались от зеленого и желтого до белого. Почти все окна на первом этаже были либо заколочены, либо разбиты; на втором и на третьем этажах они выглядели немногим лучше.

Когда-то здание, наверное, горделиво высилось на фоне окружающих домишек, но история отнеслась к нему немилосердно. Это здание пережило худшие времена. В годы сухого закона здесь окопались гангстеры, которые, забаррикадившись на верхних этажах, отстреливались от полицейских. Склад был свидетелем рождения города и уцелел во время Большого чикагского пожара, в то время как соседние здания сгорели дотла. Портер уверял, что до сих пор чувствует запах гари в этом квартале, хотя за сто зим запах давно должен был выветриться.

Единственная вывеска на крыше выцвела и потускнела; деревянные буквы извещали, что здесь находился склад типографии «Малифакс». Вот и все, что осталось от прежней славы.

— Не на что смотреть, — заметил Нэш, сидевший на пассажирском месте «чарджера» Портера.

Они припарковались на углу наискосок; с их места открывался хороший вид на здание. Телефон завибрировал — пришло текстовое сообщение. Нэш посмотрел на экран.

— Клэр с группой спецназа приедет через две минуты.

Портер посмотрел в зеркало заднего вида; Уотсон что-то деловито печатал на своем телефоне — «набирал», как говорят нынешние детки. Он еще не видел, чтобы пальцы у кого-нибудь двигались так быстро.

— Господи, док, эта штука у тебя вот-вот загорится!

— Типография «Малифакс» закрылась в девяносто девятом году. С тех пор здешний склад пустует, — не поднимая головы, отрапортовал Уотсон. — Очевидно, их головная компания расплавилась по счетам до две тысячи третьего года; потом они обанкротились, и здание склада перешло в муниципальную собственность. Городские власти пытались сдавать помещения в

аренду, но желающих так и не нашлось; в двенадцатом году здание приговорили к сносу.

— Почему бы его не обновить, как другие дома? — спросил Нэш. — Тут теперь шикарный квартал. Мы на свою полицейскую зарплату точно не можем себе позволить здесь жить. Видите вон тот дом? — Он показал на большое кирпичное строение. Судя по старой надписи на стене, раньше в нем располагалась швейная фабрика. — За квартиру с двумя спальнями и одной ванной здесь просят семьсот двадцать тысяч долларов.

Портер повернулся к напарнику:

— Откуда ты знаешь?

— «Зиллоу».

— Что такое «Зиллоу»?

— Программа такая. Живет в твоём телефоне, как «Твиттер». — Нэш ухмыльнулся. — Можно войти в приложение и узнать цены на недвижимость рядом с тем местом, где ты находишься. Можно узнать, что продается, что продано недавно и почему.

— А твой волшебный телефон может подсказать, что внутри того здания? — Портер показал на «Малифакс».

— Нет, зато я могу сказать тебе, чего там нет — Обезьяньего убийцы. Потому что сейчас он отдыхает в морге. — Нэш огляделся по сторонам. — И у меня возникает вопрос на десять тысяч долларов. Зачем нам сейчас дожидаться спецназа? Раз убийцы уже нет в живых, значит, нас никто не подстрелит.

Портер пожал плечами:

— Приказ начальства.

— Капитан объяснил, зачем понадобился спецназ?

— Он считает, что там может быть ловушка. Обезьяний убийца подбросил книгу, что... совсем на него не похоже. Что-то не так.

— А ты сам что думаешь?

— Не знаю, что и думать.

— Посмотрите-ка! — Уотсон протянул телефон Портеру. Тот увидел на экране страницу из «Википедии». — Раньше, во времена сухого закона, здесь гнали самогон. Все соседние здания связаны системой подземных ходов.

— Которыми вполне мог воспользоваться наш покойник. Разгуливал здесь, как у себя дома.

За ними остановилась зеленая «хонда-сивик». Оттуда вылезла Клэр Нортон и подбежала к окошку Нэша. Тот опустил стекло.

— Что там? — спросила Клэр, кивая в сторону здания.

— Ничего, все тихо.

— А как насчет того белого седана?

Портер заметил машину, как только они приехали. «Бьюик» последней модели с большим пятном шпатлевки на заднем бампере со стороны водителя.

— Никаких признаков водителя.

Уотсон забрал у Портера свой телефон.

— По-вашему, он гулял по здешним туннелям?

— По туннелям бутлегеров? — Клэр посмотрела на соседние здания, потом перевела взгляд на машину. — Несколько лет назад я вела дело о торговле людьми в Ист-Сайде. Преступники, как оказалось, передвигались по старым подземным ходам. Говорят, туннели в свое время вырыли для нужд телефонной компании, для прокладки кабелей. Там даже рельсы проложили. Можно было от реки добраться почти до самого центра, ни разу не поднимаясь на поверхность. Некоторые туннели настолько широки, что по ним можно проехать на грузовике... Если знать, где поворачивать, под землей можно объехать весь город. Там, внизу, жутко холодно — несколько кинотеатров в центре до сих пор пользуются действующими вентиляционными шахтами, которые нагнетают снизу холодный воздух, чтобы в кинозалах было прохладно.

— В туннель можно спуститься из парка имени А. Монтгомери Уорда?

— Понимаю, куда ты клонишь, босс, но сомневаюсь, что получится, — сказал Нэш. — Он увез ее оттуда на машине. Если бы он попытался спуститься в канализационный люк, волоча за собой девушку, наверное, кто-нибудь заметил бы его и остановил.

Клэр закатила глаза:

— Ты не видел ту компанию из парка!

Портер продолжал размышлять вслух:

— Допустим, он увозит ее в машине. Что дальше? Парк имени А. Монтгомери Уорда меньше чем в квартале от северного притока реки Чикаго. Можно ли где-то там въехать на машине в подземный ход?

Уотсон снова что-то набирал на телефоне.

— Догадываюсь, что можно, хотя и не нахожу подробных картинок. Строителям нужен был доступ под землю со стороны главного водного пути. Возможно, он спустился с ней под землю и утащил сюда, и никто их не видел, даже если часть пути ему пришлось проделать пешком.

— Не исключено, что наш преступник именно так перетаскивал всех жертв. Тогда понятно, почему он так долго рыскал по городу, не оставляя следов, — подхватил Нэш.

— Значит, она может быть здесь, — тихо сказала Клэр.

— Да, — кивнул Портер.

Из-за угла вывернул темно-синий фургон с ярко-желтой надписью на бортах «Квятковски. Сантехнические работы». Фургон остановился прямо за белым седаном.

— Наши ребята приехали? — спросил Портер.

— Да, сэр. Решили, что лучше прибыть без шума. — Зазвонил ее телефон, и Клэр выхватила его из кармана. Несколько раз кивнула, потом сказала: — Вас поняла, вы заходите на счет «три»! — Она повернулась к Нэшу и Портеру: — Вы готовы? Мы идем за ними, после того как они проверят здание.

— А он? — Нэш пальцем указал себе через плечо.

Портер посмотрел на Уотсона в зеркало заднего вида:

— У тебя ведь нет оружия, так?

— Нет. — Уотсон покачал головой.

— Может, ты, случайно, бронежилет прихватил? — По уставу, на место преступления запрещалось входить без бронежилета.

— В нашем отделе бронежилеты носить не принято.

— Тогда тебе придется остаться здесь. Извини, сынок.

Портер и Нэш вылезли из машины. Портер достал из багажника два пуленепробиваемых жилета, дробовик и большой фонарь «Маглайт». Дробовик и один жилет он передал Нэшу, а сам надел другой. Достал еще один дробовик, убедился, что тот заряжен. Затем достал из-под запаски «Беретту-92FS» и проверил магазин.

— На всякий случай прихватим? — уточнил Нэш, также доставая свой запасной «вальтер».

Портер кивнул:

— Я еще не видел капитана. Мое удостоверение до сих пор у него. И значок тоже.

— Строго говоря, ты ведь еще не вернулся на работу. Так что постарайся, чтобы тебя не подстрелили. Раненый «случайный прохожий» требует больше писанины, чем раненый напарник.

— Рад, что ты меня прикрываешь.

Завибрировал телефон Клэр; она посмотрела на экран:

— Заходим через десять секунд. — Она тоже достала свой «глок».

Фургон с надписью «Квятковски. Сантехнические работы» закачался, потом задние дверцы отъехали в стороны, и оттуда начали выскакивать бойцы в полном защитном снаряжении. Первые двое несли большой черный металлический таран; остальные держали наготове штурмовые автоматические винтовки AR-15. Они двигались быстро и слаженно; сапоги цокали по асфальту и бетону.

Нэш тоже бросился на ту сторону улицы; Портер бежал рядом, а Клэр — за ними.

С помощью тарана открыть здание склада удалось без труда; хватило одного удара, чтобы сбить навесной замок. Его отшвырнули с дороги. Два спецназовца с тараном посторонились, пропуская вперед остальных, затем выхватили из-за спин собственные штурмовые винтовки и побежали за товарищами.

Сработала граната ударного действия; издали послышались приглушенные крики: «Полиция!» и «Чисто!». Спецназовцы скрылись внутри. Когда с освещенной улицы они вошли в темное помещение, Портер крепче сжал «беретту».

— Ни хрена не вижу, — проворчал Нэш, вглядываясь в темноту.

— Все окна забиты; здесь темно, как в гробу, — согласилась Клэр.

Портер осмотрел дверной косяк. Свет с улицы проникал за порог, и можно было видеть очертания квадрата примерно три на три метра, а дальше все тонуло во мраке. Он сгущался, словно вытесняя свет.

Портер включил фонарь и провел лучом из стороны в сторону, ожидая увидеть просторное складское помещение. Вместо этого высветился узкий коридор, обитый сгнившим деревом; задрав головы, они увидели осыпающийся звукопоглощающий потолок. На полу там и сям валялись куски штукатурки.

Портер слышал, что спецназовцы обследуют здание; их сапоги цокали по бетону, пока они осматривали комнату за комнатой.

Потом — тишина.

— Что там случилось?

— А что?

— Спецназовцы затихли.

— Может, зашли слишком далеко, и мы просто их больше не слышим.

— Нет, не то. Они перестали двигаться.

— Может, что-нибудь нашли?

— Может быть.

— Как-то слишком тихо, — сказала Клэр.

— Пошли, — приказал Портер. — Не отставайте!

Они двигались медленно; луч фонаря скользил во мраке. Зашагали по коридору, который постепенно сужался; им приходилось пробираться между коробками, ящиками и другими разрозненными предметами, стоящими вдоль стен. Не пройдя и пятидесяти шагов, Портер насчитал здесь штук пять матрасов, давно сгнивших и истлевших, покрытых пятнами плесени. По расплзающейся материи ползали насекомые. Бетонный пол напоминал выгребную яму; в грязи и саже виднелись лужи жидкости с запахом мочи. Смотреть под ноги он не осмеливался; достаточно того, что под подошвами то и дело хрустели презервативы и иглы — любоваться было совершенно нечем. Он представлял себе, что при каждом шаге наступает на скелетики грызунов.

Примерно через каждые десять шагов им попадались двери, но дверные рамы потрескались и осыпались. Портер знал, что спецназовцы открывают двери ногами либо тем же тараном, с помощью которого вошли в здание. Проходя мимо каждой двери, Портер светил внутрь фонарем, хотя и понимал, что вряд ли найдет там что-либо достойное внимания, — в лучшем случае это была мера предосторожности.

У третьей двери он остановился и прислушался.

Раздавалось ритмичное капанье воды.

Нэш и Клэр, затаив дыхание, остановились в нескольких шагах за ним.

Тиканье часов.

Правда, он не слышал спецназовцев. Спереди не доносилось ни единого звука.

Портер замедлил шаг, чтобы Нэш и Клэр его догнали.

— Что-то не так; не нравится мне это!

Откуда-то из недр здания послышался грохот, за которым последовали выстрелы.

— Пошли! — скомандовал Портер, бросаясь на выстрелы.

Клэр и Нэш побежали за ним, следуя за лучом фонаря.

Портер бежал на звук. Ему казалось, что он вот-вот задохнется от плесени. Они набрели на сломанный грузовой лифт; слева от него виднелась лестница, которая вела вниз. Голоса тоже доносились снизу.

Не колеблясь, они бросились вниз, перепрыгивая через две ступеньки, стараясь обходить кучи мусора и обломков и не поскользнуться при этом.

— Какого хрена! — послышался крик.

— Где они?

— Понятия не имею!

— Отойдите!

— Нет, постойте!

Ярко-красный свет осветил дверной проем у подножия лестницы. Кто-то пустил сигнальную ракету. Портер прищурился от яркого света и поднял ствол пистолета к потолку. Лучше не рисковать, если пистолет случайно выстрелит.

Снизу послышалось:

— Они разбегаются!

— Зажги еще одну. Вон там, в углу!

Нэш схватил Портера за плечо, когда они почти спустились, и громко крикнул:

— Эспиноза? Это детективы Нэш, Нортон и Портер! Мы на лестнице! Не стреляйте!

— Подождите, детективы! — ответил Эспиноза.

— Чисто! — крикнул кто-то другой.

— Проклятые твари, они повсюду!

Издали прилетела еще одна сигнальная ракета и с громким шипением приземлилась на нижнюю ступеньку.

В стороны брызнули не меньше дюжины крыс; они неслись не разбирая дороги, некоторые пробежали у них по ногам. Клэр взвизгнула.

— Вот гадость! — Нэш отскочил к стене.

Портер в благоговейном ужасе смотрел, как мимо пробежали еще шесть грызунов.

— Все в порядке — можете спускаться, главное, держитесь на свету! — крикнул Эпиноза.

— Я не...

Клэр подтолкнула Нэша в спину:

— Вперед, трусишка!

Они вошли в большой подвал — судя по всему, он шел под всем зданием. Освещенные сигнальными ракетами, бетонные полы и красные кирпичные стены тянулись во все стороны, куда бы он ни посмотрел. Пол был завален разным хламом: коробками, разрозненными бумагами, банками из-под газировки и...

— Никогда не видел столько крыс, — признался Портер, не сводя взгляда с пола на одном из освещенных мест. Пол как будто переливался и шевелился. Живое одеяло из грызунов. Они напоздали друг на друга в попытке убраться подальше от света, только бежать им было некуда. Крысы скребли когтями бетонный пол и кусали друг друга, спеша убраться прочь.

— Я же говорил, чтобы вы подождали снаружи, — нахмурился Эпиноза. — По крайней мере до тех пор, пока мы не разберемся, что тут происходит.

— Тут у нас нашествие вредителей, — проворчал другой спецназовец, посылая на другой конец подвала еще одну ракету.

— Если будешь бросать туда, крысы побегут к нам. Надо их вытеснить.

— Куда вытеснить?

— Вы что же, их отстреливаете? — поинтересовался Портер.

— Это Броган стрелял, вот дебил.

— Эй, полегче!

— Проклятые твари повсюду. Их здесь тысяча, не меньше, — сказал Эпиноза, отшвыривая одну мощным пинком. Крыса перевернулась в воздухе и ударилась о дальнюю стену, потом отряхнулась и побежала в дальний угол.

Нэш стоял неподвижно; его лицо было бледным как мел, а крысы спешили прочь, скаля желтые клыки.

Клэр рассказала им о туннелях, предположив: возможно, именно так они попадали в этот подвал и выходили отсюда.

Эспиноза кивнул и заговорил в наплечную рацию:

— Проверьте стены по периметру. Мы ищем что-то вроде входа в туннель!

— Не нужно искать, — сказал Портер, глядя на убегающих крыс. — Надо идти за ними.

Броган убил еще одну прикладом винтовки.

Взгляд Портера устремился в дальний угол. Крысы бежали не наобум; они стремились в одно конкретное место. Утекали, как вода... как река, полная грязи и болезней.

— Можно мне ракету? — попросил он.

Эспиноза снял одну с пояса и протянул Портеру.

Портер сорвал колпачок и бросил ракету к противоположной стене. Она пролетела дугой и с глухим ударом упала футах в шестидесяти от них.

— Ничего себе! Ну у вас и бросок, детектив! — воскликнул Броган.

Портер побежал на свет.

Хотя крысы разбежались от вспышки, стараясь держаться от ракеты подальше, они все же двигались к определенному месту, к закрытой двери с небольшой дыркой в нижнем правом углу, достаточной, чтобы в нее пролезла крыса. Именно это они и делали. Выстроившись в аккуратную цепочку, они влезали в дыру одна за другой.

Портер потянулся к двери, но Эспиноза схватил его за руку:

— Отойдите, детектив! Нужно проверить помещение! — Он говорил глухо, еле слышно.

Портер кивнул и отошел в сторону.

Взмахнув свободной рукой, Эспиноза велел Брогану и еще одному бойцу встать по бокам двери. Сам он отошел на десять шагов, прицелился в проем и на пальцах отсчитал: три, два, один.

Броган выбил дверь ногой и, пригнувшись, нырнул внутрь. Второй спецназовец целил стволом у Бродана над головой; убедившись, что за дверью нет засады, он последовал за напарником. За ним в помещение ворвались еще двое.

— Чисто! — послышались издали приглушенные голоса.

Потом еще один:

— Чисто!

Держа оружие наготове, Эспиноза быстро зашел внутрь и скрылся из виду. Через секунду внутри загорелся яркий свет.

— Портер — сюда! — крикнул Эспиноза.

Мельком оглянувшись на Нэша и Клэр, Портер переступил порог и побежал, стараясь не наступать на крыс. В том месте встречались два серых потока: одни вбегали в комнату, другие выбегали оттуда.

Здесь было холоднее, чем в остальных подвальных помещениях, и сыро от плесени. Он сразу же узнал запах — тошнотворный сладковатый запах разлагающейся плоти. Стараясь спастись от всепроникающей вони, Портер прикрыл ладонью нос и рот, хотя это ничему не помогло.

Впереди стояли пять человек; все они смотрели в одну точку.

— Все вон! — скомандовал Портер, стараясь не дышать.

Эспиноза круто развернулся к нему. Сначала он, видимо, собирался поспорить, но потом благоразумно передумал. Он вышел через сломанную дверь и жестом позвал других спецназовцев за собой.

Портер пошел дальше.

На полу вдоль стен стояло несколько сотен свечей; большинство из них догорело, и от них остались только горки воска. Немногие оставшиеся распространяли слабый свет; они были едва заметны на фоне яркой вспышки сигнальной ракеты.

Ему хотелось все погасить: и ракету, и свечи.

Ему хотелось все прекратить и снова погрузить это место во мрак.

Он не хотел ничего видеть.

Ничего из того, что увидел.

Посреди комнаты валялась перевернутая набок больничная каталка; металлические бортики были изъедены пятнами ржавчины.

Под каталкой лежало обнаженное тело, прикованное наручниками к крестовине. Точнее, телом то, что он увидел, назвать было трудно, потому что останки стали добычей для нескольких тысяч грызунов, носившихся по комнате.

Перед ним лежала груда костей и ошметков мяса.

Наверное, миссис Картер поняла правила, потому что на этот раз не стала кричать, когда я вынул кляп. И ругаться тоже не стала. Если грязные мысли и появились у нее в голове, она держала их при себе. Зато посмотрела на меня усталыми глазами.

— Пить, — сказала она.

Я поднес стакан с соком к ее растрескавшимся губам и наклонил, чтобы жидкость (правда, теплая) попала к ней в рот. Потом убрал стакан, позволяя ее проглотить.

— Еще, пожалуйста.

Я дал ей еще, а потом еще немного. После того как она выпила весь сок, я поставил стакан на пол рядом с раскладушкой.

— Банан или хлопья?

Она глубоко вздохнула.

— Вам придется меня отпустить!

— Знаю, сухие хлопья выглядят не очень аппетитно, но гарантирую, они вкусные. Эти сахарные колечки — чудесная еда, обожаю их на завтрак. — Мне и самому хотелось съесть немного, но ей нужно было восстанавливать силы. Я утешался тем, что вознагражу себя полной миской хлопьев, когда вернусь наверх.

Миссис Картер наклонилась ближе. Я почувствовал на своей щеке ее теплое дыхание.

— Твои мать и отец собираются меня убить. Ты ведь понимаешь, да? Ты этого хочешь? К тебе я всегда относилась очень хорошо. Даже позволила тебе смотреть на меня... ну, ты помнишь, там, у озера. Тогда там были только я и ты, помнишь? И я старалась только для тебя. Если ты меня отпустишь, обещаю, что увидишь еще много, много интересного. И не только увидишь. Я дам тебе все, что ты хочешь. Буду делать такие вещи, о которых девочки твоего

возраста, скорее всего, даже не знают. От тебя требуется только одно: отпустить меня.

— Банан или хлопья? — повторил я.

— Прошу тебя!

— Ладно, значит, банан. — Я очистил банан и поднес к ее губам.

Глаза ее блеснули, потом она наклонилась вперед и откусила кусок.

— Я говорил вам, это вкусно.

— Ты хороший, — сказала она. — Ты хороший мальчик, и я знаю, ты не допустишь, чтобы со мной что-то случилось, да?

Я снова сунул ей банан:

— Вам нужно поесть.

Она откусила еще кусок, медленнее, чем первый; ее красные губы скользнули по банану и ненадолго задержались, прежде чем отпрянуть.

Портер — день первый, 17.32

Когда Эспиноза и его группа вышли, Портер прошел глубже в комнату.

— Нэш, Клэр, берите фонарь и идите сюда! — крикнул он через плечо.

Опустившись рядом с трупом на колени, он три раза хлопнул в ладоши что было сил. От громкого треска, усиленного эхом, снизу побежали новые крысы. Портер хлопнул еще, и еще две крысы выскочили из-под трупа и бросились искать убежище. Ладони у него покраснелись и болели, но он хлопнул еще раз, и еще одна крыса выбежала из-под тела; из ее пасти свисали куски окровавленной плоти — похоже, животное отгрызло часть уха.

На дальней стене заплясал луч белого света. Портер обернулся и увидел Нэша. Напарник стоял рядом, прикрывая рот рукавом.

— Боже правый, — произнес он.

— Посвети-ка сюда, — велел Портер.

Нэш передал ему фонарь, вытянувшись вперед, но не сходя с места.

— Ах ты... — Клэр закашлялась, прикрыв рот. — Это Эмори?

— Клэр, поднимайся вверх, — не оборачиваясь, велел Портер. — Передай Уотсону, пусть вызывает своих, а сам спускается сюда. И судмедэкспертам пусть позвонит.

— Есть! — ответила она, направляясь к выходу.

— Брайан, тебе не обязательно здесь оставаться; я все понимаю.

Нэш покачал головой:

— Все нормально... я сейчас.

Портер навел луч на останки.

Мухи вились над бледной массой, лежащей под каталкой, на бетонном полу. Когда он склонился к голове, то заметил вмятину в черепе чуть ниже линии роста волос. Поверхность раны была чистой. Скорее всего, жертва ударилась головой, пошла кровь, и крысы сбежали на запах.

— По-моему, он упал с каталки и разбил голову. Невозможно сказать, сколько времени он здесь пробыл.

Нэш показал куда-то дальше вниз:

— Правая рука прикована к каталке. По-моему, перед тем как упасть, он тащил каталку за собой... или она? Это Эмори?

Портер осветил фонарем на тело, затем навел луч на голову.

— Нет, у покойника короткие темно-русые волосы. По-моему, он старше; я вижу проблески седины и морщины на подбородке, там, где что-то осталось. Эмори гораздо моложе, и волосы у нее темнее.

— Это мужчина или женщина?

— Пока не знаю. Помоги перевернуть тело.

Еще одна крыса выбежала из-под левой ноги и бросилась к двери.

— Вот твари... — Нэш отскочил.

Портер недовольно вздохнул и протянул ему фонарь:

— погоди, сам справлюсь. Держи фонарь и свети мне на руки.

Нэш взял фонарь и направил свет вперед.

— Извини, проклятая крыса напугала меня, вот и все.

— Разве у тебя в детстве не было ручного хомяка или песчанки? Крысы такие же, только немного больше.

— Они жрут мусор и переносят больше болезней, чем Кардашьян на Марди-Гра, — ответил Нэш. — Стоит такой мелкой твари укусить тебя, и ты проведешь остаток ночи в отделении неотложной помощи и тебе будут делать уколы в живот от бешенства. Нет уж, спасибо.

— В плечо, — сказал Портер, доставая из кармана зеленые латексные перчатки.

— Что?

— Уколы. Их больше не делают в живот, их делают в плечо.

— Какой прогресс!

— Обычно крысы бешенство не переносят. В США ни разу не было зафиксировано случая бешенства после укуса крысы. Это сказки. Нам просто так легче их убивать. Можешь себе представить, насколько грязнее был бы наш город без крыс, которые поедают наши отходы? По-моему, настоящая чума — люди, а не крысы. Вот это, — он показал на останки, — тоже дело рук человека. Пожалуйста, переверни каталку, а я подниму труп. Зайди с другой стороны.

— Никогда бы не подумал, что ты симпатизируешь крысам. — Нэш сунул фонарь под мышку, достал свои перчатки. Он обошел труп

и взялся за каталку. — На счет «три»?

Портер кивнул:

— На счет «три».

Он начал считать. Когда Нэш поднял каталку, Портер левой рукой схватил труп за плечо, правой — за ногу и повернул тело к себе; его стареющая спина отозвалась на рывок острой болью, которая отдалась в бедре. Тело издало тошнотворный хлюпающий звук, оторвавшись от бетонного пола; примерно такой звук издает мокрый пластырь, который отдирают от загноившейся раны. Сразу усилился сладковато-кислый запах, запах сырости и разложения. Когда тело перевернулось на спину, Портер увидел, что половины желудка нет; осталась только большая полость на том месте, где раньше был кишечник; виднелся розовый, сочащийся желтым жир, кишачий личинками.

Нэш резко толкнул каталку, едва не задев Портера, и, отвернувшись, согнулся пополам; остатки шоколадного батончика вывернулись на шлакоблочную стену. Луч фонаря повернулся вместе с ним, и Портер испытал благодарность за мгновения темноты; ему нужно было прийти в себя, собраться с духом.

Наконец выпрямившись, Нэш принялся извиняться, но Портер только отмахнулся:

— Дай-ка сюда фонарь.

Нэш кивнул и, передав ему фонарь, вытер рот рукавом куртки.

Луч прошелся по телу — медленно, от остатков лица до пальцев ног и обратно.

— Мужчина, скорее всего, старше пятидесяти.

— Господи, откуда ты знаешь?

Крысы отгрызли ему гениталии; почти все туловище было съедено, белели кости, мышцы — а внутри пустота, которая переливалась из темно-зеленого в коричневый. Вглядевшись, он заметил личинок, которые доедали остатки крысиного пиршества.

— Они ему глаза съели, — заметил Нэш.

Портер снова навел луч на голову. Съеденными оказались не только глазные яблоки. На него смотрели пустые глазницы. Голова трупа чем-то напоминала сиротку Энни из старого комикса.

— Как давно, по-твоему, он здесь лежит?

Портер вздохнул и сразу же пожалел об этом: воняло здесь невыносимо.

— Пару дней, не меньше. По-моему, он был жив как минимум два дня перед тем, как умер.

— Почему так думаешь?

Портер показал на шею трупа:

— Видишь щетину? Такая вырастает за пару дней. Волосы у него короткие, аккуратно подстриженные. Он даже брови стриг. Такие аккуратисты бреются каждый день, а иногда даже два раза в день. А этот не брился два дня, а может, и три. Конечно, судмедэксперт определит все точнее.

— Что думаешь о причине смерти?

Портер снова провел лучом по телу.

— Не вижу на нем никаких ран. Скорее всего, его пырнули ножом в область живота. Именно там крысы произвели самые серьезные повреждения.

— А сбежались они на запах крови — возможно, после того, как он пробил себе голову.

— Угу.

Нэш шагнул ближе и показал на левую руку жертвы.

— А это что?

Портер проследил за его взглядом. Рука была сжата в кулак; из него что-то торчало. Он нагнулся и попытался разжать пальцы.

— Трупное окоченение?

— Уже прошло. Крысы обгрызли ему кончики пальцев, остатки склеились запекшейся кровью. Подержи-ка. — Он снова передал Нэшу фонарь.

Освободив руки, он с трудом разжал пальцы трупа. Покойник сжимал в кулаке трубочку из глянцевой бумаги. В длину трубочка была сантиметров десять и скручена вроде самокрутки. Портер выдернул ее и осторожно развернул.

— Это проспект.

— Какой еще проспект?

— Рекламный. — Портер поднес бумагу к свету.

Нэш подошел поближе и прочел вслух:

— «„Озерный причал“. Жилой комплекс „Толбот истейт девелопмент“. Яхт-клуб и загородный клуб — два в одном».

— Компания недвижимости Толбота?

— Или строительная компания, возможно, и то и другое. — Нэш потянулся к брошюре. — Я уже видел их рекламу. Они снесли много складов и промышленных зданий на берегу озера, строений вроде того, где мы сейчас находимся, и на их месте строят шикарные особняки. Дома огромные, от трехсот до восьмисот квадратных метров, но участков под ними нет. Это безумие. Если у тебя столько денег, что ты можешь себе позволить такое жилье у озера, зачем жить буквально на голове у соседа? Один мой приятель работает в порту, и он сказал, что участки на первой линии продаются вместе с причалами, но при этом компания-застройщик не заморачивается углублением дна. Поэтому пришвартоваться у таких причалов можно только на маленьких суденышках. Если же у будущих владельцев яхта крупнее, их заставляют дополнительно платить большие деньги, чтобы углубить дно. Правда, толку от такого углубления мало, если то же самое не сделать на соседних причалах: пройдет совсем немного времени, и вырытые ямы заполнятся илом. Через пару лет операцию придется повторить.

Портер с трудом заставил себя выпрямиться; колени у него хрустнули от напряжения.

— Надо выйти и позвонить Хозману. Обезьяний убийца не без причины метил в Толбота; должно быть, дело как-то связано с этим строительством.

— Может, там мухлеж с бухгалтерией?

— В таком большом проекте возможно все. Когда проталкиваешь большой участок под застройку, наступаешь на множество мозолей.

— Портер!

Оба обернулись. У входа стоял Эспиноза.

— Мои ребята нашли туннель, о котором ты говорил. В какой-то момент его заколотили, но кто-то недавно проломил доски и замаскировал дыру несколькими ящиками. Туннель идет из подвала на север. Если я тебе не нужен здесь, мы сходим и посмотрим, куда он ведет.

Портеру хотелось поскорее выбраться наружу. Тесное помещение, труп, крысы — все, что его окружало, вызывало у него клаустрофобию.

— Нэш, подожди здесь судмедэксперта. Возьми Уотсона, осмотрите место происшествия. Я иду с отрядом Эспинозы. Позвоню,

когда мы поймем, куда ведет туннель, — сказал Портер и повернулся к Эспинозе: — Показывай дорогу!

— Эй, приятель, не поможешь?

Отец стоял возле заднего крыльца. Рядом с ним я заметил свою детскую красную коляску; ее короб был завален небольшими свертками, примерно тридцать на тридцать сантиметров, завернутыми в черные пластиковые мешки для мусора и запечатанными клейкой лентой.

Конечно, в коляске меня не возили уже давно. Последний раз, когда я ее видел, коляска стояла в сарае и была завалена всякими садовыми инструментами и старым грилем, который отец купил на распродаже «Сирса» два года назад. Отцу гриль понравился потому, что работал на газу; маме он не нравился, потому что не работал на угле. Я же считал, что бургер на гриле — он и есть бургер на гриле, и мне было все равно, как его приготовили, лишь бы в конце концов бургер очутился у меня на тарелке — с ложкой кетчупа, каплей горчицы и каплей майонеза.

Мне не понравилось, что отец взял мою коляску, не спросив меня.

Я понимал, что веду себя глупо; в конце концов, коляску купил он, и все-таки она была моей. Невежливо брать чью-то коляску, не спросив разрешения. Я бы никогда так не поступил, и даже в таком юном возрасте пришел в замешательство.

— Приятель, я прошу тебя о большой услуге. Мне нужно, чтобы ты отвез эти пакеты к озеру, привязал к ним тяжелые камни и бросил как можно дальше в воду. Как думаешь, справишься? Ты очень меня выручишь... Так я могу на тебя рассчитывать? — Он протянул мне половину рулона клейкой ленты. — Я сам собирался это сделать, но меня срочно вызвали на работу. А если отложить дело до вечера, боюсь, что провоняет весь дом, а ведь мы этого не хотим, тем более у нас сейчас гостья.

Я взял коляску за ручки и дернул.

— Тяжелая!

Отец улыбнулся:

— В ней килограммов восемьдесят тухлятины! То-то обрадуются наши маленькие друзья-рыбки, верно?

Питаются ли рыбы тухлым мясом? Некоторые экзотические рыбы, например пираньи, способны обглодать человека до костей. Но я был совершенно уверен в том, что в нашем озере пираньи не водятся; вода в нем слишком холодная. В нашем озере водилось много форели и окуня; правда, я понятия не имел, чем они питаются. Даже насчет червей не был уверен.

— Твой нож при тебе? Советую перед тем, как бросать очередной пакет в воду, прорезать в нем небольшое отверстие. Так рыбы скорее почуют приманку и поспешат пировать. Будет замечательно!

— Да, отец.

— Ах ты, совсем забыл! — Он посмотрел на дом Картеров. — Еще нам придется уложить их вещи и немного прибраться у них в доме.

— Сделаю, — с серьезным видом пообещал я.

— Правда? — Отец посмотрел на меня и склонил голову набок.

Я кивнул:

— Конечно, отец. Можешь на меня рассчитывать!

Он прищурился задумчиво. Потом кивнул:

— Ладно, приятель. Ты у меня парень способный, так что поручаю тебе настоящую мужскую работу. Погрузи кое-что в их машину, а вечером я от нее избавлюсь.

— Куда ты хочешь ее перегнать?

Отец пожал плечами:

— Пока сам не знаю. До аэропорта далеко. Я подумывал об автобусной станции в Марлоу. Что-нибудь придумаю.

Он зашагал к парадному крыльцу, но на полпути остановился.

— И еще одно. Пожалуйста, присмотри за мамой. Ты ведь знаешь, какая она... какой становится после...

Я кивнул. Да, я в самом деле знал, какой она становится. Отец широко улыбнулся:

— Мой мальчик стал почти мужчиной. Ну кто бы мог подумать? Уж точно не я! — Он повернул за угол. — Уж точно не я, ни в коем случае! — услышал я его слова, когда он скрылся из виду.

После убийства мама становилась сама не своя и часто вела себя непредсказуемо. Иногда она как будто совершенно выключалась, уходила в свою комнату и несколько дней не показывалась. Когда появлялась, она была такой же, как прежде, но на те несколько дней ее лучше было оставлять в покое. В других случаях ее переполняла радость; она хохотала и шутила, ей было очень весело. Помню, как она танцевала на кухне и смотрела на улицу. Такой я любил маму больше всего — бодрую маму, веселую маму, улыбчивую маму. Мы никогда не знали, какая мама появится после убийства; но всегда проходило несколько дней, прежде чем настоящая мама возвращалась из путешествия в глубь себя.

Вначале я собирался навестить ее перед тем, как идти к озеру, но потом передумал. Если сегодня день Оживленной Мамы, и она услышит, что я собираюсь сделать, у нее может резко поменяться настроение, что сейчас никому не нужно. Лучше всего оставить ее в покое до тех пор, пока не переделаю все утренние дела. Ну а остаток дня я побуду с ней и помогу справиться с последствиями прошлой ночи.

Я сильно дернул, коляска поехала за мной, и я зашагал по тропинке к озеру, насвистывая веселую песенку из фильма «Эдди и странники». Я радовался тому, что тропинка ведет под гору; мистер Картер был мужчиной крупным.

Портер — день первый, 18.18

Портер следом за Эспиной вышел из комнаты с трупом в подвальное помещение. Три спецназовца стояли в дальнем правом углу; сбоку от них валялись деревянные ящики. Подойдя поближе, он прочел фамилии, вышитые на форменных куртках: Броган, Томас и Тибидо.

Тибидо первым подал голос:

— Все было как вы говорили; мы пошли за крысами, и почти все они бросились от трупа прямо сюда, в этот угол. Они исчезали за горой хлама, поэтому мы догадались, что за ней что-то есть. Мы нашли проход в туннель вон там, за ящиками. — Он показал широкий проход, проделанный в бетонной стене.

Закругленное отверстие было высотой метра два — два с половиной и шириной метра два; по периметру его укрепили каменной кладкой. Заглянув в проход, Портер увидел небольшую колею, которая исчезала вдали.

— Мне о таких дедушка рассказывал. На них в начале девятисотых от реки к центру перевозили уголь, — сказал Броган. Он посветил фонарем в туннель, и все увидели небольшую вагонетку, чуть больше магазинной тележки. Хотя вагонетке было лет сто, колесики блестели — их недавно смазывали маслом.

— У кого-нибудь есть набор для снятия отпечатков? Ею недавно пользовались.

Томас кивнул:

— Сейчас. — Он снял с пояса пакетик, присел на колени рядом с вагонеткой и начал посыпать ее порошком. Его пальцы двигались ловко и уверенно — сразу чувствовался опытный профессионал. Портер невольно задумался, чем занимался Томас раньше, до того как пошел служить в спецназ.

Портер жил в Чикаго так давно, что уже потерял счет, но до сегодняшнего дня понятия не имел о существовании целой системы подземных туннелей. Он принялся вспоминать предыдущих жертв Обезьяньего убийцы: где их похитили, где нашли. Если такие

подземные ходы в самом деле проложены под всем городом, вполне возможно, что убийца много лет подряд перевозил трупы именно по ним. Все сходилось! Они никак не могли понять, как он передвигался по городу и оставался незамеченным. Более того, тела некоторых своих жертв он подбрасывал в густонаселенных районах — и никогда ни одного свидетеля. Так, тело Сьюзен Деворо он оставил на скамейке рядом со станцией «Юнион-стейшен», накинув сверху грязное одеяло. Вполне вероятно, что какой-то из туннелей пересекается с линией «Юнион». Для того чтобы попасть в такое место поверху, ему пришлось бы пройти через посты охраны, мимо десятков торговых точек и многочисленных пешеходов. Даже среди ночи там оживленно. А если под землей? Да, наверное, так все и было.

— Отпечатки стерты, — сказал Томас. — Но мне удалось найти фрагмент пальца на левом заднем колесе. Вполне достаточно при условии, если отпечатки владельца имеются в нашей базе.

— Обезьяний убийца никогда не оставлял отпечатков. Наверное, он стал не таким осторожным после того, как решил броситься под автобус.

Томас положил кусок специальной ленты в пакет и протянул Портеру:

— Вот, сэр, держите.

Портер поднес ленту к свету — на ней отпечаталось полпальца. Для опознания больше чем достаточно.

— Молодец, Томас! — Он положил пакет в карман и повернулся к сержанту: — Эспиноза, рация работает?

Здоровяк посмотрел на рацию и покачал головой:

— Связь пропала, как только мы спустились в подвал. И сотовая тоже не берет.

— Как нам не потеряться в подземелье?

Портер считал, что под землей их ждет целый лабиринт; он живо представил себе многочисленные туннели и ответвления, которые расходятся во все стороны. Наверное, где-то есть их карта, но насколько она точна? Особенно если некоторые туннели проложили во времена сухого закона. Скорее всего, ни на какие карты они не нанесены.

Эспиноза достал из мешочка на поясе баллончик с краской:

— Я не говорил, что в детстве был бойскаутом?

— Тогда все в порядке, веди!

Эспиноза шел первым; за ним следовали Томас и Тибидо, за ними Портер. Замыкал шествие Броган. Они гуськом прошли мимо вагонетки. Сразу стало сыро и холодно, градусов на пять ниже, чем в подвале. Портер решил, что здесь где-то десять — двенадцать градусов. Кто-то очень старался, шлифуя известняковые стены. Даже в современном мире прорыть нечто подобное — задача непростая. А больше ста лет назад рытье таких туннелей было настоящим подвигом. Портер невольно задумался о том, сколько народу погибло на строительстве.

«А недавно к ним присоединилась еще одна душа... по меньшей мере одна», — подумалось ему.

Местами с потолка капала вода — ее было не настолько много, чтобы вызывать беспокойство, но вполне достаточно для того, чтобы пол стал скользким. С утра Портер не собирался заниматься спелеологией; иначе надел бы не кожаные мокасины, а что-нибудь попрочнее, с устойчивой подошвой.

Двадцать минут спустя они дошли до поворота, за которым туннель разделялся на три. Эспиноза поднял фонарь повыше и осветил вдаль:

— Какие будут предложения?

Портер присел на корточки в центре:

— Посвети-ка сюда!

Другие тоже направили в то место лучи своих фонарей. Портер стал рассматривать рельсы. Судя по следам, недавно пользовались только одним коридором — тем, что отходил влево.

— Туда!

Эспиноза встряхнул баллончик с краской и нарисовал стрелку на стене, которая вела назад, в то место, откуда они пришли; потом они зашагали дальше.

Портер оглянулся, но ничего не увидел. Кромешный мрак! Ни намек на свет. Наверное, подумал он, примерно так же выглядит вход в ад. Что будет, если туннель рухнет у них за спиной? Или перед ними? На лбу у него выступила испарина. Насколько они вообще отрезаны от мира?

Он посмотрел на экран айфона. Сигнала не было.

Эспиноза поднял правый кулак, призывая остальных остановиться. Потом ткнул пальцем вперед.

— Вижу впереди свет, — сообщил он, понизив голос.

— Свет с улицы? — уточнил Томас.

— Вряд ли; он недостаточно яркий. Пойдем со мной; остальные подождите минуту.

Портер пригнулся пониже, достал «беретту» из наплечной кобуры, снял с предохранителя и направил ствол в потолок.

Что, если в подzemелье начнется перестрелка? Пули, отлетающие рикошетом от каменных стен, способны причинить достаточно вреда. Хотя он в бронежилете, многие места на теле по-прежнему уязвимы. Посмотрев на своих спутников, Портер понял, что они думают примерно о том же. Броган достал из ножен, висевших на бедре, большой нож. В таком месте, наверное, разумно предпочесть холодное оружие пистолету-пулемету МР5, который висел у него за спиной. Тибидо достал «глок».

— Портер!

Голос Эспинозы гулко прозвучал в туннеле, отражаясь от гладкого камня и многократно усилившись.

Портер быстро побежал к свету; остальные бросились за ним. Эспинозу и Томаса они нашли посередине своего рода камеры. Ее заливал яркий свет. Задрав голову, Портер увидел наверху лампочку — здесь каким-то образом удалось подключиться к городской электросети. В дальнем углу к стене была прислонена лестница. Над тем местом, где она стояла, виднелась крышка люка. Эспиноза показывал ножом на землю:

— Смотри!

На полу рядом стояли три белые коробочки, каждая перевязана черной бечевкой. На средней коробке было написано: «Портер».

— Перчатки! — крикнул Портер.

Тибидо достал перчатки из кармана куртки. Портер надел их и осторожно развязал первую коробку; бечевка упала на пол. Он откинул крышку...

И увидел человеческое ухо, лежащее на ватной подкладке.

— Жуть, — поморщился Броган, делая шаг назад.

Портер открыл следующую коробку и увидел в ней глаза.

Голубые. С одного свисала часть зрительного нерва, сморщенная и засохшая; она приклеилась к вате тонкой стружкой крови.

В последней коробке лежал язык.

Портер не проверял найденный труп на наличие языка. Ни глаз, ни ушей у него не было, но он решил, что их отъели крысы.

— По-моему, это органы того покойника, которого мы нашли в подвале. Но, чтобы все выяснить наверняка, надо отправить коробки на экспертизу...

— Ни в коем случае, — возмутился Броган. — Я это не понесу!

— Я тоже, босс, — согласился Тибидо. — Это плохие амулеты, табу!

— Вот гомики, — выругался Томас. Он вынул из рюкзака три пластиковых контейнера и протянул их Портеру: — Если упакуете, я их понесу.

Портер покачал головой:

— Пока оставим все здесь. Пусть сначала криминалисты здесь подробно все осмотрят. — Он встал и показал на лестницу: — Он хочет, чтобы мы поднялись туда. Никакой другой причины оставлять здесь коробки нет. Помечает место.

— Пошли! — Эспиноза выхватил пистолет и начал подниматься. — Броган, прикрой меня!

— Есть, сэр! — Броган встал на одно колено у подножия лестницы и прицелился из пистолета-пулемета в люк.

Поднявшись наверх, Эспиноза потянул на себя металлическую крышку. Тянуть тяжелую стальную крышку из такого положения оказалось трудно. Портер знал это по опыту; такие крышки весили килограммов пятьдесят. С громким скрежетом крышка сдвинулась в сторону. В камеру хлынул дневной свет. Портер невольно зажмурился; он слишком много времени провел в темноте.

Эспиноза достал «глок» из наплечной кобуры, ловко и быстро подтянулся, выбрался наружу и тут же откатился вбок.

Броган стоял у подножия лестницы, целясь в небо.

— Все чисто! — послышался голос Эспинозы.

— Вперед, детектив. — Броган посторонился, пропуская Портера вперед.

Портер кивнул ему и устало стал подниматься по лестнице, наслаждаясь теплом — в подzemелье он продрог до костей.

Очутившись на верхней ступеньке, выглянул наружу. Люк находился в центре жилого квартала. Машин не было; окружавшие их особняки выглядели недостроенными.

— Насколько я понимаю, мы на «Озерном причале», — заметил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

От кошки больше не пахло; отсутствие вони приятно удивило меня. Я пнул останки носком ботинка. С комка шерсти взлетел рой мух; пара ползучих тварей метнулась от скелета в поисках убежища. То, что осталось, больше всего напоминало ломтики сгнившего вяленого мяса с черными и белыми шерстинками. Череп казался меньше — он усох из-за ветра и дождя. Конечно, думать так было глупо; кошки не усыхают, даже когда находятся в воде. И все же череп казался меньше. Какое-то существо отбежало прочь, неся в зубах остатки хвоста. Интересно, почему кто-то захотел полакомиться именно хвостом? Матушка-природа и ее творения никогда не переставали меня удивлять.

Коляску приходилось толкать с усилием. Когда колесо наехало на выступающий из земли корень, я испугался, что тщательно уложенные пакеты упадут. Я нагнулся и поправил их. Содержимое проминалось от прикосновения, как поверхность воздушного шара, наполненного водой. Я представил себе, как мой палец протыкает пластик и погружается в содержимое пакета, и обругал себя за то, что не подумал захватить перчатки. Может, сбегать за ними домой? Подумав, я решил, что не стоит. Отец ведь хотел, чтобы я выполнил его поручение как можно скорее. Кроме того, на перчатках (или из-за перчаток) останутся лишние следы. Придется придумать, как избавиться и от них. Нести их домой нельзя — там на них мог случайно наткнуться кто-то чужой. Я невольно вспомнил большое пятно на полу подвала — все, что осталось от мистера Картера. Лишние улики ни к чему. Выбросить перчатки в озеро тоже рискованно; там их могут найти и выследить меня. Однажды отец рассказывал, что полицейские умеют снимать отпечатки пальцев с обратной стороны перчаток. Поэтому лучше работать голыми руками. Руки потом можно просто отмыть.

Дойдя до кромки воды, я отпустил ручку коляски и огляделся по сторонам. На берегу могли оказаться рыбаки, любители купания или просто зеваки; все они стали бы нежелательной помехой для моего дела. Мне показалось, что все спокойно. Ни в воде, ни на берегу никого не было.

Довольный, что вокруг ни души, я достал нож и раскрыл его. Взял самый верхний пакет и сделал на нем надрез — конечно, сверху, чтобы содержимое не залило все кругом. В нос мне ударил мерзкий, гнилостный запах; я поспешил отвернуться.

Что ж, отец, будем надеяться, рыбкам придется по вкусу наше угощение! Я метнул пакет на середину озера, вложив в бросок всю силу. И хотя меня ни разу не брали в школьную футбольную команду, пакет пролетел достаточно большое расстояние, прежде чем плюхнуться в воду и скрыться с поверхности.

— Вот болван! — выругал себя я, сообразив, что забыл привязать к пакету камень.

Я смотрел на воду, ожидая, что пакет всплывет на поверхность, но он так и не всплыл. Прошло несколько минут; все было спокойно.

Повернувшись к коляске, я посчитал пакеты. Их оказалось тридцать с лишним. Я понял, что мне понадобятся камни, много камней. Я собрал возле коляски небольшую кучку. Потом стал приклеивать камни к пакетам клейкой лентой, оборачивая крест-накрест для верности, чтобы не отвалились. После того как все пакеты получили утяжеление, я начал по одному надрезать их и швырять в воду, стараясь закинуть как можно дальше. Из-за тяжести у меня не получалось кидать очень далеко, и все же мои «снаряды» падали довольно далеко от берега. Раньше я любил купаться в озере, правда, в тот день решил для себя, что больше ни за что не буду в нем плавать. Поэтому я знал, что буквально через несколько шагов от берега дно круто понижается. Я не знал, какова глубина озера посередине, но мне достаточно было пройти шагов десять, чтобы вода дошла мне до подбородка — еще шаг, и нужно будет плыть или тонуть.

Пакеты плюхались в воду не ближе пятнадцати — двадцати шагов от берега; я не сомневался, что они сразу же шли на дно.

На то, чтобы выполнить задание, у меня ушло минут сорок. К тому времени, как коляска опустела, плечи и спина у меня ныли от напряжения, а лезвие ножа покрывала алая пленка. Я окунул нож в воду и стал стирать пленку большим и указательным пальцами; я тер, пока металл не заблестел. Нож я сложил и убрал в карман. Перед уходом бросил последний взгляд на воду. Я почти не сомневался, что мои «снаряды» не всплывут на поверхность. Беспокоил меня только самый первый пакет. На всякий случай я решил еще раз наведаться к озеру попозже. Лучше перестраховаться.

Бросив остатки клейкой ленты в коляску, я взялся за ручку и зашагал по тропинке назад. Меня ждал дом Картеров.

Портер — день первый, 21.12

Портер наконец вышел из огромного здания «Малифакс комьюникейшенз» на свет. Нэш шел за ним по пятам. Они оба жадно вдыхали свежий воздух. С озера тянуло рыбой, из переулка справа — разлагающимся мусором. Кроме того, какой-то бездомный бросил прямо за дверью мокрый спальник.

На улице было просто чудесно!

Портеру показалось, что он в жизни не дышал более замечательным воздухом.

После того как они прошли по туннелю и вылезли в люк, он поручил Эспинозе и его группе обыскать жилой комплекс «Озерный причал» сверху донизу. Сам он вернулся по своим следам в комнату, где нашли труп. Там уже работали Уотсон и судмедэксперт. Уотсон усердно осматривал место преступления, а судмедэксперт занимался жертвой.

Прошло почти три часа с тех пор, как он в последний раз был на улице; Портер не собирался в обозримом будущем возвращаться в это здание.

Детектив Клэр Нортон, повернувшись к нему спиной, ходила туда-сюда и разговаривала по телефону.

— Все ниточки ведут к Толботу; его необходимо допросить! Поймите, мы не просто... — Она ненадолго отвела руку с телефоном в сторону и разразилась тирадой, сделавшей бы честь даже матросу, который только что сообразил, что снятая им «ночная бабочка» оказалась не совсем «бабочкой».

Отведя душу, Клэр закатила глаза и снова прижала телефон к уху:

— Капитан, но я...

— Неужели капитан и правда против?

Портеру очень хотелось поговорить с Толботом — не дружески побеседовать, как на поле для гольфа, а допросить по-настоящему, направив тому в глаза яркий свет, и чтобы в соседней комнате сидели его коллеги и наблюдали за происходящим через одностороннее зеркало. Толбот явно имеет самое непосредственное отношение ко

всему, что произошло. Обезьяний убийца не только похитил его незаконнорожденную дочь. Он намекает, что похищение напрямую связано с «Озерным причалом», участком, который застраивал Толбот. Как ни презирал Портер убийцу, он понимал, что тот действует не наобум, а по какому-то плану. Все предыдущие жертвы были похищены из мести за незаконную деятельность их родителей.

Толбот совсем не белый и пушистый.

Надо сообразить, насколько он запачкан. Возможно, тогда удастся спасти его дочь, пока еще есть время.

В глубине души Портер надеялся, что Эспиноза обнаружит девочку в одном из недостроенных домов на «Причале», связанную и с повязкой на глазах, но надежда была слабой. Вряд ли Обезьяний убийца спрятал бы ее в таком месте, где ее без труда удалось бы найти. На нее могли случайно наткнуться рабочие или бездомные — их здесь, судя по всему, немало. Они обожают захватывать недостроенные дома и селиться в них.

Обезьяний убийца хотел, чтобы они нашли Толбота, а не девочку.

Эмори пропала уже больше суток назад. Скорее всего, у нее нет ни еды, ни воды. Портер даже представить себе не мог, как ей сейчас больно. Даже если Обезьяний убийца перед тем, как отрезать ей ухо, дал ей какое-нибудь обезболивающее, действие лекарства наверняка уже закончилось.

— Да, сэр, я ему передам, — сказала в трубку Клэр. — Да. Я об этом позабочусь. Вам тоже, капитан. — Она нажала отбой и сунула телефон в карман. — Вот же кусок дерьма мягкотельй!

Нэш протянул ей стакан кофе, который принес ему кто-то из патрульных.

— Попробую угадать. Капитан тоже играет в гольф с мэром, близким другом Толботов, и ему не хочется портить отношения с сильными мира сего...

Портеру показалось, что Клэр покраснела — правда, на ее темной коже румянец не был заметен. Потом Портер испугался, что Клэр вот-вот плеснет кофе в Нэша.

— Жополиз проклятый... козел, клоун!

— Тебе идет, когда ты злишься, — заметил Нэш, кладя руку ей на плечо.

Клэр вздохнула:

— Капитан сказал, что направил сюда двенадцать экипажей; еще десять едут на «Озерный причал». Оба места обыщут сверху донизу; и помещения наверху, и туннели. Нам велено ехать по домам и хорошенько выспаться. Завтра начинаем рано. Он считает, что, если мы останемся здесь на всю ночь, завтра от нас не будет никакого толку, мы станем ходячими зомби. Он обещал: если что-нибудь удастся найти, нас сразу же известят, и тогда мы вернемся, а сейчас нам нет смысла задерживаться. Еще он считает, что официально вызывать Толбота на допрос пока рано. Говорит, лучше подождать, пока Хозман закончит исследовать его финансовые дела. В любом случае начинать лучше с финансов... — Она раскинула руки и указала на строение, откуда они вышли: — Кстати, это здание тоже принадлежит Толботу. Неделю назад он приобрел его на аукционе.

— Вот ведь гад, — заметил Нэш. — Не удивлюсь, если, пока мы здесь прохлаждались, он успел и мой дом купить.

— Я домой не поеду, фиг ему, — сказала Клэр. — Капитан — орудие.

— По-моему, у капитана пунктик насчет Толбота. Он предпочитает получить полную картину в связи с его финансовым положением, чем возиться с косвенными уликами. В любом случае задерживать его пока не за что. — Портер провел рукой по волосам, задумчиво глядя на здание, из которого они вышли. — Во всяком случае, пока. У нас, скорее всего, будет всего одна попытка.

— Что будем делать? — спросил Нэш.

— Клэр, поезжай на «Озерный причал» и проследи за обыском. Нэш, тебе поручаю ту же задачу здесь. А я пока прокачусь к дому Толбота и посмотрю, что там и как. Пусть пока что его нельзя допросить, кто мешает просто наблюдать за ним? Кроме того, я официально в отпуске. Капитан не вправе указывать, где мне можно парковать машину. Завтра с утра встречаемся в оперативном штабе. — Он посмотрел на подъезжающие машины. — Где Уотсон?

— Еще там, в туннеле, осматривает комнату с коробками, — ответил Нэш. — Сказал, что ему работы еще на час, не меньше.

Портер достал из кармана пакет с образцом отпечатков:

— Вот, передай ему, пусть отвезет на экспертизу... Нет, лучше сам сгоняй в лабораторию — пусть тебя кто-нибудь подбросит, когда ты

здесь все доделаешь. Попроси обработать отпечатки как можно быстрее. Чем меньше народу имеет дело с вещдоками, тем лучше.

— Где вы нашли отпечаток?

— На вагонетке у входа в туннель, — ответил Портер.

Нэш поднял пакет к свету, а потом запихнул в карман.

— Сделаю! — Он смерил взглядом машину Клэр, замялся и тихо сказал Портеру: — Босс, хорошо, что ты вернулся.

Портер только кивнул.

— Я согласна со Шреком. Хорошо, что ты вернулся, — улыбнулась Клэр.

Портер посмотрел Нэшу вслед — тот скрылся в толпе вновь прибывших. Клэр села в машину и рванула с места. Портер перешел дорогу и направился к своему «чарджеру».

Машина мистера Картера так и стояла на их подъездной дорожке. Сам не знаю, где я ожидал ее увидеть, — мистеру Картеру больше не суждено было сидеть за рулем, да и миссис Картер в ближайшем будущем никуда не должна была уехать. И все же при виде машины мне показалось, будто в доме соседей кто-то есть, хотя я и знал, что там пусто.

Я отвез коляску на нашу дорожку и подошел поближе.

Едва я открыл сетчатую дверь, мне снова показалось, что внутри кто-то есть. Дверь была не заперта, так что войти к Картерам мог кто угодно, хотя кто к ним пойдет? Наш квартал считался безопасным; у нас не принято было запирасть двери. Друзья и родственники, живущие неподалеку, приходили, когда им вздумается. Более того, я подозревал, что мистер Картер вчера оставил ключи в машине — мои родители обычно именно так и поступали.

И все же чего-то недоставало; что-то казалось чуточку странным.

Сетчатая дверь негромко скрипнула, когда я распахнул ее и вошел, — если в доме кто-то есть, мой приход его встревожит.

Я оглядел кухню. Здесь все осталось таким же, как вчера ночью; на полу, в луже бурбона, валялись осколки разбитой бутылки. В луже ползали муравьи. Неужели они напились? Да, наверное, судя по тому, как они ползали в липкой жидкости — зигзагами, туда-сюда. Мне не показалось, что они сильно отличаются от других муравьев, которых можно увидеть на лесной тропинке или под камнем, однако они буквально пропитались алкоголем. Я прекрасно помнил, как опьянел от пары стаканов; муравьи же буквально купались в бурбоне и должны были пребывать в

совершенно неменяемом состоянии. И все же они выглядели обычными.

Мне хотелось поднести к ним спичку, поджечь и посмотреть, как они горят. Наверное, их крошечные проспиртованные тельца будут трещать и лопаться. Только что они были живыми — и моментально превратятся в угольки. Мне хотелось сыграть роль Бога.

Я велел себе не забыть провести эксперимент попозже. Я пришел сюда не просто так; отец будет разочарован, если я позволю себе отвлечься на муравьев.

Я посмотрел на стол, за которым отключилась миссис Картер. В памяти сохранилось, как она там сидела; как забормотала, что сама хотела, чтобы я видел ее тогда голой у озера. Глаза у нее остекленели, язык начал заплетаться. «Женщина просто хочет быть желанной, вот и все», — сказала она тогда.

После того как я это вспомнил, кровь ударила мне в голову.

Сосредоточиться. Тебе нужно сосредоточиться!

Откуда-то из недр дома послышался шум.

Что-то звякнуло, потом грохнуло.

Такие звуки не производит сам дом, это не потрескивание рассыхающихся досок, когда дерево «гуляет»; там что-то другое. Там было что-то совершенно другое.

Потом звук повторился, громче, чем в первый раз. Он донесся с другой стороны дома, его производили за кухней и коридором, в той стороне, где, как я догадывался, находились спальни и туалет. Я заходил к Картерам, но никогда не бывал дальше кухни и не знал, как там что расположено. Я мог только предполагать исходя из плана нашего дома — у Картеров дом был примерно таким же.

Я достал из кармана нож. Я не смел открывать его, потому что не хотел шуметь и выдавать себя, кто бы (или что бы) там ни находился. Чтобы не щелкать кнопкой, я извлек лезвие пальцами — недавно отмытое и вытертое, оно блестело в слабом свете, который проникал из-за штор, — и посмотрел по сторонам.

Что-то снова звякнуло.

Тот, кто там находился, не знал о моем приходе. Я сильно шумел, входя, вел себя беззаботно, но меня, должно быть, не слышали. Если бы в дом к Картерам проник взломщик, он бы наверняка вышел посмотреть, что случилось.

Когда я был маленьким, отец учил меня охотиться. Он учил меня ходить на цыпочках, чтобы не шуметь, и двигаться с грацией оленя, который скользит по лесу. В ту минуту я вспомнил прежние навыки и, не производя шума, способного меня выдать, осторожно выглянул из кухни в коридор.

Справа от меня находилась гостиная; напротив нее, чуть левее, — небольшая ванная. Еще две двери в конце коридора, скорее всего, вели в спальни.

Я закрыл глаза и прислушался.

И услышал шорох.

Зашелестела бумага.

Скрипнул выдвигаемый ящик.

Снова шорох.

Шум доносился из правой спальни в конце коридора. Я не знал, что там — хозяйская спальня или комната для гостей; издали трудно было судить.

Ладони у меня вспотели — я слишком сильно сжимал нож.

Пора успокоиться!

Влажный нож трудно держать. Он может выскользнуть, я могу промахнуться, ударить мимо цели.

Я вытер ладонь о джинсы, сделал глубокий вдох, взял себя в руки. Я положился на свое чутье.

И отправился на охоту.

Я шел по коридору, прижав руку с ножом к груди, лезвием вперед. Такому приему обучил меня отец; если понадобится, нож полетит точно вперед с силой и точностью пули. Такой замах гораздо лучше, чем замах сверху; противнику труднее будет блокировать удар. Кроме того, из такого положения можно ударить прямо в сердце или в живот, смотря как повернуть руку — вверх или вниз. Если

же замахиваться сверху, можно бить только в одном направлении — вниз. Скорее всего, удар придется по касательной; так нельзя тяжело ранить жертву.

Отец очень много знал и умел.

Плотно прижимаясь к стене, словно сливаясь к ней, я медленно приближался к открытой двери.

Снова послышался шорох — а за ним приглушенное ругательство.

Я увидел, что по комнате движется тень; она перемещалась в утреннем свете, когда незваный гость шаркал по комнате.

Я прижался к дверному косяку.

Можно было подождать, пока незваный гость выйдет, и застать его врасплох — или, наоборот, осторожно войти в комнату и броситься на него, как только он меня заметит...

Отец говорил: если набрасываешься на кого-то неожиданно, у тебя есть секунда или даже больше, прежде чем противник успеет отреагировать. Человеческий мозг медленно переваривает такую информацию; жертва ненадолго замирает, пытаясь понять, откуда ты взялся, особенно в замкнутом пространстве, особенно если была уверена, что находится в одиночестве. По его словам, некоторые так и стоят, словно прирастают к месту, и наблюдают за тобой, как если бы видели тебя по телевизору; они стоят и ждут, что же будет дальше. Впрочем, того, что будет дальше, иногда лучше не знать.

Один ящик задвинули, другой выдвинули.

Глубоко вздохнув, я крепче сжал нож и ворвался в комнату, бросаясь к незваному гостю.

Мама взвизгнула и ловко уклонилась от удара; правой рукой она с размаху ударила меня по плечу, а левой быстро выхватила у меня нож. Я пытался устоять на месте, но по инерции упал, ударившись о край кровати, и покатился по полу. Остановился я только у дальней стены.

— Подкрадываться всегда лучше медленно и спокойно, — наставительно сказала она. — Особенно когда на твоей стороне фактор неожиданности. Войди ты медленно

и спокойно, вполне мог застать меня врасплох. Я же услышала, как ты пыхтишь, задолго до того, как ты на меня бросился. Конечно, у многих на моем месте не хватило бы времени отреагировать, но любой человек с мало-мальски развитыми рефлексами справился бы с тобой без труда.

Я сильно ударился головой о пол; утренняя головная боль вернулась и стала еще сильнее. Я сгруппировался и встал, вытирая руки о джинсы.

— Я не знал, что ты здесь. Не ожидал, что здесь кто-нибудь будет.

Мама склонила голову набок:

— Что же ты ожидал здесь найти? Пустой дом, который можно ограбить?

— Нет. Отец просил меня уложить вещи, чтобы можно было представить все так, будто Картеры уехали, вот и все. Мы договорились, что я отнесу чемоданы и сумки с вещами в их машину. После того как вернется, он перегонит ее в другое место.

— И все, да? — Она прищурилась.

— Честное индейское!

— Что ж, приступай. Не обращай на меня внимания.

Я потер затылок; там образовалась большая шишка.

— Можно мне мой нож?

— Чтобы получить нож назад, ты должен его заслужить. Может быть, в следующий раз ты не так быстро расстанешься с тем, что тебе дорого.

— Да, мама.

Слева от меня находился стенной шкаф. Я открыл дверь-гармошку и увидел в углу старый чемодан.

— Отлично! — Я взгромоздил его на кровать.

Мама тем временем снова занялась ящиками. Она медленно рылась в содержимом третьего из пяти ящиков большого темного дубового бюро. В нем лежали свитеры.

— Что ты ищешь?

Она задвинула третий ящик и выдвинула четвертый.

— Не твое дело. — Она покосилась на чемодан, лежащий на кровати. — Не забудь уложить туда какую-

нибудь обувь. Женщины берут в дорогу туфли, не меньше двух пар, а иногда и больше. В отличие от мужчин, которым хватает только того, что у них на ногах, независимо от места назначения. Да, и куртку тоже!

— Куртку? Но сейчас лето. Для куртки слишком жарко.

Мама широко улыбнулась:

— В том-то и прелесть. Если ты найдешь чемодан с упакованной в нем курткой в разгар лета, ты удивишься, куда это собрался владелец, верно? Выбирай вещи наугад, и все очень удивятся. Если бы я нашла такой чемодан, то подумала бы, что его хозяева отправляются в какое-нибудь экзотическое место, например в Гренландию.

— Или в Антарктиду.

— Или в Антарктиду, — кивнула мама.

— Тогда, наверное, стоит положить и купальник; вот что точно собьет всех с толку.

— Ну, это уже глупо. Никто не едет в такое место, где могут одновременно понадобиться куртка и купальник.

— А может, в отеле в Антарктиде есть закрытый бассейн? — возразил я.

Она задумалась.

— Вряд ли в Антарктиде есть такие отели. Хотя в Гренландии... возможно, есть.

Я начал вытаскивать из стенного шкафа предметы гардероба и кидать их в чемодан: костюмы для мистера Картера, несколько платьев для миссис Картер, несколько пар брюк, галстук.

— И не забудь нижнее белье! И носки, побольше носков. Все берут носки с запасом.

— В каком они ящичке?

Она кивнула на небольшой комод рядом со стенным шкафом:

— Второй и третий.

Я выдвинул ящички. Оба оказались набиты доверху — один его, один ее. Я набрал по охапке трусов из каждого и бросил все в чемодан. Места там уже почти не оставалось.

— Пару ящичков не задвигай; тогда создастся впечатление, что они уезжали в спешке, — предложила мама.

— А туалетные принадлежности?

Мама кивнула и выдвинула очередной ящик:

— Зубные щетки, бритвы, дезодорант...

Взяв из стенного шкафа небольшую дорожную сумку, я отправился с ней в ванную. Миссис Картер оказалась хорошей хозяйкой; ни пятнышка зубной пасты на раковине, и зеркало чистое. Все необходимое было аккуратно расставлено на туалетном столике.

Я взял обе зубные щетки и тюбик пасты из зеленой керамической чашки и бросил все это в сумку. Добавил электробритву, флакон дезодоранта, розовый, от которого пахло сиренью, флакон косметического молочка, зубную нить и женский бритвенный станок, который нашел на краю ванны. В аптечке я взял аспирин, два пузырька мультивитаминов, а также то, что отпускают по рецептам, — лизиноприл (от давления), имитрекс (от мигрени) и упаковку противозачаточных.

Не закрыв аптечку, я взял сумку и вернулся в спальню. Сумку бросил рядом с чемоданом.

Мама перешла к стенному шкафу.

— Мама, давай я тебе помогу. Ты только скажи, что ищешь.

Не оборачиваясь, она досадливо отмахнулась и продолжала рыться в одежде, разложенной аккуратными стопками на кедровых полках.

На прикроватной тумбочке я увидел раскрытую книгу: «Забавы гостя» Тада Макалистера.

В отпуске люди читают, верно? Я не сомневался в этом.

Я швырнул книгу поверх вещей. Из нее выпала фотография и упала на пол за сумкой. Я подобрал ее.

На снимке я увидел миссис Картер и маму. Обе были голые, их руки сплелись в объятии; они страстно целовались. Их сфотографировали в постели Картеров; они лежали на том же покрывале, которым кровать была застелена сейчас.

Я недоверчиво смотрел на фото и невольно вспоминал то, чему стал свидетелем вчера. Я думал, что тогда между ними что-то произошло впервые; оказывается, я ошибался.

Когда их сняли? Сама фотография не давала ответа на мой вопрос. И все же я предположил, что снимок сделали недавно. Неожиданно мысли побежали в ином направлении.

Забудь о том, когда их сфотографировали. Гораздо любопытнее понять, кто их снимал!

Мама неслышно подкралась ко мне сзади. Пока она не выхватила у меня фотографию, я даже не слышал, что она рядом.

— Это не твое, — сказала она, засовывая снимок в карман. Потом показала на чемодан и сумку: — Неси их в машину!

Я разинул рот. Что подумает отец?!

— И не вздумай сказать отцу! — еле слышно добавила она.

Портер — день второй, 4.58

Свободное место Портер нашел в трех кварталах от своего дома. Пришлось долго идти пешком. Он просидел у дома Толбота почти всю ночь. Ничего необычного не заметил, за исключением Карнеги, которая, спотыкаясь, вернулась домой в третьем часу ночи. И ни следа самого Толбота.

И Клэр, и Нэш регулярно звонили ему; Эмори не удалось обнаружить ни в «Малифаксе», ни на «Озерном причале».

Повсюду тупики.

Сидя на своем наблюдательном пункте у дома Толбота, Портер успел прочесть еще часть дневника — и тоже не узнал ничего ценного; сплошные воспоминания детства. Он уже начал думать, что у него в руках всего лишь литературное произведение, вымысел, который призван отвлечь его от следствия. Ему все больше казалось, что он напрасно тратит время.

Еще один тупик.

Эмори где-то спрятана, а у них по-прежнему ничего нет.

Подойдя к своему «охраняемому» зданию, Портер увидел, что дверь в подъезд распахнута настежь и хлопает на ветру. Кроме того, у крыльца обнаружилась большая куча собачьих экскрементов — несомненно, ее оставил питбуль из квартиры 2В. Самого пса Портер ни в чем не обвинял, зато охотно ткнул бы в кучу носом жирного владельца собаки. Весь дом знал, что парень позволяет псу делать свои дела у самого выхода из дома; кроме того, он никогда не убирал за своим питомцем.

Парня звали Кармайн Луппо.

Пятидесятитрехлетний бывший продавец ванн целыми днями торчал дома и играл в компьютерные игры; он выходил только для того, чтобы обналичить в банкомате свое пособие по инвалидности, пополнить запас вяленого мяса и позволить любимому песику нагадить у крыльца.

В прошлом месяце шестеро соседей дежурили по очереди, пытаясь поймать Луппо на месте преступления, но ему как-то удалось

ускользнуть от всех. И хотя весил он килограммов двести, а такой туше трудно оставаться незамеченной, тем не менее куча собачьего дерьма появлялась словно ниоткуда.

Соседи поговаривали о том, чтобы установить камеру.

Портер предложил подключиться к сервису видеонаблюдения и получить возможность следить за крыльцом онлайн. Правда, многие были против того, что пришлось бы платить за рекламу.

Он открыл ключом почтовый ящик, вынул оттуда стопку конвертов и быстро просмотрел их. Три счета, реклама химчистки и «Телегид». «Телегид» Портер любил. Он никогда не смотрел телевизор — не считал нужным; все, что могло быть интересным, он узнавал из этого журнала. Для него телевизор утратил свою притягательность после мая 1982 года, когда прекратили мультсериал «Невероятный Халк».

Подниматься на четыре лестничных марша оказалось немного труднее, чем спускаться. Когда он наконец добрался до своего этажа, он слегка запыхался. Хизер была вегетарианкой и соблазняла его примкнуть к ней, пообещав: если сменит диету, он сбросит вес и прибавит сил. Наверное, она была права, но, поедая большой стейк и глядя, как Хизер ест веджебургер и пророщенную пшеницу, Портер понимал, что еще не скоро откажется от мяса. Нет, уж лучше отрастить пузо! Он успел примириться со своим решением и согласился с последствиями. Вот и сегодня по пути домой он купил два бигмака и большую порцию картошки фри. Еда уже остыла.

Привыкнув за долгие годы многое делать одной рукой, он ловко отпер дверь квартиры, и ему удалось войти, ничего не уронив. Владельцы фирмы «Эпл» где-то в параллельной вселенной улыбнулись с облегчением. После такого маневра его айфон падал и получал разнообразные травмы очень много раз. Но не сегодня. Не сегодня!

Портер поставил пакет из «Макдоналдса» на столешницу, снял плащ и пошел в спальню.

Записка от Хизер лежала на ее половине постели, там, где он оставил ее утром.

«Пошла за молоком»...

Портер сел рядом, глубоко вздохнул, достал телефон и набрал номер Хизер.

— «Вы позвонили Хизер Портер. Поскольку вас переключили на автоответчик, скорее всего, я увидела ваше имя на определителе номера и решила, что не хочу говорить с вами. Желающих заплатить дань в виде шоколадного торта или других сладостей прошу написать подробности в текстовом сообщении — возможно, я пересмотрю свое отношение к вам и перезвоню позже. Если вы занимаетесь продажами и хотите уговорить меня сменить компанию-провайдера, можете не продолжать. Телефонная компания и так должна мне деньги за год, не меньше. Все остальные — пожалуйста, оставьте сообщение. Имейте в виду, что мой любимый муж — полицейский. Он довольно вспыльчивый, и у него большой пистолет».

— Привет, Кнопка! — произнес он гораздо тише, чем собирался. К горлу подступил ком. — День был сумасшедший. Сомневаюсь, что удастся как следует поспать, но я все равно попробую. Я очень волнуюсь за девочку, Эмори Толбот. Она нуждается во мне; я должен найти ее. Представь, Кнопка, ей всего пятнадцать! Ее похитил Обезьяний убийца. Подонок проклятый... Именно из-за него Нэш сегодня дернул меня на работу. Вот почему я ушел так... — У него кончился воздух. Глаза наполнились слезами, и он вытер их рукавом.

Когда первый порыв прошел, он попытался проглотить слезы, но следующий приступ был еще сильнее. Считается, что взрослые мужчины не плачут; Портер приказывал себе успокоиться, но уставший организм его не слушал. Он сморщился, и слезы хлынули из глаз; сначала он плакал беззвучно, потом громко, безудержно зарыдал, закрыв лицо руками. Телефон упал на кровать.

Отец похвалил меня за то, как я упаковал вещи.

Когда он приехал домой, я около часа ждал его снаружи с бейсбольной битой в руке.

Я не особенно любил бейсбол; более того, меня нельзя было назвать спортсменом. Но отец объяснил, как важен внешний вид, и я собирался соответствовать его наставлениям по полной программе. Мама велела мне следить, не едет ли кто посторонний. Не мог же я просто слоняться у дома, глядя на лужайку, верно? Так пусть все думают, будто я играю в бейсбол. Я подбрасывал мяч в воздух и ловил его левой рукой, потом правой, потом снова левой — профессионалы никогда не перестают тренироваться.

Хотя я очень старался не думать о той фотографии, она все время стояла у меня перед глазами; стоило мне зажмуриться, как я видел голых маму и миссис Картер, которые сплелись в объятии. Я снова принимался подбрасывать мяч и считал, сколько раз его поймал — заодно пытаюсь навести порядок в мыслях. Я приказывал себе не заикливаться на снимке, который до сих пор лежал у мамы в кармане, если только она не перепрятала его в более укромное местечко.

Подъехав к дому, отец одобрительно кивнул мне и поднял руку. Я чуть подкрутил мяч и подал ему. Он поймал мяч с ловкостью игрока Главной лиги. Вертя мяч между пальцами, подошел ко мне и спросил:

— Трудный сегодня был день?

Отец часто говорил шифром и обучил тому же меня. Мы с ним, бывало, говорили о совершенно невинных вещах, прекрасно понимая, что речь идет совершенно о другом.

— Да так, то одно, то другое, — ответил я, стараясь не улыбаться.

Я быстро покосился на машину Картеров и обратно — так быстро, что уловить движение глаз было практически невозможно, но отец все заметил; я понял это по едва заметной усмешке у него на губах.

Он посмотрел на небо. Солнце садилось, готовясь к ночному сну.

— Знаешь, друг, по-моему, ночь сегодня будет чудесной. Спрошу-ка маму, не хочет ли она прокатиться. Приглашу ее на свидание в большом городе. Как думаешь, сумеешь ты присмотреть за домом, пока нас не будет?

К тому времени я прекрасно умел читать между строк и понял: отец собирался куда-то перегнать машину Картеров и избавиться от нее. Мама же должна была поехать следом на своей машине, чтобы ему было на чем вернуться домой. А моя задача — присматривать за миссис Картер, пока их не будет.

— Конечно, папа! Можешь на меня рассчитывать!

Он бросил мне мячик и взъерошил волосы:

— Какой ты у меня молодец!

Я смотрел ему вслед. Вот он вошел в дом, а через десять минут вышел. Мама шла за ним следом. Проходя мимо, она бросила на меня встревоженный взгляд и подошла к машине Картеров. Дверца хлопнула со скрипом. По-прежнему не сводя с меня взгляда, мама поправила зеркало заднего вида. Отец стоял возле своего «порше», вертя между пальцами ключ.

— Мы не надолго, приятель. Пара часов самое большее. К сожалению, мама не успела приготовить ужин; может, соорудишь себе что-нибудь сам?

Я кивнул. Днем мама испекла дивный пирог с персиками и поставила форму на подоконник остывать. Кроме того, в буфете у нас всегда были запасы арахисовой пасты и желе; вполне достаточно для того, чтобы устроить настоящий пир. Во всяком случае, с голоду я точно не умру.

— Развлекайтесь! — произнес я своим самым лучшим «взрослым» голосом.

Отец улыбнулся, надел свою любимую шляпу и сел за руль. Взревел мотор; он выехал на дорогу и скрылся за поворотом на Бейкер-стрит. Мама не сразу поехала за ним. Я повернулся к дому Картеров и увидел, что она даже не завела мотор. Она сидела на водительском месте, не сводя с меня пристального взгляда, от которого мне стало не по себе. Я не вру; мне казалось, будто из маминых глаз выходят лучи лазера и прожигают меня насквозь. И все же я не отводил взгляда. Отец всегда учил, как важно сохранять зрительный контакт, сколь бы неудобно тебе ни было. Но в конце концов я не выдержал и отвернулся. Тогда мама завела мотор, включила первую передачу — заскрежетали шестеренки — и покатила за отцом.

На дорожке, ведущей к дому Картеров, поднялась пыль. В лучах заходящего солнца все выглядело очень красиво: мерцающий свет над гравием.

Я бросил мячик и вошел в дом.

Я услышал удары еще до того, как вошел на кухню, — из подвала доносились громкий лязг и металлический скрежет.

Я потянулся к дверной ручке; в глубине души я надеялся, что дверь в подвал окажется запертой. Но она была открыта; медная ручка повернулась, и дверь распахнулась. Снизу доносилось ритмичное звяканье.

Я спустился вниз.

Миссис Картер стояла на полу, рядом с пятном крови. Она напомнила мне большую летучую мышь. Ей как-то удалось приподнять раскладушку с той стороны, где она была к ней прикована, и она молотила ею о трубу. Каждый удар сопровождался стоном; через какое-то время она уронила раскладушку на пол и развернулась. Просто чудо, что она во время такого маневра не сломала руку — ведь вторая ее рука была по-прежнему прикована к водопроводной трубе!

Когда раскладушка била по трубе, миссис Картер содрогалась всем телом. Наверное, каждый удар причинял ей сильную боль.

Если она меня и увидела, то ничего не сказала; она продолжала молотить. Волосы растрепались, на лбу выступил пот.

— Так вы нам затопите подвал, — заметил я. — Если разобьете водопроводную трубу, вода хлынет в подвал и заполнит его в течение часа, а вы... прикованы к трубе и раскладушке, поэтому утонете первая.

Она глубоко вздохнула и в очередной раз грохнула раскладушкой об пол, решив, видимо, немного отдохнуть.

— Если я разобью трубу, то сниму наручник и выберусь отсюда!

— Прежде чем сломаться, труба просто треснет, и в подвал хлынет вода. Вам и сейчас трудно управляться с раскладушкой; представляете, насколько будет тяжелее делать то же самое, стоя в холодной воде? Я не говорю, что вы плохо придумали. Просто в вашем плане имеются небольшие изъяны, вот и все. Может быть, прежде чем продолжите, неплохо будет немного подумать. Вам ведь все равно не помешает передышка.

Миссис Картер выпустила раскладушку. Браслет впивался ей в руку и тащил вниз, но она не садилась.

— Надеюсь, ты не станешь мне мешать?

Я пожал плечами:

— Мне даже интересно посмотреть, что будет дальше.

Миссис Картер уставилась на меня в упор; глаза у нее покраснели и наполнились слезами. Она тяжело дышала. Интересно, подумал я, давно ли она все придумала. Наверное, мама не обращала на нее внимания. Судя по тому, как женщина выбилась из сил, она молотит по трубе не первый час.

— Значит, тебе наплевать, что я умру в вашем подвале?

Я промолчал.

— Если я утону или меня убьют твои родители, тебе будет наплевать? Что я такого сделала? Чем заслужила? Я никого не обижала... Наоборот, если помнишь, меня избил муж.

Она с трудом села на край раскладушки и помрачнела.

Очень странно! Хотя миссис Картер была старше меня, иногда я мельком видел в ее лице ту девушку, какой она была раньше. Иногда мне даже казалось, что она младше меня; она словно превращалась в испуганную девчонку, которая не знает, что ее ждет, и надеется, что кто-нибудь — взрослый мужчина или мальчик, такой как я, — придет и спасет ее.

Теперь, с высоты своего взрослого положения, я понимаю, что видел то же выражение бесчисленное множество раз. Попадая в беду, люди рассчитывают, ждут, что им кто-нибудь поможет. Наверное, такие ожидания возникают потому, что именно так все происходит в кино или на телеэкране. Герой всегда прибывает в последний момент (в классических сериалах, где серии длятся час, он появляется примерно на пятьдесят второй минуте). Он побеждает преступников и спасает тех, кто попал в беду, от верной смерти, после того как те совсем отчаялись. Слезы, объятия, иногда поцелуи — и перерыв на рекламу перед самыми титрами.

В настоящей жизни так не бывает. Я видел, как люди прощались с жизнью; их было много, больше, чем я могу сосчитать. В самом конце у всех появляется такое же выжидательное выражение; они смотрят на дверь и ждут, что вот-вот появится их спаситель. Только он не приходит. В настоящей жизни спасти себя можно только самому.

Ей удалось отбить с трубы кусочек краски, и больше ничего. На самой трубе не появилось даже вмятины. Правда, она старалась, и именно это показалось мне важным. Когда они сдаются, игра быстро надоедает.

Я понимал, что она сдастся. Рано или поздно. Они всегда сдаются.

— А может, я вовсе и не хочу разбить трубу, — сказала она. — Может, я хочу разбить раскладушку! — Она помахала правой рукой и дернула цепь наручников.

Я нахмурился:

— Но даже если вы отделаетесь от раскладушки, вторая ваша рука все равно останется прикована к водопроводной трубе. Чем вам это поможет? Вы по-прежнему останетесь

прикованной к трубе, только вам не на чем будет спать. Так что ваши действия приведут к обратным результатам.

Она обхватила пальцами металлический каркас раскладушки и поджала губы:

— Я возьму трубку и сломаю шею твоей матери. Потом отниму у нее ключи и выберусь отсюда.

Я склонил голову набок. Ее новый план был лучше, чем предыдущий, но и в нем имелись изъяны.

— А что, если мама не носит с собой ключей? Что, если они у отца? А может, они вообще остаются наверху, на кухне, на гвоздике у двери черного хода? Зачем брать их сюда с собой? В конце концов, совсем нетрудно без ведома человека снять у него что-нибудь с руки или вынуть из кармана!

В доказательство своих слов я поднял руку и разжал пальцы. У меня на ладони лежали ее часы — крошечные, марки «Таймекс», с фальшивыми бриллиантами.

— Как? — ахнула она. — Когда ты успел?

Я невольно хихикнул:

— Подобрал с пола. Наверное, ремешок перетерся.

Я бросил часы на раскладушку.

— Значит, тебе все равно, что я собираюсь причинить боль твоим родителям, чтобы выбраться отсюда?

— Ваша реакция вполне естественна. Не могу винить вас, за такие мысли. Если загнать в угол зверя, он тоже будет кусаться и царапаться, чтобы вырваться на волю. А человек по большому счету ничем не отличается от зверя: инстинкт самосохранения и так далее, — ответил я. — Будь я на вашем месте и будь у меня возможность прямо сейчас причинить вам боль, непременно так бы и поступил. Более того, боль, которую способен причинить я, была бы гораздо хуже. Так оно всегда бывает. Мы наносим друг другу удары, один за другим, один за другим, пока кто-то не сдастся. Наверное, вам стоит подумать вот над чем: кто сдастся первым? Вы или мои родители? Вы или я? Потому что, в конечном счете, если вы не верите в то, что вы сильнее, чем ваш противник, драка — напрасная трата сил. В таком случае

разумнее направить свои силы в другое русло и попробовать что-нибудь еще.

Миссис Картер покосилась на часы, но не сделала попытки взять их.

— Если ты отпустишь меня, мне не придется причинять боль ни твоей маме, ни твоему отцу. И им тоже не понадобится причинять боль мне; я никому ничего не скажу, обещаю! Саймон был плохим человеком; он сам напросился. Твои родители оказали мне услугу. Они освободили меня. Я их должница. Им не нужно из-за меня волноваться. Обещаю тебе, я не причиню вам вреда. И все останутся в выигрыше.

— Вы нарушили правила, — тихо напомнил я. — К сожалению, у всего есть последствия.

— Почему я нарушила правила? Потому, что позволила мужу избить меня?

— Лучше задуматься, за что вас избил муж.

Еще одна слеза пролилась из ее глаза и покатилась по щеке. Она пыталась вытереть ее, но из-за наручников не дотягивалась до лица.

Сев на край раскладушки, я достал из заднего кармана носовой платок и вытер слезу. Она посмотрела на меня, но ничего не сказала.

— Я нашел фотографию.

— Какую фотографию?

— По-моему, вы прекрасно знаете какую.

Она побледнела:

— Ты должен ее спрятать!

— Со мной была мама; теперь фотография у нее. Не знаю, что она с ней сделала.

— Отец ее не видел?

— Еще нет, — ответил я. — Но это не значит, что он ее не увидит.

— Но ведь ты ему не скажешь?

Я не ответил; видимо, она все поняла по моему лицу.

— Если он увидит ту фотографию, он сделает больно не только мне; плохо придется и твоей матери. Ты этого хочешь?

Я снова промолчал.

Портер — день второй, 6.53

Войдя в оперативный штаб, Портер увидел, что Нэш, Клэр и Уотсон столпились вокруг стола и смотрят в экран ноутбука. Нэш поднял голову и поманил его, спросив:

— Ты хоть поспал?

— Не получилось. А вы?

По их красным, воспаленным глазам Портер понял, что ни один из них не спал ночью. Портер бросил плащ на спинку стула и подошел к остальным.

— Нашли что-нибудь?

— Кое-что нашли. Во-первых, подружка Эйсли не подвела. Вот, полюбуйся! — Нэш развернул ноутбук монитором к Портеру.

— Это голова из Музея восковых фигур мадам Тюссо?

Уотсон показал на изображение:

— Она выварила череп, затем наложила прокладки, имитирующие мышечную ткань, — в двадцати с лишним местах — и заполнила углубления специальной глиной. Я слышал о том, что криминалисты-антропологи так воссоздают лица, но никогда еще не видел результата. Производит сильное впечатление. И так быстро... По словам Эйсли, она приступила к работе вчера в семь вечера.

— Погодите, — нахмурился Портер. — Это и есть Обезьяний убийца?!

Уотсон продолжал, словно не слышал его:

— Волосы у нее были; они пострадали не так сильно, как лицо. Даже часть зубов сохранилась, так что челюсти у нее тоже были. Цвет глаз известен... По-моему, сходство вполне близкое. Я смотрел ее страницу в «Википедии». Обычно она работает с черепами коренных американцев, обнаруженными на раскопках; там куда больше неизвестных, многое приходится додумывать. Ну а здесь она могла добиться точного сходства.

— По-моему, Уотсон запал на подружку Эйсли, — заметил Нэш.

Уотсон покосился на него:

— Я просто подчеркиваю, что, по моему мнению, мы получили довольно точный портрет Обезьяньего убийцы. К тому же она создала реконструкцию за рекордно короткий срок, только и всего. Художественность исполнения и искусность потрясающие. Такой точности невозможно добиться с помощью одной компьютерной графики; тут нужен особый дар.

— Мне прямо страшно стало, — признался Нэш. — Он как будто следит за тобой. Как один из тех портретов, на которых глаза смотрят на тебя в упор, где бы ты ни находился. Мурашки по коже!

— Клэр, пожалуйста, распечатай изображение и обойди все местные онкоцентры — помнишь, мы вчера говорили? Он получал октреотид, трастузумаб, оксикодон и лоразепам — возможно, зная: схему его лечения и имея в распоряжении портрет, нам скорее удастся установить личность, — велел Портер.

— У нас есть еще кое-что, — заметила Клэр. — Пока ты отдыхал после смены, все остальные не прекращали работать.

Портер посмотрел на часы:

— Сейчас даже семи утра нет!

— Ты впустую потратил почти полдня!

— Что еще вы нашли? — Портер тяжело вздохнул.

— Идентифицировали покойника из «Малифакса»... Его звали Гюнтер Херберт; он был главным финансовым директором в «Толбот энтерпрайзиз», холдинге, в который входят и «Толбот истейт девелопмент», и «Озерный причал», и еще несколько фирм. Его жена три дня назад сообщила, что он пропал. Уехал на работу и не вернулся. Оpozнание провели час назад. По мнению Эйсли, он умер примерно три дня назад. Скорее всего, его похитили, когда он ехал на работу.

— Ты уже доложила капитану?

— У нас еще не все, босс, — сказал Нэш. — Ну, Клэр-эклер, выкладывай!

Клэр улыбнулась:

— Помнишь туфли, которые были на покойнике номер один, прыгнувшем под автобус? В лаборатории сообщили, что отпечатки идентичны... знаешь с кем?

— С кем?

Нэш забарабанил по столешнице:

— С Артуром Толботом!

Клэр круто развернулась в его сторону:

— Как ты посмел назвать меня «Клэр-эклер»?

Портер не дал Нэшу ответить:

— Туфли принадлежат Толботу?

— Он похож на парня, способного купить туфли за полторы тысячи, верно?

— Зачем Обезьяний убийца обулся в туфли Толбота?

— По той же причине, по которой он похитил дочь Толбота. Тот сделал что-то плохое, и Обезьяний убийца хотел, чтобы мы об этом узнали. Он, так сказать, дал последний залп, спел свою лебединую песню. Может, он боялся, что мы облажаемся, и потому оставил нам метки, — ответил Нэш. — Он каким-то образом выкрал у Толбота туфли, набил их газетами, чтобы его маленькие ножки не скользили, и надел их, прежде чем броситься под автобус.

— Клэр, постарайся дозвониться до Хозмана. Выясни, что ему удалось узнать о финансовых делах Толбота; нам нужно ускорить процесс, — распорядился Портер.

Клэр схватила со стола свой мобильник и ушла в угол, на ходу набирая номер.

Портер повернулся к Уотсону:

— Ну, а что с часами?

Уотсон покачал головой:

— Я показал дяде фотографию, но он считает, для того чтобы что-то сказать наверняка, он должен взглянуть на саму вещь. Я обратился в хранилище, но они готовы отдать вещдок только вам или Нэшу.

Портер закатил глаза. Очень некстати, что из-за правил внутреннего распорядка именно сейчас следствие тормозится.

— Когда мы здесь закончим, я схожу туда вместе с тобой.

— И еще одно, — продолжал Нэш. — Делом заинтересовались федералы; всю ночь нам названивали из их местного отделения. Эмори больше двенадцати лет, и ничто не указывает на то, что ее вывезли за пределы штата, поэтому это наше дело!

— Давайте сначала проверим, что удалось нарыть Хозману. В финансовых вопросах федералы иногда бывают полезными. Есть что-нибудь новое по «Причалу» или «Малифаксу»?

Нэш покачал головой:

— Там обошли каждый дом, нашли нескольких сквоттеров — а больше никого и ничего. Если Обезьяний убийца и держал там Эмори, сейчас ее там нет. Поиски под землей еще продолжаются, но туннели тянутся на много миль под всем городом. Мы не сможем разыскать ее, если будем бродить наугад в темноте. Нам нужны какие-то вехи. Если не считать трупа, «Малифакс» оказался настоящим провалом.

— Обезьяний убийца не случайно навел нас на старый склад. У него на все имелись свои причины. Возможно...

— Все дело в финансах, я понял, — перебил его Нэш. — Федералы, Хозман, финансы... я все понял.

— Портер, можно тебя на минутку? — В дверях стоял их начальник, капитан Генри Долтон. Никто не видел, как он вошел. Его редяющие волосы, еще влажные после душа, были зачесаны назад, костюм чистый, выглаженный.

Портер быстро посмотрел на Нэша и Уотсона:

— Извините.

Капитан положил руку ему на плечо и вывел в коридор. Огляделся по сторонам и, убедившись, что их никто не слышит, тихо заговорил:

— Слушай, вчера ребята из пятидесят первого участка выезжали по вызову на попытку ограбления. Один тип хотел ограбить «Квикимарт» в восточной части города; при себе у него была пушка тридцать восьмого калибра. К счастью, в магазине в то время оказался один наш сотрудник, затоваривался после смены. Он взял парня без единого выстрела. Пушку отправили в лабораторию, и выяснилось, что она совпадает с той, из которой... в общем, Хизер.

Внутри у Портера все сжалось; ему показалось, что его сейчас вывернет наизнанку. Он сделал глубокий вдох, стараясь хоть немного успокоиться. Почувствовал тяжесть собственного пистолета в наплечной кобуре. Сейчас ему вообще-то не полагалось носить оружие. Строго говоря, он был еще в отпуске. Ему не разрешалось носить табельное оружие, пока он не пройдет медосмотр и психиатр не подпишет допуск... пока все не решат, что ему уже можно вернуться на работу. Если бы не всплыло дело с Обезьяньим убийцей, он бы сейчас сидел дома и ждал новостей — любых новостей, чего угодно, лишь бы как-то провести день. Но после вчерашнего происшествия его позвали на помощь. Он радовался возможности

отвлечься; все лучше, чем ожидание. Ожидание и страшное одиночество...

Он сунул руку в карман и сжал сотовый телефон. Он хотел ей позвонить. Хотел услышать ее голос.

— «Вы позвонили Хизер Портер. Поскольку вас переключили на автоответчик, скорее всего, я увидела ваше имя на определителе номера и решила, что не хочу...»

— Я должен туда съездить, — сказал Портер. Ему показалось, что голос у него стал тонким, как у мальчишки. Вернулся тот голос, какой был у него в детстве, когда он еще не знал, чего нужно бояться, а впереди его ждали целая жизнь и только хорошее.

— Понимаю, — кивнул капитан Долтон. — Я уже попросил их подождать тебя.

Слеза выкатилась из глаза Портера, и он быстро смахнул ее плечом, не вынимая дрожащую руку из кармана.

Долтон это заметил и сочувственно улыбнулся:

— Пусть тебя кто-нибудь подвезет.

Портер открыл рот, собираясь возразить, но передумал. Однако не хотелось отвлекать Нэша или Клэр от дела.

— Попрошу Уотсона.

Капитан Долтон заглянул в зал и кивнул:

— Вчера парня арестовали за попытку ограбления, но ему пока не сказали про результаты баллистической экспертизы. Дело ведет Баумгарт. Он знаком с твоим послужным списком, знает, что случилось, и согласился подождать, пока ты приедешь. Ты сможешь следить за ходом допроса. Правда, я обещал, что ты будешь именно наблюдать — и больше ничего. Оставайся с той стороны зеркала и позволь ему сделать дело. Я знаю Баумгарта двадцать с лишним лет; он вырвет из парня признание.

— Есть.

Долтон положил руку ему на плечо:

— Извини, что тебе придется через это проходить. Мне правда очень жаль.

— Спасибо...

Долтон глубоко вздохнул, кивнул и направился к двери оперативного штаба.

— Нэш! Куда, к дьяволу, запропастился твой последний отчет? Под моей дверью пасется целая шайка репортеров. Мне надо скормить этим стервятникам хоть что-то.

Нэш пожал плечами:

— Вчера вы сами велели нам ехать по домам и спать; на канцелярскую работу не было времени. Если хотите, подождите, пока мы распределим задания.

Долтон остановился на пороге и обернулся:

— Да, Портер...

— Что?

— Запасную пушку оставь в машине. Не хочу, чтобы потом из-за этого кто-то попытался оспорить результаты опознания.

— Есть, сэр! — кивнул Портер.

Клэр закончила разговаривать по телефону и подошла к ним.

— Хозману удалось кое-что выяснить; он ждет нас наверху.

— Идите к нему с Нэшем; мне нужно съездить в пятьдесят первый участок. Я временно реквизирую у вас Уотсона.

— И оставишь меня одну с этим неандертальцем?

У Портера увлажнились глаза, и он отвернулся. Клэр покосилась на капитана.

— А, — тихо сказала она. — Ясно... звони, если тебе что-нибудь понадобится.

Портер делано улыбнулся и кивнул:

— Спасибо, Клэр-эклер.

Она ткнула его кулаком в плечо:

— И ты туда же! Какие же вы оба козлы!

Портер подмигнул ей и заглянул в зал:

— Уотсон? Поехали разбираться с часами!

* * *

ИНФОРМАЦИЯ ПО ДЕЛУ

Жертвы

1. Калли Тремел, 20 лет, 15.12.2009
2. Эль Бортон, 23 года, 02.10.2010
3. Мисси Ламекс, 18 лет, 24.07.2011

4. Барбара Макинли, 17 лет, 03.12.2012 (единственная блондинка)
5. Сьюзен Деворо, 26 лет, 18.04.2013
6. Эллисон Краммер, 19 лет, 09.11.2013
7. Джоди Блумингтон, 22 года, 13.05.2014

Эмори Коннорс, 15 лет, 03.11.2014
Вчера вышла на пробежку в 18.00

ТАЙЛЕР МАТЕРС

Бойфренд Эмори

АРТУР ТОЛБОТ

Финансы?

Н. БАРРОУЗ

~~Экономка? Няня? Гувернантка.~~

~~Есть ключ-карта, но не включена в список постоянных гостей.~~

Вещи, обнаруженные на трупе У40

Дорогие туфли — «Джон Лоббс»/1500 долл./пара — размер 44,5/
неуст. жертва носит 42-й. На туфлях отпечатки Толбота.

Дешевый костюм.

Мягкая фетровая шляпа.

75 центов мелочью (2 четвертака, 2 монеты по 10 центов и 1 по 5 центов).

Карманные часы.

Квитанция из химчистки (54 873) — Клоз составит список ближайших приемных пунктов.

Умирал от рака желудка — лекарства: октреотид, трасту-зумаб, оксикодон, лоразепам.

Татуировка на внутренней стороне правого запястья — цифра 8, символ бесконечности?

Учебник высшей математики — подброшен У40 — указание на склад «Малифакс комьюникейшенз».

На вагонетке у входа в туннель обнаружен частичный отпечаток пальца. Возможно, на ней перевозили тело.

Ухо, глаза и язык в коробках (Гюнтер Херберт).

Рекламный проспект в руке трупа.

Коробки указывают на «Озерный причал», участки под застройку.

Подробный обыск результатов не дал.

Запись с камеры: судя по всему, У4О покончил с собой, нет четкого изображения его лица.

Необходимо выяснить:

— Прошлое матери Эмори.

— Реконструкция лица — **сделано**.

Когда мама и отец вернулись, я спал. Точнее, притворялся спящим, иначе ничего бы не услышал. Я лежал под одеялом с фонариком в руке и читал последний выпуск комикса про Человека-паука. Он там вступил в странную группу под названием «Фантастическая четверка», и я догадывался, что члены этой группы помогут ему победить главного злодея по кличке Хамелеон. Его лицо совершенно лишено черт, и я почти уверен, что он может превращаться в кого захочет. Но пока я только гадаю. Стэн Ли так рано не успокоится. Обычно я оказываюсь прав. По-моему, он попытается похитить и Дж. Джона Джеймисона тоже; такого никому не пожелаешь. Он способен заговорить вас, пока уши не отвалятся. Через день-другой Хамелеон может освободить пленника, чтобы сохранить собственный рассудок. Нет, если хотите кого-то похитить, рекомендую одну из девушек — Мэри-Джейн или Гвен Стейси. Они почти не дерутся, и откровенно говоря, с ними приятнее общаться. Гвен Стейси такая горячая — даже в нарисованном виде. Да, а «Фантастическая четверка»? Просто невероятно — там есть человек из камня! И еще один, который может растягиваться, и девушка, которая умеет становиться невидимой...

Конечно, захватывающее чтение, но не такое захватывающее, как разговор, который я подслушал после того, как мама и отец вошли в дом.

Сначала они кричали друг на друга, хотя я не разбирал слов. Раньше они никогда не ссорились, тем более на улице, где их могли услышать соседи, — и тем не менее они ссорились, кричали друг на друга, стоя на дорожке перед домом.

Я невольно вспомнил, как вчера мистер Картер кричал на миссис Картер и на маму.

Должно быть, потом они опомнились, потому что внезапно стало тихо. Открылась и закрылась входная дверь; они быстро прошли в гостиную. По-моему, отец швырнул ключи от машины; они звякнули о столешницу и упали на пол. Мама сказала:

— Делай что хочешь; я не стану в этом участвовать. — Потом она шумно протопала мимо моей двери к своей спальне и захлопнула за собой дверь.

Тишина.

Такой громкой тишины я в жизни не слышал.

Я живо представлял себе, как отец стоит на кухне и лицо у него пылает. Кулаки сжимаются, разжимаются и снова сжимаются.

Я выключил фонарь и сунул комикс под подушку, а потом откинул одеяло и вылез из постели. На цыпочках подошел к двери и прижался к ней ухом.

— Эй, приятель! — послышался с другой стороны голос отца.

Я чуть не полетел навзничь, отскакивая от двери; сердце колотилось. Что делать? Мне хотелось спрятаться в кровати, под одеялом.

Но этого я не сделал.

— Приятель! Ты не спишь?

Я потянулся к дверной ручке, повернул ее и быстро распахнул дверь. Фигура отца заполнила весь проем; лицо у него было мрачным. Оно находилось в тени, потому что свет горел у него за спиной, на кухне. Рука его по-прежнему находилась в том месте, где была дверная ручка.

— Жжешь свет по ночам?

Гнев, который я раньше слышал в его голосе, куда-то подевался. Наверное, он злился на маму, а сейчас злость прошла. Он широко улыбался, и глаза у него сверкали.

Когда-то отец научил меня, как важно демонстрировать нужные эмоции. По его словам, нужно всегда угадывать, каких эмоций от меня ждут в данных обстоятельствах, и выставлять их на первый план, независимо от того, что я чувствую на самом деле. Мы много раз тренировались.

Однажды наша собака Ридли оценилась, и он свернул одному щенку шею у меня на глазах, а потом заставил меня смеяться. У меня не получилось сделать, как он велел, тогда он взял следующего щенка, и я расхохотался — лишь бы не видеть, как еще один умирает. Однако этого оказалось недостаточно; отец заявил, что мой смех звучит неискренне. Только после четвертого щенка я научился контролировать себя. По щелчку его пальцев я переходил от радости к грусти, от злости к серьезности, от торжественного спокойствия к безудержному смеху. Вскоре после того Ридли сбежала. Куда — я не знаю. Тогда мне было всего четыре года, и я запомнил то время лишь эпизодически.

Отец широко улыбался, прямо как Чеширский кот, а я понятия не имел, что он чувствует на самом деле, — да и не хотел понимать. Если бы он заподозрил, что я догадываюсь, будто на самом деле он не радуется, а злится, тот вечер добром бы не кончился — ни для меня, ни для мамы.

— Отец, я читал комикс. Не хотел ложиться спать, пока вы не вернетесь. Вдруг вам помочь понадобится...

Он взъерошил мне волосы:

— Ты мой верный маленький солдатик, верно?

Я кивнул.

— Кстати, раз уж тебе так хочется помочь, мне в самом деле требуется помощь. Не желаешь немного развлечься?

Я снова кивнул.

— Возьми из буфета на кухне большую пластмассовую мамину салатницу и спускайся в подвал. Я приготовил для нашей гостьи маленький сюрприз. — Он достал из-за спины бумажный пакет и поднял повыше, потом слегка встряхнул его. Изнутри послышалось царапанье. — Будет просто здорово! — Он улыбнулся.

На сей раз я не сомневался: он действительно очень рад.

Клэр — день второй, 7.18

— Он сказал, зачем ему нужно в пятьдесят первый? — спросил Нэш, разглядывая кнопки в кабине лифта.

Клэр тяжело вздохнула:

— Третий раз повторяю! Он сказал только, что у него какое-то дело в пятьдесят первом участке, и все. Что за дело — понятия не имею. Никакого тайного рукопожатия, ни записки, ничего.

— Значит, дело как-то связано с Хизер, да?

— Если бы он хотел нам сказать, он бы сказал.

Дверцы разъехались в стороны на пятом этаже; выйдя, они очутились в лабиринте захламленных тесных кабинетиков, заставленных старыми металлическими столами. На них стояли компьютеры, такие старые, что в них еще имелись дисководы для дискет.

Нэш быстро огляделся и повернул налево, пробираясь по узкому проходу, заваленному папками и стопами документов.

— И с чего вдруг он взял с собой Уотсона? Почему не позвал кого-то из нас?

— Мы пока не знаем, связано ли дело с Хизер.

— Скорее всего...

Клэр понимала, что Нэш прав; раньше капитан ни разу еще не спускался к ним в подвал.

— Да, наверное...

— Так почему он взял Уотсона?

— Судя по куску металла, который тебе почему-то доверили, ты — детектив. Как думаешь, почему он не захотел взять с собой кого-то из нас?

— Я его лучший друг.

Неужели он сейчас заплачет?

— Может, он как раз хотел побыть в обществе человека, который ничего не знает. То есть чтобы не испытывать такого давления. Я не стала ни о чем его спрашивать, но он знает, что мы все знаем, и поэтому ему еще тяжелее. Ему, наверное, трудно вернуться на работу,

в прежнюю обстановку, зная, что ничего не может изменить. По-моему, сейчас у него все силы уходят на то, чтобы просто держаться. И он справляется явно лучше, чем на его месте справилась бы я... Я бы просто растеклась тут лужей.

Они нашли кабинет Хозмана — он был третьим от конца коридора с левой стороны. Дверь была открыта. Увидев их, Хозман помахал:

— Ну что, кто хочет немного посчитать?

Клэр ткнула пальцем в Нэша:

— Вот он! В школьные годы Нэш три раза подряд побеждал в конкурсе штата по математике.

— Правда? — Хозман смерил Нэша удивленным взглядом.

— Точно. Сразу после того, как получил золотую медаль по прыжкам с шестом, — ответил Нэш, кивая. — А еще я потрясающе пеку вишневый пирог. Видел бы ты, сколько розеток я за него получил!

— Ясно. Значит, вы не любители математики?

— Ни в коем случае.

— Знаете, что такое схема Понци?

Клэр подняла руку:

— Это мошенническая инвестиционная операция, при которой оператор, частное лицо или организация, платит обещанный доход своим инвесторам за счет нового капитала, привлеченного оператором от новых инвесторов, а не из полученной им прибыли.

Нэш присвистнул:

— Ну ты даешь! Какая ты, оказывается, умная! А знаешь, тебе идет!

Клэр ткнула его кулаком в плечо.

Хозман постучал пальцем по лежащей у него на столе стопке документов:

— По-моему, именно о такой схеме можно говорить — и не только в связи с «Причалом», но и со всеми активами Толбота.

Клэр нахмурилась:

— Как такое возможно? Толбот — один из богатейших людей в Чикаго, а может быть, и во всей стране!

— Он богач только на бумаге. На бумаге он бешено, баснословно богат, а на самом деле у него серьезные трудности. На «Причале» все пошло наперекосяк года два назад. Толбот скупил всю землю под застройку, а за неделю до того, как его компания должна была

приступить к сносу старых зданий, Историческое общество добилось судебного запрета и заблокировало стройку. Они требуют, чтобы квартал был сохранен в неприкосновенном виде. В дни сухого закона в том районе существовало не меньше дюжины подпольных питейных заведений. В Историческом обществе решили, что городу пойдет на пользу, если квартал отреставрируют, сохранив все постройки в неприкосновенности. А набережную они собираются превратить в приманку для туристов. Говорят, в один из тамошних кабаков часто заходил сам Аль Капоне; вы ведь знаете, как клюют туристы на гангстеров!

Клэр склонила голову набок:

— Толбот ведь не мог не знать о том, что его ждет, верно? В каком бы состоянии ни находились старые постройки — пусть даже там настоящие трущобы, — Историческое общество сохраняет такие места по всему городу. Наверное, каждый нормальный застройщик непременно предусматривает возможные затруднения с Историческим и другими обществами, закладывает это в свой бюджет...

Хозман развернул к ним одну из своих таблиц:

— Ты права; он отложил двадцать миллионов долларов на счет условного депонирования; деньги были предназначены конкретно для противодействия ребятам из Исторического общества. Он не только знал, какая опасность над ним нависла; его адвокаты ждали у здания суда в тот день, когда выдали судебный запрет, чтобы тут же подать встречный иск.

— Он собирался подать иск на Историческое общество? — удивился Нэш.

Хозман ухмыльнулся:

— Еще лучше! Он подал иск на городские власти. Его адвокаты утверждали, что подпольные кабаки в том квартале были построены без разрешения и сохранять их противозаконно; город обязан либо привести их в соответствие с законом, либо снести.

Клэр присвистнула:

— Ух ты! И как отнеслись к его выпадку городские власти?

— Не обрадовались, конечно, и тоже предприняли кое-какие шаги. На следующий день муниципалитет заблокировал строительство двух небоскребов, которые возводила фирма Толбота в центре города: офисное здание и жилой дом. Объявился какой-то неизвестный

правдолюб и донес, что компания Толбота применяет на строительстве некачественный бетон. Власти назначили комиссию, и оказалось, что так и есть. Вроде бы в смеси обнаружили слишком много песка — подробности я еще выясняю. Офисное здание высотой в сорок три этажа; по предварительным оценкам, оно стоит шестьсот восемьдесят восемь миллионов, а жилой дом высотой в шестьдесят четыре этажа стоит чуть меньше миллиарда долларов.

— Что же это значит? Ему пришлось снести дома и начать все сначала? — спросил Нэш.

Клэр разглядывала фотографию офисного здания, которую распечатал Хозман.

— По-твоему, городские власти с самого начала знали про некачественный бетон, а заговорили о нарушениях только в отместку?

Хозман поднял руки вверх:

— Не знаю — по обоим пунктам.

— Мы видели дома на «Причале»; должно быть, они все же пришли к какому-то компромиссу, — заметил Нэш. — То есть старые дома там снесли и заменили их шикарными особнячками на одну семью, так что кто-то явно закрыл на нарушения глаза.

Хозман показал другую таблицу:

— Вот вам загадка века! Я обнаружил, что в мае прошлого года Толбот приказал снять со счета почти четыре миллиона долларов, но определить получателя мне так и не удалось. Зато вскоре после этого на «Причале» возобновилось строительство. Кроме того, власти сняли запрет на строительство небоскребов, одобрив дорогостоящую модернизацию арматуры.

— То есть он дал взятку какому-то чиновнику?

— Скорее всего. И иски тоже отозвали.

Нэш нахмурился:

— Хотя я и не финансовый аналитик, но пока все, о чем ты говоришь, как-то не похоже на схему Понци. Скорее похоже на то, что богач при помощи своих богатств еще больше богатеет.

— Он не совсем богатеет, — ответил Хозман, роясь в бумагах. Найдя то, что искал, он передал документ Нэшу.

Нэш быстро просмотрел документ и вернул его Хозману:

— Повторяю, я не финансовый аналитик.

Хозман закатил глаза:

— Толбот ведет крупномасштабное строительство одновременно в шестнадцать местах. Он строит все: от жилых кварталов до сетевых магазинов, крупных комплексов и роскошных офисных зданий. Ни один из его проектов не близок к завершению, и ему отчаянно нужны деньги — особенно на достройку небоскребов с конструктивными недостатками. Как только инвесторы почували проблему, они начали забирать свои доли. В прошлом месяце он уже выплатил свыше трехсот миллионов долларов. Еще сто восемьдесят миллионов он должен выплатить в следующем месяце, но, по-моему, таких денег у него нет. Похоже, для расплаты со старыми инвесторами он пользуется деньгами, полученными от новых, и одновременно размещает займы на покрытие строительства.

— Ясно, значит, все-таки схема Понци, — кивнул Нэш.

— Нет, это еще не схема Понци, — возразил Хозман.

— Тогда что?

Клэр приложила ладонь к губам Нэша:

— Для того чтобы можно было назвать его действия схемой Понци, он должен ходатайствовать о предоставлении средств на какой-то фальшивый проект, а вырученную сумму пустить на выплаты инвесторам в других проектах.

— Что возвращает нас к «Причалу». — Хозман достал копию брошюры, найденной в руке у мертвого Гюнтера Херберта, главного финансового директора Толбота. — Это мошенничество.

— Но он же построил там дома! — возразил Нэш.

— Вы видели дома первой очереди, всего их шесть. Ни один из них до сих пор не продан. Но это цветочки, а ягодки — вторая очередь. Толбот всю рекламирует жилой комплекс, расписывает достоинства будущих домов; он даже включил в цену шикарный загородный клуб с полем для гольфа. Предварительной датой завершения указывается осень следующего года. Я звонил Терри Хеншо из отдела финансовых преступлений ФБР; он сказал, что они уже несколько месяцев следят за Толботом. Деньги, вырученные за вторую очередь, он переводит по цепочке вспомогательных счетов за границу, а потом возвращает под прикрытием «Толбот энтерпрайзиз», чтобы расплатиться с инвесторами по другим проектам.

Клэр погрозила ему пальцем:

— И это еще не схема Понци! Возможно, так поступать неэтично, но, если все проекты осуществляются его корпорацией и вполне легальны, он, скорее всего, обезопасил себя, включив в документацию какой-нибудь хитрый подпункт...

Хозман медленно развернулся на стуле, расплывшись в широкой улыбке:

— Ты, конечно, права, но я обнаружил кое-что еще.

— Что?

— Участок, на котором они собираются возводить дома второй очереди, Толботу не принадлежит. Он распродает участки на чужой земле.

— Если земля принадлежит не ему, то кто владелец?

Хозман заулыбался еще шире; он переводил взгляд с Клэр на Нэша и обратно.

— Погодите, сейчас узнаете...

Нэш покраснел:

— Не тяни, математик!

— Эмори Коннорс! — Хозман хлопнул ладонью по столешнице. — Мать оставила ей землю по завещанию. Девочка стоит очень больших денег. Поскольку земля принадлежит ей, а не Толботу, мы имеем дело кое с чем похуже схемы Понци. И более того, взгляните... — Он показал на подчеркнутый параграф в юридическом документе.

Нэш прочел и присвистнул:

— Как по-твоему, теперь-то капитан разрешит вызвать его на допрос?

Почему в подвале по ночам всегда пахнет плесенью? Не то чтобы днем там совсем не пахло, но после наступления темноты неприятный запах становится более выраженным. Я никогда не понимал почему. Может быть, это как-то связано с солнечным светом?

Ступеньки скрипели, когда я спускался, держа в одной руке большую мамину салатницу, а в другой — стакан воды. Мама пристально следила за мной, когда я пошел собирать все необходимое; она даже проговорила одними губами:

— Не позволяй ему это делать!

Конечно, я ничего не ответил, потому что не мог «не позволить» отцу делать что бы то ни было и не собирался портить его хорошее настроение, передавая такое послание от мамы. Он просил меня принести салатницу, и я знал, что миссис Картер ничего не пила несколько часов; наверное, думал я, в горле у нее пересохло. Вот почему захватил и воду. Если бы мама хотела помешать тому, что вот-вот должно было случиться, она бы и сама спустилась в подвал и высказала свою точку зрения.

Отец уже был внизу; он стоял на коленях рядом с раскладушкой. Подойдя ближе, я понял, что он привязывает ноги миссис Картер к каркасу толстой нейлоновой веревкой в три плетения. Он уже привязал ее свободную руку. Она дергалась и вырывалась, но безуспешно. Отец умел завязывать тугие узлы.

Во рту у нее была тряпка, которая придерживала кляп. Мне показалось, что тряпка — это бывший рукав рубашки мистера Картера: на материи заметны были пятнышки крови.

Отец завязал последний узел и похлопал миссис Картер по ноге:

— Ну вот, опрятно и аккуратно! — Он повернулся ко мне; глаза его сияли, как у ребенка на Рождество. — Нож у

тебя с собой?

Мой нож по-прежнему был у мамы. Я обыскал весь дом, но не нашел и следа. Я покачал головой.

Отец нахмурился:

— Всегда носи нож с собой. — Он полез в задний карман, достал собственный нож и протянул мне.

— Мы чего, ее убьем?

— Надо говорить: «что», а не «чего», — поправил отец. — Умные мальчики говорят грамотно.

— Извини, папа.

— Говорить так можно, только когда хочешь, чтобы те, кто рядом с тобой, считали тебя не таким умным, какой ты на самом деле. Иногда лучше не выделяться и не казаться самым большим умником среди присутствующих. Многие боятся тех, кто умнее их. Если заставишь себя опуститься до их уровня, они тебя примут; так легче смешаться с толпой. Но ни к чему притворяться, когда ты разговариваешь со стариком отцом и с нашей красавицей соседкой. Если нельзя оставаться самим собой с друзьями и родными, в чем тогда вообще смысл?

Я не мог с ним не согласиться.

— Папа, мы что, ее убьем?

Отец взял у меня нож и поднес лезвие к свету.

— Отличный вопрос, приятель, но ответить на него я пока не могу. Видишь ли, миссис Картер хочет поиграть в одну азартную игру, но не раскрывает свои карты. Лично я предпочел бы не убивать ее. Не уверен в том, что ты думаешь по этому поводу. Но я бы предпочел поддержать ее у нас еще немного. Я слышал, миссис Картер — девушка доступная, и я хочу убедиться в ее достоинствах на личном опыте. — Он снова похлопал ее по ноге. — Это правда, Лайза? Ты у нас настоящая зажигалка?

Она не сводила взгляда с лезвия ножа. Оно ярко блестело в свете шестидесятиваттной лампочки, свисающей с потолка.

На полу рядом с отцом стоял тот самый бумажный пакет; по бетону что-то царапало. Он вернул мне нож.

— Ты уже большой мальчик; может, предоставить честь тебе?

Миссис Картер начала извиваться; она дергала ногами и вытаращила глаза. Она что-то кричала, но из-за кляпа я ни слова не понимал. Я не знал, зачем отец заткнул ей рот; половина удовольствия пропадала.

Отец вытащил белую блузку миссис Картер из джинсов.

— Пожалуйста, отрежь вот такую полосу. Жалко, конечно, портить красивую блузку, но, к сожалению, иначе не получится — ведь она привязана к раскладушке. — Он обратился к миссис Картер: — Вот если бы на тебе было платье, которое застегивается сверху донизу...

Миссис Картер отчаянно трясла головой, но отец считал, что она не имеет права голоса. Я сочувственно улыбнулся ей, проткнул ножом тонкую материю и потянул. Подол оторвался без труда. В процессе я коснулся костяшками пальцев гладкой кожи у нее на животе и невольно покраснел. Я еще никогда не трогал женщины — особенно так. Я не мог смотреть ни на отца, ни на миссис Картер, боясь, что выдам нахлынувшие на меня чувства. Мне показалось, что у меня даже поднялась температура — если бы кто-то до меня дотронулся в тот миг, он бы обжегся. Когда я тыльной стороной ладони задел ее бюстгальтер, мне показалось, что я вот-вот взорвусь. Я заставил себя пронести нож мимо и резанул возле ворота — блузка распалась надвое. Миссис Картер заплакала.

— Отрежь и рукава; убери эту мерзкую тряпку совсем, — распорядился отец.

Я подчинился, и скоро исполосованная блузка лежала на полу рядом со мной. Миссис Картер все больше тревожилась; ей было трудно дышать из-за кляпа. Грудь у нее все сильнее вздымалась и опускалась. Неужели потеряет сознание?

— Может, вынем кляп?

Отец смерил миссис Картер оценивающим взглядом и покачал головой:

— Когда человек кричит от страха, это одно. Но когда кто-то кричит от боли, это уже совершенно другой зверь. А ей будет больно, я не сомневаюсь. — Он достал еще моток веревки и обмотал ее живот под грудью, потом обошел раскладушку с другой стороны и завязал тугим узел. То же самое он повторял еще четыре раза, пока не кончилась веревка.

Его действия не успокоили миссис Картер. Она попыталась лягаться и с новой силой металась по раскладушке. Отец положил свою большую руку ей на колени и прижал книзу, а затем и их тоже примотал к раскладушке. Когда он закончил, я был совершенно уверен, что миссис Картер больше не может шевелиться.

— Давай-ка поскорее приступим к делу. Будь добр, передай мне пакет и салатницу!

Я кивнул и потянулся за бумажным пакетом. Он оказался тяжелым. Существо, которое сидело внутри, весило полкило, а может, и целый килограмм. Я чувствовал, как оно шевелится внутри. Кроме того, оно опорожнило мочевой пузырь; дно пакета раскисло и воняло мочой.

Отец взял у меня пакет и поставил на живот миссис Картер. Она ахнула и попыталась сесть, когда ее кожи коснулась влажная бумага, но веревки не позволяли ей шевелиться. Она выгнула шею, чтобы посмотреть, что там, но ей было неудобно в таком положении, и вскоре она уронила голову на раскладушку.

Отец надорвал верх пакета, впуская внутрь воздух, затем накрыл пакет салатницей. Пакет оказался как бы под куполом. Отец ловко оторвал несколько кусков клейкой ленты и приклеил салатницу к ее груди. Салатница была из прозрачного пластика, так что мы отчетливо видели все, что происходило внутри.

Он похлопал ладонью по дну салатницы:

— Там сидит обычная полевая крыса. Я без труда поймал зверька, скормив ему кусок сыра, приправленный хлороформом. Правда, сейчас хлороформ уже выветривается; когда мой пленник окончательно проснется,

он будет злым и у него будет ужасно болеть голова. Крысы не любят замкнутых пространств, так что я вполне уверен, что он захочет выбраться из салатницы. Возможно, он начнет драть пластик когтями, но поверхность салатницы слишком гладкая, ему не за что уцепиться. Как только он оставит попытки выйти этим путем, он, наверное, обратит внимание на то, что находится внизу, и вот тут-то начнется настоящее веселье! В отличие от пластика, его острые когти без труда раздерут твой нежный торс, а если он подключит клыки и начнет грызть... — Отец широко улыбнулся. — Достаточно сказать, что такие острые зубы способны прогрызть и более твердую материю!

Миссис Картер снова забилась, заметалась; от волнения она начала задыхаться. Она пыталась втягивать воздух, но не могла хорошо вдыхать носом. По ее лицу побежали слезы. Глаза у нее были красные, опухшие.

Я нагнулся ниже. Крыса лежала в пакете, свернувшись клубочком; зверек едва шевелился, но мне стало ясно, что действие хлороформа ослабевает. Когда маленький пленник высунул голову из мешка, я чуть из шортов не выскочил.

Отец рассмеялся:

— Не волнуйся, приятель! Он не по твою душу. Если он выберется отсюда, живот у него будет до того набит, что в его маленькой голове и мыслей о добавке не останется.

— Она потеряет сознание.

Отец наверняка заранее предусмотрел такую возможность, хотя выражение его лица свидетельствовало об обратном. Сначала он состроил озадаченную мину, потом огорченную.

— А знаешь, друг, наверное, ты прав. По-моему, это может оказаться для нее непомерным. Хотя мы уже почти закончили. — Он погладил миссис Картер по голове. — Лайза, ты ведь продержишься еще несколько минут? Тебе ведь хватит сил?

Она замотала головой из стороны в сторону, и я не понял, кивает она в знак согласия или, наоборот, пылко качает головой, что значило «нет».

Тем временем зверек выбрался из пакета и повалился набок, а потом с трудом встал на лапки. У него кружилась голова, его тошнило, и все же он неуклонно возвращался в страну живых. Сначала обнюхал пакет, потом салатницу, потом пупок миссис Картер — крысиный пяточок ненадолго скрылся в ямке и тут же снова вынырнул оттуда.

— Каков наш маленький дружок! — Крыса забегала вдоль края салатницы. — По-моему, мой сын прав. Тебе трудно дышать с кляпом во рту, так что сейчас я его выну, чтобы ты не задохнулась. Кроме того, мне очень нужно, чтобы ты ответила на один простой вопрос. Если ответишь честно, все сразу закончится. Хочешь, чтобы все закончилось?

На сей раз миссис Картер определенно кивнула.

Отец задумался, потом нагнулся к ней и прижался губами к ее уху.

— Твой муж спал с моей женой? — торопливо и едва слышно проговорил он. Я едва расслышал его со своего места.

Миссис Картер вытаращила глаза и уставилась на него. Отец выдернул у нее изо рта тряпку. Она выплюнула закупоривший ей рот кусок материи и тяжело задышала, как будто несколько часов провела под водой:

— Убери с меня эту гадость! — закричала она. Точнее, попыталась закричать. Из ее горла вырвался скрип, такой тихий, что его можно было принять за шепот. Она снова забилась, но лучше ей от этого не стало. Ее грудь не могла приподняться больше, чем на пару сантиметров; потом веревки заставили ее лечь на место. Она выгнула шею, но не могла поднять голову настолько, чтобы видеть, что происходит.

Зато я видел вполне достаточно.

Крыса быстро бегала по кругу, видимо все больше оживая. Во всяком случае, лапки под ней уже не подкашивались. Если крысы способны переживать приступы паники, наверное, нашего мохнатого пленника в ближайшем будущем ждала самая настоящая паническая атака. Она

бегала вдоль ободка салатницы, дергая носом. Время от времени крыса прижимала мордочку в тех местах, где пластик смыкался с кожей миссис Картер. Пробежав немного, зверек останавливался и осматривал пластик, а потом снова начинал бегать кругами. Силы возвращались к нему; он носился все быстрее.

— Похоже, у нашего питомца клаустрофобия. Что думаешь, приятель?

Я кивнул:

— Точно, отец! Смотри, как он носится! И все больше злится!

— Никто из тварей Божьих не любит заточения. И неважно, о ком идет речь — о черве, грызуне или самом сильном из людей. Попробуй где-то запереть живое создание, и ты поймешь. Даже если регулярно наполнять клетку самым вкусным кормом, устроить пленника с удобствами, чтобы ему было где приклонить голову, он все равно будет стремиться как можно скорее выбраться наружу. Этот паршивец прогрызет себе выход к свободе прямо в нашей красивой соседке.

Представляешь? Пророев в ней туннель! Надеюсь, ее это не убьет, по крайней мере первое время. Однажды я стал свидетелем того, как человек жил три дня после того, как получил пулю в живот, — клянусь, если посветить в рану под нужным углом, можно было разглядеть сквозную дыру! Конечно, дыра, проделанная крысой, будет гораздо больше, так что вряд ли наша соседка проживет несколько дней, но думаю, что о двадцати минутах или получасе говорить можно смело. — Его передернуло. — Можешь себе представить такую боль? Дырища размером с кулак! — Он сжал кулак и занес над миссис Картер.

Миссис Картер задергала руками и ногами, хотя ее путы почти не позволяли ей двигаться. Ее волнение передалось крысе; после того как голова у нее перестала кружиться, она еще больше разволновалась.

— Пожалуйста, уберите ее! Снимите ее с меня! Я скажу все, что вы хотите!

Отец снова склонился к ней:

— Я задал тебе достаточно простой вопрос, но, может быть, от волнения ты все забыла или недостаточно хорошо меня слышала, так что я его повторяю. Твой муж спал с моей женой?

Миссис Картер покачала головой:

— Нет! Нет, нет, нет!

Отец подмигнул мне.

— Что думаешь, приятель? Она откровенна с нами или пытается нас обмануть?

— А-а-а! — завизжала миссис Картер; глаза у нее вылезли из орбит, лицо побагровело.

Я посмотрел на крысу. Она прокусила маленькую дырочку в углу пупка миссис Картер. Недостаточную для того, чтобы пошла кровь, но, видимо, достаточную для того, чтобы миссис Картер буквально побагровела. Крыса задрала голову и зашевелила челюстями, пробуя угощение на вкус, как гурман смакует хорошее вино.

Отец захлопал в ладоши, и крыса повернулась к нему, ненадолго забыв о ждущем ее пиршестве.

— Паршивец скоро проголодается. Похоже, твоя плоть пришлась ему по вкусу; хороший знак! Наверное, ты очень сладкая; нужное сочетание нежного и терпкого.

— Псих проклятый! — выпалила миссис Картер.

Она снова хватала ртом воздух. Правильно я подсказал отцу вытащить кляп; если бы он оставил кляп на месте, сейчас она бы уже точно отключилась.

— Пожалуйста, сними ее с меня! — взмолилась она, и слезы хлынули у нее по лицу. — Я же... ответила на твой долбаный вопрос, так убери ее!

— Следи за выражениями, дорогуша! Что за язык?

— Я сделаю все, что ты хочешь! Скажу все что угодно, только прошу тебя...

Крыса укусила ее, и она безобразно громко завизжала. На сей раз грызун не колебался. В отличие от первого укуса, который был просто пробным, было видно, что зверек все больше распаляется. Отец был прав — крыса с

удовольствием грызла человеческую плоть. Желтые клыки впились в нижнюю часть живота миссис Картер. Я следил за происходящим с благоговейным ужасом; сначала место укуса порозовело, потом покраснело, потом ранка наполнилась кровью.

— О-о-о! — застонал отец. — Вот теперь пошла настоящая игра!

Миссис Картер впилась пальцами в каркас раскладушки; пальцы ее побелели от напряжения. Она с трудом втягивала в себя воздух. Я и раньше слышал выражение «глаза вылезли из орбит», но до той секунды никогда не видел этого. Ее глаза в самом деле вылезали; еще немного — и совсем выскочат.

Потом я вспомнил про воду.

— Отец, смотри, что сейчас будет! — Я осторожно наклонил стакан и налил на доньшко салатницы немного воды. Она стекла вниз и растеклась в том месте, где пластик касался кожи. Не прошло и секунды, как наш пленник почувствовал воду — он прибежал на то место и попытался просунуть мордочку наружу. Правда, до воды крыса дотянуться не могла; отец плотно приклеил импровизированный купол. Мне показалось, что это разозлило крысу, и она начала скрести коготками живот миссис Картер, не обращая внимания на ее истошные вопли. Как же она кричала! Мне показалось, что укус был болезненным, но...

— Вот молодец! — Отец взъерошил мне волосы и повернулся к миссис Картер: — Понимаешь, Лайза, я знал, что она все время ходит к вам в дом, иногда пропадает там часами, а когда возвращается домой, от нее пахнет сексом. Она возвращается домой, и от нее пахнет грязным сексом, но она улыбается мне, как будто ничего не произошло, как будто она не сделала ничего плохого! Но нам обоим известно, что это не так, верно? По-моему, мы все знаем, что у нас здесь творится. Когда она убила его, она хотела защитить не тебя, а себя. Я прав?

По-моему, миссис Картер не слышала ни слова. Она резко, судорожно, со свистом втягивала воздух. Он проходил с трудом, потому что в горле у нее стояли слезы и слизь. Глаза смотрели в одну точку на потолке; больше она не видела ни меня, ни отца.

— По-моему, у нее шок, — заметил я.

Зверек перестал скрестись, хотя и успел как следует расцарапать миссис Картер живот. Все ранки, за исключением последнего укуса, были неглубокими, зато их было много. Место, рядом с которым я пролил воду, было исцарапано сплошь, как будто кто-то кромсал ей живот бритвой.

Отец отлепил клейкую ленту, снял салатницу и отшвырнул вместе с крысой в дальний угол подвала.

— Проклятый грызун... дело зашло слишком далеко, — буркнул он. — Дай-ка мне... — Он кивнул на стакан с водой у меня в руке. Я дал ему стакан; он выплеснул воду в лицо миссис Картер. Судорожные вдохи и всхлипы прекратились; она смотрела на нас и визжала.

Отец влепил ей пощечину; от его ладони у нее на лице остался красный след. Она замолчала, но ее тело сотрясалось.

— Нечего притворяться; тебе было вовсе не так больно. — Он ткнул в рану бумажным пакетом. — Видишь? Всего лишь маленькая царапина, не о чем говорить. — Он снова склонился над ней и прижал губы к самому ее уху: — Если бы я хотел сделать тебе больно — то есть по-настоящему больно, — я бы поступил гораздо хуже. Однажды я освежевал одному человеку пальцы. Срезал с них кожу до самой кости. Сначала снял полосу посередине, потом двинулся ниже. С первым пальцем провозился почти час. Но он уже через несколько минут готов был потерять сознание, поэтому я сделал ему укол адреналина. Укол не только разбудил его, но и усилил боль. — Он погладил миссис Картер по руке. Она пробовала отдернуться, но ей мешал наручник. — Кстати, тебе известно, что в человеческой кисти двадцать девять костей? Есть большие,

есть маленькие. И каждую из них можно сломать. Не уверен, способен ли он был многое чувствовать после того, как я срезал с него почти всю кожу, мясо и сухожилия, но он очень вопил. Наверное, если я начну то же самое делать с тобой, если буду по одному обдирать тебе пальцы, ты быстро скажешь мне правду. Тебе так не кажется? — Он провел пальцем по тыльной стороне ее ладони и запястью, а потом сильно ущипнул ее. — Наверное, если начать резать в нужном месте, например вот тут, а потом пойти вот так, мне бы удалось стащить с твоей руки кожу, как перчатку. Правда, тут нужно проявлять осторожность, чтобы не задеть вену, но мне кажется, у меня получится. — Он повернулся ко мне. — Как думаешь, приятель? Может, попробуем?

Я снова вспомнил ту фотографию.

Отец зажал ладонью рану на животе миссис Картер, только она не закричала. Глаза у нее закатились, я увидел белки, голова бессильно перекатилась набок.

— Она умерла?

Отец дотронулся до ее шеи.

— Нет, потеряла сознание. Наверное, так и должно было случиться. — Он встал и направился к лестнице. — Можешь развязать ее, только наручники оставь. Потом поднимайся и ложись спать. Ночь выдалась долгая. А мне нужно поговорить с твоей матерью.

— А как же крыса? — крикнул я ему вслед. Но он ушел, и я остался наедине с нашей гостьей.

«Малышка! Просыпайся скорее. Столько спать вредно для здоровья, очень вредно».

Эмори рассеянно шлепнула рукой в воздухе, стараясь развеять густой туман, накрывший ее мысли. Она с трудом разлепила глаза, но ничего не увидела. Понимала, что глаза у нее открыты, только потому, что от холодного воздуха их защипало, и она поспешила снова зажмуриться. Когда-то, для работы по естествознанию в шестом классе, она изучала абсолютную темноту и узнала, что без света ничего не видят даже такие животные, как кошки. Некоторые звери видят в сумерках гораздо лучше человека и потому получают преимущество, но, если света нет совсем, люди и животные находятся примерно в равных условиях. В полной темноте все животные (в том числе, кстати, и люди) полагаются на другие органы чувств. Однако преимущество остается у тех животных, у которых есть усы, потому что с их помощью они исследуют свое окружение. Кроме того, Эмори вспомнила кое-что любопытное: если помахать собственной рукой перед глазами, даже в абсолютной темноте, мозг дает сигнал, и человеку кажется, будто он видит свою руку. Мозг приблизительно определяет положение руки в пространстве и создает иллюзию зрения.

Эмори помахала рукой перед глазами, но не увидела ничего.

Кто-то держал ее, не давая встать! Кто-то давил ей на спину и прижимал к бетонному полу. «Господи, не дай ему забрать у меня глаза! Не дай ему забрать у меня язык!» Она готовилась к боли, готовилась к тому, что нож вонзится ей в роговицу и вырежет глаза или рука схватит ее за горло и сдавит, чтобы она открыла рот, и тогда...

«Расслабься, дорогуша; это просто каталка. Разве не помнишь? Металлическое чудовище упало на тебя, когда ты пыталась лакать воду из лужи, как бродячая собака».

Она все вспомнила. Память вернулась одной вспышкой, за которой последовала боль в виске, такая сильная, что ей показалось, будто она снова теряет сознание. Эмори ощупала свой лоб; пальцы сделались липкими от крови.

«Ты хотя бы попила, прежде чем на тебя обрушилась такая тяжесть, дорогая? Не знаю, как ты, а у меня в горле пересохло».

Судя по состоянию ее горла, попить она не успела.

Сначала запястье не болело; она ничего не чувствовала, пока не сменила положение и не попыталась выбраться из-под каталки, но потом боль очень быстро вернулась. Ей показалось, будто кисть отделяется от руки; наручники врезались в кожу до самой кости, как зверь с острыми клыками. Она попробовала закричать, но из ее горла вырвался лишь слабый стон.

Из-за боли в разбитой голове и боли в руке она пребывала в полуобморочном состоянии. И все же она не сдавалась. Эмори внушала себе: пока чувствует боль, она еще жива, а пока жива, она выздоровеет, независимо от того, какая тяжесть на нее сейчас свалилась.

«Конечно, девочка. „Девичья сила“ и все такое. Представь, как охотно центральные телеканалы будут показывать интервью с девочкой без уха и с обручком вместо руки, которая рассказывает всему свету, как она выжила. Ведущему Мэтту Лауеру твой рассказ очень понравится. „Что ты почувствовала, когда кисть отделилась от руки и хлынула кровь? Наверное, приятно было освободиться, но боль была адской?“»

Идет ли у нее кровь?

Здоровой рукой Эмори дотронулась до распухшей кисти — она еще не отвалилась! Наручники врезались очень глубоко. Они ободрали кожу, но не это причиняло самые большие страдания. Ей стало очень страшно, когда она ощупала кость под большим пальцем, которая торчала под странным углом. Хотя кость не торчала наружу, она не могла пошевелить кистью, не испытывая адской боли. Она вскрикнула и обмякла, с трудом втягивая в себя воздух сквозь стиснутые зубы.

Кисть у нее сломана, в этом нет сомнений. Хорошо, что в темноте она ничего не видит.

Что-то подсказывало, что ей необходимо встать, и прежде чем еще кто-то или что-то отговорит ее от такого поступка, Эмори с трудом поднялась на ноги, волоча за собой каталку на сломанном запястье. Стиснув зубы, она напряглась и подняла каталку на колеса. Потом она долго стояла в полной тишине, ожидая боли, которая непременно

должна была последовать, дрожа всем телом и прижимаясь к холодному металлическому бортику.

Боль накрывала волнами. Болело не только запястье, болели ноги и руки. Она сама не знала, долго ли пролежала на полу без сознания, но скорее несколько часов, чем несколько минут. Все тело у нее затекло. Потом кровь начала поступать в конечности, и ей показалось, что ее истыкали иголками и булавками. Следом пришла боль — сильная, пульсирующая, которая не ослабевала.

На сей раз она не закричала. От потрясения даже не поняла, что обмочилась — впервые после пробуждения. Теплая струйка текла по ногам и растекалась лужицей на полу.

Эмори стояла неподвижно. Потом сверху загремел голос Рода Стюарта: припев из «Мэгги Мэй».

Она стояла и гадала, сколько времени пройдет, прежде чем она умрет.

Я промыл раны миссис Картер холодной влажной тряпкой. Выглядели они не так плохо, как я ожидал. Самым глубоким оказался второй укус, но и с ним вполне справились бы заживляющая мазь неоспорин и пластырь. К сожалению, ни того ни другого у меня не было, так что пришлось обойтись влажной тряпкой.

Мне казалось, что миссис Картер вот-вот придет в себя, но прошло двадцать минут, а она еще крепко спала. Я был убежден, что она именно спит. Шок — всего лишь защитный механизм. В минуты опасности организм в виде компенсации словно выключается. А если перед этим в кровь поступила огромная доза адреналина, метаболизм ускоряется в разы, и готово: вот вам рецепт для грандиозной сшибки.

Она поспит, а потом проснется.

Я укрыл ее одеялом, которое взял со стиральной машины; потом поднялся наверх.

Отец спал на диване; на полу рядом с ним валялась пустая бутылка из-под бурбона. Я прокрался мимо, стараясь не скрипнуть половицей, нырнул к себе в комнату и закрыл дверь.

Я еще долго стоял, прижавшись лбом к двери и закрыв глаза. Никогда не чувствовал себя таким усталым.

— Ты сказал ему про фотографию?

Развернувшись, я увидел в углу маму. Лицо ее утопало во мраке, я едва различал очертания ее фигуры.

— Ты сказал ему про фотографию? — повторила она низким хриплым голосом.

— Нет, — ответил я, и собственный голос показался мне гораздо более робким, чем я думал. — Еще нет, — добавил я, пытаясь казаться более грубым, чем был на самом деле.

Она шагнула ко мне, и я увидел, что в руке у нее нож, большой нож для мяса, один из нескольких, которые стояли на кухне на разделочном столе. Мне не разрешали с ними играть.

— Что она сказала твоему отцу? — Лезвие сверкнуло в лунном свете, когда она повернула его в руке. — Он знает?

Я покачал головой:

— Он думает, что ты спала с мистером Картером.

Не помню, когда я узнал переносный смысл слова «спать»; хотя был уверен, что употребил нужное слово, оно показалось мне нелепым.

— Он... приводил убедительные доводы, но она ничего не сказала.

— Что он с ней делал?

Я рассказал, умолчав о том, что крыса до сих пор бежит в подвале. Умеют ли крысы подниматься по лестницам?

— Ты ведь ему не скажешь? Это будет наша маленькая тайна?

На это я ничего не ответил.

Мама подняла нож и шагнула в полосу лунного света от окна. Глаза у нее были красными, распухшими. Неужели она плакала?

— Если ты ему не скажешь, я позволю тебе кое-что сделать с миссис Картер. Сделать то, о чем мальчики могут только мечтать. Ты бы этого хотел?

Я снова промолчал. Я не сводил взгляда с ножа.

— Ты ведь знаешь, что сделает со мной твой отец, если узнает? И что он сделает с миссис Картер? Ты ведь не хочешь, чтобы такое произошло из-за тебя?

— Мама, я не могу врать. — Слова слетели с моих губ, прежде чем я понял, что произнес их, прежде чем осознал свою ошибку.

Мама бросилась на меня и замахнулась ножом; лезвие блеснуло совсем рядом с моим лицом.

— Ты ничего ему не скажешь, иначе я зарежу тебя как свинью, пока ты будешь спать! Понял? А еще я вырежу тебе

глаза ложкой для сахара и запихну в твою маленькую глотку, и ты проглотишь их целиком, как две спелых виноградины!

Острие ножа находилось так близко к кончику моего носа, что начало двоиться.

Мама раньше никогда и пальцем меня не трогала.

Никогда не причиняла мне боли.

Но в тот день я сразу ей поверил.

Поверил каждому ее слову.

Она продолжала; хотя говорила сдавленно, мне казалось, что она кричит:

— Если ты проболтаешься, я скажу, что ты тоже был там. И не один раз. Я расскажу, как ты стоял в углу, вывалив свои причиндалы, словно обезьяна в зоопарке, и пускал слюни на свою милую миссис Картер. Как ты следил за родной матерью через окно спальни в самые интимные моменты. Ты должен стыдиться своего поведения, презренный, жалкий мальчишка!

Я не мог допустить, чтобы она меня запугивала. Ни в коем случае!

— Мама, кто сделал фотографию?

— Что?

— Что слышала. Кто вас снимал? Мистер Картер? Значит, отец прав? Вы и раньше так развлекались? Он поэтому так легко вас выследил?

Рука, державшая нож, задрожала от гнева. Я понимал, что завожу ее. Понимал, что нужно остановиться, замолчать, но не мог.

— Кто-то ведь должен был включить камеру, и готов поспорить, что это был мистер Картер. Мама, ты поэтому его убила? Ты заманила его к нам в дом вовсе не для того, чтобы защитить миссис Картер; ты заметала собственные следы. Отец все равно узнает правду, не важно, от меня или нет; так что лучше готовься. Ты ведь знаешь, он не остановится, пока не узнает все. Одно дело, если что-то было между тобой и миссис Картер, и совсем другое, если мистер Картер тоже принимал участие в ваших забавах!

Она покраснела:

— Не говори зла, сын мой!

— Не совершай зла, мама, — парировал я. — Сегодня мы все нарушили правша.

Она покрутила нож в руке и выронила его. Нож упал на деревянный пол, едва не задев мне ногу. Мама распахнула дверь и выбежала прочь. Она скрылась в своей спальне. Отец неподвижно лежал на диване, ничего не ведая, и громко храпел.

Я поднял с пола большой нож, закрыл свою дверь и подsunул под ручку двери ножку стула. В двери имелся замок, но отец научил меня взламывать его, когда мне было всего пять лет. Я не сомневался, что простой замок не остановит и маму; она ведь проходила те же уроки, что и я. Я закрыл и запер также все окна в комнате. Ночь была душной, но у меня не было другого выхода. Перед моим мысленным взором предстала мама, которая влезает в окно и приближается к моей кровати с ложкой для сахара в одной руке и ножом — в другой. «Доброе утро, приятель. Готов завтракать? — говорит она перед тем, как вонзает ложку мне в глаз и одновременно втыкает нож мне в живот и поворачивает его в ране. — Сегодня у нас все, что ты любишь!» Я представил, как она лучезарно улыбается.

Я помотал головой, снял с кровати одеяло и подушку и распахнул стенной шкаф. Там я и устроился — свернулся на полу, в куче теннисных туфель, футбольных мячей и другого барахла, какое бывает у мальчишки.

Спать мне совсем не хотелось, но я понимал, что должен вздремнуть. Дело еще не окончено, и мне нужно отдохнуть.

Не думаю, что можно спать с открытыми глазами, и все же я попытался; страшные сны одолевали меня, когда я невидящим взглядом смотрел на дверь, ожидая, что чудовище вернется, и крепко сжимая в руке нож для мяса.

Портер — день второй, 8.56

— Если хочешь, спрашивай.

Уотсон ненадолго повернулся к Портеру, потом стал смотреть на дорогу.

— Я подумал, если вам захочется, вы сами расскажете. Вы не обязаны делиться со мной.

Портер переключился на третью передачу и обогнал грузовик парковой службы, который тащился со скоростью двадцать пять километров в час в крайней левой полосе.

— Вот козел!

— Что?

Портер ткнул большим пальцем себе за спину:

— Это я не про тебя, а про него. Никогда не понимал, почему эти типы не ездят в крайнем правом ряду. Нервы у них как канаты; им все равно, что за ними выстраивается длинная пробка; им наплевать, что они всем мешают. Я бы таким даже газонокосилку не доверил.

— Я кое-что слышал, главным образом от Нэша, — нерешительно заговорил Уотсон. — И собирался принести вам свои соболезнования, только случай все не представлялся. Мне очень жаль.

— Чего тебе жаль? Что не успел сказать, или тебе жаль, что моя жена погибла?

Уотсон побледнел:

— Я просто...

Портер ссутулился и покачал головой:

— Нет, погоди, я не так выразился. Я сейчас на взводе. Меня все уговаривают сходить к психотерапевту, я и сам понимаю, что надо бы, что мне нужно выговориться, только... внутри у меня каждая косточка против. Совсем как в детстве, когда родители заставляют что-то сделать, а ты поступаешь наоборот, потому что не хочешь делать то, о чем тебя просят, даже если понимаешь, что это правильно. Во мне тоже сидит упрямец.

Уотсон едва заметно кивнул. Он вертел в руках пакет для вещественных доказательств; в нем что-то громыхало.

— Нэш сказал, что ее застрелили.

Портер кивнул:

— По утрам, до того как ехать на работу, мы всегда пили кофе. В тот вечер у нас закончилось молоко, и она пошла за ним в магазин, чтобы было с чем пить кофе на следующее утро. Я смотрел телевизор в спальне и заснул. Я не слышал, как она ушла; наверное, она не хотела меня будить. Проснувшись, я нашел на ее подушке записку; она написала, что пошла за молоком. Было половина двенадцатого, а поскольку я спал, то не знал, когда она ушла — пять минут или два часа назад; я проспал почти три часа. При нашей работе так бывает — бежишь и бежишь, а когда у тебя наконец появляется возможность передохнуть, тебя накрывает, и ты просто отключаешься. В общем, я встал и вышел в гостиную почитать; решил, что подожду ее. Прошло еще минут двадцать, и я начал беспокоиться. Обычно мы ходим в магазинчик на углу, примерно в квартале от нашего дома. Минут пять туда и столько же обратно, не больше — и еще минут десять в самом магазине. Она давно уже должна была вернуться. Я звонил ей на мобильник, но меня сразу переключали на автоответчик. Еще через десять минут я решил спуститься сам.

Портер помолчал, глядя на дорогу.

— Я еще издали увидел мигалки. Когда повернул за угол на Винздор, увидел мигалки и сразу все понял. Понял, что там моя Хизер. Я побежал. Когда добрался до магазина, он уже был оцеплен. На улице скопилось с полдюжины патрульных машин и еще три без опознавательных знаков. Я поднырнул под ленту и бросился к входу; кто-то из патрульных, наверное, узнал меня, потому что меня несколько раз окликали по имени. Потом кто-то схватил меня за плечо, еще кто-то и еще... Все было скорее как в страшном сне, чем наяву.

— Наверное, вы были в шоке.

— Да, — кивнул Портер. — Наверное.

— Ограбление?

— Да. Какой-то пацан. По словам Тарека, ночного кассира, когда налетчик ворвался в магазин и приставил к его лицу пистолет, Хизер была где-то в дальнем ряду. Я знаю Тарека уже четыре года; хороший парень, ему под тридцать, жена, двое детей. В общем, Тарек сказал, что грабитель наставил на него пушку и велел достать деньги из кассы. Тарека уже грабили раньше; он понимал, что драться бесполезно, так

что начал выкладывать наличность на прилавок; по его словам, в кассе было около трехсот долларов плюс мелочь. Он заметил, что грабитель дрожит всем телом; именно такие хуже всего. Спокойные грабят, как будто совершают сделку; все играют свои роли, и все расходятся довольные. А вот нервные грабители — совсем другая история. Тарек признался, что все время боялся, как бы пистолет не выстрелил случайно — так тряслись у парня руки. Так все и произошло, только застрелил он не Тарека. Он застрелил женщину, которую увидел краем глаза, женщину, которую не заметил, входя в магазин. Испугавшись, он круто развернулся и нажал на спусковой крючок. Пуля вошла под правой грудью, пробила подключичную артерию...

Уотсон опустил голову и посмотрел на свои руки:

— Наверное, она умерла быстро... Ничего нельзя было сделать.

Портер потянул носом и крутанул руль влево. Они повернули на Рузвельт-стрит.

— Стрелок сбежал, не взяв денег. Тарек сразу же позвонил в Службу спасения. Он пытался остановить кровь, но ты прав... поделать ничего было нельзя.

— Мне так жаль.

— А знаешь, в чем настоящая засада? Когда в тот вечер ехал домой, я знал, что молоко у нас почти закончилось; помнил, что еще утром решил на обратном пути заехать за ним. Но, поравнявшись с магазином, разглядел внутри очередь и подумал: зайду попозже. Можешь себе представить? Я потерял ее... потому что из-за своей чертовой лени не захотел несколько минут постоять в очереди!

— Не стоит так думать.

— Сейчас я вообще не знаю, что и думать. Не знаю, что мне делать. Еще день — и я бы просто не выдержал в четырех стенах. Соседи провожают меня сочувственными взглядами. Все обращаются со мной очень ласково. Как с больным. Даже сейчас... — Он неопределенно взмахнул рукой. — Я решил взять с собой тебя, потому что думал, с тобой мне будет легче, чем с Нэшем или Клэр, но никакой разницы нет. Наверное, мне просто хочется поговорить обо всем с человеком, который не... — Он кашлянул. — Который ее не знал. Признаться, я вообще не хочу об этом говорить, а в общем, понятия не имею, что мне делать. Так как я служу в убийном отделе, мне много раз приходилось рассказывать людям о гибели их близких; я огрубел,

очерствел. Двадцать три года подряд сообщать людям, что их близких больше нет! Такого рода задания стали для меня систематическими. Хочешь — верь, хочешь — не верь, но я даже придумал для себя пару вариантов речи на такие случаи... В зависимости от ситуации, так сказать. Мы с Нэшем играли в «орла и решку»: подбрасывали четвертак, и проигравший должен был ехать к родственникам погибшего. Я рассказывал, что случилось, объяснял, что близкий им человек теперь находится в лучшем мире, советовал, как жить дальше, как справиться с потерей. Уверял их, что время лечит. Какой же фигней все это кажется теперь! Когда я потерял... потерял Хизер... Господи, я даже не могу произнести эти слова и не давиться. Наверное, ей бы не хотелось, чтобы я сейчас давился и задыхался; наверное, она бы хотела, чтобы я сосредоточился на хороших воспоминаниях и забыл о последних неделях, не позволяя им омрачать то, что у нас было. Но я не могу. Всякий раз, как я вижу какую-то ее вещь — книгу, которую она читала, да так и не дочитала, зубную щетку, которой она больше не воспользуется, грязное белье, ее почту... я не могу сдержаться. Раз в неделю мы с ней играли в «Скрэббл»; последняя партия до сих пор разложена на доске; не могу себя заставить ее убрать. Все время смотрю на ее фишки и гадаю, какое бы следующее слово она выложила. Я просыпаюсь среди ночи, тянусь на ее половину кровати, но нахожу только холодную простыню.

Он переключился на более низкую передачу, обогнал такси, притормозившее перед тем, как повернуть направо, и сразу же резко выкрутил руль влево, чтобы избежать столкновения с фургоном, отъехавшим от закусочной «Бургер кинг».

— Может, включим мигалку? — предложил Уотсон. — Или, если хотите, я сяду за руль.

Портер вытер глаза рукавом:

— Нет, не надо, я в норме. Все будет хорошо. Наверное, надо было предупредить тебя до того, как ты сел ко мне в машину. Такие вещи надо рассказывать психотерапевту, а не молодому криминалисту. Ты ведь не обязан меня выслушивать!

— Вам нужно с кем-то говорить; разговаривая, мы исцеляемся. Держать все в себе нельзя. Если держать такое в себе, оно будет разрастаться внутри, как раковая опухоль.

Портер хихикнул:

— Ты говоришь прямо как мозгоправ. За последние два дня это самая длинная фраза, какую я от тебя слышал.

— Я специализируюсь в том числе и по психологии, — застенчиво признался Уотсон.

— Серьезно? погоди... ты сказал «в том числе»?

Парень кивнул:

— Скоро получу третий диплом.

Портер проехал перекресток на желтый свет и чудом уклонился от столкновения с «фольксвагеном-жуком», перестроившимся слева.

Когда Портер переключился на третью передачу и повернул направо из крайнего левого ряда, едва не зацепив красный «бьюик», у Уотсона побелели костяшки пальцев.

— Давайте все-таки я поведу. Капитан хотел, чтобы за руль сел я.

— Мы уже почти на месте.

— Не знаю, стоит ли вам вообще туда ехать.

— О том, чтобы не ехать, и речи быть не могло. Если это он, я должен на него взглянуть.

Они повернули на Пятидесятую авеню и затормозили возле участка. Портер припарковался на месте, предназначенном для инвалидов, и поставил на приборную панель табличку «Полиция». Затем он достал из наплечной кобуры «беретту» и спрятал ее под сиденьем. Посмотрел на часы в руках Уотсона.

— Где там магазинчик твоего дяди?

— Он называется «Отец Время. Антиквариат. Коллекции». Недалеко от Белмонт.

— Давай их сюда, — велел Портер. — Вещдоки нельзя оставлять на произвол судьбы.

Уотсон протянул ему пакет с часами, и Портер положил его в карман.

— Вы уверены, что это хорошая идея? — спросил Уотсон.

— По-моему, идея ужасная, но я должен на него взглянуть.

Я проснулся от громкого стука в дверь.

Из-за того что я спал сидя на холодном деревянном полу, шея и спина у меня совсем затекли. Я с трудом встал и принялся растирать онемевшие руки и ноги. В руке я по-прежнему крепко сжимал нож для разделки мяса. Пальцы так крепко стиснули рукоятку, что пришлось разжимать их другой рукой. Ладони пошли полосами — в середине побелели, а кончики пальцев покраснели.

Я положил нож на прикроватную тумбочку. Перед сном я не стал раздеваться; на мне была та же одежда, что и вчера. Солнца не было, и я понятия не имел, который час.

В дверь снова застучали, еще громче.

Потом я понял, что стучат в парадную дверь.

Я вытащил ножку стула, приоткрыл дверь и осторожно выглянул в коридор.

Ни отца, ни пустой бутылки из-под бурбона в гостиной не было. Дверь родительской спальни на другом конце коридора стояла открытая, постель была застелена. Если в ней кто-то и спал, то сейчас там никого не было. В доме царила странная тишина.

— Мама! Папа!

В тишине мой голос прозвучал громко.

Где отец — на работе? Я потерял счет дням. Как будто наступил понедельник, но я не был уверен.

Снова стук.

Я подошел к двери и отодвинул шторку бокового окна. На крыльце стоял крепко сложенный мужчина лет семидесяти в бежевом плаще и мятом костюме. Он увидел меня и поднял левую руку, в которой тускло блеснул жетон.

Я опустил шторку, глубоко вздохнул и открыл дверь.

— Доброе утро, сынок. Твои родители дома?

Я покачал головой:

— Отец на работе, а мама поехала в магазин купить продуктов к обеду.

— Не возражаешь, если я подожду, пока она вернется?

Если учесть, что я понятия не имел, где мои родители на самом деле, соглашаться было бы неблагоприятно. Возможно, мама сейчас в подвале и бог знает что вытворяет с миссис Картер. Как она поведет себя, если поднимется вверх и обнаружит в доме незнакомца? Чужака, да к тому же со значком?

— Не знаю, когда она вернется, — ответил я.

Незнакомец вздохнул и вытер лоб рукавом. Мне показалось странным, что на нем, несмотря на жару, не только костюм, но и плащ. Может, под плащом удобнее прятать пистолет? Я представил себе «Магnum-357» в кобуре у него под мышкой, который легко можно выхватить и начать пальбу, как в старых фильмах из серии «Грязный Гарри». Разве все копы в глубине души не мечтают стать Грязными Гарри?

Коп, который к нам пожаловал, нисколько не напоминал Грязного Гарри: Он был слишком толстым и к тому же лысым; его большую голову покрывали морщины и старческие пигментные пятна. Наверное, в молодости его глаза были голубыми, но теперь походили на сильно разбавленную жидкость для мытья стекол. И подбородков у него оказалось много; кожа висела складками, как у шарпея. А лицо напоминало печеное яблоко, про которое все давно забыли.

— Может, я могу вам помочь? — предложил я, прекрасно понимая, что от моей помощи он откажется. Взрослые редко просят помощи у детей. Многие взрослые детей вообще не замечают; мы сливаемся с фоном — примерно как домашние животные и старики. Когда-то отец говорил, что самое лучшее время в жизни наступает где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью пятью годами. В таком возрасте мир видит тебя в полной мере, таким, какой ты есть. Становясь старше, ты как бы выцветает, постепенно уходя во мрак. А молодые? Молодые начинают с

невидимости и постепенно набирают форму. Годам к семнадцати — девятнадцати мы переходим в видимую часть спектра и присоединяемся к остальному миру. Раз — и ты словно возникаешь из ниоткуда, и тебя начинают замечать и принимать в расчет. Я знал, что такой день настанет и для меня, но его время еще не пришло.

— Может, и можешь, — ответил незнакомец, к моей досаде. Он быстро вытер рукавом струйку пота, которая текла по его уху. Потом кивнул в сторону дома Картеров: — Когда ты в последний раз видел соседей?

Я повернулся к их дому, изо всех сил изображая равнодушие. Что это там — неужели дом? Неужели у нас есть соседи? Подумать только, надо же! А я и не замечал эту хижину — никогда раньше, никогда в жизни.

— Пару дней назад. Они сказали, что уезжают, и я обещал миссис Картер поливать цветы.

Неплохо... вполне правдоподобно. Однако в моей истории имелся изъян. Не успел я договорить, как задумался: есть ли у миссис Картер цветы? Не помню, чтобы я видел цветы, когда был у них дома. Правда, я ведь их не искал. Отец учил меня запоминать все, что находится передо мной, но я не мог вспомнить ни одного горшка с цветком.

— Ты, значит, будущий ботаник?

— Чего?

— Ботаник. Человек, который изучает растения, — ответил незнакомец. Пот снова потек у него по виску, и я старался не смотреть туда. Я вообще старался на него не смотреть.

— Нет, я не изучаю цветы, я их только поливаю. Для этого науки не надо.

— Да, наверное. — Он посмотрел на кухню поверх моей головы.

Неужели мама там? Неужели она все же спускалась в подвал, а теперь поднялась?

— Можно попросить у тебя стакан воды?

Пот стекал с его многочисленных подбородков и капал на рубашку. Мне неожиданно захотелось вытереть с его

виска соленую струйку, но я удержался.

— Хорошо, только вы не заходите, — велел ему я. — Мне не разрешают впускать в дом незнакомых людей.

— Очень благоразумно с твоей стороны. Родители хорошо тебя воспитали.

Я оставил его у двери, а сам пошел на кухню, чтобы налить в стакан воды. На полпути к раковине я вдруг сообразил, что не закрыл дверь. Надо было закрыть ее и запереть на задвижку. Он ведь мог войти в дом, если бы захотел. После такого вопиющего нарушения он мог наверняка спуститься и в подвал, где миссис Картер с нетерпением ждала своего часа, чтобы рассказать обо всем, что случилось в последние несколько дней.

Мне очень хотелось оглянуться, но я сдержался. Оглянись я, и незнакомец наверняка заметил бы в моих глазах тревогу. Отец учил меня скрывать свои истинные чувства, но в ту минуту я не был уверен, что у меня получится. Во всяком случае, вряд ли мне удалось бы провести полицейского, даже такого, с глазами-бусинками и толстым пузом.

Я взял стакан с сушилки, налил из-под крана холодной воды и вернулся к двери, изо всех сил скрывая облегчение: оказывается, незнакомец по-прежнему стоял на крыльце и что-то писал в блокнотике.

— Вот, сэр, пожалуйста. — Я протянул ему стакан.

— У тебя прекрасные манеры, — заметил он, беря стакан. Прижал его ко лбу, медленно покатав по своим морщинам. Потом поднес стакан к губам, отпил маленький глоток, крикнул и вернул стакан мне. — Ах, хорошо!

Ему в самом деле хотелось пить или он воспользовался случаем, чтобы лучше осмотреть наш дом?

— Они не сказали, куда поедут?

Я нахмурился:

— Я же говорю, отец на работе, а мама поехала в магазин.

— Нет, ваши соседи. Ты сказал, они поехали в отпуск. Они не говорили куда?

— Я сказал, что они уехали; не знаю, в отпуск или еще куда. Может быть, и в отпуск.

Незнакомец едва заметно кивнул:

— И верно. Наверное, я просто поспешил с выводами.

Совершенно верно. Я читал много комиксов про Дика Трейси и знал: хороший следователь никогда не спешит с выводами; он собирает улики. Улики ведут к фактам, а факты ведут к истине.

— Видишь ли, нам позвонил начальник мистера Картера. Тот не вышел на работу и не позвонил, к телефону не подходит... На работе беспокоятся за него, поэтому я обещал съездить к нему домой и проверить, все ли у них в порядке. Похоже, что их нет дома. Я быстро заглянул в окна, но не заметил ничего тревожного, более того, ничего необычного.

— Они уехали.

Он кивнул:

— Они уехали. Да, ты говорил. — Он снял плащ и перекинул его через руку. Под мышками у него темнели большие круги от пота. Никакого пистолета я не увидел. — А знаешь, что мне кажется немного странным? Они попросили тебя поливать цветы, но не попросили вынимать почту или брать газеты. Я сразу обратил внимание, что их почтовый ящик переполнен, а на дорожке лежат две газеты. Когда люди уезжают, обычно они заботятся о таких вещах первым делом — просят соседей вынимать почту и брать газеты. Ничто так быстро не подсказывает вора, что дом пустует, как гора корреспонденции.

— Их машины нет, — выпалил я, сам не зная почему. — Они уехали на машине.

Он посмотрел на их пустую дорожку.

— Ну да, точно.

Что-то пошло не так. Совсем не так. Я сунул руку в карман джинсов, где у меня всегда лежал мой складной нож, но в тот раз ножа не оказалось. Я представил, как режу ножом его шею. Я мог бы проткнуть его многочисленные подбородки, кровь хлынула бы из него, как из крана. Я бы не

мешкал. Я умел, если надо, действовать быстро. Но достаточно ли быстро? Конечно, я успел бы зарезать толстяка до того, как он опомнится. Отец наверняка захотел бы, чтобы я убил его. И мама тоже. Они оба этого хотели. Я знал. Но у меня не было ножа!

Незнакомец наклонился ко мне:

— У тебя есть ключ?

— От чего?

— От дома Картеров. Ведь тебе нужно туда заходить, верно? Чтобы поливать цветы...

Внутри у меня все сжалось; я постарался не выдать волнения.

— Да, сэр.

— Впусти меня, пожалуйста. Я быстро — только осмотрюсь и уйду.

Да, наверное. Наверное, на что-то такое и рассчитывал отец. В конце концов, разве не для такого случая мы все там прибрали? Проблема только одна: я сказал ему, что у меня есть ключ, а никакого ключа у меня не было. Отец бы сказал, что я бегу впереди паровоза. Верный способ самому вырыть себе могилу — говорить, не подумав.

— Их друзья беспокоятся за них. А вдруг с ними что-то случилось?

— Они уехали.

— Ну да, ты говорил. — Он кивнул.

— Вы полицейский; вы ведь можете взломать дверь и войти? — спросил его я.

Незнакомец наклонил голову:

— Разве я сказал, что я полицейский?

А он говорил? Подумав, я сообразил: нет, не говорил. Он показал мне...

— Вы похожи на полицейского.

Он потер подбородок:

— Да неужели?

— И вы сказали, что кто-то позвонил вам, потому что мистер Картер не вышел на работу. Куда звонят в таких случаях, если не в полицию?

— Похоже, ты не только будущий ботаник, но и будущий детектив!

— Так почему вы не взламываете дверь?

Он пожал плечами:

— Для того чтобы вламываться в чужой дом, нам, полицейским, нужен веский повод. Мы не можем войти в чужой дом просто так. Конечно, если меня не впустишь ты. Если ты впустишь меня по собственному желанию, все в порядке и ни у кого не будет неприятностей. Я быстро посмотрю, что там и как, и уеду.

— И все?

— И все. — Он подмигнул. Он перестал потеть; теперь его лицо пошло красными пятнами.

Я ненадолго задумался. Предложение логичное. Благоразумное предложение. Но...

Если он полицейский, почему у него нет оружия?

— Пожалуйста, покажите мне еще раз ваш жетон, — попросил я, пытаюсь вспомнить. Штука, которую он показал мне в окно, в самом деле была похожа на полицейский жетон; она была нужного цвета и нужной формы, но откуда мне знать, настоящий у него жетон или нет? Раньше я видел их только по телевизору. Обычно копы носят их в щеголеватых бумажниках вместе с удостоверением личности. Его значок был не в бумажнике. Возможно, он настоящий, но, может быть, игрушечный, вроде тех, что продаются в магазине «Все за пять центов».

Незнакомец наклонил голову; уголки губ у него дернулись. Полез в задний карман, задумался и опустил руку.

— Знаешь что, наверное, я лучше вернусь попозже, когда приедут твои родители, и поговорю с ними. Выясню, куда именно Картеры уехали... в отпуск.

Он неуловимо изменился. Выражение лица стало жестче, глаза немного потемнели. Мне захотелось отойти от него подальше.

— Наверное, так будет лучше всего.

Незнакомец быстро кивнул и направился к своей машине, старому «плимуту-дастеру» изумрудно-зеленого

цвета. Я тут же подумал: «Это не полицейская машина». Классическая модель; одна из лучших, что выпускают в Детройте.

На середине лужайки Картеров он остановился и крикнул, обернувшись через плечо:

— Ты все-таки лучше подбери газеты и вынь почту из ящика. Не хочется, чтобы не те люди увидели, что хозяев нет дома. Еще хуже, они могут понять, что ты дома один. В мире немало скверных людей, мой маленький друг.

Я закрыл дверь и запер ее на задвижку.

Клэр — день второй, 9.23

Сидя за стеной кабинета для допросов, Клэр наблюдала за Толботом в одностороннее зеркало. Толбот все время ерзал на алюминиевом стуле. Он старался придвинуться к столу, но стул был привинчен к полу. Клэр часто гадала, нарочно ли так задумано — ставить стулья чуть дальше от стола, чем было бы удобно, и достаточно далеко, чтобы человеку, запертому в тесном помещении, стало еще больше не по себе. Рядом с Толботом сидел Луис Фишмен, адвокат, которого Нэш и Портер видели в Уитоне. Адвокат был уже не в одежде для гольфа, а в дорогом темно-сером костюме. Клэр подумала: такой костюм наверняка стоит больше, чем ее «хондасивик» — даже в лучшие дни. На Толботе была белая рубашка и брюки цвета хаки; она заметила у него на руке часы «Ролекс», тоже недешевые.

— Здесь должен был быть и Портер, — заметил сидевший с ней рядом Нэш, не сводивший с Толбота взгляда.

— Ага.

Фишмен нагнулся к своему клиенту и что-то прошептал ему на ухо, потом настороженно покосился на одностороннее зеркало.

— Думаешь, он догадывается, почему мы его вызвали? — спросил Нэш.

Клэр пожала плечами:

— Он в дерьме по самые уши... сейчас, наверное, составляет в уме список своих прегрешений. Адвокат исходит слюной при мысли о будущих гонорарах; наверное, он уже присмотрел себе новый летний домик в Хэмптонс.

Эксперт, сидящий за столом в углу крошечной смотровой, кивнул им:

— Запись работает. Начнем, когда скажете.

Нэш кивнул ему в ответ и повернулся к Клэр:

— Как собираешься вести допрос?

— Как обычно; добрый полицейский, злой полицейский, — ответила она, ткнув пальцем сначала в себя, потом в него. Не

дожидаясь ответа, она взяла большую папку и перешла в соседний кабинет.

Толбот и его адвокат посмотрели на нее.

— Джентльмены, благодарю вас за то, что так быстро приехали. — Клэр поставила коробку на стол и только потом села сама. Нэш устроился рядом с ней.

— Вы нашли Эмори? — выпалил Толбот.

— Еще нет, но ее ищут много людей.

Фишмен бросил подозрительный взгляд на коробку и спросил:

— Тогда зачем здесь мистер Толбот?

— Когда вы последний раз видели Гюнтера Херберта?

Толбот склонил голову набок:

— Моего финансового директора? Не помню... несколько дней назад. Последнее время я не ездил в офис. А что?

Нэш бросил на стол конверт из оберточной бумаги и быстро открыл его. Из конверта высыпались глянцевые фотографии.

— А вот мы видели его совсем недавно, и он выглядит не слишком хорошо.

— О господи... — Толбот глянул на фотографии и поспешил отвернуться.

Фишмен наградил Нэша испепеляющим взглядом:

— Какого черта? На снимках в самом деле Гюнтер или у вас такое странное чувство юмора?

— Гюнтер, не сомневайтесь.

— Что с ним случилось? — Толбот повернулся к ним, глядя перед собой, чтобы не смотреть на фотографии.

Клэр пожала плечами:

— Судмедэксперт еще должен установить причину смерти, но в одном мы совершенно уверены: он не покончил с собой. Мистер Толбот, вам известно здание склада бывшей типографии «Малифакс» на набережной?

Фишмен поднял руку, не давая клиенту ответить:

— А что?

Нэш подался вперед:

— Ваш финансовый директор кормил крыс в подвале этого здания.

Толбот побледнел:

— Так он... из-за них?

Фишмен покосился на него и повернулся к Нэшу:

— Компания мистера Толбота купила здание у города. Если мистер Толбот и ездил туда, а я, заметьте, вовсе не утверждаю, что он там был, то просто для того, чтобы определить стоимость строения.

— Это правда, мистер Толбот? — спросила Клэр.

— Я же вам сказал, — буркнул Фишмен.

— Предпочитаю услышать то же самое от вашего клиента.

Толбот повернулся к Фишмену. Адвокат подумал и кивнул.

— Мы с Гюнтером приезжали туда в прошлом месяце. Как сказал Луис, мы собирались купить то здание и несколько соседних. Город предназначил их под снос. Мы хотели определить, можно ли еще спасти здание, отремонтировать и превратить его в жилой дом, или лучше позволить городским властям снести его и купить участок, — объяснил Толбот.

— Как по-вашему, по какой причине ваш финансовый директор мог вернуться туда один?

— Это сделал Обезьяний убийца?

— Мистер Толбот, вы не ответили на мой вопрос!

— Если он и вернулся, я его об этом не просил, — сказал Толбот. — Если он поехал туда, то по собственному желанию.

— Это сделал Обезьяний убийца? — повторил Фишмен вопрос своего клиента.

Клэр пожала плечами:

— Может быть... а может, и нет.

— И как нам понимать ваши слова?

— У вашего клиента могут быть свои причины для устранения финансового директора... как, кстати, и дочери, — ответил Нэш.

— Это абсурд! — возмутился Толбот. — Зачем мне...

Клэр не дала ему закончить:

— Мистер Толбот, зачем вы все время прятали Эмори?

— Артур, не отвечай! — Фишмен быстро поднял руку.

Нэш заметил, что адвокат уже не обращается к нему фамильярно, как в гольф-клубе, «Арти».

— Я ее не прятал, — ответил Толбот, бросая на адвоката злобный взгляд. — Несмотря на юный возраст, Эмори тяжело переживала смерть матери. Я решил: лучше всего, если ее не станут отождествлять

со мной. Мое имя постоянно мелькает в прессе; репортеры поместили бы ее фото на первых полосах всех таблоидов. «Незаконнорожденная дочь миллиардера» — и так далее. Они бы преследовали ее повсюду, донимали. Зачем подвергать ее такому испытанию? Я хотел дать ей возможность нормальной жизни. Получить хорошее образование, выйти замуж, добиться чего-то в жизни самой, так сказать, выйти из моей тени. — Он посмотрел Клэр прямо в глаза. — Но главное, если бы она захотела предать себя огласке, я бы тут же ее поддержал. И к черту последствия для меня. Детектив, у вас есть дети?

— Нет.

— Тогда вряд ли вы меня поймете. Когда у вас появляются дети, жизнь перестает вращаться вокруг вас и всецело перемещается на них. Ради детей можно пойти на все что угодно. Однажды я говорил об этом с мисс Барроуз, и она задала мне простой вопрос: «Если бы Эмори стояла посреди улицы и ее вот-вот сбила бы машина, вы бы пожертвовали своей жизнью, чтобы спасти ее?» Я не колеблясь ответил «да». Когда она задала мне такой же вопрос относительно моей жены, я ненадолго задумался. Я часто вспоминаю свою реакцию. Она весьма красноречива. Никого нельзя любить больше собственного ребенка, в том числе себя самого. И чтобы защитить ребенка, вы сделаете все, все что угодно.

— Как вы думаете, зачем кому-то понадобилось ее похищать? — спросила Клэр.

Фишмен прищурился:

— Лучше спросить: зачем Обезьяньему убийце ее похищать.

— Ну, пусть так. — Клэр пожала плечами. — Зачем Обезьяньему убийце похищать вашу незаконнорожденную дочь?

Толбот покраснел, но ответил ровным тоном:

— Вы же детектив, вот вы и скажите.

Клэр положила руку на белую коробку:

— Мы много лет охотимся на Обезьяньего убийцу и точно знаем о нем следующее: он ничего не делает просто так, не имея четкого плана. Он выбрал своей мишенью вас, потому что считает, что вы сделали что-то плохое, что-то требующее наказания. Но предпочел не ранить вас напрямую, а похитить вашу дочь. И вот что странно: он похитил не вашу законную наследницу, а вторую дочь, о которой никто ничего не слышал, совершенно изолированную от империи Толбота.

Вторая ваша дочь, Карнеги, чуть ли не каждый день мелькает на страницах светской хроники. Все знают, что она — избалованная соплячка, которая...

Фишмен нахмурился:

— Детектив, выбирайте выражения!

— Избалованная соплячка, которая целыми днями шатается по городу и сорит папиными денежками. Казалось бы, похитить ее, и внимание СМИ тебе гарантировано. Он бы привлек к делу столько внимания, что о похищении упоминали бы даже на Филиппинах. Ведь обычно он именно к такому вниманию стремится, верно? Вспомните предыдущие дела; он искал большой огласки, шумихи, скандала. Однако сейчас он рвет шаблон и похищает дочь, о которой никто ничего не знает. Девочку, которую вы заперли в башне из слоновой кости и скрыли от всего мира. Как вы думаете, в чем тут дело?

Перед тем как ответить, Толбот покосился на адвоката:

— Может быть, он думает, когда пресса узнает, кто такая Эмори, сенсация будет громче, чем если бы он похитил Карнеги.

Клэр склонила голову набок и задумалась.

— Да, наверное, и я бы сразу об этом подумала. И все-таки Обезьяний убийца, по-моему, действовал хитрее. Мне кажется, у него есть вполне конкретная причина, почему он предпочел Эмори Карнеги; причина, которая, возможно, объясняет, почему он вообще выбрал своей целью именно вас. — Она постучала по крышке коробки. — Мистер Толбот, пожалуйста, объясните, что происходит с «Причалом»!

Толбот заерзал на стуле, переглянулся с Фишменом и посмотрел на коробку.

— С «Причалом»? — переспросил он надтреснутым голосом.

— Артур, ни слова! Ни единого слова! — предупредил Фишмен. — Детектив, мы приехали, чтобы помочь вам найти Эмори. Мистер Толбот приехал добровольно. Если все превращается в своего рода охоту на ведьм, я немедленно прекращаю нашу встречу.

Губы Клэр изогнулись в лукавой улыбке.

— Мистер Фишмен, мне кажется, что дело связано с Эмори гораздо сильнее, чем уверял вас ваш клиент. Да вы сами на него взгляните! Видите, как он занервничал? — Она встала, зашла им за спины и встала лицом к зеркалу. Нагнулась и прошептала на ухо

Фишмену: — Сейчас он старается придумать, как убедить вас, что у него еще будут средства на гонорар вашей фирме после того, как вы увидите последние выписки с его банковского счета!

Нэш подошел к столу, не сводя взгляда с коробки. И Фишмен, и Толбот следили за ним взглядами.

— Вашему дружку Арти сейчас не по карману даже батончик «сникерс». Верно, Арти?

— Он распылает активы между различными проектами, словно играет в наперсток. Деньги у него кончились, необходимо занимать, а инвесторы начинают волноваться. Возможно, у него уже сейчас в багажнике лежит упакованная дорожная сумка, и он в любой момент готов дать деру. Кроме того, возникла небольшая проблема со второй очередью «Причала». — Клэр покосилась на Фишмена. — Кажется, там и вы выступаете соинвестором?

Фишмен нахмурился:

— Какое это имеет отношение к делу?

— Поскольку вы инвестор, не забеспокойтесь ли вы, узнав, что на самом деле земля, на которой мистер Толбот собирается вести строительство, ему не принадлежит? — спросила Клэр.

— Что?!

— Я хочу одного: найдите мою дочь, — пробормотал Толбот.

— Да уж, Арти, это точно, — сказал Нэш.

— Толбот, о чем они говорят?

— Карнеги не владеет никакой недвижимостью, верно, мистер Толбот? В отличие от Эмори, — подала голос Клэр. — Пожалуйста, объясните вашему другу, почему Обезьяний убийца предпочел ее Карнеги!

Фишмен посмотрел на Толбота в упор:

— Артур!

Толбот отмахнулся от него:

— Матери Эмори с давних пор принадлежала земля на набережной от Белшира до Монтгомери. Перед смертью она все завещала Эмори. — Он повернулся к Клэр: — Речь всего лишь о формальности; Эмори согласилась продать землю мне. Она полностью поддерживает этот проект.

Фишмен побагровел:

— Толбот, она несовершеннолетняя! Она не может ничего тебе продать еще... сколько? Три года? А строительство должно быть завершено через пятнадцать месяцев!

Толбот покачал головой:

— Все можно уладить. Я поддерживаю постоянную связь с ее трастовым фондом. Все необходимые документы подготовлены несколько месяцев назад. Как ее законный опекун я имею право в любое время подписать документы от ее имени.

Нэш достал из кармана документ, который скопировал для него Хозман, и протянул Толботу, указав на выделенный параграф:

— Ваш финансовый директор умер; на договоре передачи залогового права стоит его подпись как свидетеля. Единственный человек в вашей организации, который мог бы пролить свет на существующую проблему, устранен. Весьма кстати, вам не кажется? Если Эмори умрет, вы, как ее отец, получаете полный контроль над ее активами. Отпадает необходимость в трастовом фонде. Вы забираете землю и продолжаете застройку «Причала» глазом не моргнув. Невольно задаюсь вопросом, имеет ли Обезьяний убийца какое-либо отношение к происходящему. Пока дело выглядит так, что самую большую выгоду от смерти Эмори получаете вы.

— У вас есть мотив, мистер Толбот, — подхватила Клэр. — И в средствах тоже недостатка нет.

Толбот качал головой:

— Нет, нет, вы все не так поняли! Все не так!

— А по-моему, именно так.

— Нет! Я хочу сказать, что в случае ее... — Толбот глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. — Если Эмори умрет, земля по условиям завещания переходит в собственность города.

— Что?! — Клэр прищурилась.

Толбот закатил глаза:

— Так решила ее мать. При создании трастового фонда она особенно настаивала на этом пункте. Если что-то случится с Эмори, если она умрет раньше восемнадцати лет, вся принадлежащая ей недвижимость переходит к городу, а оставшиеся активы распределяются между несколькими благотворительными организациями. Я могу приобрести землю единственным путем: с согласия самой Эмори. — Он улыбнулся. — Видите, детектив, если уж

кто-то и заинтересован в том, чтобы моя дочь вернулась живой и невредимой, то это я.

Клэр повернулась к адвокату:

— Мистер Фишмен, это правда?

Фишмен поднял руки вверх и покачал головой:

— Моя фирма не занимается трастовым фондом. Так что я ничего не знаю. — Он повернулся к Толботу: — Нам придется посмотреть копию договора.

Толбот кивнул:

— Попрошу секретаршу тебе переслать. — Покосившись на детективов, он продолжал: — Если у вас все, мне пора возвращаться в офис. Ну а в случае, если вы намерены предъявить мне обвинения... Тогда, наверное, придется внести залог.

— Толбот, у вас ничего нет, — возразил Нэш. — Как вы собираетесь вносить залог?

Толбот промолчал; он лишь плотно поджал губы.

Клэр вздохнула, развернулась и вышла в соседнее помещение, оставив Нэша с Толботом и Фишменом. Техник, который занимался записью, поднял оба больших пальца:

— Все прошло отлично!

— Отцепись, — огрызнулась она. Перед тем как вернуться в кабинет для допросов, взяла еще одну фотографию со стола. Войдя, она бросила фотографию на стол перед Толботом: — Вы их узнаете?

— Я должен их узнать? — нахмурился Толбот. — Похоже, это туфли фирмы «Джон Лоббс», черная кожа.

— Ваши?

— Не знаю. У меня много обуви. Если хотите приобрести такие, могу порекомендовать хороший магазин в центре города.

— Умник, — буркнул Нэш. — Вчера, когда Обезьяний убийца прыгнул под автобус, на нем были эти туфли. Но на них оказались ваши отпечатки. Как вы это объясните?

Фишмен снова поднял руку и, наклонившись к Толботу, что-то прошептал ему на ухо.

— Никак, — ответил Толбот. — Возможно, их выкрали у меня из квартиры... одной из квартир. У меня несколько дюжин пар таких туфель; фирма «Джон Лоббс» производит очень удобную обувь.

Он снисходительно усмехнулся; Клэр захотелось его ударить.

— Какой у вас размер обуви?

Толбот покосился на адвоката — тот кивнул — и повернулся к Клэр:

— Сорок четвертый... с половиной.

— Такой же, как у этой пары.

Толбот отложил фотографию в сторону.

— Детективы, цепляясь ко мне с подобными вопросами, вы только напрасно тратите время. Хотите — верьте, хотите — нет, но я люблю свою дочь и ни за что не стал бы причинять ей вред. Если вы предпочитаете считать меня бессердечным ублюдком, подумайте хотя бы о том, что она нужна мне живой, чтобы успешно завершить строительство «Причала». Так или иначе, пока вы здесь со мной, вы не ищите ее, что совершенно недопустимо.

Фишмен сжал Толботу плечо:

— Хватит, Арти!

Снова «Арти»...

— Детектив Норстром, по-моему, вы напрасно потратили время моего клиента, — сказал Фишмен.

— Моя фамилия Нортон.

— Ах, простите! — Фишмен саркастически ухмыльнулся. — Вы предъявляете какие-то обвинения? Если нет, мы уходим.

Клэр досадливо вздохнула и жестом позвала Нэша за собой в соседнюю комнату. Выйдя за ней, он закрыл за собой дверь.

— Ни слова! — рявкнула она технику в углу. Тот поднял руки вверх и улыбнулся.

— Нельзя сказать, что мы провалились, — заметил Нэш. — По крайней мере, ему пришлось сочинять сказочку про туфли.

Клэр ткнула его кулаком в грудь.

— Клэр! — простонал Нэш. — Я на твоей стороне, ты не забыла?

— Напрасно потратили время, мать его! — рявкнула Клэр. — Он в дерьме по самые уши... иначе и быть не может.

Нэш покачал головой:

— Слишком ты все воспринимаешь близко к сердцу. Попробуй немного отстраниться. По-моему, Обезьяний убийца решил с нами поиграть. Его мишень — Толбот; это не обязательно означает, что он должен стать и нашей мишенью. Если подтвердится то, что Толбот рассказал о трастовом фонде, по-моему, его можно считать вне

подозрений. Думаешь, он сам убил своего финансового директора? Да еще таким способом? Я так не думаю. Коробки были такими же, которые Обезьяний убийца использовал с самого начала. Откуда человек вроде Толбота знает, какие именно нужны коробки? Если он хотел убить своего финансового директора, чтобы прикрыть какие-то темные делишки, он бы скорее нанял кого-то, кто выполнил бы для него всю грязную работу или представил бы дело как несчастный случай; Гюнтер мог, например, утонуть или разбиться на машине — а может, даже умереть от сердечного приступа. Готов поспорить, что Хозман докажет причастность покойника к финансовым преступлениям — достаточно веский повод для того, чтобы на него обратил внимание Обезьяний убийца. Как нам с тобой известно, он убивал и за меньшее.

Клэр понимала, что Нэш прав, но ни в коем случае не собиралась с ним соглашаться.

— Будем по-прежнему допрашивать Толбота по поводу финансовых преступлений, только не насчет этого. Нам нельзя сбиваться с пути. Главное — сосредоточиться на поисках Эмори.

— Мы сейчас не ближе к цели, чем были двенадцать часов назад. Девочка умрет от обезвоживания, прежде чем мы ее найдем, — тихо сказала Клэр. — Время у нас на исходе.

Нэш кивком показал на белую коробку, стоящую на столе в кабинете для допросов:

— А с этим что?

Клэр пожала плечами:

— Она пустая. Я решила: пусть он немного поволнуется.

Нэш закатил глаза:

— Пусть федералы берут его за финансовые преступления. А нам нужно возвращаться к нашим делам.

У Клэр в кармане завибрировал телефон. Посмотрев на экран, она быстро нажала клавишу громкой связи и пояснила:

— Это Белкин!

— Детектив! Я сейчас в медицинском центре Чикагского университета. Здешняя медсестра опознала Обезьяньего убийцу по фото реконструкции.

— Она уверена? — спросила Клэр.

— Убеждена. Сказала, что он всегда носит мягкую фетровую шляпу; упомянула, что во время лечения он периодически достает из кармана старомодные часы... Это он, он! Его зовут Джейкоб Кеттнер. У меня есть и адрес; сейчас я его вам перешлю.

— Перешлите Эспинозе в отряд спецназа; передайте, пусть ждут нас на месте. Мы уже выезжаем. — Клэр нажала отбой и улыбнулась Нэшу: — Я бы поцеловала тебя прямо сейчас, если бы ты не был таким уродливым сукиным сыном!

— Передайте, пожалуйста, картошку, — попросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Мама вернулась домой часа два назад и сразу же начала готовить ужин. Отец вошел и сел за стол, даже не поздоровавшись с ней. Меня он погладил по голове и с улыбкой спросил: «Как дела у моего сынишки?» — но я чувствовал, что его веселье наигранное.

Атмосфера была напряженной, и напряжение продолжало сгущаться.

Картошку мне так и не передали; пришлось тянуться через весь стол. Я взял миску и положил себе большую порцию. Ни мама, ни отец ничего не сказали, когда я совсем не взял овощей, оставил брокколи для взрослых, зато взял добавку мясного рулета.

Мама внимательно смотрела на меня, но молчала.

Звон посуды казался таким громким, что я не сомневался: его наверняка услышали бы соседи, если бы один не умер, а вторая не была прикована к трубе в нашем подвале.

Я потянулся за молоком, не отрываясь, выпил целый стакан и вытер подбородок тыльной стороной ладони.

— Сегодня приходил какой-то тип. Он спрашивал, где Картеры. Сначала я принял его за копа, но теперь уже не так в этом уверен.

Отец оторвался от еды и покосился на маму. После того как их взгляды встретились, отец повернулся ко мне. Он ел брокколи; кусок застрял между его передними зубами.

— Не следует говорить «коп». Лучше называть его «полицейский». Слово «коп» невежливое.

— Да, папа.

— Он сказал, что служит в полиции?

Я успел как следует все обдумать. Сначала мне действительно казалось, что незнакомец представился стражем порядка, но когда я воспроизвел в памяти наш разговор, понял, что он ничего подобного не говорил. Я сам решил, что он ко... полицейский.

— У него был жетон, но... нет, он так не сказал. Зато вел себя как полицейский. Во всяком случае, вначале, а потом уже не очень похоже.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я постарался передать наш разговор как можно подробнее.

— «Плимут-дастер»? — переспросила мама, когда я замолчал. — Ты уверен?

— Да. У отца моего друга Бо Ридли такая же машина, только желтая. Я ее где угодно узнаю.

Отец повернулся к ней:

— Марка машины что-то для тебя значит? Ты его знаешь?

Долю секунды мама колебалась, а потом покачала головой:

— Нет.

Она встала и начала мыть посуду.

Мы с отцом переглянулись; он тоже это заметил.

Она не сказала правды.

Портер — день второй, 9.23

Портер и Уотсон шли следом за дежурным по коридорам пятьдесят первого участка. Они остановились перед дверью на втором этаже.

— Следователя зовут Роналд Баумгарт; он ждет вас. — На миг дежурный опустил взгляд на свои ботинки, потом перевел его на Портера. — Примите мои самые искренние соболезнования.

Портер кивнул и вошел в кабинет.

Баумгарт оказался приземистым крепышом лет сорока пяти с седеющими волосами и эспаньолкой. Он сидел на краю стола и читал материалы дела.

— Детектив, спасибо, что позволили мне приехать, — сказал Портер.

Баумгарт пожал ему руку.

— Не представляю, что вам пришлось пережить; это меньшее, что мы можем сделать. — Он посмотрел на Уотсона: — А вы...

— Пол Уотсон, сотрудник экспертно-криминалистической лаборатории. Я помогаю детективу Портеру в другом деле.

— Обезьяний убийца? — Баумгарт присвистнул. — Вот ведь гад! Столько лет вы за ним гоняетесь, а он прыгает под автобус! Сэкономил налогоплательщикам кучу денег. Надеюсь, водитель сдал назад и как следует прокатился по этому куску дерьма, размазал его по асфальту.

— Его размазало как следует, но уже после смерти, — ответил Уотсон. — Водитель при всем желании больше ничего не смог бы сделать.

— Ну да... — Баумгарт бросил на Уотсона озадаченный взгляд.

Портер кивнул на папку, которую до их прихода читал следователь:

— Итак, что у нас тут?

Баумгарт жестом пригласил их сесть и разложил папку на столе.

— Его зовут Харнелл Кэмпбелл. Вчера в четверть одиннадцатого вечера он ворвался в магазин «Севен-илевен» примерно в квартале отсюда, приставил пушку к лицу кассира и потребовал, чтобы тот

выложил на прилавок содержимое кассы и сейфа. И все бы ничего, только вот место для визита он выбрал крайне неудачное. В том магазинчике до и после смены отоваривается половина наших; в нашем участке он считается практически «домашним» магазином, он рядом со служебной стоянкой. У холодильника с пивом как раз стоял один наш сотрудник, который возвращался домой после смены; он достал банку «Курс лайт» из упаковки, которую собирался купить, как следует встряхнул и метнул к двери. Незадачливый грабитель развернулся, чтобы посмотреть, что там за шум. Этого хватило, чтобы наш сотрудник оказался за его спиной и приставил табельное оружие к затылку. Раньше мне не приходилось слышать о задержании с помощью банки пива.

— Не знаю, можно ли считать пивом «Курс лайт», — заметил Портер.

— Ну да, моя жена называет его «разминочным», — кивнул Баумгарт. — Но как тактическое оружие оно оказалось в самый раз. В общем, провели баллистическую экспертизу, и оказалось, что пушка идентична...

— Той, из которой убили мою жену, — закончил за него Портер.

Баумгарт кивнул:

— Я учился в академии с вашим начальником, так что сразу же позвонил Долтону и рассказал обо всем.

— Я очень благодарен вам за то, что позволили приехать и присутствовать при опознании; спасибо.

Зазвонил настенный телефон. Баумгарт надел гарнитуру.

— Баумгарт... Хорошо, ведите его сюда.

Через миг дверь открылась, и ввели Тарека. Он побледнел, увидев Портера. Потом вскинул руку:

— Прости меня, Сэмми! Если бы я подумал, что парень в самом деле выстрелит, я бы... ну не знаю... повел себя по-другому. Они ведь не стреляют; обычно стараются побыстрее убраться. Господи, я... прости!

Похоже, рядом с ним все чувствуют себя виноватыми.

Портер пожал Тареку руку и хлопнул его по спине:

— Тарек, я ни в чем тебя не виню, наоборот. Мне сказали, что ты пытался ей помочь. Спасибо, что был рядом. Я нахожу утешение в

том, что последним она видела лицо друга. Она умерла не в одиночестве.

Тарек кивнул и вытер глаза рукавом.

Баумгарт подошел к Тареку и представился, затем объяснил, что сейчас произойдет:

— Мы выведем шестерых парней, они выстроятся в ряд вон там, и у каждого в руках будет номер. — Он покосился на лежащие на столе документы. — По вашим показаниям, парень, который вас грабил, сказал: «Наличку в сумку, живо!» Я попрошу каждого из них выйти вперед и произнести одну и ту же фразу. Пожалуйста, рассмотрите всех очень внимательно. Помните, что там может вовсе не оказаться того, кто вас грабил, так что не думайте, что вы обязаны кого-то выбрать. Если у вас возникнут сомнения, если покажется, что среди них нет грабителя, ничего страшного, так мне и скажите. Вам понятно?

Тарек кивнул.

— Они нас не видят, так что и об этом не волнуйтесь. Вообще ни о чем не волнуйтесь, главное, ищите грабителя, — наставлял Баумгарт.

— Ясно, — сказал Тарек.

Баумгарт нажал кнопку внутренней связи:

— Ведите!

Портер отошел к дальней стене. Ладони у него стали холодными и липкими; пришлось вытирать их о брюки. Он чувствовал, как пульс бьется на шее, кровь прилила к голове. Уотсон стоял рядом с ним и смотрел на соседнюю комнату. Вот открылась дверь, и двое полицейских ввели шестерых парней.

— Номер четыре, — сразу же сказал Тарек. — Это он. Я уверен.

Портер сделал шаг вперед, чтобы лучше видеть.

Судя по меткам на стене, ростом он был чуть ниже метра девяноста. Белый, совсем молодой, лет двадцати с небольшим, с бритой головой и многочисленными пирсингами в ушах. Правую его руку почти сплошь покрывали татуировки: на плече — дракон, ближе к кисти — мультяшная птичка Твити. Левая рука, как ни странно, осталась чистой. Парень смотрел прямо перед собой, выпятив подбородок.

У Портера застучало в затылке.

Баумгарт снова принялся листать дело.

— В ваших показаниях ничего не говорится о татуировках.

— На нем была куртка; я не видел его рук, — ответил Тарек. — На правом ухе у него тоже есть татуировка, ее я заметил и сказал о ней.

— По вашим словам, его так трясло, что он едва мог держать пистолет ровно. Сейчас он совсем не выглядит взволнованным, — заметил Баумгарт. — Наоборот, кажется совершенно спокойным, хладнокровным.

— Это он. Проверьте ухо!

Баумгарт снова нажал кнопку внутренней связи:

— Номер четыре, шаг вперед и повернитесь налево.

Портер готов был поклясться, что перед тем, как выполнить приказ, парень ухмыльнулся. Похоже, все происходящее доставляло ему удовольствие. Он тоже заметил темные буквы на мочке уха:

— Вон там, я вижу!

— Где? Я вижу только целую тонну гвоздей, — ответил Баумгарт.

— Нет, с внутренней стороны. Под пирсингом, черной тушью.

Баумгарт подошел ближе к перегородке и прищурился:

— Надо же, и как вы разглядели? Я с трудом могу разобрать. — Он взял со стола книгу регистрации арестованных. — Вот здесь написано, что на ухе у него выбито слово «Фильтр».

— Вот! Я же говорил, что это он, — торжествующе заметил Тарек.

Баумгарт тяжело вздохнул.

— Спасибо! — сказал Портер, кладя руку Тареку на плечо.

Тарек посмотрел ему в глаза:

— Жаль, что я больше ничего не могу сделать. Мне кажется, что все произошло по моей вине. Я должен был ее предупредить или... выбить у него пушку, что ли. Хоть что-нибудь сделать!

— Ты ни в чем не виноват.

«Не больше, чем я».

Баумгарт подозвал одного из сотрудников:

— Ведите четвертого в кабинет для допросов; нам с ним предстоит долгий разговор. — Он повернулся к Тареку: — Постараемся освободить вас как можно быстрее. Вам нужно будет подписать протокол.

Портер ткнул Уотсона в бок:

— Поехали к твоему дяде, покажем ему часы.

— Вы не хотите присутствовать при допросе? — удивился Уотсон.

Портер покачал головой:

— У меня сейчас кровь кипит. Я не могу здесь оставаться. Раньше мне казалось, что я должен на него посмотреть, но теперь... Я лучше пойду.

Баумгарт, стоявший в нескольких шагах от них, стал собирать бумаги со стола.

— Если хотите, я вам позвоню, буду держать в курсе...

— Был бы вам очень признателен.

— Сейчас он изображает крутого, но наверняка расколется. И даже если нет, у нас есть результаты баллистической экспертизы и показания Тарека. На моей памяти, присяжные выносили обвинительный приговор на основании не таких веских улик.

Портер пожал ему руку:

— Спасибо еще раз.

Уотсон смотрел на него исподлобья.

— Что?

— Ничего... просто вы побледнели.

— Со мной все будет нормально; мне просто нужно подышать воздухом, — ответил Портер. — Пошли!

Толкнув дверь, он вышел в оживленный коридор и врезался в здоровяка детектива, который нес поднос с четырьмя стаканами кофе из «Старбакса». Горячая жидкость пролилась на них обоих и на пол. Уотсон поспешил убраться с дороги.

— Какого хрена! — проворчал детектив. — Смотреть надо, куда идете!

— Извините, я...

— Плевать мне на ваши извинения! Что мне теперь, в ожоговый центр, что ли? — Он остервенело тер единственной салфеткой бурое пятно на рубашке.

Портеру тоже досталось: кофе попал ему и на рубашку, и на брюки. Часть горячей жидкости очутилась в его ботинке, носок совсем промок. Он полез в нагрудный карман и достал оттуда отсыревшую визитку:

— Я из убойного отдела. Пришлите мне счет за химчистку, и я его оплачу.

— Это точно, оплатите, — рявкнул детектив, выхватывая у него карточку. — Вам еще повезло, что я не заставил вас бежать к банкомату и в «Старбакс», покупать новый кофе! — Он затопал по коридору, бурча себе под нос что-то о паршивом кофе в местном кафетерии.

— Пошли, — сказал Портер Уотсону. — Мой дом по пути к магазину твоего дяди. Заскочим, и я переоденусь.

— Зеленый «плимут»? Ты уверен?

Почему все только и спрашивали меня одно и то же? Я кивнул миссис Картер и дал ей еще воды.

Она была бледна, и губы у нее так дрожали, что ей не сразу удалось отпить. Должно быть, ее лихорадило. Я дотронулся до ее щеки; она показалась мне горячей и липкой. Я набросил ей на живот чистое полотенце, которое взял в бельевом шкафу наверху. От него пахло стиральным порошком и свежестью; я подумал, пусть хоть от чего-то здесь пахнет приятно и, может быть, хоть чуть-чуть забьет запах плесени.

— Да, зеленый «плимут». Вы его знаете?

Миссис Картер снова отпила большой глоток воды. Впалые щеки чуть-чуть порозовели; я обрадовался. Хорошо, очень хорошо.

— Передай матери, пусть спустится.

— Мама нет дома, она поехала в город за продуктами. — На сей раз я говорил правду. Перед отъездом она оставила записку на холодильнике, подписалась «Мама» и нарисовала в нижнем углу улыбающуюся рожицу, хотя на самом деле рожица показалась мне не слишком веселой — один глаз был круглым, а вместо второго был крестик. Увидев это, я сразу вспомнил, что она говорила ночью: «Я вырежу тебе глаза ложкой для сахара». Я знал, что она не шутит.

— Надолго она уехала?

— Кто такой человек в зеленом «плимуте»?

Миссис Картер улыбнулась и скосила глаза на тарелку. Я принес ей грейпфрут, мамин любимый. Наш последний грейпфрут.

— Это мне?

— Кто человек в зеленом «плимуте»? — повторил я, отодвигая тарелку подальше.

Она наклонила голову и вздохнула:

— Скоро ты все узнаешь.

— Он коп... то есть полицейский?

— Это он тебе так сказал? — усмехнулась миссис Картер.

Мне не нравилось, как она себя вела. Предполагалось, что она голодна. Один вид такого вкусного угощения должен был лишить ее всякой силы воли; сейчас она должна была не смеяться, а серьезно и подробно отвечать на мои вопросы. Сейчас никому не до смеха.

— Кто он? — снова спросил я, добавив резкости, чтобы показать ей, что я настроен серьезно. — Мама его знает?

Миссис Картер промолчала.

Я сдернул полотенце с ее живота, взял кусок грейпфрута и принялся втирать в раны. Миссис Картер задергалась; тарелка упала на пол и разбилась. Тогда я заметил крысу — ее крошечные красные глазки блестели из-за стиральной машины, носик дергался туда-сюда. Миссис Картер тоже ее заметила.

— Ей, наверное, понравится грейпфрут, — тихо сказал я.

— Сейчас же вытри меня!

Я невольно улыбнулся.

— Кто такой человек в зеленом «плимуте»? — закричал я изо всех сил, брызжа слюной. Капельки попали ей на лицо, но мне было все равно. Совершенно все равно.

— Спроси свою мать! — крикнула она в ответ, не сводя взгляда с крысы.

Я встал и направился к лестнице.

— Оставляю вас вдвоем. Наслаждайтесь завтраком! Может быть, я зайду к вам через час-другой... Если передумаете, можете позвать меня, только не знаю, услышу я или нет. Подвал у нас замечательно изолирован. Стены поглощают крики.

Поднявшись по лестнице, я выключил свет, и подвал погрузился во мрак. В конце концов, крысы неплохо ориентируются в темноте. И потом, я подозревал: миссис Картер вряд ли захочется видеть, что будет дальше, — некоторые вещи лучше оставлять в темноте.

Клэр — день второй, 10.59

— Надо позвонить Портеру, — сказал Нэш.

Они приехали к дому Кетнера — непримечательному приземистому одноэтажному кирпичному зданию с пятью подъездами. Там их уже ждала группа Эспинозы; спецназовцы готовились вломиться в квартиру. Клэр и Нэш надели бронежилеты и следом за спецназовцами взбежали на крыльцо. Квартира Кетнера была последней справа.

Клэр проверила, заряжен ли ее «глок», и прижалась спиной к стене.

— По-моему, сейчас не стоит его беспокоить.

— Он наверняка захочет узнать, что происходит.

— Не стоит все время давить на него...

— Заходим через пять секунд! — рявкнул в наушниках голос Эспинозы.

— Пошли!

Нэш заглянул в коридор и увидел, как Броган и Томас вламываются в квартиру Кетнера с помощью тарана. Дверь распахнулась, жалобно заскрипев, и ударилась о внутреннюю стену; во все стороны полетели щепки.

— Пошли! Пошли! Пошли! — крикнул Эпиноза, прежде чем броситься в пролом.

— Пойдем, — сказал ей Нэш и побежал по коридору, направив ствол «беретты» в пол. Когда он добежал до двери, у него в наушниках поверх помех послышались голоса:

— Броган, все чисто.

— Томас, чисто.

— Тибидо, в спальне чисто.

— Эспиноза, все чисто... вроде.

Нэш вошел в квартиру; Клэр шла за ним по пятам.

— Ах ты, проклятие!

Квартира оказалась не слишком просторной. В середине прошлого века предпочитали стандартную планировку. Из прихожей

вошедшие сразу попадали в жилую зону, справа от которой находилась кухня. Небольшой коридорчик, изгибавшийся возле ванной, вел, скорее всего, в спальню. Клэр не поняла, сколько мебели в квартире и есть ли она, потому что вся гостиная, от пола до потолка, была завалена бесчисленными стопками газет. Одни газеты давно пожелтели и выцвели, другие были новыми, хрустящими. Рядом с газетами лежали книги — как в переплетах, так и в обложках; попадались и журналы.

— Они разложены по жанрам. Вот здесь, например, вестерны, а там — любовные романы и научная фантастика. Эти похожи на ужастики. Интересно, как можно жить вот так?

— Как в передаче «Барахольщики», — заметила Клэр. — Начинают собирать всякие мелочи, а потом идет по нарастающей. Наверное, у тебя дома такая же коллекция порнушки. — Она запрокинула голову. — Слышишь кошку?

— Она там, — сказал Тибидо. — Лоток уже несколько дней не чистили.

— Интересно, как кошка вообще находит лоток? — спросил Нэш. Из ванной вышел Эспиноза.

— Захламлена только гостиная; в остальных помещениях довольно чисто.

Из спальни вышел Тибидо; он нес на руках крупную кошку породы русская голубая. Кошка мяукала у него на руках и лизала черный пластик его кевларового жилета.

— Бедняжка, должно быть, голодна.

Нэш поспешно отскочил в сторону:

— Держи ее от меня подальше, у меня аллергия!

Клэр рылась в груде газет. Достала экземпляр «Чикаго трибюн».

— Шестилетней давности!

— Судя по этим залежам, у него здесь скопилось газет лет за десять, — ответил Эспиноза. — Что мы ищем?

— Что угодно, способное подсказать, где найти Эмори, — ответил Нэш.

У Клэр зазвонил телефон.

— Это Клоз, — сказала она, взглянув на экран, и включила громкую связь.

— В общем, странно, — начал Клоз, не поздоровавшись.

— Что странно?

— Я запросил банковские документы Кеттнера... Кстати, Портер, прежде чем ты спросишь: да, у меня есть ордер.

— Портера сейчас с нами нет.

— Где он?

Клэр закатила глаза:

— Он занят. Так что ты нашел?

— Я нашел перевод на сумму двести пятьдесят тысяч долларов, который пришел на его счет до востребования три дня назад. Но не это самое странное; еще четверть миллиона поступила вчера вечером, после того как он умер.

— Можешь выяснить, откуда поступили средства?

— С номерного счета на Каймановых островах. Я пытаюсь выяснить имя вкладчика, но тамошние банкиры не слишком охотно идут навстречу. У меня есть приятель в ФБР; возможно, ему удастся слегка их запугать. Позвоню ему, как только мы закончим разговор. Он любит при каждом удобном случае цитировать закон о борьбе с терроризмом.

Нэш ткнул Клэр в бок:

— Думаешь, денежки от Толбота?

— С какой целью?

— Не знаю... может, выкуп?

Клэр повернулась к трубке:

— Клоз, у Толбота есть счета на Каймановых островах?

— У него везде есть счета. Деньги пришли из банка «Ар-Си-Би ройял». Отдельные фирмы Толбота переводили деньги в то же отделение и получали переводы оттуда, правда, номера счетов не совпадают. Но это не значит, что он ни при чем... — Клоз помолчал; послышалось щелканье клавиш. — Ха!

— Что?

— Нашел еще один перевод. Пятьдесят тысяч долларов пришли на счет Кеттнера ровно за месяц до первых двухсот пятидесяти тысяч, которые поступили три дня назад. Если это выкуп, выплачивать его начали по крайней мере месяц назад, — сказал Клоз.

— Что ты можешь сказать о Кеттнере? — спросила Клэр.

— Пятьдесят шесть лет. Работал в службе доставки посылок «Юнайтед парсел сервис», но месяц назад ушел в продолжительный

отпуск. Я запросил его личное дело, однако подозреваю, что он ушел в отпуск по болезни.

— У него был сотовый телефон? Можешь отследить его передвижения?

— Нет. Я не могу найти телефон, зарегистрированный на его имя, а служебного у него тоже не было — я проверил в «Юнайтед парсел». Если у него и был мобильник, то одноразовый. В квартире есть городской телефон; сейчас я проверяю его переговоры.

— А родственники? Кто-нибудь?

Снова щелчки.

— Была младшая сестра, но она погибла в автомобильной аварии пять лет назад. Амелия Кеттнер, в замужестве Матерс.

— Матерс?! — всполошился Нэш.

— Да, а что?

— У Эмори есть приятель, которого зовут Тайлер Матерс. Он учится в средней школе имени Уитни Янга.

— Погоди секунду; я ищу ее досье, — сказал Клоз.

Клэр широко раскрыла глаза:

— Эмори встречается с племянником Обезьяньего убийцы?

— В яблочко! — воскликнул Клоз на своем конце линии. — Это он. Шестнадцать лет. Живет с отцом в центре города.

— Детективы?

Обернувшись, Клэр и Нэш увидели, что в дверях спальни стоит Эспиноза с мобильным телефоном в руке.

— Телефон Эмори.

— Клоз, я тебе перезвоню. — Клэр поспешно нажала отбой. — Дай-ка посмотреть!

Эспиноза протянул ей телефон; она взяла его в перчатках и постучала по экрану; ничего не произошло.

— Откуда вы знаете?

— Он вынул батарейку. Я посмотрел серийный номер. Телефон записан на «Толбот энтерпрайзиз», а владельцем значится она. Телефон отключился позавчера вечером в 18.43, — объяснил Эспиноза.

Клэр бросила трубку в пакет для вещдоков и повернулась к Нэшу:

— Надо брать этого племянника. Возможно, он знает, где она.

Насчет звукопроницаемости я ошибся.

Даже из-за закрытой кухонной двери я слышал, как внизу безостановочно вопит миссис Картер. Ее крики меня очень отвлекали, и сначала я думал надеть наушники, но потом решил прогуляться к озеру. В конце концов, стоял погожий летний день, в такой день не хочется сидеть в четырех стенах. Гулял я недолго, самое большее час — достаточно, чтобы посмотреть, как там кошка, бросить в воду несколько камешков, убедиться в том, что мистер Картер похоронен в озере навсегда, и прийти назад.

Зеленый «плимут» вернулся.

Он стоял на дорожке перед домом Картеров, но в нем никого не было. Я подошел поближе; мотор был еще теплым и тикал; пахло выхлопными газами. Однако вчерашнего гостя нигде не было видно.

Стараясь не высовываться из-за кустов, я подобрался ближе.

На солнце блеснули ключи; они болтались в замке зажигания.

Какой доверчивый!

Если ключи в зажигании, скорее всего, машина не заперта.

На долю секунды я высунулся из зарослей и посмотрел на дом Картеров.

Парадная дверь была закрыта, но что-то было не так; дом не выглядел пустым.

Должно быть, незнакомец внутри; где же ему еще быть?

Машина была развернута капотом на юг; соответственно, водительская дверца располагалась со стороны дома Картеров, а пассажирская дверца — со стороны улицы.

Набрав в грудь побольше воздуха, я выбежал из укрытия и метнулся к пассажирской дверце. Присев, я отчетливо увидел за стеклами машины дом Картеров. Конечно, я понимал: если незнакомец выйдет, он так же отчетливо увидит меня. Выбора не оставалось; пришлось соображать на ходу.

Я нажал на ручку и очень осторожно дернул дверцу на себя. Она страшно закрипела в знак протеста. Сначала я подумал, что шум такой громкий, что незнакомец непременно услышит, поэтому оставил дверцу открытой и, опасливо косясь на дом, нырнул под днище машины. Прошла минута, на крыльцо никто не вышел. Я встал и заглянул в салон.

Переднее сиденье «дастера» представляло собой черный кожаный диван, над которым возвышалась длинная ручка переключения передач, увенчанная черным набалдашником в виде магического шара с восьмеркой; я за всю жизнь не видел более крутой ручки. Я тут же дал себе зарок купить такую же, как только у меня появится собственный автомобиль. И хотя до моей первой машины было еще далеко, я уже тогда понимал, насколько важно тщательно планировать все — от покупки автомобиля до взлома и незаконного проникновения в чужую собственность.

В тот раз у меня не было времени как следует спланировать незаконное проникновение в чужую собственность; потянувшись к бардачку, я про себя взмолился всем богам, чтобы он оказался не заперт. Если он окажется заперт, мне не удастся открыть его без отмычек, а мои отмычки лежали в верхнем ящике прикроватной тумбочки, под последним выпуском комикса «Человек-паук».

Крышка бардачка щелкнула и открылась.

Я надеялся найти в бардачке водительское удостоверение или любые документы, которые помогли бы мне установить личность незнакомца, но сразу понял, что мне не повезло. Никаких документов в бардачке не оказалось. Зато там лежал довольно большой револьвер. Я не разбираюсь в оружии и солгу, если скажу, что сумею с

первого взгляда сказать, что передо мной. Однако тот револьвер я узнал сразу, потому что за несколько дней до того посмотрел подряд несколько серий «Грязного Гарри». Точно такой был у персонажа Клинта Иствуда.

Говоря его словами, «„магнум“ сорок четвертого калибра, самый убойный револьвер на свете, и он может подчистую снести башку, особенно если ты — невезучий подонок»...

Я не был невезучим подонком. Я считал себя умным подонком. Откинул барабан и высыпал патроны в ладонь, закрыл барабан и положил «магнум» на место, точно туда, где я его нашел.

Когда Неизвестный решит достать свою пушку (а я был почти уверен, что это произойдет в ближайшем будущем), я порадуюсь тому, что его оружие окажется примерно таким же эффективным, как водяной пистолет. Будь у меня мои инструменты, я бы извлек боек взрывателя, а патроны оставил — так, конечно, надежнее, но для этого пришлось бы сбегать домой и вернуться, пробежать не только по лужайке Картеров, но и по нашей лужайке. Так рисковать я не мог. Решил, что еще успею, если случай подвернется.

Благополучно разрядив револьвер и сунув его на место, я закрыл бардачок и порылся под сиденьем. Если не считать старой обертки от сэндвича, от которой до сих пор воняло горчицей, я ничего не нашел. Под задним сиденьем тоже было пусто.

Человек, который мог оказаться полицейским, но, скорее всего, им не был (независимо от выбранного им оружия), по-прежнему оставался для меня загадкой, которую я во что бы то ни стало решил разгадать.

Я хотел обыскать багажник, но разум и чувства подсказали, что я испытываю удачу, поэтому выбрался из машины и тихо закрыл пассажирскую дверцу, а затем, пригнувшись, убежал в укрытие, под деревья.

Стараясь прятаться за самыми большими дубами, я приблизился к дому Картеров. Поравнявшись с парадным

крыльцом, быстро пробежал мимо, упал на колени в траву под окном гостиной.

Я закрыл глаза и прислушался.

Когда-то отец рассказывал, что в обычных условиях наши органы чувств действуют в унисон. Но, если заблокировать один или несколько органов чувств и положиться на оставшиеся, они здорово обостряются. С тех пор я много раз убеждался в его правоте. Так, закрыв глаза, я словно многократно усиливал слух, будто включался до тех пор не работавший слуховой аппарат.

Я прислушивался.

Внутри кто-то шаркал — скорее всего, Неизвестный. Я был почти уверен, что он находится в гостиной, прямо надо мной.

Я услышал громкий треск.

Он как будто доносился из гостиной, но я не помнил, что именно там способно было производить такой шум, а память у меня превосходная. Отец часто заставлял меня входить в незнакомую комнату и тут же закрывать глаза и говорить, что находится в комнате и где именно. Для практики мы посещали дома, выставленные на продажу, и переходили из комнаты в комнату. Осмотрев один дом, мы переходили в следующий, а если хватало времени, то успевали посетить и еще один. В какой-то день нам удалось осмотреть целых шесть домов. Моя способность запоминать содержимое комнат была почти фотографической, как с гордостью сказал мне отец. Однако у него такая способность была развита еще лучше — за ужином после марафона с шестью домами он попросил меня припомнить, что было в отдельных комнатах во втором доме. Я не был готов к такому дополнительному экзамену, и, хотя кое-что вспомнил, мне не удалось вспомнить все. Зато отец помнил; казалось, он помнит все. Казалось, он...

— Пришел полить цветочки?

Я вздрогнул, услышав голос, и чуть не выскочил из кожи, круто развернувшись лицом к его источнику. Неизвестный стоял прямо у меня за спиной, прищурившись

и хмурясь; казалось, его морщины значительно углубились. В руках он держал молоток; он вертел его в своих коротких и толстых пальцах.

— Картеры в отпуске, а мне показалось, что я увидел какое-то движение в их доме, — быстро выпалил я, решив, что это вполне веская причина, чтобы находиться здесь. Иногда самые простые ответы — самые лучшие, потому что, если ты лжешь и продолжаешь разговор, ложь может застрять у тебя в глотке и задушить тебя.

— Там сейчас мой напарник, мистер Смит, — ответил Неизвестный. — Так же как я и мой работодатель, мистер Смит беспокоится, потому что твой сосед уже несколько дней не появлялся на работе. Кажется, я говорил, что мистер Картер не писал заявление на отпуск перед тем, как уехать? Его поведение кажется нам очень странным.

Я не мог вспомнить, говорил ли он об этом, когда мы с ним беседовали вчера, и все-таки кивнул. По большому счету, это не имело никакого значения.

— Вам не положено входить в их дом. Может, мне стоит вызвать полицию.

— По-моему, прекрасная мысль; пожалуй, мы так и поступим, — сказал Неизвестный. — Откуда хочешь позвонить — отсюда или из своего дома?

Крысы...

Неизвестный нагнулся и потянулся лапицей к моему плечу. Я пригнулся, развернулся и выпрямился у него за спиной.

Он хихикнул и побарабанил пальцами по стеклу, а потом поманил меня к себе:

— Успокойся, парень. Я всего лишь прошу мистера Смита выйти.

Со стороны моего дома послышался рев мотора, и я разглядел отцовский «порше», который поворачивал на нашу дорожку. Отец вылез из водительской дверцы, мама — с другой стороны. Они в упор смотрели на нас с Неизвестным и переговаривались, понизив голос, так что слов я не слышал. Потом они захлопнули дверцы машины и

направились к нам. На губах у отца играла широкая улыбка, а мама держала его под руку. На ней было красивое зеленое платье в цветочек, которое при каждом шаге подчеркивало ее ноги. Прямо образцовая пара!

Отец крепко пожал незнакомцу руку.

— Добрый день, сэр. Вы — знакомый Картеров?

Неизвестный тоже улыбнулся в ответ:

— Мы с ним вместе работаем. Он не появляется на работе со вторника, и в курилке поползли неприятные слухи. Вот я и решил съездить сюда и посмотреть, что и как.

Хлопнула сетчатая дверь, и мы обернулись. С крыльца Картеров спускался тощий, жилистый тип с длинными светлыми волосами, в сильных очках. Однако к нам он не подошел, а, прислонившись к перилам, достал из кармана пачку «Мальборо». Чиркнул спичкой о ноготь большого пальца, закурил, затянулся — причем сигарета очутилась у него во рту непонятно как; я не заметил, чтобы он доставал ее из пачки.

— Мистер Смит — мой коллега.

«Мистер Смит» приподнял несуществующую кепку и продолжал смотреть на нас издалека. На маме его взгляд задержался немного дольше, чем следовало, и я понял, что это, наверное, рассердило отца, хотя он не показал виду. Наоборот, сердечно произнес:

— Рад с вами познакомиться.

Затем отец снова повернулся к Неизвестному:

— А как вас зовут, я, наверное, не расслышал.

— Да, наверное, — улыбнулся Неизвестный. — Я мистер Джонс.

— Вы сотрудник полиции, мистер Джонс?

— Почему вы так подумали? — Неизвестный наклонил голову.

Я ожидал, что отец покосится на меня, но он этого не сделал. Он не сводил взгляда с «мистера Джонса».

— По словам моего сына, вчера вы показывали ему какой-то значок или жетон...

«Мистер Джонс» отвел глаза первым; он-то посмотрел на меня.

— Не знаю, с чего он взял, что я полицейский. Должно быть, ошибся. — Он быстро подмигнул мне и взъерошил волосы, а потом повернулся к отцу: — Картеры не говорили вам, куда они поехали?

Отец покачал головой:

— Мы не настолько близки.

— Они сказали, когда вернутся?

— Повторяю, мы...

— Не настолько близки.

— Совершенно верно.

«Мистер Смит», не сходя с крыльца, бросил окурок себе под ноги и раздавил его черным сапогом — такие сапоги пристали какому-нибудь «Ангелу ада», а не очкастому мозгляку. Ростом «мистер Смит» был не намного выше меня. Зато голос у него оказался гораздо ниже, чем можно было ожидать, и более хриплый:

— Мистер Картер работал над весьма щекотливым проектом для нашего работодателя, а поскольку он не договорился с руководством об отпуске и его невозможно разыскать общепринятыми способами, мы пришли к выводу, что, возможно, он уклонился от своих обязанностей. Однако все связанные с его работой важные документы, которые принадлежат нашему работодателю, должны быть немедленно возвращены. Мы надеялись, что эти документы окажутся здесь, у него дома, но, видимо, ошиблись. Во всяком случае, если даже они здесь, то лежат не на видном месте. Мистер Картер когда-нибудь говорил с вами о своих делах? Может быть, упоминал, над чем он работает?

— Мы не настолько близки, — снова повторил отец. — К сожалению, я даже не знаю, кто мистер Картер по профессии.

— Он бухгалтер, — сказал «мистер Джонс».

Я заметил, как его взгляд на долю секунды переместился на маму, и она тоже посмотрела на него. За их

молчаливыми взглядами что-то скрывалось, только я не знал, что именно.

«Мистер Джонс» выставил руки перед собой и нарисовал в воздухе квадрат.

— Он хранил свои документы в бежевом металлическом ящике размером примерно шестьдесят на тридцать, несгораемом, с замком на крышке. Похожем на большую ячейку из камеры хранения. Сам ящик я нашел у него под кроватью, но там пусто, как в стакане у пьяницы. Мне бы хотелось знать, что он сделал с содержимым.

В беседу вступила мама, которая до тех пор молчала:

— Не думаю, что Картеры обрадуются, когда узнают, что вы без разрешения рылись в их вещах в поисках ящика, независимо от его происхождения. По-моему, лучше всего будет, если вы, джентльмены, сейчас же уедете. Когда Картеры вернутся, я лично позабочусь о том, чтобы мистер Картер сразу же позвонил на работу. Наверное, он не успел должным образом подать заявление на отпуск просто по оплошности, и это, скорее всего, объясняется как-нибудь скучно и банально.

«Мистер Джонс» улыбнулся; улыбка вышла натужной, так улыбаются из вежливости в гостях, когда хозяева предлагают на десерт что-то горькое.

— Не сомневаюсь, вы правы, и мы просто принимаем случившееся слишком близко к сердцу. — Он шутливо поклонился. — Приятно было с вами познакомиться. — Он снова взъерошил мне волосы. — Славный у вас парнишка! Пожалуйста, как только ваши соседи вернутся, попросите Картера позвонить на работу.

— Непременно! — ответил отец.

С этими словами два чужака не спеша направились к «плимуту». Ни один из них не оглянулся. Отец, мама и я стояли на месте, пока машина не скрылась из вида, не оставив после себя ничего, кроме густого облака пыли.

Эмори — день второй, 11.57

Эмори подтянула колени к груди и обхватила себя свободной рукой, стараясь согреться. Ее трясло; у нее стучали зубы. Она попробовала было ощупать сломанное запястье, но сразу же оставила эту затею. Запястье сильно раздулось, металлический браслет глубоко врезался в кожу; казалось, она висит ключьями. Пульс участился. Эмори понимала: если она как можно скорее не придумает, как отсюда выбраться, то может потерять руку. Но она понятия не имела, что ей делать.

Выхода не было.

Как и двери.

Как и потолка.

Ничего, кроме окружавшего ее холодного бетона.

Гремела музыка — какая-то незнакомая песня.

Мысли у нее в голове путались. Эмори понимала, что ей трудно думать от голода и жажды. Голова разламывалась от боли, и разум как будто притупился, потерялся в тумане.

Один раз она напилась.

Они напились с Коллин Макдугл.

Они нашли у Коллин на кухне, под шкафчиком, бутылку бурбона «Дикая индейка» и решили попробовать. Они уверяли друг друга: если не научатся пить, то не узнают, сколько смогут выпить без вреда для себя на вечеринке и не вырубиться? Оказалось, им нужно совсем немного, чтобы опьянеть. Мама Коллин была совсем не в восторге, когда нашла их; она вернулась домой на целый час раньше, чем ожидалось. Эмори не помнила, сколько они с Коллин тогда выпили, но на следующий день ее мучила совершенно особенная головная боль — она начиналась где-то за глазами и усиливалась, продвигаясь назад.

Сейчас голова болела точно так же.

«Я помню, когда это случилось. Ты не могла бы пройти по прямой, даже если бы от этого зависела твоя жизнь. Правда, вы с Коллин очень старались сделать вид, будто ничего не произошло. Вы надеялись, что ее мама ничего не заметит».

— Мам, это было в прошлом году. Ты уже умерла.

«Это не значит, детка, что я за тобой не наблюдала. Ох, как бы я тебя наказала, будь я жива! Отняла бы у тебя компьютер, телефон, телевизор. Возможно, сделала бы то же самое, что сделала моя мать, когда она в первый раз поймала меня выпивающей с братом. Ты ведь помнишь дядю Роджера? Мать поймала нас с Роджером с бутылкой водки и заставила допить ее до дна. Меня несколько дней выворачивало наизнанку, зато после того случая я почти три года не прикасалась к спиртному. Кстати, как поживает Роджер?»

— Кто такой Роджер? Не помню никакого дяди Роджера.

«Как ты могла забыть дядю Роджера? Он жил с нами почти год после твоего рождения».

Потом Эмори действительно вспомнила дядю Роджера. Полноватый, с растрепанными темными волосами в тщетной попытке прикрыть плешь, которая расширялась с макушки. Однажды он починил раковину, когда мисс Барроуз забила сток пастой. Кроме того, он помог ей получить новую ключ-карту от лифта, когда ее карта испортилась, потому что лежала в сумке рядом с мобильным телефоном. Погодите...

— У меня нет дяди Роджера. Роджер — это смотритель нашего дома.

«Разве я сказала „Роджер“? Нет, милая, я имела в виду дядю Роберта».

— Нет у меня никакого дяди. Если я и знала твоих родственников, то их не помню, — тихо сказала Эмори. Она могла бы закричать, если бы захотела, но никто бы ее не услышал из-за грохочущих звуков группы «Крим», которая исполняла песню «Рожденный под дурным знаком».

«Ты не помнишь дядю Стива? Он очень огорчится. Он любил укачивать тебя, когда ты была совсем малышкой. Пел тебе песню... Как же это? Ты помнишь? Что-то о том дне, когда умерла музыка...»

— «Я поехал на плотину, но плотина обмелела... — прохрипела Эмори, с трудом разлепляя пересохшие губы и проводя кончиком языка по трещинам. — А ребята пили виски и сказали, что сегодня я умру... Что сегодня я умру...»

«Вот именно! Дядя Райан очень любил эту песню!»

— Нет у меня никаких дядей. И матери тоже нет. Тебя не существует. Пожалуйста, перестань со мной разговаривать!

«Думаешь, сегодня тот самый день?»

— Какой день?

«Сама знаешь какой. День, когда ты умрешь».

Эмори прижала к виску пальцы здоровой руки.

«По-моему, лучше смириться с тем, что жить тебе осталось недолго. В самом деле, дорогая, даже если этот Обезьяний убийца скоро не убьет тебя, ты целую вечность ничего не ела и не пила. Как по-твоему, долго ли еще протянешь?»

— Вовсе не целую вечность; прошло всего два дня, самое большее три.

«Нет, дорогуша, по-моему, прошло не меньше недели».

Эмори покачала головой и поморщилась, задев больное ухо.

— По-моему, музыка стоит на таймере. Если так, она включается один раз в день. Значит, сегодня — второй день.

«Даже если окажется, что твоя версия справедлива, а я так не считаю, подумай, сколько еще ты протянешь без еды и воды?»

— Ганди продержался двадцать один день, — сказала Эмори.

«Двадцать один день без еды, но вода у него была».

— В самом деле?

«Да, я в этом не сомневаюсь. Не удивлюсь, если кто-нибудь тайком передавал ему, например, шоколадные батончики. Ты ведь знаешь, что такое эти знаменитости».

— Ганди не был знаменитостью, он... — Почему она вообще разговаривает с мамой? Ведь она не настоящая. Это только игра воображения. Она сходит с ума. Она тронется задолго до того, как ее прикончит жажда. Мозг медленно теряет воду, как губка, которую оставили на солнце, — и внутренние органы тоже. Ей как будто хотелось помочиться, но, когда она попыталась, ничего не получилось. Эмори живо представляла, как у нее усыхают почки и печень. Скоро ли они откажут? Хотя она не двигается, сердце бьется очень часто, глухо стучит в груди. Сначала Эмори думала, что ей это только кажется, но когда несколько часов назад пощупала у себя пульс, оказалось, что он бьется со скоростью почти девяносто ударов в минуту. Девяносто ударов — очень много. Даже после пробежки пульс у нее редко превышал восемьдесят ударов в минуту.

Эмори прижала палец к шее и снова пощупала пульс, отсчитывая пятнадцать секунд. Двадцать шесть ударов. Двадцать шесть на четыре — это... Черт, она не может сосредоточиться. Двадцать шесть на четыре...

«Почти двести, дорогуша; очень часто».

— Сто четыре, — сказала вслух Эмори, стараясь не обращать внимания на голос. В состоянии покоя пульс у нее плюс-минус 65. Сейчас она ничего не делает, а сердце частит. Эмори не знала причины, но понимала, что в этом нет ничего хорошего.

«Когда Обезьяний убийца вернется, может быть, стоит попросить его, чтобы он убил тебя побыстрее. Это гораздо лучше, чем лишаться глаз и языка... Как по-твоему?»

Эмори провела языком по нёбу. Она почти утратила вкусовые ощущения, но во рту остался вкус опилок. Как будто у нее полный рот опилок.

Ей хотелось плакать, но слез больше не было. Сухие глаза в темноте щипало.

Где-то наверху Джимми Хендрикс взял гитару и запел.

Крыса была мертва.

Когда я следом за мамой и отцом сбежал в подвал, сразу ее увидел. Крысиное тельце напоминало грязную тряпку с глазами. Шея у крысы оказалась свернута, поэтому глаза смотрели ей на спину, а лапки распластались на полу. Изуродованный грызун лежал в лужице крови рядом с раскладушкой, на которой теперь сидела миссис Картер, и ее свободная рука была красной от смерти.

Увидев нас, она улыбнулась. Несколько часов назад ей было страшно, но сейчас страх в ее глазах сменился ледяным холодом.

— Знаете, он убьет нас всех. — И голос у нее тоже изменился. Он стал холодным, спокойным и уверенным.

— Кто? — спросил отец, хотя я не сомневался, что он прекрасно понимал, кого она имеет в виду. Откуда миссис Картер узнала, кого или что мы спустились с ней обсудить, — вот что меня тогда занимало, но, очевидно, она как-то узнала. Она точно знала, зачем мы пришли.

— Он уехал? Если да, не думаю, что он будет долго отсутствовать. — Миссис Картер вытерла окровавленную руку о раскладушку, потом пнуладохлую крысу, и та отлетела в дальний угол, оставив на полу кровавый след. — Вам в самом деле не стоило убивать моего мужа.

Отец замахнулся, и я не сомневался, что он хочет ее ударить. Мне не верилось, что он на такое способен; он всегда учил меня никогда не бить женщину, даже если она ударила тебя самого, даже если она ударила тебя чем-то тяжелым, — для ударившего женщину нет оправданий. Никаких!

Он бросил ей полотенце, взятое со стиральной машины.

Миссис Картер благодарно улыбнулась и вытерла окровавленную руку — очень старательно, потому что воды

у нее не было.

— Если вы меня отпустите, я постараюсь объяснить, что случилось. Правда, не думаю, что он мне поверит. И даже если поверит, сомневаюсь, что ему не будет все равно.

— Ему нужны какие-то документы с работы твоего мужа. Он сказал, что работает на босса твоего мужа, — сказал отец.

Миссис Картер кивнула:

— Что ж, он не солгал.

— Знаешь, где документы?

Миссис Картер снова улыбнулась, но ничего не сказала, а потом дернула наручники.

Мама, которая до тех пор молчала, бросилась на нее. Отец схватил ее, когда она подпрыгнула, стараясь сбить миссис Картер. Мама извивалась в руках у отца, руки тянулись к миссис Картер.

— Что ты притащила ко мне в дом! — кричала она.

Миссис Картер ослабилась:

— Ты сама притащила меня сюда. Я не напрашивалась. Я не просила тебя убить моего мужа, бешеная сучка!

Ее слова разъярили маму, и какое-то время мне казалось, что отец не сумеет ее удержать. И все же он как-то справился. Он схватил маму за шею и слегка сдавил — не сильно, но достаточно, чтобы она поняла, что он ее задушит, если захочет. Прием помог, потому что мама в конце концов подчинилась и успокоилась. Правда, отец не ослабил хватку. Я точно знал почему — когда учил меня удушающему захвату сзади, он сказал, что иногда жертва притворяется заснувшей или делает вид, будто успокоилась и подчинилась, и, стоит тебе расслабиться, наносит удар. Он объяснил мне это не только для того, чтобы я научился делать удушающий захват сзади, но и чтобы я знал, как поступить, если такой же прием применят ко мне. Он даже научил меня изображать обморок; отец был необычайно мудр.

В моей голове всплыла картинка.

Сам не знаю почему, но перед моими глазами возникли фигуры голых мамы и миссис Картер, которые сплелись в

объятиях на супружеской кровати Картеров.

— Для того чтобы я тебя отпустил, тебе придется пообещать, что ты будешь хорошо себя вести, — прошептал отец маме на ухо.

Мама кивнула, и отец медленно убрал руки. Но стоял наготове, чтобы снова схватить ее, если она сделает еще шаг. Правда, она ничего не сделала. Она прислонилась к стиральной машине и злобно посмотрела на соседку.

Отец перевел взгляд на миссис Картер:

— На кого работает ваш муж?

— Вы хотели спросить, на кого работал мой муж?

— Семантика! — отмахнулся отец.

Миссис Картер замолчала, и впервые после того, как мы спустились в подвал, я заметил у нее в глазах самый настоящий страх. Она старалась не подавать виду, что ей страшно, но страх ни с чем невозможно спутать. От отца ее состояние тоже не укрылось. Наконец она тихо и жалобно проговорила:

— Нам нужно уехать... всем нам.

Отец опустился на колени рядом с раскладушкой и накрыл ее руку своей:

— На кого он работал?

Миссис Картер ненадолго взглянула на маму, потом на меня, потом перевела взгляд на отца:

— На преступников. Их целая дюжина, а может, и больше. Некоторые из них входят в гемуэзскую мафию. Он помогал им прятать деньги.

Отец сразу все понял.

— Сколько он у них украл?

Миссис Картер глубоко вдохнула, закрыла глаза и выдохнула:

— Все. Все до последнего пенни.

Портер — день второй, 12.18

— Располагайся, — пригласил Портер Уотсона, бросив ключи на столик у входной двери. — Можешь порыться в холодильнике; правда, я сам точно не помню, что у меня там есть.

От пятьдесят первого участка до его дома они ехали молча. Уотсон ерзал на сиденье, а Портер изо всех сил старался забыть лицо парня, убившего его жену.

Не получалось.

Каждая клеточка его организма рвалась обратно; ему хотелось ткнуть «береттой» под подбородок подонку и нажимать на спусковой крючок, пока из магазина не выйдет последняя пуля, а потом разбить ему башку — точнее, то, что от нее останется.

Он вовсе не гордился собой. Он не радовался таким мыслям. По натуре он не был мстительным. Да и сама Хизер наверняка отругала бы его, если бы узнала, что он питает хоть немного ненависти к ее убийце. Она бы велела ему быть выше и не уступать гневу. Она бы сказала, что гнев и ненависть ее не вернут и такие мысли лишь пятнают его душу.

Она, конечно, была права. Теперь ему казалось, что Хизер всегда и во всем была права. К сожалению, это ничего не меняло.

— Как вы? — спросил Уотсон, глядя на него в упор.

Портер кивнул:

— Все нормально; мне просто нужно отдышаться, сгруппироваться... — Помолчав, он продолжал: — Спасибо, что поехал со мной.

— Всегда пожалуйста. Это она? — Уотсон показал на фотографию, которая стояла на столе.

Хизер... Снимок сделан с год назад.

Портер взял фото со стола.

— Да. В тот день я так гордился ею! Она всегда хотела стать писательницей, постоянно что-то черкала в блокноте, что-то записывала. Я отнес один ее рассказ в «Фонд Ширли Джексон», и она

получила первый приз. Я сфотографировал ее сразу после церемонии награждения...

Уотсон не стал его спрашивать, за что Портер был ему очень благодарен.

— Я сейчас; возьми себе чего-нибудь поесть. — Он кивнул в сторону кухни и проводил Уотсона взглядом.

В спальне на тумбочке он увидел наполовину пустую бутылку «Джека Дэниелса».

— К дьяволу! — Он отвинтил крышку и сделал большой глоток. Виски обожгло ему горло и согрело желудок. Он радовался боли и теплу.

Когда в кармане завибрировал телефон, он вначале не хотел отвечать — пусть звонок переключится на автоответчик. Потом передумал. Глянул на экран, увидел, что звонит Клоз. Нажал клавишу «Прием вызова» и поднес трубку к уху.

— Сэм?

— Да...

— У нас серьезная проблема.

— Что стряслось?

— Помнишь отпечаток, который ты вчера снял с вагонетки в туннеле?

— Да.

— Мы определили, чей он.

Портер подошел к стенному шкафу, снял куртку и начал расстегивать рубашку. Один рукав был весь в липком холодном кофе. Наверное, рубашку придется выкинуть.

— Сэм, это отпечаток Уотсона. Только фамилия его вовсе не Уотсон; судя по удостоверению, его зовут Энсон Бишоп. Я только что поговорил с экспертно-криминалистической лабораторией — с первого взгляда его личное дело кажется вполне нормальным, но, как только я копнул глубже, сразу нашел несколько нестыковок. Его послужной список в отделе тяжких преступлений — фальшивка. Никакого Пола Уотсона не существует; это псевдоним того же Энсона Бишоп. Я еще не все выяснил, но, судя по всему, он прикасался к вагонетке до того, как туда спустились вы и спецназ. Значит, он как-то замешан в деле. Плохо, Сэм. Очень плохо. Кем бы этот тип ни был, он

не из правоохранительных органов. Его привезли вы с Нэшем; где вы его нашли?

— Угу.

— Черт! Он сейчас рядом с тобой, да?

— Да.

— Где вы? Вы там одни?

Портер высунул голову из спальни и покосился в сторону кухни.

— Сэм, ты меня слышишь?

— Уотсон! — громко крикнул Портер. — В холодильнике осталось пиво?

— У тебя в квартире? Ты дома?

— Да, сэр. Совершенно верно.

Он слышал, что Уотсон на кухне, но тот не отвечал.

Портер снял туфли и неслышно вышел из спальни в коридор, глядя на тень, которая двигалась на кухне.

— Уотсон? — Портер медленно отстегнул кобуру. Пальцы обхватили рукоятку «беретты». — Знаю, что сейчас еще рано, но мне не мешает снять напряжение.

Он слышал, как Клозовски на том конце линии выкрикивает:

— Сэм, задержи его! Я послал подкрепление!

— Конечно, Клоз. Заезжай. Мы с Уотсоном сейчас поедem в часовой магазин его дяди; можешь к нам присоединиться.

— Первая машина в четырех минутах езды от тебя. Где он? Ты его видишь? Он нас слышит?

— Уотсон, если ты слопаешь всю пиццу, я рассержусь!

Держа пистолет наготове, Портер вбежал на кухню.

Никого.

Большой нож вонзился ему в бедро за секунду до того, как он краем глаза заметил Энсона Бишопа.

— Не двигайся! — прошипел Бишоп сзади. — Я нанес удар по общей подвздошной артерии, одной из крупнейших артерий в сердечно-сосудистой системе. Если попытаешься выдернуть нож, за несколько секунд изойдешь кровью. Сейчас я помогу тебе лечь на пол. Брось пистолет!

— Кто... — удалось выговорить Портеру сквозь стиснутые зубы.

— Брось пистолет... вот так. И телефон тоже!

Портер подчинился и смотрел, как Бишоп отшвыривает пистолет ногой. Потом он наступил на его телефон, раздавив его.

Голос Хизер!

— Уотсон!

— Ш-ш-ш, молчи, — сказал Бишоп. — Ну-ка, давай потихоньку — сначала на колени, теперь переворачивайся на живот... вот так. Не забывай про нож.

Портер позволил ему перевернуть себя. Он чувствовал нож, но Бишоп придерживал его свободной рукой, помогая ему лечь на пол ничком.

— Догадываюсь, что твой приятель вызвал подкрепление, так что долго ждать тебе не придется. Как ты, наверное, заметил, крови совсем немного. Так будет, пока нож останется в ране. Подожди профессионалов; они знают, как его извлекать. Пара швов — и ты как новенький. Извини, что пришлось сделать тебе больно; мне правда очень жаль. Я надеялся, что мы с тобой проведем вместе больше времени; мне было так занятно. Но, как всегда, все хорошее рано или поздно заканчивается, и мы стремительно приближаемся к эндшпилю.

— Где Эмори?

Бишоп улыбнулся:

— Пожалуйста, передай мои наилучшие пожелания Нэшу и Клэр. И, что бы ты обо мне ни думал, мне очень жаль твою жену.

Портер извернулся и успел заметить, как он поворачивает за угол и скрывается в коридоре. Вдали завывала сирена.

— В общем, план был такой: украсть все и смыться. Не знаю, правда, удалось ли ему справиться. Саймон много болтал, но вот довести дело до конца у него, как правило, не получалось.

— Бежевый металлический ящик нашли у вас в спальне под кроватью; это он его туда поставил?

— Не знаю. — Миссис Картер пожала плечами.

Мама снова бросилась на нее, и на сей раз она оказалась проворнее отца. Она вцепилась соседке в волосы и резко дернула. Миссис Картер взвизгнула и ударила маму свободной рукой; от ее ногтей на мамином предплечье осталась глубокая красная царапина.

— Хватит! — рявкнул отец, разнимая их.

Мама выпустила волосы миссис Картер и отскочила назад:

— Из-за нее нас всех убьют!

— Что именно он украл? — спросил я. Вопрос был уместный; я надеялся, что он разрядит обстановку.

Миссис Картер дотронулась до своей головы и поморщилась. Потом, прищурившись, посмотрела на маму:

— Сейчас мы все равно что покойники.

Отец толкнул ее на раскладушку:

— Отвечай на вопрос моего сына!

Она ухмыльнулась:

— Ты у нас прямо крутой — толкаешь женщину, которая прикована наручниками в твоём подвале! — У нее под ногтями я заметил засохшую кровь. Она начала грызть ногти. — Саймон разбирался в их делах лучше, чем они сами. Они не напрасно боятся, что он подался в бега. Им в самом деле есть о чем беспокоиться. — Она бросила на маму и отца обвиняющий взгляд: — Похоже, вы замечательно все

обставили, изображая, что он уехал, так что не сомневаюсь, вы заставили их попотеть. И навели их на себя.

— Что он у них украл? — повторил вопрос отец; в его голосе я уловил нарастающий гнев. Третий раз он спрашивать не будет, во всяком случае так вежливо.

Миссис Картер перестала грызть ногти и глубоко вздохнула.

— Месяц назад он сказал, что два владельца фирмы, Уильям Уортингтон и Ричард Буллок, начали как-то странно себя вести, скрытно — во всяком случае, более скрытно, чем всегда. Они не взяли его на несколько совещаний, где он должен был присутствовать. Начали приходить на работу в неурочные часы. Несколько раз ему казалось, будто кто-то роется в его вещах. Я говорила ему, что у него паранойя, но Саймон настаивал; сказал, что из запертого шкафчика в его кабинете в понедельник пропали папки с делами, а в среду чудесным образом снова появились. Ему казалось, что все о чем-то перешептываются у него за спиной, готовятся его выставить — или задумали что похуже. Тогда он начал брать папки домой и делать копии. Я говорила ему, что он сошел с ума. Если его поймут, даже представить невозможно, что случится. Но он поступал по-своему; унес домой несколько дюжин папок. Говорил мне, что это страховка. Если они попытаются навредить ему или вытеснить из дела, он обнаружит записи.

Отец провел рукой по волосам:

— Похоже, он затеял очень опасную игру.

Миссис Картер кивнула:

— На прошлой неделе, когда его отстранили от самого крупного счета, он сказал, что собирается воспользоваться собранными сведениями, перевести деньги на офшорный счет. А потом мы сбежим — просто исчезнем.

— Но ты не знаешь, удалось ли ему довести дело до конца?

Миссис Картер покачала головой:

— Если он и перевел деньги, то мне ничего не сказал. Всю последнюю неделю мы так ссорились, что я просто не

подумала спросить его, как дела на работе.

Ее глаза наполнились слезами, и мне стало неловко смотреть на нее. Я опустил голову и принялся пинать комки пыли.

— Что он сделал с документами, которые скопировал? — спросил отец.

Миссис Картер пожала плечами:

— Не знаю. Мне он не сказал. А теперь его нет.

Отец повернулся к маме:

— Такие, как они, скорее убьют нас всех, чем поставят на карту свое будущее. Нам, наверное, лучше уехать.

— Или попробовать убить их первыми, — тихо ответила мама.

— Я его знаю; это только начало, — сказала миссис Картер. — Он вернется, и скорее всего, с подкреплением. Так что выход один — бежать.

Клэр — день второй, 13.23

— Какого черта? Что здесь происходит? — Багровый от гнева Мартин Матерс ворвался в кабинет директора Колби.

Колби вскинул руки:

— Успокойтесь, Мартин. Я вызвал вас, как только они приехали.

Мартин перевел взгляд на сына, который сидел в дальнем углу кабинета, закрыв голову руками. Он повернулся к детективам:

— Чего вы хотите от моего сына?

Клэр показала на пустой стул перед большим дубовым столом:

— Мистер Матерс, присядьте, пожалуйста.

Ее слова словно подлили масла в огонь.

— Никуда я не сяду! Я собираюсь немедленно забрать отсюда сына, запереть его в квартире и послать трех своих адвокатов к вашему начальнику для беседы. Вот что я намерен сделать!

Клэр медленно вдохнула и выдохнула.

— У нас есть основания подозревать, что ваш сын замешан в похищении и убийстве Эмори Толбот.

Матерс нахмурился:

— Толбот? Застройщик?

— Ваш сын встречается с его дочерью, — кивнул Нэш.

— Встречаться — не то же самое, что похитить, детектив.

— Мистер Матерс, присядьте, пожалуйста, — повторила Клэр.

На сей раз Матерс послушался и бросил рядом со стулом свой портфель.

— Что вы можете рассказать о Джейкобе Кеттнере? — спросила она.

— Кеттнере? Моем зяте?

Клэр кивнула.

— Мы с ним не разговаривали лет пять... после того как моя жена Амелия умерла.

— А ваш сын? Когда он в последний раз говорил с мистером Кеттнером?

— И он с ним не общается. Мы не поддерживаем отношений с ее родней, — ответил Матерс.

Все трое посмотрели на Тайлера, сидящего в углу; он по-прежнему закрывал лицо руками.

— Тайлер, ведь так? — спросил Матерс.

Тайлер поднял голову, и все увидели, какие красные у него глаза; он плакал.

— Это я виноват, во всем виноват! Я не подумал, что кто-то может пострадать!

Матерс встал и подошел к сыну:

— О чем ты говоришь?

— Дядя Джейк обещал, что с ней ничего не случится!

Клэр и Нэш переглянулись, потом посмотрели на Тайлера.

— Дядя Джейк? С каких пор ты общаешься с этим типом?

Тайлер вздохнул:

— Мы с мамой все время виделись с ним; тебе не говорили, потому что вы с ним никогда не ладили, а ей не хотелось ссориться. Когда он сказал, что умирает, я начал помогать ему по хозяйству; заходил прибраться после школы, только и всего.

— Он умирал?

Клэр посмотрела на директора школы; тот наблюдал за происходящим из-за стола.

— Мистер Колби, вы не могли бы ненадолго нас оставить?

Колби нахмурился, собрался возразить, но потом передумал.

— Если вам что-то понадобится, я рядом.

Как только директор вышел, Клэр снова повернулась к Матерсу:

— У вашего зятя был рак желудка на поздней стадии. Возможно, он все равно умер бы через несколько недель.

Матерс прищурился:

— Погодите, вы сказали «все равно умер бы»? Что случилось?

Нэш провел рукой по волосам:

— Вчера в начале седьмого утра Джейкоба Кеттнера насмерть сбил автобус, когда он переходил улицу, направляясь к почтовому ящику на Пятьдесят пятой улице. Он собирался послать по почте маленькую белую коробку. В этой коробке лежало человеческое ухо... ухо Эмори Толбот. Ваш зять был Обезьяньим убийцей.

Матерс побледнел и заерзал на месте:

— Джейк?! Не может быть!

Нэш кивнул:

— Он похитил Эмори Толбот, и она по-прежнему где-то в неизвестном месте. Без еды, воды и надлежащей заботы ей немного осталось жить. Возможно, ваш сын — единственный из оставшихся в живых, кто знает, где ее можно найти.

Матерс выглядел хуже сына: бледный, он дышал часто и неглубоко.

— Тайлер, это правда?

Тайлер вздохнул:

— Он не Обезьяний убийца. Все не так, как вам кажется.

Клэр подошла к нему и опустилась рядом с ним на колени.

— Понимаю, он твой дядя, тебе трудно смириться с тем, что он творил ужасные вещи. Но сейчас для нас главное — найти Эмори, и если ты знаешь, куда он ее увез, то должен нам сказать!

— Он не Обезьяний убийца, — повторил Тайлер.

Матерс встал и подошел к сыну:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Дядя Джейк просто пытался нам помочь.

— Каким образом помочь? — спросила Клэр.

Тайлер покосился на отца и опустил глаза в пол:

— У моего отца... начались денежные затруднения. В прошлом году его сократили на работе, и с тех пор ему с трудом удается сводить концы с концами... он залез в мой фонд для колледжа.

— Откуда ты знаешь о...

Клэр подняла руку. Тайлер продолжал:

— Я хорошо учусь и вполне мог бы поступить в какой-нибудь колледж «Лиги плюща». И все же мои оценки недостаточно хорошие для того, чтобы я мог рассчитывать на стипендию. По меркам стипендиальной комиссии, мы не относимся к малоимущим, поэтому за мое обучение придется платить. Даже студенческий заем не покроет всей суммы. Дядя Джейк сказал, что может мне помочь. Когда он узнал, что у него рак, пробовал застраховать свою жизнь, но, как только в страховой фирме стал известен его диагноз, ему отказали. Тогда он сказал, что есть другой способ... С месяц назад ему позвонил один человек и обещал много денег, если дядя его выручит. Он сказал дяде Джейку, что речь не идет о чем-то противозаконном, хотя и

вполне законным это назвать нельзя. Он откуда-то узнал, что дядя Джейк тяжело болен и проживет недолго; ему предоставляется случай помочь не только мне, но и многим людям. Правда, он добавил, что у дяди Джейка ничего не получится без моей помощи...

Матерс снова побагровел:

— Что этот подонок заставлял тебя делать?

— Мистер Матерс, прошу вас, — вмешалась Клэр.

Тайлер вздохнул:

— Он ничего не заставлял меня делать, папа. Во всяком случае, ничего такого, чего я не хотел бы сам. Он велел мне сблизиться с Эмори Коннорс, может быть, даже несколько раз пригласить ее на свидание. Она настоящая красотка, так что я подумал: почему бы и нет? Пару раз я пригласил ее на свидание, потом позвал в школу, на вечер встречи выпускников... — Он перевел взгляд на Клэр. — Сначала мне не верилось, что она согласится пойти со мной. А потом, когда мы познакомились получше, она мне по-настоящему понравилась. Нам было хорошо вместе. С ней можно разговаривать, понимаете? И она такая умная; мы говорили обо всем. Она даже помогала мне с уроками. Все шло хорошо; тогда-то дядя Джейк и попросил меня взять туфли.

— Туфли?! — переспросил Нэш.

Тайлер кивнул:

— По его словам, тот человек передал, что они нам понадобятся.

Клэр и Нэш переглянулись. Потом оба посмотрели на Тайлера.

— Ты говоришь о туфлях мистера Толбота? — уточнила Клэр.

— Ну да. В прошлый четверг я пришел к Эмори. Мы смотрели кино. Потом приехал мистер Толбот; он сказал, что зашел ненадолго, минут на двадцать. Его одежда была в грязи; он не объяснил почему. Сказал, что должен быстро принять душ и переодеться. Потом он уехал. Свою одежду оставил в гостевой комнате, чтобы горничная отнесла ее в чистку. Минут через двадцать после того, как он ушел, мне позвонил дядя Джейк и велел привезти ему туфли мистера Толбота; он не сказал зачем, просто передал, что их велел добыть тот человек. Я понятия не имею, откуда тому человеку стало известно, что мистер Толбот заезжал к нам, не говоря уже о том, что он переоделся. Мне стало не по себе. Я решил, что он установил в пентхаусе скрытые камеры. Когда Эм встала и пошла в туалет, я сунул туфли к себе в

рюкзак. На следующий день привез их дяде Джейку. Он не сказал, зачем они понадобились тому типу, только сообщил, что тот перевел достаточно денег, чтобы покрыть расходы на мое обучение, и еще сверх того. За пару туфель! Мне не верилось. Мы боялись, что деньги потом заберут, но их не забрали. На следующий день дядя Джейк получил от того типа учебник высшей математики. А мне велели оставить учебник в квартире Эм. Мне это показалось странным, но я подумал: почему бы и нет? Если какой-то странный тип хочет заплатить несколько сот тысяч долларов за пару туфель и за то, чтобы я...

— Сколько? — выпалил Матерс.

Тайлер повернулся к отцу:

— По словам дяди Джейка, в самом начале, когда он только согласился помочь, тот тип перевел ему пятьдесят тысяч, после того как получил туфли, перевел еще двести пятьдесят, а...

Матерс повернулся к детективам:

— Не думаю, что нам стоит продолжать разговор до тех пор, пока сюда не приедут мои адвокаты.

Клэр закатила глаза.

— Тайлер, где Эмори?

— Не знаю.

— Детектив, разве вы не слышали, что я сказал? — Матерс угрожающе прищурился.

— Как выглядит тот человек?

Тайлер пожал плечами:

— Я его никогда не видел, и дядя Джейк тоже. Они общались только по телефону.

— Детектив, вы нарушаете наши права!

— Пожалуйста, подождите еще минуту. — Схватив Нэша за плечо, Клэр вытащила его из тесного кабинета в коридор: — Ты ему веришь?

— Я уже не знаю, чему верить. В этом деле концы с концами не сходятся!

В руке у Нэша завибрировал телефон. Он посмотрел на экран и прочел сообщение:

«Позвони мне — Клоз».

Миссис Картер мы оставили в подвале.

Она сказала, что они вернутся, и они вернулись. Меньше чем через час мы слышали рев мотора. «Дастер» ехал по дороге. «Мистер Джонс» три или четыре раза нажал на газ, прежде чем заглушить мотор; он хотел оповестить нас об их приезде.

Мы втроем стояли у окна и долго смотрели на зеленую машину. Наконец, минут через пять, отец хрипло вздохнул и вышел на крыльцо черного хода.

Мы с мамой стояли на пороге и смотрели, как отец идет по нашему участку. Он направлялся к зеленому «плимуту», припаркованному на улице между нашей дорожкой и дорожкой Картеров. Он был шагах в десяти от машины, когда «мистер Джонс» неожиданно включил передачу и понесся прочь, подняв фонтанчики грязи и гравия.

Отец долго стоял и смотрел ему вслед; потом вернулся к нашему дому. Зайдя на кухню, он закрыл за собой дверь и задвинул засов. Летом мы почти никогда не закрывали дверь черного хода. В нашем доме не было кондиционера, и в жару дом быстро нагревался. Сквозняки, создаваемые благодаря открытым дверям и окнам, стали способом борьбы с духотой.

Отец увидел, что мы с мамой наблюдаем за ним.

— Это плохо кончится.

— Они не знают, что она здесь, — возразила мама.

— Знают, — уверенно сказал отец. — Понятия не имею откуда, но знают.

— Так почему бы нам не отдать им ее? Пусть делают с ней, что хотят!

Отец ненадолго задумался и покачал головой:

— По-моему, она знает, где ее муж спрятал документы. Они нам пригодятся, если придется... торговаться.

Мама закатила глаза, а потом включила кофеварку. Достала из буфета коричневый пакет с молотым кофе, положила в фильтр две ложки и нажала кнопку «Пуск». Через минуту кухню заполнил дивный аромат. Хотя отец говорил, что я еще мал, чтобы пить кофе (по его словам, кофеин замедляет рост и позже вызывает бессонницу), запах мне нравился. Мама достала две кружки, разлила в них кофе, поставила кружки на стол и села.

Отец последовал ее примеру. Он взял кружку с сиамской кошкой; на дне ее была надпись: «Сегодня я хочу внушать страх». От кошек я чихаю, и они вовсе не внушают мне страха; поэтому ту кружку я не любил. Не помню, где мы ее купили.

— Можно отвести ее к озеру, утопить и представить все как несчастный случай, — задумчиво произнесла мама.

— Тогда мы откроем банку с червями. Мистер Картер кормит рыб на дне озера; не думаю, что разумно рисковать и привлекать лишнее внимание к этому конкретному водоему, — возразил отец.

— Может, в ее ванной?

Отец отпил еще глоток, поставил чашку на стол и обхватил ее ладонями.

— Те типы уже побывали у них дома и знают, что ее там нет. Поскольку мы создали впечатление, что Картеры уехали в спешке, вряд ли кто-нибудь поверит, что хозяйка неожиданно захотела вернуться и принять ванну.

В голову мне пришла одна мысль. Почему, сам не знаю, но мне показалось, что идея стоящая, так что я изложил ее самым своим «взрослым» голосом.

— Вы можете задушить ее, а тело запихнуть в багажник их машины. Если все правильно обставить, они подумают, что ее убил мистер Картер, а сам сбежал.

И мама, и отец долго смотрели на меня. Я пришел в замешательство; не нужно было ничего говорить. Может, лучше было пойти к себе в комнату и...

— Отличная идея, приятель! — просиял отец. — Машину мы оставили на железнодорожной станции; она

может стать прекрасным подтверждением того, что муженек подался в бега!

Мама кивнула в знак согласия:

— Но сначала нужно бы выяснить, где они спрятали бумаги.

Мне показалось, что отец замер в нерешительности.

— Думаешь, они нам пригодятся? Что ты собираешься с ними сделать?

Мама пожала плечами:

— Страховка. Если те типы не поверят нашей маленькой уловке, не вредно иметь что-то ценное для торговли. А может, он и деньги у них украл? Лишние деньги нам точно не помешают.

— Мы не воры, — возразил отец.

— Если придется переезжать, нам понадобятся деньги. Кто знает, чем закончится эта катастрофа. Из-за Картеров мы завязли по уши, все произошло по их вине. Так что они наши должники.

Если вспомнить, что мама убила мистера Картера, а мы все втроем приковали миссис Картер наручниками к трубе в нашем подвале, я не понимал, почему все произошло «по их вине». Но, наверное, отец в какой-то степени согласился с мамой, потому что он больше не возражал.

Мама допила кофе, встала и поставила пустую кружку в раковину.

— Когда мы это сделаем — сегодня или завтра?

— Лучше действовать днем. Ночью на станции почти никого не бывает; ночью на нас скорее обратят внимание, — ответил отец.

Мама спросила:

— Как ты собираешься заставить ее сказать, где бумаги?

Отец допил кофе и поставил свою кружку рядом с маминой.

— В том-то и загвоздка. Она — крепкий орешек. Может, сама хочешь попробовать?

— Еще как хочу! — Мама широко улыбнулась.

Клэр — день второй, 15.56

Клэр смяла пустую банку из-под пепси и бросила в мусорную корзину, стоящую рядом с Нэшем.

— Сколько прошло времени?

— С тех пор как его увезли в операционную или с последнего раза, когда ты спрашивала? — ответил Клоз.

Клэр покачала головой:

— Все равно... и то и другое... Не знаю! Почему так долго?

— Последний раз ты задавала тот же вопрос двенадцать минут назад. С тех пор как его привезли в отделение неотложной помощи, прошло три с половиной часа. И три часа двенадцать минут — с тех пор как его увезли в операционную.

— Это я во всем виноват, — сказал Нэш, ни к кому конкретно не обращаясь. — Принял его за эксперта-криминалиста... Он фотографировал место происшествия; у него были все нужные допуски. Там были и другие эксперты, и никто не разоблачил его как самозванца!

— Он не был самозванцем, — возразил Клоз. — Во всяком случае, все документы у него в полном порядке. Я поговорил с его начальником. По сведениям из отдела кадров, два месяца назад его перевели из Тусона. Никто не подумал связаться с его прежним местом работы; положились на электронные данные.

— А их подделали?

Клоз кивнул:

— Редко приходится видеть такую отличную хакерскую атаку. По словам его лейтенанта, Уотсон, то есть Бишоп, работал по дюжине дел после того, как попал сюда; он сразу вписался в коллектив. Половина сотрудников считают его первоклассным криминалистом. Он раскрыл два убийства после беглого осмотра пятен крови. Да задержись он там, через два года стал бы начальником отдела!

Клэр посмотрела на него в замешательстве:

— Но ты сам говоришь, что отпечатки значились под другим именем. Почему тебе удалось все выяснить, а криминалистической

лаборатории и отделу кадров — нет?

— Его отпечатки так и шли под двумя именами. Один комплект подтверждает личность Пола Уотсона, но в отделе по делам несовершеннолетних он значится под именем Энсон Бишоп. Помоему, он взломал базу данных и создал «взрослую» копию, чтобы одурачить тех, кто вздумает проверять его прошлое. У его начальства нет доступа к базе данных несовершеннолетних.

— А у тебя есть.

Клоз закатил глаза:

— Официально — тоже нет. Данные по несовершеннолетним преступникам закрыты; нужно только знать, где искать. Забудь о том, как я все разузнал, это сейчас не важно. Важно то, что невозможно узнать имени несовершеннолетнего, пока не войдешь в его досье. Поэтому никому и в голову не пришло, что Пол Уотсон и Энсон Бишоп — одно и то же лицо. Пол Уотсон проходил по делу о мелкой краже в магазине; не настолько серьезное преступление, чтобы помешать ему поступить на работу в экспертно-криминалистическую лабораторию, так что проверяющий, когда он только устраивался на работу, просто закрыл глаза на мелкое правонарушение. Все мы делаем глупости в детстве. Черт возьми, да один наш бывший президент признался, что курил травку; все ангелы умерли много лет назад. И вообще, я не знаю, изучали ли в отделе кадров его биографию. Лично я сомневаюсь, что кто-то копал так глубоко, особенно зная, что он поступил к нам переводом.

— Что нам известно об Энсоне Бишопе? — спросила Клэр.

Клоз хмыкнул:

— Ни хрена нам не известно! Как только я все понял, позвонил Портеру. — Он глубоко вздохнул. — Наверное, я во всем виноват? То есть... если бы я не позвонил Портеру, они бы по-прежнему ездили вместе как ни в чем не бывало... У Бишопы не появился бы повод его ранить. А я со своим звонком, выходит, его подвел!

Стало тихо.

Клоз посмотрел на напарников:

— Эй, не молчите! Вам сейчас положено уверять меня, что я ни в чем не виноват. Что нечто подобное случилось бы все равно.

Нэш ударил его кулаком в плечо.

Клоз вскочил, растирая больное место:

— Какого хрена?

— Если Портер умрет, я тебе все зубы вышибу на фиг, — буркнул Нэш.

— Хватит изображать неандертальца, — осадила его Клэр и повернулась к Клозу: — Конечно, ты не виноват. Ты пытался его предупредить. На твоём месте любой из нас поступил бы так же.

Из коридора к ним вошел врач в очках в металлической оправе, с темно-рыжими волосами. Он как-то странно посмотрел на мужчин и обратился к Клэр:

— Детектив Нортон?

— Да? — Клэр встала.

— Ваш друг перенес операцию без осложнений. Ему очень повезло; нож прошел в нескольких миллиметрах от магистральной артерии. Небольшое отклонение — и он истек бы кровью за минуту. А так он всего лишь получил повреждение мягких тканей. Мы наблюдаем за ним до утра, но я не вижу причин оставлять его здесь дольше.

Клэр порывисто обняла врача, едва не выбив у него блокнот на дощечке с зажимом.

— Можно его навестить? — спросил Нэш.

Врач неуклюже высвободился из объятий Клэр и кивнул:

— Не успел он проснуться после наркоза, как сразу же спросил, где вы. В обычных условиях я бы не пустил к нему посетителей так быстро после операции, но он дал понять, что вы расследуете тяжкое преступление, и, если я не пущу вас к нему, он сам к вам выйдет. Я не могу допустить, чтобы он бродил по больнице, поэтому делаю для вас исключение. Пожалуйста, постарайтесь не слишком его утомлять; ему нужен отдых. — Он показал в сторону коридора: — Пойдемте.

Палата номер 307 была рассчитана на двоих, но вторая кровать у двери пустовала. У Клэр невольно екнуло сердце, когда она увидела на второй кровати Портера, присоединенного к сердечному монитору и с капельницей в руке. Он повернулся к ним, когда они вошли; глаза у него были остекленевшие, далекие.

— Десять минут, — сказал врач перед тем, как уйти к сестринскому посту.

Клэр взяла Портера за руку:

— Как ты, Сэм?

— Как человек, которого ткнули в ногу его же кухонным ножом, — ответил Портер. Голос у него был хриплым, слова довались с трудом.

— Мы его возьмем, — обещал Нэш.

Клоз подошел к кровати робко, опустив голову:

— Прости меня, Сэм!

— Ты не виноват, — ответил Портер. — Я сам должен был догадаться. Он был какой-то странный.

— Ничего в нем странного не было, — возразил Нэш. — Он нас всех провел!

— Что нам о нем известно?

Клоз рассказал об отпечатках, о досье из Комиссии по делам несовершеннолетних.

— Кроме этого, у нас нет ничего. Мы взяли фотографию с его удостоверения и передали в СМИ; они показывают его физиономию где только можно. Капитан дал три пресс-конференции, и еще одна запланирована на шестичасовой выпуск новостей.

У Клэр завибрировал телефон; она посмотрела на экран.

— Тайлер Матерс задержан. Его постараются продержать как можно дольше, но, скорее всего, через несколько часов он выйдет на свободу. Парень уверяет, что, помимо того, что нам рассказал, он больше ничего не знает. Ему показали фотографию Бишопа, но он его не узнал.

— Тайлер Матерс? — нахмурился Портер. — Он-то тут при чем?

Клэр рассказала, что им удалось выяснить — как Кеттнеру заплатили за то, что он покончит с собой, как Тайлер украл туфли Толбота и подбросил учебник.

— Уотсон и есть Обезьяний убийца, — тихо сказал Нэш. — Или Бишоп, или как его там. Поганец проделывал все у нас под носом!

Портер старался переварить то, что узнал, хотя после наркоза был как в тумане.

— Знаю, вам хочется побыть со мной, и все-таки приказываю: возвращайтесь на работу и постарайтесь разузнать про этого парня все что только можно. — Он повернулся на правый бок. — Эмори до сих пор у него, и теперь, когда его легенда накрылась, он, наверное, ускорит события. Время у нее на исходе... У нас время на исходе!

Когда он устраивался на работу, он ведь должен был указать свой адрес?

Клоз кивнул:

— Да, но он написал адрес квартиры Кеттнера.

— Кеттнера? Кто такой Кеттнер?

— Джейкоб Кеттнер — дядя Тайлера Матерса. — Нэш объяснил, как Кеттнера опознали в онкоцентре и установили его родство с приятелем Эмори.

— Ничего себе... значит, он уговорил того типа броситься под автобус?

— Кеттнер умирал, а он заплатил ему кучу денег, — ответил Нэш. — По-моему, смерть под колесами автобуса все же лучше, чем смерть от рака желудка.

— Очень может быть. А вам не кажется, что Тайлер знает, где Бишоп держит Эмори?

Клэр покачала головой:

— Нет, похоже, Бишоп его просто использовал. Мальчишка не понимал, в чем заключается его роль, до тех пор, пока Бишоп не похитил Эмори. Возможно, и когда вы с Нэшем беседовали с ним в первый раз, до него еще не дошло. И его участие в деле можно назвать самым минимальным.

Портер повернулся и тут же поморщился.

— Осторожнее, Сэм! Иначе рана воспалится, — забеспокоился Нэш.

— Подонок точно знал, в какое место воткнуть нож. Понадобилось всего семь швов. Правда, боль адская...

— Если бы он хотел тебя убить, он бы убил. А он просто хотел замедлить наши действия, — заметил Клоз.

Портер снова повернулся; матрас под ним напоминал мокрый картон.

— Надо было мне тогда взять с собой кого-нибудь из вас. Просто мне... было нелегко. Я до сих пор не могу об этом говорить. Наверное, я искал легкого пути, когда взял парня с собой в пятьдесят первый участок.

Клэр взяла его за руку:

— Сэм, мы твоя семья. Можешь говорить с любым из нас или ни с кем. Знай, что мы на все для тебя готовы, когда сам будешь готов.

— Его взяли, — сказал Портер. — Парня, который ее застрелил. Взяли на еще одном ограблении, и кассир из нашего супермаркета его опознал. Все кончено.

Клэр сжала ему руку:

— Мы так и думали, что ты поехал в связи с тем делом. Если тебе что-то нужно, не стесняйся, хорошо?

Портер кивнул:

— Хорошо. Вернемся к нашему делу. Давайте еще раз повторим, что нам известно.

— Ты точно не устанешь? — спросил Нэш.

— Голова немного дурная от наркоза, и еще мне вкололи какое-то чудодейственное обезболивающее. Наверное, оно слегка отупило меня до вашего уровня — до вашего обычного уровня.

— Ну да, обычного... по крайней мере, нас не пырнули ножом.

Портер только отмахнулся:

— Клэр, как думаешь, сможешь все обобщить отсюда?

Она кивнула и подняла повыше телефон:

— У меня все здесь. — Она что-то набрала и вошла в приложение. — Итак, покойник в морге — не Обезьяний убийца; зато на сцену вышел таинственный Энсон Бишоп. — Она повернулась к Клозу: — Пожалуйста, возвращайся на работу и постарайся выяснить о нем все что можно. Особенно его передвижения по городу. Может быть, нам повезет, и мы найдем Эмори на основании данных в навигаторе его сотового телефона. А я пока позвоню судье Ортенсу и получу ордер.

— Скорее всего, он пользовался одноразовым телефоном, — заметил Клоз.

— Может быть, да, а может, и нет. Он не ожидал, что мы выясним, кто он такой, — по крайней мере, так быстро. Попробуй покопаться и в прошлом Пола Уотсона. Там тоже может обнаружиться что-то интересное.

— Проверьте журнал, — сказал Портер.

— Какой журнал? — нахмурилась Клэр.

— Нам пришлось расписаться в пятьдесят первом участке. Значит, он написал там контактный телефон и адрес.

Нэш схватил свой телефон и начал набирать.

— Есть!

Клэр продолжала:

— Мы знаем, что Бишоп заставил Кеттнера надеть туфли. Он хотел, чтобы тот умер в этих туфлях, чтобы мы связали его смерть с Толботом. Значит, все остальное, что обнаружено при покойнике, может стать зацепкой.

— Мелочь, квитанция из химчистки, фетровая шляпа, карманные часы... что все это значит?

— Разгадайте загадку, — пробормотал Портер.

— Что?

Портер покачал головой:

— Фраза, которая то и дело встречается в его дневнике. Кстати, передайте мне его, пожалуйста. Когда меня сюда привезли, он лежал в кармане брюк.

Клэр нашла одежду Портера в запечатанном пакете на полке в шкафу справа от ванной. Она достала дневник и передала ему тетрадку.

— Раз уж здесь застрял, я его дочитаю. До конца немного осталось.

Нэш разъединился и вернулся к кровати Портера.

— В пятьдесят первом он написал не адрес Кеттнера, а адрес на Ласалль-стрит; там какой-то новый жилой комплекс, «Беруин-апартаментс».

— Ну да, наверное, это тоже не случайно. Вызывайте Эспинозу и отправляйтесь с Клэр туда, — велел Портер.

— Как по-твоему, каков его эндшпиль? — спросил Нэш. — Мы многое узнали про Толбота, но по-прежнему недостаточно для того, чтобы предъявить ему обвинения. Скорее всего, Бишоп с ним еще не закончил. В головоломке не хватает кусочков.

— Толботу Эмори нужна живой; он собирается достраивать жилой комплекс на набережной, — заметила Клэр.

— Почему? — спросил Портер.

Она рассказала, что им удалось узнать на втором допросе Толбота.

— Это не значит, что она нужна живой Бишопу, — возразил Нэш. — Наоборот, он может прикончить ее только ради того, чтобы стройка остановилась.

Портер задумался.

— Я согласен с Нэшем. Обезьяний убийца всегда убивает близких того, кто совершает преступление. Не думаю, что его хоть сколько-нибудь заботит судьба Эмори. Главное для него — уничтожить Толбота. По-моему, убежав из моего дома, он отправился напрямиком в то место, где держит ее. Для него игра перешла в эндшпиль. Он считает, что на ней все и закончится.

ИНФОРМАЦИЯ ПО ДЕЛУ

У40 = Пол Уотсон = Энсон Бишоп

Жертвы

1. Калли Тремел, 20 лет, 15.12.2009
2. Эль Бортон, 23 года, 02.10.2010
3. Мисси Ламекс, 18 лет, 24.07.2011
4. Барбара Макинли, 17 лет, 03.12.2012 (единственная блондинка)
5. Сьюзен Деворо, 26 лет, 18.04.2013
6. Эллисон Краммер, 19 лет, 09.11.2013
7. Джоди Блумингтон, 22 года, 13.05.2014

Эмори Коннорс, 15 лет, 03.11.2014

Вчера вышла на пробежку в 18.00

ТАЙЛЕР МАТЕРС

Бойфренд Эмори, племянник

ДЖЕЙКОБА КЕТТНЕРА — человека, сбитого автобусом.

АРТУР ТОЛБОТ

Финансы?

В здании «Малифакс комьюникейшенз» (владелец Толбот) обнаружен труп Гюнтера Херберта, главного финансового директора «Толбот энтерпрайзиз». Подозрительная деятельность в связи с «Озерным причалом» (владелец Толбот). Земля принадлежит Эмори/«Озерный причал».

Н. БАРРОУЗ

~~Экономка? Няня?~~ Гувернантка.

~~Есть ключ-карта, но не включена в список постоянных гостей.~~

Вещи, обнаруженные на трупе ~~У40~~ Кеттнера:

Дорогие туфли — «Джон Лоббс»/1500 долл./пара — размер 44,5/~~неус. жертва~~. Кеттнер носит 42-й. **На туфлях отпечатки Толбота.**

Дешевый костюм.

Мягкая фетровая шляпа.

75 центов мелочью (2 четвертака, 2 монеты по 10 центов и 1 по 5 центов).

Карманные часы.

Квитанция из химчистки (54 873) — Клоз составит список ближайших приемных пунктов.

Умирал от рака желудка — лекарства: октреотид, трастузумаб, оксикодон, лоразепам.

Татуировка на внутренней стороне правого запястья — цифра 8, символ бесконечности?

Учебник высшей математики — подброшен У4О — указание на склад «Малифакс комьюникейшенз».

На вагонетке у входа в туннель обнаружен частичный отпечаток пальца. Возможно, на ней перевозили тело.

Ухо, глаза и язык оставлены в коробках (Гюнтер Херберт) — рекламный проспект и коробки указывают на «Озерный причал», участки под застройку.

Подробный обыск результатов не дал.

Запись с камеры: судя по всему, Кеттнер покончил с собой, нет четкого изображения его лица.

Задания:

— Клэр и Нэш отправляются на Ласалль-стрит (квартира У4О/Бишопа).

— Клоз: биография Уотсона/Бишопа/У4О.

— Портер: дочитать дневник.

— Отец попросил кое-что вам передать, — сказал я, откашлявшись.

Миссис Картер сидела на краю раскладушки и смотрела на меня налитыми кровью глазами. Неужели она опять плакала?

Я продолжал:

— Если вы не скажете ему, куда ваш муж спрятал документы, он позволит маме спуститься сюда, чтобы это выяснить, и все может закончиться плохо для заинтересованных сторон. Могу вам сказать по личному опыту, что маме недостает отцовской сдержанности. Более того, она бывает довольно порывистой, даже деструктивной. Она может сделать вам по-настоящему больно. Она до сих пор кипит после вашей утренней перепалки.

Миссис Картер прищурилась:

— Пошел ты, маленький засранец!

Такие выражения в нашем доме недопустимы, и я был рад, что ни мама, ни отец ее не слышали.

— У вас время до утра. Спокойной ночи!

Эмори — день второй, 16.18

В мире Эмори наступила тишина.

Тишина такая оглушительная, что кровь ударила ей в голову и в здоровое ухо. Она обжигала ее изнутри, как кипящее масло. Эмори зажала ухо рукой. Вторая болела нестерпимо — Эмори даже выругалась.

Почему кошмар не заканчивается?

Почему он не может закончиться?

— Пожалуйста, убей меня, и все, — прошептала Эмори и не узнала собственный голос. Она слышала себя словно со стороны. Слышала тонкий металлический голосок. Во рту пересохло; язык царапал небо, как кусок наждака.

Музыка умолкла, сменившись громким звоном; она понимала, что звон только у нее в голове, но он все равно эхом отдавался от стен. От него усилилась мигрень, которая выросла из простой головной боли. Она испытывала единственное желание: умереть, только бы не провести еще час в этом аду.

Музыка закончилась. Но она вернется. Музыка всегда возвращалась.

Последней была песня «Лед Зеппелин». Эмори знала ее, только понятия не имела откуда. То, что она так быстро вспомнила название группы, хотя не могла сообразить, какой сегодня день недели, ее удивило. Потом зазвучала их же «Лестница в Небеса», и она стала ждать такую лестницу; она слышала эту песню уже четыре раза с тех пор, как попала сюда, и начала воспринимать мелодию как официальный знак того, что прошел еще один день, но сегодня этой песни не было. Или была? Когда она звучала в последний раз? Эмори не помнила. Она вообще ничего не помнила.

«Ты обезвожена, детка. По-моему, у тебя и рука воспалилась. Состояние у тебя — не позавидуешь. Никто не пригласит тебя на выпускной в таком виде, это уж точно».

Да, наверное, рука у нее воспалилась. Боль в запястье была почти сравнимой с головной болью.

Эмори не хотелось даже дотрагиваться до запястья.

Нет, она не станет дотрагиваться.

Ни за что!

В последний раз, когда она прикасалась к запястью, ей показалось, что это вообще не ее рука, а чем-то набитая перчатка. Рука раздулась и стала больше обычной раза в два. Вокруг наручника все стало мокрым и скользким. Как ни странно, возле наручника болело не так сильно. Интересно почему. Может, наручники пережали нервы?

Кости тоже торчали как-то странно; пальцы изогнулись под непривычным углом. Нехорошо, совсем плохо.

Снова пощупать пульс? Даже это уже не казалось ей важным.

«Наверное, ты сейчас могла бы съесть крысу».

— Не буду я есть крысу, — сказала Эмори, потирая висок. — Лучше умереть!

«Правда, дорогуша? А вот я скорее съела бы крысу. Я бы съела крысу, даже не задумываясь, если бы очутилась на твоём месте. Можно свернуть ей шею и разрезать ее острым краем каталки. Если все сделать быстро, мясо будет еще теплым. Все равно что есть остатки курицы из ведерка; ты так делала, я видела».

— Я не буду есть крысу! — повторила Эмори, громче и более вызывающе.

«В темноте можно представлять, что ты ешь что-нибудь другое. Например, ребрышки... Ты ведь любишь ребрышки».

У Эмори забурчало в животе. Да, ребрышки она любила.

«Твои друзья все равно ничего не узнают, и даже если узнают, думаешь, они будут тебя обвинять? Спорим, они поздравят тебя, потому что ты такая смелая и находчивая. Может быть, тебя даже наградят».

Хотя Эмори не видела никаких крыс, она была уверена, что в ее камере больше чем одна крыса. Когда она лежала на полу, зверьки иногда пробежали по ее ногам. Даже сейчас, сидя на каталке, она чувствовала их присутствие. Крысы следили за ней... Волосы у нее на затылке встали дыбом. Видят ли крысы в темноте? И думала ли она уже об этом? Она не помнила.

«Конечно, чтобы съесть крысу, ее вначале нужно поймать. Во всяком случае, попробовать-то стоит, верно? Это будет наша маленькая тайна. Обещаю, я никому не скажу. Небольшой перекус пойдет тебе на

пользу. К тебе вернутся силы, ты сможешь сосредоточиться. Может быть, ты даже сможешь решить маленькую загадку и сообразишь, как отсюда выбраться. Я слышала, что крысы очень полезны для мозга, улучшают память».

Эмори закрыла глаза и глубоко вздохнула, потом стала считать от десяти до одного, пытаясь выгнать голос из головы. Когда она досчитала до одного, наступила тишина.

«Наверное, глаза у них похожи по вкусу на карамель».

— Заткнись! — закричала она. — Я. Не. Стану. Есть. Крысу!

«Успокойся, милая. Я совершенно уверена, что крысы не задумываясь съедят тебя, когда ты наконец умрешь от голода. Они, наверное, уже сейчас тянут соломинки, кому кусать тебя первому».

Громкий щелчок.

От ослепительно-яркого света Эмори зажмурилась; когда оказалось, что этого недостаточно, она прижалась лицом к ноге и закрыла голову рукой. Но ничего не помогало; розовая пелена прорывалась сквозь все преграды. Она видела кровеносные сосуды на веках. Свет был таким ярким, что обжигал.

Эмори услышала чей-то пронзительный визг. Не сразу до нее дошло, что визжит она сама. Она заставила себя замолчать и теперь слышала только громкое биение сердца и свист, который вырывался у нее из груди.

Эмори заставила себя посмотреть на свет. Заставила себя открыть глаза, наполнившиеся слезами. Она сразу поняла, что яркий свет проникает откуда-то сверху. Она выгнула спину и задрала голову, глядя на свет.

Где-то там, высоко, двигалась тень. Она была невозможно высоко. Потом у тени появился голос. Он был громким, потому что прокатывался по стенам, как будто его владелец стоял всего в нескольких шагах:

— Привет, Эмори! Извини, что так долго не навещал тебя; я был очень занят.

Не помню, как я заснул, но, должно быть, в какой-то момент я просто провалился в сон, потому что до того лежал на спине, а потом очнулся на боку, а на подушке рядом со мной растеклась лужица слюны. На мне по-прежнему была вчерашняя одежда, за исключением теннисных туфель, потому что нельзя ложиться в постель в туфлях, пусть даже на покрывало. Отец велел нам с мамой не раздеваться, чтобы можно было действовать быстро, если ночью вдруг вернется «мистер Джонс».

Судя по часам, стоявшим на прикроватной тумбочке, было начало восьмого.

Я встал, потянулся и подошел к двери.

Я почему-то знал, что мама больше не хочет сделать мне больно, но решил, что лучше все же быть осторожным.

Я вытащил ножку стула из дверной ручки — стул заскрипел. Потом осторожно вышел в коридор.

Отец снова спал на диване. Может быть, он отключился. На полу рядом с ним валялась пустая бутылка из-под рома «Капитан Морган», и он громко храпел.

Дверь в родительскую спальню была плотно закрыта. Скорее всего, мама тоже крепко спала. Оба они вчера долго сидели, обсуждая сложившееся положение. Я хотел остаться с ними, но отец отправил меня спать. По-моему, он просто хотел поговорить с мамой наедине.

Хотя я осознавал, что подслушивать нехорошо, тем более для растущего юного джентльмена, тем не менее я слушал. К сожалению, они предвидели мои действия, потому что говорили приглушенно. Из моей комнаты слов было не разобрать.

Наверное, их разговор ничем хорошим не закончился, потому что мама одна ушла в спальню, а отец вторую ночь подряд провел на диване. Если только он не решил нас

охранять. Если он возложил на себя такую обязанность, то выполнял он ее плохо.

Мама в спальне, значит, она еще не говорила с миссис Картер. Тоже хорошо, потому что я хотел принять участие в беседе, если, конечно, мне позволят.

Отец тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок. Левая рука упала с дивана, задев бутылку из-под «Капитана Моргана». Он облизнул губы и снова погрузился в сон.

Я догадывался, что он скоро проснется, а по собственному недавнему опыту я знал, что у него, скорее всего, будет ужасно болеть голова, а вскоре разыграется аппетит, поэтому отправился на кухню готовить завтрак. Через двадцать минут я приготовил тосты с маслом, нарезал апельсины. На приставном столике в сковородке аппетитно шкварчала яичница с сыром.

Как ребенок на дудочку Крысолова, на запах из спальни высунулась мама; она зевнула и села за стол.

— Ты кофе сварил?

Да, я сварил кофе, поэтому поставил перед ней чашку и налил так, как она любит: с двумя кусочками сахара и капелькой сливок.

— Спасибо.

Отец снова тяжело вздохнул и на этот раз проснулся. Спустил ноги на пол и вытер усталые, красные глаза.

— Который час? — Голос у него был хриплый и раздраженный.

— Восемь ноль семь, — ответил я. — Отец, хочешь позавтракать?

Он кивнул, встал и потянулся у большого окна в гостиной.

— Ой-ой.

Отец смотрел на улицу; лицо у него было осунувшимся и бледным.

— Вы только посмотрите!

Мы с мамой подошли к нему. Мне показалось, что кто-то сжал мое сердце в кулак.

Перед соседним домом стоял «додж» Картеров. Обе дверцы были открыты, а одежда, которую я так старательно упаковывал, валялась на лужайке и на дорожке. Не только у них на дворе и на дорожке, но и на нашем дворе тоже. Я заметил рубашку, свисающую с большого дерева в углу нашего участка; теннисные туфли и шлепанцы украшали мамин розовый куст, а...

Ой-ой... отцовский «порше»! Крыша была опущена, пассажирская дверца стояла приоткрытая. Отец никогда не оставлял машину открытой на ночь, если машина не стояла в гараже, а уж оставлять открытую дверцу было недопустимо в любых условиях.

Отец поспешно выбежал на улицу. Я пытался его остановить, боясь, что те, кто это сделали (скорее всего, «мистер Джонс» и его приятель, но я не спешил с выводами), могут быть еще там, но мне не хватило сил, чтобы удержать его.

Подойдя к машине, я понял, что верх вовсе не опущен; его просто больше не было. Кто-то располосовал его ножом; рваные куски материи валялись на водительском сиденье.

Одним верхом ущерб не ограничился.

Все четыре колеса оказались спущены. Я осмотрел ближайшее ко мне и без труда увидел, в каком месте покрышку проткнули ножом. Разрезов было несколько. Два из них — точно сбоку, поэтому о заплатах и речи быть не могло. Придется полностью менять покрышку. Я предположил, что и остальные в таком же состоянии.

Обе фары оказались разбиты; осколки валялись на бампере и на дорожке. Задние фонари тоже. Кто-то бил по ним ногой или бейсбольной битой; трудно сказать, чем именно.

Как им удалось все проделать, не поднимая шума? Мы бы наверняка услышали...

На краске были нацарапаны слова — грязные слова, ругательства. А сиденья? Варвары располосовали ножом не только верх машины, но и салон. Набивка вылезла наружу...

Мы с отцом почти одновременно заметили, что капот машины приподнят, и вместе подняли его до конца. В нашей модели, «бокстер», мотор располагался посередине. Почти до всех жизненно важных деталей можно было добраться, только если приподнять машину домкратом. Но вредителей это не остановило. Они выдернули провода, ведущие к аккумулятору, выведя из строя всю электрику. Пахло серной кислотой. Ущерб от такого маневра был мгновенным, но вредители не пожалели времени и воткнули провода как попало, производя еще больше ущерба. Аккумулятор потек. Серная кислота залила запаску и инструменты, которые отец хранил в переднем багажнике.

Задний багажник тоже был открыт. Вредители отвинтили и выкинули крышки масляного фильтра и бачка с охлаждающей жидкостью. Внутри они всыпали почти по полкило сахара — явно не поскупились. Мы нашли сахар и вокруг бензобака.

Отец стоял молча, не произнося ни слова.

Он не сводил взгляда со своего любимого «порше», и его руки, упавшие вдоль туловища, дрожали.

Мамина машина оказалась не в лучшем состоянии; все четыре шины ее «форда-темпо» были проколоты, капот поднят.

Я огляделся в поисках зеленого «плимута», но его нигде не было видно.

Мама смотрела на дом Картеров. Парадная дверь была открыта.

Портер — день второй, 16.40

Ожил телефон, стоящий на тумбочке рядом с кроватью; он трезвонил так громко, что Портер невольно вздрогнул. Ногу сводило болью. Он поморщился и потер швы на бедре, потом взял трубку.

— Алло!

— Сэм, как ты себя чувствуешь? — Он узнал голос человека, которого привык считать Полом Уотсоном. Теперь оказалось, что его звали Энсоном Бишопом. Вместе с именем поменялась и манера говорить: теперь его голос звучал уверенно. Портер понял, что его собеседник именно такой на самом деле; личина по фамилии Уотсон была просто маской.

— Чувствую себя как человек, которого пытались убить, — ответил Портер, бессознательно дотрагиваясь свободной рукой до швов на ноге.

— Сэм, я не пытался тебя убить. Если бы это было так, ты бы сейчас был мертв. Зачем мне покушаться на жизнь моего любимого игрока?

Портер огляделся, ища свой сотовый телефон, потом вспомнил, что Бишоп наступил на него и раздавил еще там, у него дома. Если бы он мог позвонить в управление, можно было бы отследить звонок.

— Сэм, я звоню с одноразового телефона — такие продаются в любой аптеке. Я активировал сим-карту, купленную за наличные больше месяца назад. Наверное, ты бы попробовал отследить звонок, если бы мог, но какой смысл? Через несколько минут трубка окажется в реке Чикаго вместе с другим мусором, а я буду далеко.

— Где Эмори?

— Вот именно — где Эмори? — передразнил его собеседник.

— Она жива?

Бишоп промолчал.

Портер заставил себя сесть, не обращая внимания на боль.

— Не нужно причинять ей боль. Скажи, что у тебя есть на Толбота, и мы его арестуем. Слово даю!

Бишоп хихикнул:

— Я тебе верю, Сэм. Верю, что ты бы так и поступил. Но мы оба понимаем, что в эту игру так не играют, ведь верно?

— Больше никто не должен умереть!

— Обязательно должен! Как же иначе все узнают?

— Бишоп, если ты убьешь ее, ты совершишь зло. И будешь не лучше тех, против кого ты... борешься, — сказал Портер.

— Толбот — подонок. Он как зеленый, сочащийся гнойник, который расползается по миру; его нужно вырезать и выкинуть до того, как он погубит окружающие ткани. В лучшем случае его можно сравнить с раковой опухолью.

— Но зачем вредить Эмори? Почему не убить его?

Бишоп вздохнул:

— Для того чтобы победить короля, необходимо жертвовать пешками.

— Это не игра.

— Игра, Сэм. Все на свете игра. И все мы — фигуры на доске. Разве ты ничего не понял из моего дневника? Я думал, живущий в тебе психолог уже успел все свести воедино. Я давно понял, что лучше всего наказывать отцов страданиями их детей. Кто-то вроде Толбота, наверное, догадывается, что рано или поздно ему придется расплатиться за свои преступления; мысленно он готовится. Он ждет, когда настанет день расплаты. Если бросить его в тюрьму, он ничему не научится, он не возродится, он не исправится. Отсидит свой срок, выйдет на свободу и начнет делать что-то еще хуже прежнего. Но... если забрать у того же человека ребенка в наказание за то, что он натворил... Тогда начнется уже совсем другая игра, другой разговор. До конца дней своих он будет проклинать себя за свои злодеяния. И каждый миг он будет сознавать, что его ребенок погиб за его грехи.

— Эмори невинна, — не сдавался Портер.

— Она очень храбрая. Я сказал ей, что ее жертва будет способствовать изменениям к лучшему. Объяснил, как ее отец навлек беду на них обоих. По-моему, она меня понимает.

Он говорил о ней в настоящем времени. Значит, она еще жива?

— Очень прошу тебя тоже постараться понять. Для меня очень важно, чтобы ты понял. Собери воедино то, что я тебе дал. Разгадай загадку. Ответ лежит у тебя на ладони... точнее, лежал.

— Ты сказал, все, что мне нужно, можно найти в дневнике?

Бишоп вздохнул:

— Разве я так сказал?

Портер полистал страницы тетрадки:

— Я почти дочитал.

— Вот именно, Сэм. Почти. — Бишоп глубоко вдохнул и медленно выдохнул. — Наверное, твои друзья сейчас в моей квартире. Может быть, они сумеют тебе помочь?

— Бишоп, где Эмори?

— Элементарно, дорогой Уотсон, — помнишь, как ты говорил вчера? Жаль, что нам пришлось так рано оборвать этот фарс. Я получил огромное удовольствие, играя в детектива с тобой и твоими друзьями. Я буду скучать и по своим коллегам по криминалистической лаборатории.

— Зачем ты это сделал? Зачем притворился экспертом-криминалистом? Зачем уговорил Кеттнера покончить с собой? В чем смысл?

Бишоп снова рассмеялся:

— В самом деле, зачем? — Он помолчал, а потом задумчиво заговорил: — Наверное, Сэм, мне стало любопытно.захотелось взглянуть на тебя поближе. Ты много лет гоняешься за мной; мы с тобой мило играем в кошки-мышки. Мне захотелось лучше тебя понять. Однажды отец сказал: «Из двух зол выбирай меньшее». Мне нужно было узнать тебя. Не хочу лгать, меня привлекал и вызов. Приятно бросить вызов самому себе, ты согласен?

— По-моему, ты псих на всю голову, мать твою, — ответил Портер.

— Ну-ну, не нужно сквернословить! Помни уроки моего отца. Если говоришь зло, это ведет к еще большему злу, а его в нашем мире и без того хватает.

— Отпусти ее, Бишоп! Отпусти и уходи. Покончи с этим.

Бишоп кашлянул:

— Сэм, у меня для тебя еще несколько коробок. Свежих коробок. Правда, боюсь, у меня не будет времени отправить их по почте. Ты не возражаешь, если я просто оставлю их где-нибудь для тебя? В таком месте, где ты их непременно найдешь?

— Где она? — снова спросил Портер.

— Может быть, я уже оставил их. Может быть, тебе пора поговорить с Клэр и Нэшем.

— Если ты сделал ей больно, я тебя убью, — зарычал Портер.

— Тик-так, Сэм. Тик-так.

Щелк!

Разговор прервался.

Портер еще какое-то время держал в руке трубку; от нее отражалось его собственное дыхание. Он положил трубку на рычаг.

«Тик-так»...

Бишоп играл в другую игру.

Портер встал, стараясь двигаться медленно, не убирая руки с раны. Швы тянули, но держали крепко. Со стола справа он взял бинт и пластырь. Приложил бинт к ране и приклеил его, потом слегка выкрутил ступню влево, вправо, проверяя свою работу. Повязка держалась, но он все равно на всякий случай обмотал ее еще несколькими витками пластыря.

Стараясь не давить на больную ногу, Портер подошел к стенному шкафу; его рубашка висела на плечиках, а ботинки были на полке. Брюки на нем разрезали; наверное, они сейчас в мусорной корзине.

Дерьмово!

Портер выдвигал ящики тумбочки, а потом заметил зеленую хирургическую «пижаму» и надел ее — она была тесновата, но ничего, сойдет. Потянулся за ботинками и замер, заметив, что изнутри торчит кусочек целлофана: пакет для вещдоков, в котором лежали карманные часы.

Они поблескивали под флуоресцентной лампой.

Сердце глухо забило где-то в горле.

«Неужели все так просто?»

Трава была еще влажной от росы и липла к туфлям. Я зашагал к дому Картеров, ни о чем особенно не думая, и, хотя не мог их слышать, я знал, что мои родители идут в нескольких шагах за мной. Я все время ожидал, что кто-нибудь из них прикажет мне остановиться, подождать или зайти им за спины, но такого приказа так и не последовало. Наверное, отец был в шоке, а какие мысли бродили в голове у мамы, мне трудно даже представить.

Поравнявшись с машиной Картеров, я понял, что она примерно в таком же состоянии, что и отцовский «порше». Я сказал «примерно», потому что все-таки состояние машины Картеров было не таким. Да, неизвестные разрезали шины, подняли капот и порвали проводку. Да, они насыпали сахар в бензобак и маслопровод. Сделали машину совершенно неподвижной, но разрушение не было таким личным. Они не порезали сиденья, не разбили фары и стекла; ограничили резню тем, что превратили машину в грудку бесполезного металла, и на том остановились. Что же касается отцовского «порше», они набросились не только на саму машину — они набросились на него. Точнее, оставили ему недвусмысленное послание: «Пошел ты и пошла твоя семья за то, что лезете в наши дела». Вот что на самом деле они хотели сказать. Я понимал, что не должен допускать таких выражений даже в мыслях, а писать такие слова на бумаге еще хуже, но иногда единственными словами, способными описать плохие вещи в жизни, являются бранные слова, и тогда был самый подходящий момент.

Дорожная сумка, которую я уложил не так старательно, как чемодан, была взрезана, и содержимое валялось на крыльце Картеров: лекарства, зубная щетка, дезодорант — кто-то выдавил тюбик зубной пасты под ноги; половицы запачкались. Муравьи пришли в восторг и уже начали

растаскивать белую пасту, пряча ее куда-то между пятой и шестой ступенькой крыльца. Мне хотелось раздавить их, но я сдержался.

— Старайтесь не наступать в зубную пасту; ни к чему оставлять следы, — прошептал я.

Отец что-то проворчал у меня за спиной. Уверен, он восхищался моей предусмотрительностью, но я не виню его за то, что он меня не похвалил.

Внутренняя дверь, как и наружная, сетчатая, была открыта. Я заглянул на кухню.

Обернулся, посмотрел на улицу, чтобы убедиться, что зеленый «порше» не вернулся, и вошел.

Лужа бурбона высохла и заполнилась трупами мертвых пьяных муравьев. След сужался и исчезал под раковиной. Кто-то смел осколки в кучку в дальнем углу.

На кухонном столе были разложены в ряд шесть фотографий — фотографий, которые я никогда раньше не видел, но которые тем не менее выглядели знакомыми: голые мама и миссис Картер в постели.

Клэр — день второй, 16.47

Клэр вдавила в пол акселератор «хонды». Она въехала в туннель на Ласалль-стрит; красно-синие огни ее мигалки отражались от белых бетонных стенок.

— Каковы шансы, что он держит ее взаперти в своей квартире? — спросил Нэш. Он так крепко ухватился за ручку дверцы, что у него побелели костяшки пальцев.

Клэр фыркнула:

— Что, не нравится мой стиль вождения?

Нэш вспыхнул, выпустил дверцу и принялся сгибать и разгибать пальцы.

— Ты несешься под сто тридцать километров в час по центру города в начале вечернего часа пик. Удивляюсь, как ты еще не выскочила на тротуар и не скосила нескольких пешеходов.

Клэр круто повернула, подрезав пожилого мужчину в черном БМВ. Тот нажал на клаксон и выставил средний палец.

— Машины экстренных служб имеют право проезжать вне очереди, козел! — крикнула Клэр, глядя в зеркало заднего вида и тоже показывая водителю средний палец.

— Ты не ответила на мой вопрос, — заметил Нэш.

— Хочешь знать мое мнение? По-моему, Уотсон, Бишоп, или как его там зовут, с нами играет. Мы ворвемся к нему в квартиру, и все взорвется к чертям собачьим, вот что я думаю, — сказала Клэр. — И знаешь что еще? Если есть какой-то шанс, что она там, по-моему, игра стоит свеч. С самого начала для него все происходящее было игрой; мы были как мыши, которые бегают в лабиринте. Мы едем к нему на квартиру, потому что так хочет он, все очень просто. Иначе зачем он записал свой адрес? По-моему...

— Смотри! — воскликнул Нэш.

Клэр резко выкрутила руль, выскочила на тротуар и в последний миг избежала столкновения с мусоровозом. Выровняв руль влево, она выскочила на дорогу, едва не столкнувшись с лотком с хот-догами — Нэш мог бы высунуться из окошка и взять себе обед.

— По-моему, пока он дергает нас за ниточки, Эмори еще жива.

— Ты намерена делать вид, будто самого страшного еще не произошло?

— Да, — кивнула Клэр.

Нэш закатил глаза:

— Выключи сирену и мигалку; мы уже близко. Его здание должно быть впереди справа.

— Вон Эпиноза. — Она показала на темно-синий фургон с надписью «Квятковски. Сантехнические работы», который стоял в двух кварталах от них. Клэр остановилась во втором ряду через три машины после фургона, набрала номер Эпинозы и включила громкую связь.

Они слышали его голос сквозь треск помех:

— Это двухэтажный дом; возле него стоит красная «тойота-камри».

Клэр и Нэш вместе посмотрели в нужную сторону.

— Ясно!

— Мои ребята заняли позицию. Квартира Бишопы на первом этаже, вторая дверь справа, если смотреть с улицы. Мы следим за ней уже двадцать минут. Жалюзи опущены. Тепловизоры не срабатывают. Наличие внутри взрывных устройств подтвердить невозможно. Правда, стены в доме кирпичные, поэтому нам трудно работать. Давайте так: мы войдем, проверим все помещения и скажем, когда вам можно идти за нами. Ясно?

— Поняла тебя, — сказала Клэр. — Мы готовы; ждем твоего сигнала.

Эпиноза начал выкрикивать команды. Три человека быстро выбежали из фургона; двое побежали к парадной двери, а третий обогнул дом и направился к черному ходу. Подбежав к двери, первый крикнул: «Полиция!» — и снес дверь небольшим тараном; напарник его прикрывал. Оба нырнули внутрь и скрылись из виду.

— Кто там с тараном был? Эпиноза и Броган?

Клэр прикрыла глаза козырьком — заходящее солнце слепило глаза:

— По-моему, да.

Они слышали голос Эпинозы:

— Детективы, все чисто!

Клэр и Нэш вышли из «хонды» и побежали через дорогу с пистолетами в руках.

Когда они подошли к парадной двери, из квартиры вышел Эспиноза.

— Он знал, что мы придем. Он так и хотел.

— Почему? Что там?

Эспиноза кивнул, обернувшись через плечо:

— Сами смотрите.

Клэр нахмурилась и перешагнула через порог.

Квартира была не очень большой — приблизительно семьдесят пять квадратных метров. Сразу из прихожей вошедшие попадали в гостиную; слева от нее находилась маленькая кухня, справа ванная. Еще одна дверь с противоположной стороны вела, скорее всего, в спальню. Никакой мебели в квартире не было; судя по всему, кухней не пользовались. Стены были голые.

Посреди комнаты стояла белая коробка, перевязанная черной бечевкой.

Я быстро запихнул фотографии в карман, за секунду до того, как мама и отец вошли на кухню.

— Здесь чем-то ужасно воняет. — Мама наморщила нос.

Отец показал на холодильник:

— Кто-то оставил дверцу открытой. Там, наверное, все испортилось.

Я не вынимал руки из кармана и все время боялся, что фотографии выпадут.

Отец присвистнул:

— Вижу, здесь они тоже порезвились!

В самом деле, незваные гости учинили хаос и в доме Картеров. Все кухонные шкафчики были открыты нараспашку, содержимое валялось на полу и на столешницах. В гостиной они распороли диван и подушки; по комнате летала набивка, похожая на белые шары перекасти-поля. Они нацарапали большой крест или букву X на экране телевизора. Изорвали все книги из библиотеки миссис Картер. Ни одна вещь не осталась нетронутой.

— Как-то мне не по себе, — призналась мама. — Нам лучше уйти.

Отец быстро осмотрел спальню в другом конце коридора и вернулся на кухню.

— Если то, что они искали, было здесь, они, скорее всего, это нашли. Они побывали во всех комнатах и осмотрели все возможные тайники.

— Я хочу уйти, — мама зашаркала ногами.

Я первым услышал шум мотора, но отец все равно очутился у сетчатой двери раньше меня. Я вовремя подбежал к нему и увидел, как на дорожку перед домом поворачивает зеленый «плимут». Утреннее солнце блестело на ветровом стекле, и я не видел, кто сидит внутри.

— Быстро домой! — приказал отец.

Мы бросились бежать: мама первой, я посередине, а отец — за мной. Я был готов к тому, что он развернется к незваным гостям и отомстит за свой «порше», но он этого не сделал. Отец был очень умен. Он не позволял гневу одержать над собой верх.

Я взлетел на ступеньки крыльца и услышал, как завизжали тормоза «плимута». Дверца со скрипом распахнулась, и мы услышали знакомый звук: кто-то взводил курок. Потом «мистер Джонс» громко сказал:

— Здравствуйте, соседи! Что, соскучились?

Портер — день второй, 16.57

Выйдя из главных больничных ворот, Портер заметил, что из такси, остановившегося неподалеку, выходит молодая женщина. Сунув два пальца в рот, он свистнул так громко, что идущий ему навстречу пожилой джентльмен вздрогнул. Портер вымученно улыбнулся, кивнул старичку и заковылял к такси.

Когда он с трудом упал на заднее сиденье, водитель ухмыльнулся:

— Вы что, спасаетесь бегством?

— Что? — Портер захлопнул дверцу и поморщился — нога разболелась от напряжения.

— На вас хирургичка, но для медика видок диковатый.

Портер рассеянно улыбнулся:

— Нет, что вы. Один из моих сотрудников ткнул меня в ногу кухонным ножом и бросил подышать на кухне. Я не мог найти свою одежду, поэтому взял эту.

— Остроумно! — Водитель ухмыльнулся. — Куда едем?

— В магазин под названием «Отец Время. Антиквариат. Коллекции». Где-то рядом с Белмонт-авеню, — сказал Портер.

— Адрес?

Портер понял, что точного адреса у него нет. Потянулся за телефоном, но в очередной раз вспомнил, что Бишоп раздавил его ногой.

— Не знаю. Мне только сказали, что магазин в районе Белмонт-авеню.

Водитель закатил глаза, достал свой телефон и вошел в поисковик.

— Есть! Уэст-Белмонт, 316. Похоже, через дорогу от Белмонт-Хаус.

— Похоже, что так. — Портер посмотрел в окошко. Начинался вечерний час пик. — Если скажу, что я коп, вы ведь все равно не сможете доставить меня на место быстрее, верно?

Водитель ловко встроился в поток машин и посмотрел на Портера в зеркало заднего вида:

— Значок покажите!

Портер полез в задний карман, но сообразил, что на нем не его брюки, а хирургическая «пижама».

— Он остался в моих...

— В штанах, распоротых ножом?

— Ага.

— Посмотрим, как получится.

Портер достал дневник и начал читать с того места, где закончил в прошлый раз.

Мне показалось, что я почувствовал пулю еще до того, как услышал выстрел. Пуля просвистела рядом с моей головой и застряла в деревянном косяке сантиметрах в пятнадцати справа от меня; щепки разлетелись в воздухе; одна из них впиалась мне в щеку. Не давая мне дотронуться до щеки и оценить ущерб, отец врезался мне в спину и толкнул меня вперед. Потеряв равновесие, я упал и прокатился по полу, остановившись сбоку от дивана. Подполз к маме — она сидела за спинкой, скорчившись и переводя взгляд с меня на дверь. Отец у меня за спиной закрыл дверь ногой.

Он не вставал с пола. Приподнялся только на миг, молниеносно задвинул засов и снова упал.

— Он тебя подстрелил! — взвизгнула мама.

Я покачал головой:

— Нет, мама, это всего лишь щепка; ничего серьезного. Все будет хорошо.

Не сразу я сообразил, что она обращается не ко мне. Проследив за ее взглядом, я увидел, что отец прижимает левую руку к правому плечу. Между его пальцами расплзлось красное пятно.

Мама встала и подошла к нему.

— Лежи! — приказал отец.

Она опустилась рядом с ним на колени:

— Дай посмотреть.

— Только сверху задело. По-моему, это просто царапина.

Мама расстегнула на нем рубашку и осмотрела рану.

— Принеси аптечку и влажное полотенце, только голову опускай пониже, — велела она мне.

Я побежал на кухню и достал из-под раковины красную коробку. На всякий случай мы держали такие аптечки во всех

комнатах, на кухне и в ванной. Чаще всего мама пользовалась именно этой аптечкой, когда лечила меня, если я царапал колено или обдирал локоть, что случалось довольно часто, и я гадал, все ли здесь на месте. Может, лучше взять другую? В конце концов я решил, что важно доставить маме аптечку как можно скорее, а если чего-то будет недоставать, она мне скажет. Чистое полотенце для рук нашлось в ящике рядом с раковиной; я как следует намочил его и вернулся в гостиную.

На лбу у отца выступил пот; я не помнил, когда в последний раз видел, чтобы он потел.

Мама взяла аптечку, одной рукой расстегнула кнопку и достала оттуда флакон со спиртом. Вытерла кровь полотенцем и полила спиртом открытую рану. Отец зашипел от боли.

Пуля прошла по касательной, оставив за собой красный след. Я нагнулся, чтобы получше рассмотреть рану, но мама шлепнула меня по плечу:

— Отойди, ты загораживаешь свет!

— Извини, мама.

Она быстро обработала царапину, достала свободной рукой бинт и сделала перевязку. Бинт почти сразу порозовел, но кровотечение почти остановилось. Отец поправится!

— Спасибо! — Он улыбнулся ей.

Мама кивнула, убрала флакон со спиртом и остатки бинта в аптечку и отодвинула ее в сторону.

— Что теперь?

— Закончим дело.

Клэр — день второй, 16.59

Клэр подошла к коробке.

— Ты ее открывал?

Эспиноза покачал головой:

— Решил предоставить честь тебе. Если считаешь, что там что-то опасное, я вызову взрывотехников.

Нэш опустился рядом с белой коробкой на колени, надел латексные перчатки и постучал по черной бечевке, завязанной узлом наверху.

— Не похоже на нашего героя. Обычно он оставляет в коробках части тела. Опасности для окружающих они не представляют.

— Нэш, а ты открой, и посмотрим! — поддразнила его Клэр.

— Может, подбросим монетку? Я открывал предыдущую.

— Нет, открывай сам. Я почему-то вспомнила фильм «Семь»... Если там голова Гвинет, я много месяцев буду видеть перед глазами страшную картину. Так что открывай. Будь мужчиной.

Нэш закатил глаза и повернулся к коробке.

— Кстати, к вашему сведению, коробка самая обычная — такие продаются во всех канцелярских магазинах. — Он нагнулся ниже. — Никакого запаха не чувствую, и нет признаков того, что там что-то мокрое, — на ней ничего не написано.

Он дернул бечевку, развязывая узел; бечевка упала на пол. Когда он потянулся к крышке, и Клэр, и Эспиноза сделали шаг назад.

— Может, все-таки подождем экспертов? — предложил Эспиноза.

— Открывай! Возможно, содержимое подскажет, где искать Эмори.

Нэш нехотя кивнул, снял крышку и нагнулся, заглядывая внутрь.

— Уф!

Я вздрогнул, когда кто-то замолотил в парадную дверь.

— Я вас задел? — спросил с той стороны «мистер Джонс». — Вы уж простите; наверное, я немного увлекся! Прошло столько времени с тех пор, как я последний раз охотился. С самого утра голова идет кругом — до того не терпелось пустить в ход мою пукалку!

— Держитесь подальше от окон, — одними губами произнес отец.

Я кивнул и заполз за диван. Правда, я не боялся. Ну, может, и боялся, но совсем немного; во всяком случае, не собирался показывать свой страх при маме и отце. Мне очень не доставало моего ножа.

Он снова ударил в дверь, и она затрещала. Я не знал, чем он молотит, кулаком или прикладом ружья, но все равно вздрогнул.

«Мистер Джонс» немного понизил голос:

— Сами помните, я просил вас вежливо, очень вежливо. Вижу, придется действовать иначе. Итак, мне нужны документы, которые украла ваша милая соседка. Я знаю, что они у вас, так что давайте не будем притворяться, будто их у вас нет. Не совсем понимаю, что у вас здесь творится; откровенно говоря, мне на ваши делишки наплевать. Вы даете нам документы, показываете камень, под которым прячутся Картеры, и мы уходим, не задавая лишних вопросов. По-моему, неплохое предложение. Вы не можете отрицать, что в сложившейся ситуации я веду себя честно и открыто.

— Он думает, что они оба еще живы, — тихо проговорила мама. Она отошла от отца и пыталась выглянуть на улицу в боковое окошко.

— Конечно, если Картеры прячутся у вас, если вы их укрываете... тогда у нас будет совсем другой разговор. Вы

ведь не хотите укрывать преступников, верно? А Картер — самый настоящий преступник. Как еще назвать того, кто ворует что-то у своих работодателей? Пусть даже он украл сведения, информацию. Он все равно оказывается на одном уровне с насильниками и убийцами. И женушка его не лучше; у нее в шкафу полным-полно скелетов!

Он говорил громко, но достаточно спокойно. У меня сложилось впечатление, что он прижимается вплотную к двери. Будь у нас ружье, мы могли бы застрелить его сквозь деревянное полотно. Всего одна пуля, выпущенная в центр двери, решила бы нашу проблему. Возможно, «мистер Джонс» думал, что у нас тоже есть огнестрельное оружие — большой револьвер, вроде того, что лежал у него в машине, или ружье. Иначе он уже наверняка снес бы дверь. Я бы на его месте так и поступил. Отец, правда, не верил в огнестрельное оружие и не держал дома ничего подобного.

— С ружьями часто происходят несчастные случаи, — всегда говорил он. — Зато ножом нельзя никого зарезать случайно. Нож случайно не выстрелит. — Может быть, в ту минуту он пересматривал свои взгляды? Я не мог ничего понять по его лицу. Он почти не шевелился. И не пуля удерживала его на месте — у него была всего лишь царапина; он просто сосредоточился. Наверное, продумывал план. Отец не поддавался панике — никогда. Я ни разу в жизни не видел, чтобы он паниковал. Как ни разу не видел, чтобы он что-то принимал слишком близко к сердцу. Мне казалось, что отец всегда точно знает, что и когда надо делать.

Мама подползла к окну за диваном — оттуда открывался вид на двор сбоку — и приподняла голову над подоконником. С той стороны вдруг показалось лицо; мама отпрянула и взвизгнула. За окном стоял мужчина с длинными светлыми волосами и в сильных очках; его тонкие красные губы расплылись в улыбке. Он неслышно произнес: «Здрассе!» — и приложил ладонь к стеклу. Я наблюдал за тем, как запотеваает место вокруг его руки; когда он отпрянул, на стекле остался отпечаток его пятерни. Затем он приставил

к стеклу «магнум», который я нашел в бардачке зеленого «плимута». Заулыбавшись еще шире, он скрылся из виду. Мы с мамой переглянулись, потом посмотрели на отца; мы ждали от него руководства к действию.

В парадную дверь снова замолотили.

— Вы еще там? Еще слушаете меня?

Отец поднес палец к губам.

«Мистер Джонс» продолжал:

— История с их машиной меня слегка озадачила. Конечно, очень разумно бросить ее на железнодорожной станции. Все указывает на то, что они спешно уехали. Я все понял. Но зачем они оставили чемоданы в машине? Кто отправляется в путешествие и забывает вещи? Когда мы нашли машину, когда я увидел чемоданы, мне стало ясно, что кто-то все инсценировал. Сначала я подумал, что Картеры сами виляли, так сказать, путали след. Однако, подумав хорошенько, отказался от этой мысли. Саймон умом не блещет. Конечно, он очень хорошо разбирается в цифрах, но ему, как многим книжникам, недостает здравого смысла; он напрочь лишен житейской смекалки. Если бы он куда-то бежал, то именно бежал. Значит, если бы машину на станции бросил Саймон, он непременно взял бы с собой чемоданы. Как только я разгадал этот маленький трюк, остальное было просто. Я догадался, что вы как-то замешаны в их дела. В вашем Боге забытом тупике стоят только два дома; к кому еще они могли обратиться за помощью? Позавчера, когда я зашел к вам, ваш мальчонка едва не обделался от страха. Он у вас смысленый, надо отдать ему должное, но вот врать пока не умеет. Ему еще учиться и учиться. Ничего, несколько лет под куполом — и все наладится.

Отец показал на маму, потом в сторону кухни и сделал в воздухе колющее движение. Мама все поняла и проползла мимо меня на поиски ножей. Я по-прежнему сжимал свой ножик; сжимал его так крепко, что потная ладонь побелела и пошла красными полосами там, где кожа соприкасалась с рукояткой.

— Что-то я заболтался — даже в глотке пересохло. Не важно, как я очутился на вашем крыльце, но теперь я здесь, вы там, а то, что мне нужно, находится где-то посередине. Вряд ли вам захочется рисковать своими жизнями и жизнью вашего ребенка из-за нескольких бумажек и, наверное, даже из-за ваших соседей. То есть... зачем же из-за них умирать, верно? Неужели вы допустите, чтобы ваш сынишка погиб из-за чужих проблем? А именно это произойдет, если вы в ближайшее время не выйдете.

Вернулась мама с двумя большими поварскими ножами, которые взяла на разделочном столе. Один она протянула отцу, а второй оставила у себя.

«Мистер Джонс» откашлялся и продолжал:

— Повторяю, я просил вежливо. Но у моего терпения есть пределы. Пока мы с вами тут мило беседуем, мой приятель мистер Смит ходит вокруг вашего красивого домика с двумя канистрами бензина. Ох, как же воняет бензином! Смит полил бензином стены, налил его в подвал, даже полил парочку ваших деревьев — гореть будет ярко!

Что-то грохнуло под крышей, потом несколько секунд каталось и остановилось.

— Ух ты! Жалко, что вы не видите! Он зашвырнул целую канистру прямо вам на крышу, и бензин течет по стене. Даже из водосточных труб льется! Ваш дом сверху донизу полит девяносто третьим высокооктановым бензином. — «Мистер Джонс» захихикал; голос у него стал визгливым от возбуждения. — А теперь — вот вам моя просьба, уже не такая вежливая, как раньше. Даю вам пять минут на то, чтобы вы вышли вместе с Картерами. Через пять минут мы начнем играть со спичками и устроим небольшой пожарник. Конечно, мы понимаем, что останемся без своих документов и не увидим ваших соседей, но я как-нибудь переживу. Буду спать как младенец, зная, что здесь все и закончилось. Предупреждаю, если надумаете бежать, мы перестреляем вас, как голубей в тире. У вас пять минут, ребята. Время пошло! Тик-так, тик-так.

Портер — день второй, 17.12

Такси резко затормозило на Уэст-Белмонт, к востоку от Лейк-Шор-Драйв, напротив жилого комплекса «Белмонт-Хаус». Водитель ткнул большим пальцем в дом на правой стороне:

— Вон то, что вам нужно. По-моему, добрались в рекордное время.

Портер подвинулся ближе к окошку и посмотрел наружу. Магазин выглядел довольно типичным для этого района: старое кирпичное здание, построенное, скорее всего, в начале двадцатого века, с большой стеклянной витриной. Судя по всему, на втором этаже находились жилые помещения. Многие владельцы магазинов в центре жили там же, где работали. Для тех, у кого наверху не было жилых помещений, аренда жилья неподалеку обходилась в целое состояние. Квартал находился совсем близко к озеру Мичиган, а вид на набережную всегда обходится недешево. Как и шаговая доступность всех достопримечательностей.

Портер потянулся к дверце, начал вылезать.

— Эй! — забеспокоился таксист. — С вас двадцать шесть долларов двадцать два цента!

— У меня нет денег, — ответил Портер. — Но Чикагское полицейское управление благодарит вас за помощь.

— К дьяволу благодарность! — Водитель отстегнул ремень и распахнул дверцу.

Портер поднял руку:

— Успокойтесь, я шучу; сейчас позвоню своему напарнику, и он привезет наличные. Дайте мне минуту.

Водитель приготовился спорить, но передумал и заметил:

— У вас на ноге кровь.

Портер посмотрел на свое бедро; на штанине проступило большое темное пятно диаметром примерно с четвертак.

— Проклятие, кажется, шов разошелся!

— Вас правда пырнули ножом?

Портер осторожно надавил на место раны пальцем. Палец тут же промок.

— Если хотите, отвезу вас назад в больницу.

Портер покачал головой:

— Все будет хорошо!

Таксист нехотя кивнул и прислонился к машине.

Портер повернулся к магазину.

«Отец Время. Антиквариат. Коллекции». Внутри было темно. Он приковылял к двери, дернул ручку: закрыто. Он прижался лицом к стеклу.

— Закрыто, — сказал водитель у него за спиной.

— Откуда вы знаете?

— Там на двери время работы... Сегодня они работают до пяти.

Мы минут на пятнадцать опоздали.

Портер сделал шаг назад и увидел красную табличку с часами работы. Да, верно. Он снова подошел к стеклянной двери, взгляделся. Стены были увешаны часами. Самыми разными часами — от небольших цифровых до напольных. Маятники неустанно качались туда-сюда, одни в унисон, другие вразнобой; их качание завораживало. Портер подумал: интересно, как владелец не сходит с ума, когда все его часы начинают бить.

Он постучал в дверь кулаком, потом отошел и задрал голову. Может, владелец живет над магазином?

— Не собираюсь учить вас вашему ремеслу, но, если у вас здесь какое-то срочное дело — а по-моему, так и есть, учитывая, что вы намерены стоять и молотить в дверь, хотя скоро зальете весь тротуар кровью, — может, спросите в соседнем доме? Возможно, они знают, где можно найти управляющего или владельца.

Портер обернулся и проследил за взглядом таксиста. Из соседнего магазинчика вышла женщина; в руках она держала три пакета с логотипом химчистки. Она чуть не упала, обходя паркомат, чтобы подойти к багажнику своей машины.

Портер почувствовал, как сердце забилось чаще. Он подошел к паркомату и прочел таксу:

«Семьдесят пять центов в час».

— Можно позаимствовать ваш мобильник?

— Клозовски, — ответил голос на том конце линии.

— Клоз, это Портер.

— У тебя новый номер?

— Долго рассказывать. Ты рядом с нашим информационным стендом?

— Да, а что?

Портер глубоко вздохнул.

— Сколько мелочи мы нашли в кармане жертвы?

— Имеешь в виду Кеттнера, который уже не Обезьяний убийца? Семьдесят пять центов. А что?

Портер направился к дверям соседней химчистки.

— Какой там номер на квитанции из химчистки?

— Ты чем там занимаешься? Тебе вроде велено было отдыхать!

— Клоз, мне нужен номер квитанции. — Портер толкнул дверь и направился к стойке, игнорируя большую очередь.

Толстый брюнет в сильных очках и с двумя большими пакетами для прачечной мрачно воззрился на него, но ничего не сказал. Зато парень, сидевший за стойкой, решил восстановить порядок.

— В конец очереди, приятель! — Потом он заметил пятно крови на брючине у Портера. — Может, вам лучше к врачу?

Портер потянулся к заднему карману за жетоном, но во второй раз вспомнил, что жетона при нем нет.

— Я из Чикагского полицейского управления. Будьте добры, проверьте одну квитанцию. — Он снова заговорил в телефон: — Клоз, диктуй номер!

— Ах да... Пятьсот сорок восемь семьдесят три.

Он повторил номер приемщику. Тот смерил его подозрительным взглядом, но вбил номер в компьютер.

— Секундочку... — Он скрылся за дверью, ведущей на склад.

Портер услышал, как толстяк уронил оба пакета на пол и тяжело вздохнул.

— Прощу прощения, — сказал он, оборачиваясь.

Толстяк крикнул, но ничего не ответил.

Приемщик вернулся: он нес три вешалки, соединенные вместе. Повесил их на крючок сбоку от стойки.

Портер посмотрел в пластиковые пакеты, за которыми увидел женские велосипедки, белую маечку, носки и нижнее белье. Все

почистили и погладили. В другом пакете лежали бело-розовые кроссовки «Найк».

Приемщик ткнул в кроссовки:

— Я говорил типу, который их принес, что обувь мы не чистим, но он потребовал, чтобы мы приняли все вместе.

— Эй, Портер! Поговори со мной! — волновался Клоз. — Что происходит?

— Я нашел одежду Эмори.

— Бери Лайзу и выводи ее наверх, — распорядился отец, обращаясь к маме.

Она кивнула и побежала на кухню. Заскрипела дверь, ведущая в подвал; потом послышались ее шаги. Она спускалась. Отец повернулся ко мне.

— Приятель, иди на кухню и возьми мамину суповую кастрюлю — знаешь, что я имею в виду? Такую большую посудину со стеклянной крышкой.

Я кивнул.

— Налей туда примерно на два пальца растительного масла, поставь на плиту и включи конфорку на полную мощность. Как думаешь, сумеешь?

Я снова кивнул.

— Хорошо, давай скорее.

Я побежал на кухню и достал из напольного шкафчика суповую кастрюлю. Поставил ее на плиту. Взял под раковиной большую бутылку растительного масла, отвинтил крышку, налил масло в кастрюлю, повернул кран. Конфорка не зажглась, но на кухне запахло газом.

— Ерунда, — сказал я сам себе и взял из ящика за плитой коробок спичек. Автоподжиг у нас вечно ломался; мама, наверное, каждую неделю изводила коробок спичек. Я чиркнул спичкой о джинсы, подождал, пока пламя разгорится, и поднес спичку к конфорке. Газ загорелся, тихо пыхнув; синие язычки пламени лизали металлическое днище кастрюли. Коробок я опустил в карман и вернулся в гостиную, показав отцу два больших пальца.

Он кивнул.

В дверь снова постучали.

— У вас там как-то тихо. Все в порядке? На моих часах осталось четыре минуты.

— Саймон Картер умер! — крикнул отец.

Какое-то время за дверью царила тишина, потом мы услышали:

— Что случилось?

— С неудачниками иногда происходят несчастные случаи.

— Это точно, — согласился «мистер Джонс». — Ну и ладно, мне он никогда особо не нравился. А что насчет его жenuшки?

В гостиную вышли мама и миссис Картер. В попытке прикрыть голую грудь соседки мама набросила ей на плечи полотенце. Руки миссис Картер были скованы наручниками у нее на животе. Увидев ее, я невольно покраснел. Хотя эта женщина провела несколько дней в заточении и валялась в собственных нечистотах, она по-прежнему казалась красавицей. Мама держала нож у ребер миссис Картер; острие чуть вдавилось в кожу.

Отец покосился на них и обратился к человеку, стоявшему по ту сторону входной двери:

— Последние несколько дней миссис Картер гостит у нас, но, боюсь, она злоупотребила нашим гостеприимством. Я согласен выпустить ее к вам при условии, что вы погрузите ее в вашу замечательную машину и увезете отсюда. Ни я, ни мои близкие не имеем с ними ничего общего и хотим только одного: чтобы нас оставили в покое. Оставьте нас миром, и я не вижу причин, чтобы кто-либо из нас впоследствии упоминал об этом происшествии. Вы получите, что хотите, мы получим, что хотим, — проигравших нет.

— Это точно?

Миссис Картер пылко затрясла головой и зашептала:

— Если вы выдадите меня, они перебьют нас всех, в том числе вашего сына! Они не из тех, кто оставляет после себя свидетелей. Им нельзя доверять!

— Три минуты! — крикнул Неизвестный.

— Она ничего не знает о пропавших документах. Чем бы ни занимался ее муж, с ней он не делился, — сказал отец.

— Почему я должен вам верить?

— Потому что это правда, — сказала миссис Картер.

— Ах, вы там, Лайза? — крикнул Неизвестный. — Вы, наверное, пообещали своим милым соседям деньги, если они вас приютят? Так? Выходите-ка сюда, и мы все обсудим. Мне надоело общаться через дверь; я скоро охрипну.

Отец повернулся к двери:

— Повторяю, я не против отдать ее вам. Мне все равно, что вы с ней сделаете, только нас оставьте в покое. Ваши проблемы — не наши проблемы.

— Вот здесь я с вами не согласен; у вас осталось две минуты.

— Передай своему боссу, что Саймон мертв! — крикнула миссис Картер. — И все тайны, которые он знал, умерли вместе с ним!

— К сожалению, если скажу, что поверил вам на слово, мой босс решит, что я не справился с заданием.

За нашими спинами послышался звон разбитого стекла. Мы дружно посмотрели в сторону кухни. В узкое окошко рядом с дверью черного хода просунулась рука и возилась с засовом. Отец метнулся к двери черного хода, замахнулся и резанул по пальцам. Хлынула кровь; потом мы услышали вопли. Отец быстро снял с плиты кастрюлю с кипящим маслом и вернулся к парадной двери.

«Мистер Джонс» смеялся:

— А ловко вы подловили Смита! Я ведь предупреждал его, что у него недостаточно хорошая реакция, но он меня не послушал. Захотел все сделать по-своему. Вечно они, молодые, торопятся. В наши дни молодежь больше не слушает старших, все не так, как в те времена, когда росли мы с вами, верно? Их не приучают к почтению, которое мы впитали с молоком матери. Хотя ваш мальчик, возможно, такой, какими были мы в его возрасте; он понимает, что к чему. Наверное, из него вырастет настоящий столп общества, если, конечно, дать ему такую возможность. Конечно, будет так или нет, сейчас в ваших руках.

— Убью гада! — завопил откуда-то из-за его спины «мистер Смит».

Я подполз к окну, выходящему в палисадник, и увидел, что очкастый блондин возится на крыльце в луже крови. Он успел оторвать кусок от своей футболки и кое-как замотал раненую руку. Повязка тут же стала красной.

«Мистер Джонс» заметил меня и подмигнул:

— Из-за всех треволнений я совершенно утратил счет времени! По моим подсчетам, у вас осталось с полминуты. А по-вашему как?

Я пригнулся и отбежал от окна.

— Отец, их всего двое. Если кто-нибудь из нас выбежит сзади, а остальные спереди, они не сумеют остановить всех.

— На чем мы убежим? Они повредили обе наши машины.

— Возьмем его машину.

Отец уже качал головой:

— Дело нужно закончить здесь же, иначе нам вечно придется быть в бегах.

— Они вооружены!

— Зато мы умнее. Нужно все обдумать, разгадать загадку.

Мама была странно спокойной и хладнокровной.

— Мы убьем Лайзу и выкинем им труп.

Услышав ее слова, миссис Картер начала вырываться, но мама приставила нож к ее глазу. Миссис Картер затихла и уставилась на кончик ножа. Потом она заговорила:

— Мой муж перевел на офшорные счета почти четырнадцать миллионов долларов; все их номера и пароли у меня. Если выведете меня отсюда живой, половина денег ваша.

Отец отошел от своего места у двери и развернулся к ней;

— А что насчет документов? Ведь им нужны бумаги.

Миссис Картер глубоко вздохнула:

— Они в банковских ячейках в центре Миддлтона. Их четыре. Там достаточно информации для того, чтобы добыть еще сто миллионов.

— Где ключи?

Миссис Картер промолчала.

Отец схватил ее за волосы, выдернув у мамы, и, подтащив к кастрюле, наклонил над ней ее голову. Миссис Картер вырывалась, выгнув шею и пытаясь лягнуть отца, но отец был сильнее. Он держал ее лицо в миллиметрах от кипящего масла.

— Спрошу еще один раз и окуну. Где ключи?

Миссис Картер покачала головой и попятилась, но отец держал ее крепко, не обращая внимания на то, что она лягалась. Поскольку руки у нее были скованы, пользы от ее ног было мало.

— Не-е-ет! — удалось выговорить ей.

Отец пожал плечами и пригнул ее голову ниже.

Масло шипело и брызгалось; несколько капель попали ей на кожу, оставив красные пятна. Она визжала и вырывалась изо всех сил. Масло брызнуло ей на волосы.

— Под кошкой! Сейчас же прекрати! Они под кошкой!

— Что?! — Отец ослабил хватку; миссис Картер чуть приподняла голову.

Зато я сразу понял, что она имела в виду.

— У озера? Под моей кошкой?!

Миссис Картер быстро закивала.

— Ты знаешь, о чем она говорит?

— Да, отец.

Отец повернулся к миссис Картер и прищурился:

— Будешь делать, что я скажу, иначе зарежу как свинью.

Поняла?

В дверь снова замолотили.

— Ребята, ваше время вышло!

Клэр — день второй, 17.13

— Что там? — спросила Клэр.

— Много каких-то документов и записка, — ответил Нэш, сунув руку в коробку. Достал оттуда лист бумаги, лежащий на тысячах документов, аккуратно перетянутых резинками.

— И что там написано? — Клэр нагнулась.

Нэш прочел вслух:

«Ах, друзья мои!

Как хорошо, что вы, наконец, нашли сюда дорогу! Я надеялся, когда настанет подходящий момент, оказаться здесь вместе с вами, но, увы, этому не суждено случиться. Я нахожу утешение в том, что ценные материалы очутились в ваших надежных руках — уверен, вы передадите их вашим товарищам в отдел по борьбе с финансовыми преступлениями, и они, возможно, добавят их к растущей горе улик против мистера Толбота и компании. Хотя мне кажется, что в коробке больше чем достаточно сведений для приговора на основании косвенных улик, боюсь, я не дождусь того дня, когда закончится судебный процесс и судья вынесет приговор, который кажется мне самым уместным за совершенные Толботом преступления. Подобно своему многолетнему подельнику Гюнтеру Херберту, мистер Толбот сегодня лицом к лицу столкнется с правосудием и самым стремительным образом ответит за свои злодеяния. Может быть, я позволю ему в последний раз поцеловать дочь, прежде чем они распрощаются навсегда, а может, и нет. Пусть лучше смотрят друг на друга и видят, как оба истекают кровью.

Искренне ваш,
Энсон Бишоп».

Нэш прищурился:

— Слежку за Толботом не сняли?

— Сейчас проверю! — Клэр выхватила из кармана мобильник.

Нэш достал из коробки стопку бумаг толщиной сантиметров в пять; в ней было страниц триста. Текст на верхнем листе был расчерчен зелеными и белыми линиями; строки в получившейся таблице были заполнены мелким аккуратным почерком.

— Похоже на гроссбух. Кстати, довольно старый; на странице дата почти двадцатилетней давности. Кто сейчас еще ведет дела на бумаге, скажи на милость?

Клэр отмахнулась, повернулась к нему спиной и принялась расхаживать по комнате, прижав телефон к уху.

Нэш пожал плечами и вернулся к бумагам. На первой строке было написано: 163.WF14.2,5k.JM.

— Это что, какой-то шифр?

Он принялся доставать из коробки другие документы — всего оказалось двенадцать стопок. В каждой имелись похожие записи. Нэш аккуратно складывал стопки одну на другую. На самом дне он нашел конверт из оберточной бумаги.

— Вот теперь поговорим, — сказал он сам себе, вскрывая конверт.

Закончив разговор по телефону, Клэр вернулась к нему:

— Я звоню патрульным, но звонок сразу же переключается на автоответчик. Дежурному тоже не удалось с ними связаться. Надо ехать к дому Толбота.

— А с этим что делать? — Нэш ткнул пальцем в коробку.

— Пусть кто-нибудь доставит все Клозу, — распорядилась Клэр.

Нэш кивнул и вскрыл конверт. В нем лежали полароидные снимки. Нэш наугад вытащил один — снимок голой девушки не старше тринадцати-четырнадцати лет.

Дверь открыл я. Не отец, не мама и, конечно, не миссис Картер, а я. И сразу увидел «мистера Джонса». На нем был тот же плащ, что и в его прошлый приезд. Как недавно это было! По его лбу тек пот; он вытирал его белым носовым платком, который держал в левой руке. В коротких толстых пальцах правой руки он сжимал «магнум», который я нашел вчера в бардачке его машины. Он целился мне в голову.

— Как дела, друг? Надеюсь, у тебя все хорошо.

«Мистер Смит» у него за спиной баюкал раненую руку.

Импровизированная повязка сразу же пропиталась кровью; ружье болталось у него на плече. Лицо у него пошло красными пятнами; он был вне себя от злости.

— За это я твоему поганому отцу кишки выпущу! — Он поднял раненую руку, наверное, чтобы я понял, за что «за это», и потряс ей, разбрызгивая капли крови по белым, девственно чистым ступенькам крыльца. Я подумал, что мама не обрадуется.

— Ну-ну, — урезонивал его «мистер Джонс». — К чему такая враждебность? Нельзя обвинять этих добрых людей в том, что они просто защищают свой дом.

— Хрена лысого!

«Мистер Джонс» снова вытер пот; крахмальный воротник его рубашки совсем раскис.

Запахло бензином; вверх от крыльца поднимались пары. Бензин капал и с наружной обшивки дома. На нашей дорожке стояли четыре пустые канистры.

— Зачем на вас плащ, если вам жарко? — Я задал простой вопрос; мне очень хотелось узнать ответ на него, независимо от того, как обстояли дела. Мне как-то трудно было двигаться дальше, оставив в тылу что-то непонятное.

«Мистер Джонс» расплылся в широкой улыбке:

— В самом деле, зачем? А ты, оказывается, любопытный малыш! Такой пытливый. А может, это мой любимый плащ, который принадлежит мне больше лет, чем ты живешь на свете? А может, это мой «счастливый» плащ, и утром мне показалось, что сегодня как раз такой день, когда он мне понадобится? Поэтому я достал его из шкафа и надел, несмотря на жару. Ну, что ты теперь скажешь?

— Скажу, что плащ у вас уродливый и, наверное, воняет, потому что пропотел насквозь.

Хотя «мистер Джонс» по-прежнему улыбался, глаза у него потемнели.

— Сынок, от наших с тобой разговоров у меня ощущение дежавю, но, как бы там ни было, я сейчас спрошу тебя о том же, о чем спрашивал во время нашей первой встречи. Мы, так сказать, сделали полный круг. Твои родители дома?

Он прекрасно знал, что мои родители дома, и это был глупый вопрос, но все же я кивнул и чуть приоткрыл дверь.

В нескольких шагах за мной стояла миссис Картер; чуть правее у нее за спиной стоял отец, положив одну руку ей на талию, а второй обняв ее за плечи. Кухонный нож он приставил к ее шее; острие утыкалось в яремную вену. Чуть развернув голову под неудобным углом, чтобы оказаться дальше от ножа, она не сводила взгляда со стоявших за дверью людей.

— Лайза, — кивнул «мистер Джонс», — с прискорбием узнал о кончине твоего мужа.

Она ничего не ответила; скованные наручниками кисти лежали на бюстгальтере.

«Мистер Джонс» перевел взгляд на маму; она прислонилась к дивану и подбоченилась.

— Должно быть, вы — мама этого славного мальчика. Рад с вами познакомиться!

Мама хмыкнула, но ничего не ответила.

«Мистер Джонс» сунул платок в карман и прицелился в отца:

— Бросьте нож.

— Нет. — Отец покачал головой.

— Ну, так что? — спросил «мистер Джонс».

— Бумаги находятся в банковской ячейке. Мой сын знает, куда она спрятала ключи от ячейки. Он сбегает за ключами, а мы подождем. Я буду держать нож там, где он сейчас, и, если вы или ваш друг попробуете выкинуть что-нибудь, что покажется мне хотя бы отдаленно угрожающим, я перережу ей горло. Много времени это не займет. Нож совсем рядом с артерией. Выстрелите в меня, и я, падая, рассеку ей горло. Раните мою жену или сына, и она покойница. После того как я это сделаю, в живых не останется никого, и вам уже не узнать, в каком банке хранятся бумаги.

«Мистер Смит» открыл было рот — он явно собирался поспорить, — но «мистер Джонс» поднял руку, призывая его к молчанию:

— Откуда нам знать, что мальчишка не побежит в полицию?

Отец пожал плечами:

— Оттуда, что мы убили Саймона и нам тоже есть что терять. Он принесет ключи и вернется. На все уйдет полчаса.

«Мистер Джонс» перевел взгляд на миссис Картер.

— Они больные на голову, — сказала ему миссис Картер. — Убили его, а меня почти неделю держали в своем подвале в наручниках.

Нож был плотно прижат к ее шее; от одного того, что она заговорила и чуть шевельнулась, по лезвию потекла струйка крови.

«Мистер Джонс» снова развернулся к отцу:

— Значит, ваш сынишка куда-то убежит, а мы все будем стоять тут, целясь друг в друга, пока он не вернется с ключами от сейфов? Потом вы отдадите нам Лайзу, и мы с другом уезжаем, оставляя вашу семью в покое до конца ваших дней. Больше никому не нужно умирать? Что удержит нас от того, чтобы убить вас, как только мы узнаем название банка?

Отец едва заметно пожал плечами:

— Наверное, на каком-то этапе придется просто довериться друг другу.

«Мистер Джонс» немного подумал, а потом покачал головой:

— Нет, мне не нравится то, что вы придумали. — Он прицелился из «магнума» в голову отцу.

— Он не заряжен! — закричал я. — Я вынул патроны! Отец толкнул миссис Картер на «мистера Джонса», его руки...

Раздался оглушительный грохот. «Магнум» выстрелил.

Портер — день второй, 17.14

— Что значит — ты нашел одежду Эмори? — повторил Клоз.

Портер снял вешалки с крюка и направился к выходу.

— Эй! Вы не заплатили! — крикнул приемщик. — А ну, вернитесь!

— Портер! Ты меня слышишь?

— Я в прачечной-химчистке на Белмонт. Номер квитанции совпал, и я...

— погоди. Так ты не в больнице?! — спросил Клоз. — Портер, пожалуйста, скажи, что ты не убежал из больницы!

Приемщик бросился к двери, сжимая в руках нож для бумаги.

— Вам необходимо вернуться и заплатить, друг мой, иначе у нас возникнут серьезные проблемы!

Портер увидел, что таксист идет к ним навстречу. Он вырвал у приемщика нож для бумаги и дал ему подзатыльник:

— Идиот, он коп! Ты что, за решетку захотел?

— Он коп? — Парень потер затылок. — Тогда почему он в «хирургичке»? А это что — кровь?

Портер кивнул в сторону химчистки:

— А ну давай назад, быстро!

Парень повернулся кругом и толкнул дверь.

— Портер!

Он прижал трубку к уху и рассказал Клозу о звонке Бишопа и о том, что по наитию решил проверить карманные часы. Голова у него кружилась.

— Парковка тут стоит семьдесят пять центов в час, и рядом есть прачечная самообслуживания и химчистка. Он сразу навел нас на след, объяснил, как сюда попасть, только мы ничего не поняли.

— Хорошо, но куда «сюда»? Где Эмори?

Портер достал из кармана часы и поднял повыше, зажав циферблат между пальцами. Нажав кнопку на крышке, открыл ее со щелчком; правда, ему мешал пакет в руке. Стрелки стояли; они застыли на времени: 3.14.

Он повернулся к таксисту:

— Какой там был адрес?

— Уэст-Белмонт, 316.

Портер повернулся налево. Соседнее здание было загорожено лесами; высокий небоскреб, этажей пятьдесят или шестьдесят.

— Клоз, кто владелец дома 314 по Уэст-Белмонт?

— Погоди. — Он услышал, как Клоз принялся кликать по клавишам. — Офисное здание... в прошлом году его приобрела компания с ограниченной ответственностью «Интринсик вэлью», филиал «Коммонкор», дочерней компании корпорации «А. Т. Маркет», одной из компаний Толбота. Сейчас они проводят полную реконструкцию, собираются открыться весной.

— Бери спецназ и быстро сюда!

У меня на глазах отец подпрыгнул и потянулся руками к горлу «мистера Джонса». Рот у отца был открыт; он побагровел от гнева.

После выстрела, после того как ствол дернулся и из него вылетела пуля, все стало происходить как в замедленной съемке. Я видел, как пуля отделилась от ствола; следил, как она ползет в воздухе и входит отцу в лоб над левым глазом, оставив крошечную красную точку; увидел на его лице потрясенное выражение. Потом на месте его затылка образовалось красное облако...

Отец упал на пол и застыл бесформенной кучей.

— Отец!

Он должен был шевелиться, но он не шевелился — даже не дергался.

— Папа!

Я не узнал собственный голос; он казался тонким и слабым, далеким, как будто кто-то кричал под водой.

— Я... вынул пули!

«Мистер Джонс» крутанул барабан.

— Сынок, хороший боец всегда проверяет оружие перед боем. — Он ткнул револьвером в миссис Картер, которая лежала на полу у его ног. — А ну, вставай!

Миссис Картер медленно поднялась.

Мама стояла неподвижно, хватая ртом воздух.

Я же не сводил взгляда с лежащего на полу отца. Я знал, что он умер, но не мог себя заставить с этим примириться. Я ожидал, что он сейчас встанет, прикончит человека, который угрожал его жизни, чужака, который вломился в наш дом.

Из моего горла вырвался крик.

Крик был таким пронзительным и резким, что отдался в каждом уголке моего тела. Пальцы опустили в карман, обхватили нож, удобную рукоятку и серебристую часть

ручки, теплую, даже горячую, на ощупь. Я схватил нож, выщелкнул лезвие и бросился на него. Он начал поднимать руку с револьвером, но я оказался проворнее. Замахнулся и вонзил нож в мягкое место под подбородком. Лезвие вышло через рот, проткнув ему язык и застряв в нёбе. Я выдернул нож и перерезал ему горло, разрывая мышцы, сухожилия и артерии. Кровь хлынула мне на лицо, в волосы, в глаза. Мне было все равно. Я резал и резал. Когда он стал падать, я нагнулся и вонзил нож ему в грудь, снова и снова — в грудь. Я ударил его несколько десятков, а может, и сотен раз. Я колол его до тех пор, пока...

Глаза у меня открылись; я смотрел на безжизненное тело отца. Я не двигался, не сдвинулся с места ни на миллиметр. Рука упала в карман в поисках ножа, но ножа там не было, его не оказалось в привычном месте. У меня не было ножа! Его забрала мама. Пальцы нащупали только коробок спичек и фотографии, которые я вынес из дома Картеров.

— Вынь руку из кармана, пацан, да помедленнее, — подал голос «мистер Джонс». Я почувствовал, как ствол его «магнума» уткнулся мне в висок. Он был еще горячий.

Я вынул руку, оставив спички в кармане.

Ствол сильнее прижался к моему виску.

Снова грянул выстрел, и я зажмурился. Мое тело застыло, ожидая, что пуля пробьет череп, как у отца, вырвет из меня жизнь и погрузит в вечный мрак, где мы с отцом снова встретимся.

Но мрак отступил.

«Мистер Джонс» рухнул на пол рядом со мной; у него на затылке зияла огромная дыра. Из нее шел дым.

Клэр — день второй, 17.26

Оба патрульных были мертвы. Застрелены. Водителю пуля попала в левый висок; его напарник получил три пули в грудь. Судя по его позе, он пытался достать табельное оружие из кобуры. Раньше Обезьяний убийца еще ни в кого не стрелял. На приборной панели лежал запасной пистолет Портера, «Беретта-92FS».

«Эндшпиль», — подумала Клэр.

Нэш постучал Клэр по плечу, и она отвернулась от машины. Доставая свой пистолет, он показал ей на фасад дома Толбота.

Парадная дверь была приоткрыта — нешироко, на несколько сантиметров.

Солнце уже садилось, и палисадник погрузился в тень. Свет в доме не горел, хотя уже достаточно стемнело, чтобы обитатели включили его; изнутри не доносилось ни звука. Они видели только приоткрытую входную дверь.

— Возможно, он еще там, — прошептала Клэр, доставая «глок».

— Мы с Портером были здесь вчера. У Толбота есть жена и дочь. Кроме них, в доме проживает горничная... или несколько горничных.

Клэр позвонила в дежурную часть. Закончив разговор, она покачала головой:

— Подкрепление уже в пути, но они попали в пробку; будут минут через десять — пятнадцать, не раньше. А группа Эспинозы еще на квартире у Бишопа.

Нэш побежал к двери:

— Прикрой меня!

Клэр мрачно кивнула. Ждать нельзя. Если Бишоп еще там, невозможно представить, что он может сделать с членами семьи. Гибель патрульных огромной тяжестью легла на головы их управления. На Толбота ей было наплевать, он не заботил ее ни в малейшей степени, но она не собиралась допустить, чтобы что-то случилось с ним и его близкими, если это можно предотвратить. То же самое чувствовал и Нэш.

Они дошли до двери.

Нэш осторожно заглянул внутрь и покачал головой:

— Шторы задернуты. Ничего не видно!

Клэр кивнула и поднесла палец к губам.

Нэш чуть больше приоткрыл дверь и поморщился, когда заскрипели петли.

Зажглись уличные фонари, и Клэр обрадовалась было, но тут же заметила, что на полу прихожей видны их с Нэшем тени. Должно быть, Нэш тоже это заметил, потому что пригнулся и вбежал в дом, спрятавшись в темной прихожей. Клэр последовала за ним, напряженно вглядываясь во мрак и ища признаки жизни.

Они слышали приглушенный стон.

Он доносился откуда-то слева.

Нэш бросился вперед по коридору, направив ствол пистолета вниз. Он помнил, что где стоит, и без труда обогнул столик в прихожей. Будь Клэр одна, она наверняка врезалась бы в него; свет с улицы заканчивался сразу за порогом, как будто не хотел проникать в дом.

За широким проемом находилась библиотека или малая гостиная. В большом камине догорал огонь. Вокруг сломанного приставного столика валялись осколки хрустального графина или вазы. Диван был перевернут и стоял на боку. Посреди ковра лежало тело женщины.

Нэш огляделся по сторонам и опустился рядом с телом на колени. Он сразу узнал вчерашнюю горничную. Клэр наблюдала за ними краем глаза, целясь в коридор.

Руки и ноги горничной были связаны телефонным шнуром, изо рта торчал кляп. Клэр видела, как ее глаза быстро бегают в полумраке, когда она смотрела на них. Нэш подал ей знак сохранять молчание и выдернул кляп у нее изо рта. Горничная закашлялась; глаза наполнились слезами.

— Он еще здесь? — поспешно спросил Нэш.

— Надо было прикончить засранца двадцать минут назад, — сказал «мистер Смит». Он стоял на пороге с ружьем в здоровой руке.

— Так почему ты этого не сделал? — услышал я мамин голос.

— Не знал, как поступить с твоим муженьком; все должно было закончиться не так.

— Иногда приходится импровизировать, — сказала ему мама. — Дай-ка осмотрю тебе руку.

«Мистер Смит» шагнул к ней, а миссис Картер замахнулась обеими руками, еще в наручниках, и вlepила маме такую пощечину, от которой та чуть не упала.

— Какого дьявола? — вскрикнула мама, вытирая разбитую губу.

— Ты могла все закончить несколько дней назад! Знаешь, что он вытворял со мной и крысой? Он мог меня убить!

«Мистер Смит» наклонился и втащил труп «мистера Джонса» в дом; потом поволок его к двери в подвал.

— Хватит ссориться, у нас нет времени. По пути сюда Бриггс вызвал подкрепление.

Безжизненное тело отца было распростерто на полу.

Я не шевелился.

Я не мог двигаться.

Миссис Картер медленно подошла ко мне и погладила меня по голове:

— Как ты?

Я кивнул. Голова была как в тумане, мысли шевелились медленно. Я достал из кармана фотографии и протянул ей:

— Это ваше.

Она взяла снимки, нарочито медленно перебрала их и покраснела.

— Где ты их нашел?

— Сегодня утром на столе у вас на кухне. Кто-то их там оставил.

«Мистер Смит» хихикнул:

— Это Бриггс, придурок хренов. Нашел их на холодильнике, в поваренной книге, и разложил на видном месте.

Тело отца.

Я услышал стон и не сразу сообразил, что он исходит от меня. Сдавленное рыдание рвалось наружу.

— Я говорила тебе, мальчик неустойчив. Он не в своем уме... и так было всегда, — произнесла мама. Ее глаза сделались холодными, темными. Передо мной стояла не та мама, которая была мне нужна; она стала другой. Она словно не видела трупы на полу. Она смотрела сквозь них, как будто их там и не было.

Миссис Картер нахмурилась:

— Нельзя так говорить!

Мама подошла ко мне, взяла меня пальцами за подбородок:

— Когда ты в последний раз принимал лекарство?

— Я... не знаю.

— «Не знаю, не знаю, не знаю», — передразнила она нараспев. — Сбегай к озеру и возьми ключи в том месте, где их спрятала миссис Картер. Как думаешь, справишься?

Я кивнул:

— Да, мамочка.

— Не называй меня так. Ты знаешь, я терпеть не могу, когда ты так меня называешь.

— Извини, мама.

— Беги, нам надо спешить. Надо уехать до того, как объявятся дружки этого типа. — Она кивнула на труп «мистера Джонса».

Я прошел мимо «мистера Смита» и миссис Картер. Когда я оглянулся, мама отпирала замки на наручниках миссис Картер; они с лязгом упали на пол, и она принялась растирать себе запястья. Потом они с мамой о чем-то

зашептались, не сводя с меня глаз. «Мистер Смит» перетаскивал тело отца.

Ничего не сказав, я бросился на тропинку, которая вела в лес.

Портер — день второй, 17.27

Портер взял у таксиста нож для разрезания и положил себе в карман.

— Как вас зовут?

— Ты с кем сейчас разговариваешь? — поинтересовался Клоз по телефону.

— С водителем, который привез меня сюда, — ответил Портер.

— Маркус. Маркус Ингрэм.

— Маркус, у вас есть оружие?

Из трубки загремел голос Клоза, хотя громкую связь Портер не включал:

— Сэм, не смей идти туда один! Подожди подкрепления! Тебя только что пырнули ножом, не забыл? Тебе нельзя находиться на ногах, и точка! Клэр сама тебя прикончит, если ты пойдешь туда!

— Маркус, у вас есть оружие? — повторил Портер.

Водитель покачал головой:

— Не люблю огнестрела. Но кое-что у меня есть... — Он нагнулся и достал из-под сиденья маленькую бейсбольную битку с разноцветными буквами «Чикаго кабз». — Купил в две тысячи восьмом, когда они играли против «Доджеров» в турнире дивизиона. Они проиграли, но эта малышка исправно помогает мне справляться с налетчиками и хулиганами. Бита сделана из северного белого ясеня; очень прочная.

— Портер! Я связался с дежурной частью. Машины уже в пути. Оставайся на месте!

Портер взял битку и подбросил в руке. Она оказалась совсем не тяжелой.

— А фонарик есть?

Маркус кивнул:

— Да. Вчера жена вернула. Она несколько недель назад вытащила его отсюда. — Он достал маленький светодиодный фонарик. — Крошечный, но яркий. — Он протянул фонарик Портеру.

— Клоз? Постараюсь держать тебя в курсе дела, но сейчас мне нужны обе руки, поэтому я уберу телефон в карман. Постарайся не шуметь. Если он там, не хочу, чтобы он заранее знал о моем приближении.

Тем не менее Портер не сомневался: Бишоп знал, что он придет. Человек, который скрывался под псевдонимом Пол Уотсон, оставил четкий, ясный след из хлебных крошек. Он не просто знал, что Портер придет; он его ждал.

— Клоз, он хочет, чтобы я пришел один. Если девочка жива и она там, у нас будет только одна попытка. И нужно, чтобы я был один, как он и хочет, — сказал он в трубку.

Клоз вздохнул:

— Он тебя убьет. Ты ведь понимаешь, да?

— По-моему, если бы он хотел, то давно бы меня убил. Он хочет, чтобы я увидел, чем все кончится.

— Чтобы можно было тебя убить, — не сдавался Клоз. — Начинается последний акт, и ему нужно, чтобы ты сыграл свою роль; вот единственная причина, зачем он тебя зовет. Как только ты сделаешь то, что от тебя требуется, как только опустится занавес, он с тобой покончит. Подожди подкрепления снаружи; они приедут меньше чем через десять минут. Если пойдешь туда один, ты все равно что совершишь самоубийство.

Портеру не нужно было задумываться ни на миг. Без Хизер его жизнь все равно не стоила ломаного гроша.

— Передай им, пусть подойдут к Маркусу — он будет дожидаться спецназовцев у входа. Он покажет, куда я пошел. — Не дав Клозу ответить, он выключил телефон, бросил его в карман и направился к дому номер 314 по Уэст-Белмонт с фонариком в одной руке и бейсбольной битой в другой.

Когда я подошел к воде, озеро показалось мне необычно спокойным. Поверхность воды была совершенно ровной — только в одном месте поднялась небольшая рябь — в середине озера над водой летела утка. Всю дорогу я бежал и чуть не упал на берегу; я задыхался. Я надеялся, что от бега у меня прояснится в голове. Надеялся, что забуду то, что только что видел, что только что случилось, но стоило мне закрыть глаза, и я видел, как пуля попадает в отца. Я видел, как мама смотрит, смотрит на него — и ничего не делает. Мама стояла так же неподвижно, как и я, когда убивали отца. Я согнулся пополам и положил руки на колени; я стоял так, пока ко мне не вернулись силы, а потом стал осматриваться в поисках кошки.

Она лежала в нескольких шагах слева от меня.

От трупа ничего не осталось, только мех и кости; остатки мяса, которые я видел в прошлый приход, подъели начисто. По трупу даже муравьи не ползали. Наверное, нашли что-нибудь покрупнее и повкуснее. В лесу всегда кто-нибудь рождается и кто-нибудь умирает.

Я пнул кучку меха носком ботинка, готовясь к тому, что из-под нее выползет жук или еще какое-нибудь насекомое, но никого не увидел.

Мама велела поторопиться.

Надо спешить.

Отец.

Упав на колени, я отпихнул кошку и принялся руками рыть землю под скелетом. От скелета едва слышно пахло луком и сгнившим шпинатом; я старался не думать о жире и желчи, которые впитались в землю после разложения кошки. Я старался совсем не думать ни о чем таком, потому что от подобных мыслей меня начинало тошнить, а зная, что труп мистера Картера лежит на дне озера, совсем рядом, я не имел

права оставлять свою рвоту на берегу. Ее могли обнаружить стражи порядка и по этому следу выйти на меня.

Я вырыл довольно глубокую ямку, прежде чем мои пальцы наткнулись на целлофановый пакет. Я вытащил его и отряхнул от земли.

В пакете лежал мой нож.

Там не было никаких ключей от банковской ячейки.

Мой нож «Рейнджер», и больше ничего.

В животе у меня все сжалось, как будто чей-то кулак с силой стискивал мне внутренности.

Я схватил пакет и побежал назад, к дому. Подойдя к опушке напротив, услышал голоса.

Мужские голоса.

На нашей дорожке стояли два белых фургона; на дверцах обоих красными буквами было написано: «Толбот энтерпрайзиз». У нашей парадной двери стояли трое мужчин.

«Плимута» уже не было.

Мама и миссис Картер уехали вместе с «мистером Смитом». В этом я был уверен.

Я остался один.

Портер — день второй, 17.28

Парадный подъезд дома 314 на Уэст-Белмонт был стеклянный, и, хотя почти все панели перед началом ремонта забили фанерой, с улицы хорошо просматривался турникет на входе. Портер толкнул его на всякий случай, ожидая, что турникет окажется заблокирован, но вращающаяся дверь неожиданно легко повернулась вокруг своей оси. В последний раз оглянувшись на Маркуса, он вошел внутрь. Почти сразу стих шум большого города; его сменили тишина и запах сухой штукатурки. Пройдя турникет, Портер очутился в вестибюле.

Оглядевшись, он почему-то сразу подумал: к весне им ни за что не успеть. Все стены были бетонными; кое-где виднелись стальные облицовочные плитки. Наверное, рано или поздно здесь появятся перекрытия и отдельные помещения, но сейчас состояние здания можно было описать двумя словами: просчитанный хаос. Пол был затоптан многочисленными отпечатками, следами, которые расходились во все стороны. Благодаря уличным фонарям, светившим ему в спину, он хорошо видел вестибюль, но дальше все расплывалось.

Портер опустился на колени и стал рассматривать следы. Включил фонарик и принялся медленно водить лучом по полу, как будто это был луч маяка, который движется вдоль бухты. Почти все следы были оставлены рабочими сапогами. Все, кроме одной цепочки. Он встал и подошел поближе, нагнулся, чтобы рассмотреть их получше. Мужские туфли. Рядом с ними он обнаружил полосу в пыли, как будто здесь что-то волокли.

Он пошел по следу, который вел в дальний угол, и очутился перед лифтами. Всего их было шесть. Он нажал кнопку, но ничего не произошло. Портер и не ожидал, что лифты работают; скорее всего, в здании не было электричества. Кроме того, приглядевшись, он заметил, что наружные стальные двери опечатаны красной лентой; на центральной двери висел листок бумаги с надписью: «Осторожно — нет кабин».

След в пыли вел не к лифтам, а налево. Повернув за угол, Портер увидел дверь — скорее всего, за ней начиналась лестница. На стене, на

выцветшей зеленой краске, отчетливо выделялись слова, написанные чем-то ярко-красным: «Не видеть зла». Опустив голову, Портер увидел на полу у своих ног человеческие глаза. Они смотрели на него с обезоруживающим спокойствием.

Клэр — день второй, 17.28

Глаза горничной покраснели от слез. Освободившись от кляпа, она тихо застонала, потом пожала плечами и быстро закивала.

— Он еще в доме? — настойчиво спросил Нэш.

— Не знаю, — ответила горничная. — Я не видела, куда он пошел.

— Давно вы видели его в последний раз?

Вопрос как будто смутил горничную. Зрачки у нее слегка расширились.

— Я... не знаю.

— Он вас одурманил?

Она смерила его задумчивым взглядом.

— Не знаю. Да, наверное. Не помню, как он меня связывал. Все словно в тумане.

— В доме еще кто-нибудь есть? — спросил Нэш.

Горничная глубоко вздохнула и посмотрела на лестницу.

— Мисс Патриша и мистер Толбот в своей комнате. — Ее зрачки еще больше расширились. — Он пошел туда! Помню, как он бежал к лестнице!

Нэш проследил за ее взглядом; лестница в сумерках была едва видна.

— А Карнеги?

— Не знаю, дома ли она. Я не видела ее с утра. Может, она в своей комнате.

Не переставая целиться в сторону коридора, Клэр опустилась на колени рядом с горничной.

— Вас ведь зовут Миранда?

Горничная кивнула.

— Сейчас я вас развяжу. Как только освободитесь, выходите на улицу. Рядом с домом стоит моя машина, зеленая «хонда». Она не заперта. Залезайте туда и ждите приезда полиции. Пригнитесь, прячьтесь, пока они не появятся, — учила Клэр. — Как думаете, справитесь?

Миранда кивнула.

Клэр быстро развязала ей ноги, а Нэш — руки. Когда горничная попыталась встать, она пошатнулась и чуть не упала. Нэш подхватил ее и удержал.

— То, что он вам ввел, выходит из организма не сразу, поэтому постарайтесь двигаться медленно.

— По-моему, меня сейчас стошнит, — ответила Миранда; лицо у нее посерело. Она оперлась о столешницу.

— Не торопитесь, — сказала Клэр. — Помощь уже близко.

Они смотрели, как Миранда бредет вдоль стены. Добравшись до порога, она с трудом вышла на крыльцо, в сгущающиеся сумерки. Как только она скрылась из виду, оба задрали головы и посмотрели на лестницу.

Портер — день второй, 17.29

Портер провел пальцем по краске; она еще не высохла.

Глаза были голубыми.

Ему хотелось громко позвать Эмори, хотя он понимал, что ничего хорошего из этого не выйдет, он только выдаст себя. Кроме того, глаза необходимо было спрятать, убрать в пакет, но пакетов у него с собой не было. Портер опустился на колени. Бишоп вырезал глаза целиком, вместе со зрительным нервом и прочим. Произвести такую операцию нелегко; для того чтобы, не повредив, извлечь из глазниц глазные яблоки, нужны твердая рука и соответствующие инструменты. Портеру показалось, что операцию сделали совсем недавно, минут десять — пятнадцать назад; кровь только начала сворачиваться и засыхать.

Портер достал из кармана мобильный телефон:

— Клоз! Я внутри. Нашел глаза Эмори рядом с пожарной лестницей на первом этаже. Ты вызвал заодно скорую?

Не услышав ответа, он посмотрел на экран: сигнала не было.

Чертыхнувшись, он положил телефон в карман.

Крепче сжав биту, он осторожно перешагнул глаза, открыл дверь и вышел на лестницу. Луч фонаря высветил пыль и обломки. Пыль висела в воздухе, как густой туман; он с трудом удержался, чтобы не закашляться. Обнаружить здесь следы оказалось невозможно; первая ступенька была так затоптана, что Портер не знал, сколько здесь прошло людей — скорее всего, не один десяток.

Он посветил фонариком вверх.

Что там говорил Клоз — сколько здесь этажей? Да говорил ли он об этом вообще? Снаружи казалось, что их не меньше пятидесяти. Портер не был уверен, что смог бы подняться на такую высоту и в лучший день, а сегодня, после того как ему зашили раненое бедро... Он приспустил хирургические штаны и осмотрел рану. Кровотечение, открывшееся раньше, похоже, остановилось. Правда, ногу дергало; то место болело едва ли не сильнее, чем когда Бишоп пырнул его ножом. Кожа вокруг повязки и пластыря побагровела.

Портер достал из кармана нож для бумаги, отрезал полосу от рубахи и намотал ее поверх повязки, затянув потуже. Отрезал еще полосу и туго завязал область раны — не так, как кровоостанавливающий жгут, но достаточно, чтобы замедлить кровоток. Он надеялся, что этого хватит, чтобы продержаться, по крайней мере, еще немного.

Он начал подниматься по лестнице.

Клэр — день второй, 17.29

Нэш шел первым; он пересек вестибюль быстро и плавно. Клэр старалась не отставать. После захода солнца в доме стало не только темно, но и как-то промозгло. Волоски у нее на затылке встали дыбом, и она внушала себе: это тоже от холода. Но часто бьющееся сердце доказывало, что она кривит душой.

Первая ступенька заскрипела под тяжестью Нэша, и Клэр услышала, как он выругался себе под нос. Свободной рукой она сжала его плечо. Она услышала, что и под ее ногами скрипнула ступенька. Может, снять обувь? Нет, в таком доме разуваться без толку. Деревянные полы в старых домах рассыхаются и скрипят при малейшей нагрузке.

Они медленно поднимались, стараясь не шуметь, двигаясь на ощупь. Когда пальцы Клэр наткнулись на что-то влажное на перилах, она остановилась и поднесла пальцы к носу. Она ощутила железистый запах крови. Она понимала, что ошибиться не может, хотя от этого легче ей не стало.

Нэш почувствовал, что она остановилась, и тоже замер и оглянулся. Его лицо было в тени.

Клэр подняла руку повыше.

— Кровь, — одними губами проговорила она.

Он посмотрел на свою руку. Ладонь, которой он прикасался к перилам, стала тошнотворно липкой. Клэр видела, как он вытер кровь о брюки, прежде чем двигаться дальше.

У нее вспотели ладони; «глок» как будто сделался тяжелее.

Поднявшись на второй этаж, они увидели, что коридор расходится от площадки в обе стороны. Прямо перед ними находилась ванная. Нэш пригнулся и побежал туда, целя перед собой; важно было убедиться, что там никого нет.

Клэр стояла, прислонившись спиной к стене, и зорко оглядывала коридор. Наконец Нэш вернулся.

Коридор освещал ряд светодиодных лампочек, вделанных в плитус; они увидели три закрытых двери слева и двойные двери в

конце коридора справа. Стены были увешаны семейными фотографиями разных форм и размеров. Клэр решила, что двойные двери ведут в главную спальню, а остальные — в гостевые комнаты и комнату Карнеги.

— Куда? — одними губами спросила она.

— В главную, — ответил Нэш на ходу.

Портер — день второй, 17.30

Портер ненадолго остановился только на площадке третьего этажа. Небольшое пространство, примерно три на два метра, было завалено штукатуркой и старыми обертками от фастфуда. Стены были выкрашены в яблочно-зеленый цвет.

И тут он услышал голос.

Крепче сжав биту, он поднялся на несколько последних ступенек, светя фонариком во все стороны.

— Что, Сэм, уже устал?

За голосом последовал громкий треск помех — а потом тишина.

— Где ты, Бишоп? — крикнул Портер. Собственный голос показался ему выше, а слова особенно гулко прозвучали в бетонном колодце.

— Знаю, ты сейчас не в форме, но уж потерпи; я видел, как старушки в ходунках взбираются по лестницам быстрее, чем ты.

— Пошел ты!

— Может быть, упражнение пойдет тебе на пользу, сожжет часть живота. — Снова помехи.

Портер заметил рацию, когда поднялся на площадку. Маленькая черная «Моторола» с резиновой антенной стояла у трубы, которая вела к следующему маршу.

Когда Бишоп снова заговорил, на рации запульсировала красная лампочка.

— Может, пока идешь, стишками побалуемся? Что скажешь, Сэм?

Сэм взял рацию в руки. Бишоп заговорил нараспев:

— Гуси-гуси, гусаки,
Куда летите, простаки?
То наверх, то прямо к ней,
К милой женушке моей.
Там я встретил старика,
Что не умел молиться,
Я схватил его за ногу

И помог спуститься.

Сэм, ты когда-нибудь думал, о чем эта считалочка? По-моему, она мрачновата для детей, и все-таки мы ее рассказываем детям. Мама часто рассказывала мне ее, всякий раз когда мы поднимались или спускались по лестнице.

Портер нажал кнопку на рации и поднес микрофон к губам:

— Я до тебя доберусь, чертов псих!

— Сэм! — отозвался голос Бишоп. — У тебя наконец получилось! А то я уже начал беспокоиться.

— Где ты, Бишоп?

— Я близко, Сэм. Только тебя жду. Так и знал, что ты разгадаешь загадку; ты самый умный в вашей банде неудачников. Пришлось, правда, долго тебя уламывать, и все-таки у тебя получилось. Я горжусь тобой!

— Я нашел глаза. Эмори еще жива?

Бишоп вздохнул:

— Очень жаль, что я не успел их упаковать. Я боялся, что на них наткнется крыса до того, как ты сюда попадешь, и убежит с вкуснятиной. Конечно, в таком случае я бы ничего не смог поделаться. Ты не представляешь, как я рад, что ты добрался сюда первым!

Портер поздно сообразил, что надо было чем-то прикрыть глаза. О крысах он не подумал.

— Где ты?

Бишоп хихикнул:

— Боюсь, тебе еще долго до меня добираться. С твоими швами прогулка по лестнице — дело непростое. Мне очень жаль. Надеюсь, я не слишком сильно тебя ранил, но мне пришлось импровизировать; ты и твои друзья в самом деле застали меня врасплох. — Он ненадолго замолчал, а потом продолжал: — И все-таки, Сэм, тебе лучше поторопиться. У нас совсем немного времени. Хотя ты и ранен, тебе еще подниматься и подниматься.

Портер снова зашагал по ступенькам. Всякий раз, когда он останавливался, даже ненадолго, ногу сводило болью. Он с усилием расслаблял мышцы, стискивая зубы, чтобы не стонать. Боль все

усиливалась; скоро ему начало казаться, будто в него снова вонзили нож и поворачивают его в ране.

— Позволь мне поговорить с ней; ты мой должник! Подтверди, что она еще жива.

Ему ответил треск помех; потом в динамике послышался голос Бишопа:

— К сожалению, Эмори сейчас недоступна.

Портер поднялся на площадку четвертого этажа и зашагал дальше, несмотря на одышку.

— Так ты закончил?

— Что закончил?

— Сам знаешь.

— Твой дневничок?

— Не издевайся, Сэм. Не смей надо мной издеваться! Издевка — тоже своего рода зло, к которому я совсем не благоволю.

Сэм вытер лоб рукавом «хирургички».

— Твоя мать в самом конце издевалась над тобой; как тебе это понравилось?

— Значит, дочитал. — Бишоп хмыкнул.

— Да, дочитал.

— Моя мать была не женщина, а злая ведьма, которая заслужила все, что с ней случилось, — ответил Бишоп.

— Похоже, твоя мать была та еще штучка; спала со всеми подряд. Горячие штучки всегда чокнутые.

— Понимаю, куда ты клонишь, но ничего у тебя не получится, так что перестань язвить, — отрезал Бишоп.

— Значит, они так и не вернулись? Бросили тебя?

В рации послышались щелчки, как будто Бишоп все время быстро нажимал какую-то кнопку или у него начался нервный тик.

— Помнишь, что я прихватил спички? Я сжег дом дотла после того, как туда зашли люди Толбота. Решил, что грех напрасно расходовать бензин, которым «Джонс» и «Смит» так щедро все полили. Пожарные вызвали представителей отдела по работе с несовершеннолетними, и меня отвезли в место, которое называлось реабилитационным центром. Там я провел две недели, а потом меня передали в первую приемную семью. Никто не заподозрил, что пожар устроил я. Если мать и возвращалась за мной, я об этом не знаю.

— Похоже, она ускакала на закат с этой дамочкой Картер и не хотела, чтобы ее паршивец сын тащился за ней в ее фантазию в стиле «Тельмы и Луизы». Они с самого начала не собирались брать тебя с собой.

— Мне они не были нужны. Мне лучше было без них.

— В приюте? В приемной семье? Да, наверное, ты прав. Если хотя бы половина из того, что ты написал, — правда, ну и семейка же у тебя была! Вы там все были долбанутые на всю голову.

— Фу, Сэм, что за выражения!

— Верно. «Не говори зла». Прошу прощения. Очень не хочется нарушать одно из правил твоего достойного поклонения папаши.

Пятый этаж.

— В тот день твоя мать хотела, чтобы твой отец умер, рассчитывала на это; она списала его со счетов. Кто трахался с блондином? Твоя мать или Картер? А может, они обе? Черт, готов поспорить, что тот тип окучивал обеих, пока ты играл со своей штучкой в углу.

— Сэм, выбирай выражения!

— Пошел ты, Бишоп. «Черт» — не ругательство.

Бишоп вздохнул:

— Сквернословие и богохульство — признак слабого ума, а я точно знаю, что тебя можно считать каким угодно, только не слабоумным. Наверное, ты уже придумал, как расквитаться с парнем, который застрелил твою жену. Как его фамилия — Кэмпбелл? Ты ушел, хладнокровный и великодушный, но я видел, как гнев и ненависть выжигают тебя изнутри.

— Не все стремятся отомстить.

Бишоп хихикнул:

— Представь, что вас с ним заперли в одной комнате и сказали тебе, что никаких последствий не будет, что бы ты ни сделал. И ты бы не причинил ему боли? Не всадил ему пулю между глаз? Не достал бы нож и не разрезал его от шеи До паха и не смотрел, как он истекает кровью? Не обманывай себя, Сэм. Во всех нас живет одно и то же.

— Но не все соответственно действуют.

— Некоторые действуют, после чего мир становится лучше.

Портер усмехнулся:

— Может, если бы ты не был таким мерзким маленьким засранцем, твоя мать не бросила бы тебя. Может быть, их троица учла бы и тебя в своих дальнейших планах. Ты мог бы жить с новым папочкой и двумя мамочками на те деньжищи, которые они спрятали в своих банковских ячейках.

Бишоп тихо рассмеялся:

— Наверное, твои друзья из пятидесят первого участка сговорились сегодня оставить дверь камеры Кэмпбелла открытой на ночь... Впустят тебя туда с черного хода, чтобы ты мог без помех поболтать с ним по душам. Если утром окажется, что он повесился в камере, кому какое дело? Никто не станет плакать, если одним гадом на свете станет меньше. Ты этого заслуживаешь, верно? За все, что он сделал.

— Как его звали по-настоящему — того блондина?

Сначала Бишоп не ответил; потом, после треска помех, в радиии снова послышался его голос:

— Луис Керби.

— Твоя мать и миссис Картер с самого начала собирались сбежать с Луисом Керби.

— Да.

— И твой отец в их планы не входил.

Бишоп промолчал.

— Откуда твоя мать и миссис Картер вообще знали Керби? — Портер упорно продолжал светский разговор. Ему плевать было и на Керби, и на Картеров, и на родителей Бишопы. Главное было в другом: пока Бишоп разговаривает с ним, он не причиняет боли Эмори. Его задача — тянуть время, чтобы он как можно дольше не трогал Эмори.

Бишоп снова защелкал микрофоном — пять раз, двенадцать раз.

— Керби работал с Саймоном Картером в одной фирме, в операционном отделе; наверное, именно он отвечал за вывод денег. Скорее всего, они вдвоем задумали поделить денежки и скопировать документы, которые послужили бы для них страховкой.

— Никто не станет гоняться за несколькими миллионами, рискуя спалить всю лавочку.

— Совершенно верно.

— Но Керби как-то обвел Картера вокруг пальца с помощью твоей матери, — продолжал Портер. — И своего напарника тоже.

Прихлопнул его как муху.

— Саймон Картер плохо обращался с женой; она увидела выход и воспользовалась им. Наверное, мама согласилась ей помочь, а напарник Керби просто стал случайной жертвой.

Портер почувствовал, что по ноге течет теплая струйка, и опустил голову; швы снова кровоточили. Он зажал рану рукой и продолжал подниматься.

— Ты увидел на фургоне фамилию Толбот и запомнил ее на всю жизнь?

Молчание.

— Бишоп!

— Отец учил меня не приступать к делу без тщательно разработанного плана. К шестнадцати годам у меня было несколько фальшивых удостоверений личности. Их нетрудно раздобыть, если постоянно живешь в приемных семьях. Там я познакомился со многими начинающими преступниками. Правда, я старался не пачкаться, избегал драк и наркотиков. Сосредоточился на одной цели и в конце концов достиг ее: устроился на работу к Толботу. Я никуда не спешил. Начал стажером и постепенно продвигался по служебной лестнице. Я всегда неплохо обращался с компьютерами, наверное, это настоящий дар, так что у меня ушло совсем немного времени на то, чтобы попасть в отдел компьютерных технологий. Я быстро понял, как действовал Саймон Картер. Он сам упростил мне задачу. Ворую документы, он оставлял копии на их же серверах. Оставил их под носом у своего руководства, под фамилиями вымышленных клиентов. За два года я уже собрал все то же, что и он, и даже больше. Мистер Картер собрал сведения о нескольких десятках преступников по всему городу; самым старым досье было почти двадцать лет. Он не только подробно описал их преступления, он также любезно зафиксировал факты перехода денег из рук в руки. Они были плохими людьми, Сэм. Читая досье, я видел все — от азартных игр до сексуального рабства. Все они были связаны круговой порукой. Я столкнулся с настоящей паутиной зла; с подпольной сетью. Днем я работал на Толбота, а ночами по кусочку складывал головоломку.

— В шестнадцать лет ты уже жил самостоятельно?

— Я поселился в пустующем многоквартирном доме на западной окраине. Делил квартиру еще с пятью ребятами, с которыми

познакомился в приюте. Все лучше, чем приемные дома. Не перебивай меня, Сэм. Это невежливо.

— Извини.

Бишоп продолжал:

— Все преступники входили в эту огромную паутину, а в центре паутины сидел один человек; он участвовал во всем.

— Толбот.

— Возможно, моего отца убил напарник Керби, но на спусковой крючок нажимали все те люди, — торжественно произнес Бишоп. — И главным образом, Толбот.

— Сколько ты убил? — спросил Портер. Он поднялся на площадку девятого этажа и совсем выбился из сил.

— Сэм, я тоже не чист. Но я делал то, что было необходимо сделать.

— Ты убивал невинных людей.

— Невинных людей не бывает.

— Дай мне поговорить с Эмори, — снова попросил Портер.

Десятый этаж.

— Эй, а хочешь послушать кое-что забавное?

— Конечно.

Пронзительный крик послышался и сверху, и из крошечного динамика рации, которую Портер держал в руке, — леденящий кровь крик боли, такой душераздирающий, что у него самого заболело сердце.

— Лучше поторопись, Сэм. Давай-давай!

Клэр — день второй, 17.30

Дверь была закрыта.

Нэш подергал ручку, словно ожидал чего-то другого, и раздраженно обернулся.

Клэр прижалась ухом к двери.

Тишина.

Нэш жестом велел ей отойти, а сам навалился на дверь и поднял вверх три пальца.

Клэр его поняла. Она опустилась на колени и прицелилась.

Нэш опустил один палец, второй. На счет «три» он всей тяжестью навалился на дверь и едва не упал, ворвавшись в комнату, когда дверь громко треснула и слетела с петель.

Клэр, не разгибаясь, осматривалась, целясь из пистолета.

Посреди комнаты стояла широкая кровать под балдахином; над ней был причудливый натяжной потолок. Слева она разглядела небольшую жилую зону со стеллажами и письменным столом в центре; от остальной комнаты пространство отделял большой диван. В углу трещал камин. В дальнем конце спальни они увидели еще один коридор, который вел куда-то за угол.

Нэш осторожно пошел туда; Клэр встала и зашагала за ним.

На полу рядом с диваном они увидели женщину, связанную и с кляпом во рту, как у горничной внизу.

Нэш перешагнул через нее, осмотрел большую гардеробную справа, убедился, что там никого нет. Клэр пошла дальше и повернула за угол. Она оказалась в огромной ванной, отделанной белым мрамором. В этой роскоши негде было спрятаться; душевая кабина была с прозрачными стенками и явно пустовала. Слева находился бельевой шкаф, в котором лежали пушистые банные полотенца. А флаконов с кондиционерами, шампунями и разными чистящими средствами там хватило бы на небольшой отель. В шкафу никто не прятался.

Она вернулась в спальню и увидела, что Нэш осматривает пространство за кроватью.

Клэр опустилась на колени рядом с женщиной и вытащила кляп у нее изо рта.

— Он еще здесь?

— Я... так не думаю, — дрожащим голосом ответила женщина. — Боже... по-моему, он забрал Арти! — Она забилась, пытаясь как-то сесть. Нэш помог ей, развязал и пересадил в мягкое кресло рядом с кроватью.

— Где ваша дочь? — спросил Нэш.

— Карнеги не будет дома до... — Она выгнула шею и посмотрела на камин в дальнем углу; на каминной полке тикали часы. — Который час? Сейчас темно; я не вижу.

— Половина шестого.

— Шестого?!

Вдали завывала сирена.

Клэр подошла к панорамному окну рядом с кроватью и отдернула штору; она ничего не увидела.

— Мадам, он давно ушел?

Нэш развязал женщине руки, и она потерла виски:

— Арти вернулся домой в начале третьего. Сразу после этого пришел он. Минут через десять, не позже.

— И что дальше?

— Я точно не знаю; все произошло так быстро! Я была здесь, сидела на диване и читала, кто-то постучал в спальню. Я решила, что это Миранда. Арти сказал, что откроет. Через секунду я услышала громкий удар, и, когда встала, чтобы выяснить, что случилось, тот человек ворвался в комнату. Он набросился на меня и повалил на диван. Наверное, я ударилась головой, потому что ненадолго потеряла сознание. Когда пришла в себя, у меня были связаны руки и он вязал мне ноги. Я закричала, а он только улыбнулся. Более того, он извинился за то, что ворвался без спросу, сказал, что просто должен побеседовать с моим мужем. Потом он сунул мне в рот кляп. Я увидела, что Арти лежит вон там. — Женщина жестом показала на коридор. — Он двигался, извивался, правда, с трудом. По-моему, он пытался встать. Тот человек вернулся к нему и уколол его в шею; наверное, ввел ему какой-то наркотик, потому что Арти сразу затих. Потом он подошел ко мне, снова извинился и всадил иглу мне в шею. Я снова отключилась, а когда проснулась, огонь в камине почти

догорел, так что, наверное, я была без сознания довольно долго. Потом пришли вы.

Клэр вывела на экран телефона фото Бишопа и протянула женщине;

— Это он?

Та кивнула.

— Что он делает с Арти?

Нэш нашел выключатель и щелкнул им. Лучше бы он этого не делал.

На стене спальни кровью было написано: «Не совершать зла».

Портер — день второй, 17.37

Когда Портер добрался до одиннадцатого этажа, глотка у него горела. На двери свежей кровью по выцветшей зеленой краске было нацарапано: «Не говорить зла». Опустив голову, он увидел у своих ног человеческий язык, а рядом с ним — окровавленные клещи.

Все. Ему сюда.

Прежде чем толкнуть тяжелую металлическую дверь, он положил рацию в карман, выключил фонарик и крепче сжал в руке бейсбольную битку. Вошел быстро и тихо, не обращая внимания на пульсацию в больной ноге.

Коридор освещали свечи.

Белые свечи стояли примерно через каждый метр по левой стене. Они стояли до самого поворота коридора и исчезали за углом.

Портер достал из кармана мобильный телефон, глянул на экран: сигнала по-прежнему не было. Он убрал телефон и покатал битку в руках.

Загремела музыка — Guns’N’Roses:

Добро пожаловать в джунгли,
Мы покоряем их день за днем.
Если хочешь, придется кровь пролить —
Придется заплатить.

Инстинктивно пытаясь зажать уши, Портер едва не выронил битку. Кое-как он закрыл виски ладонями, удерживая битку пальцами. Он никогда не слышал, чтобы музыка гремела так громко; наверное, так же чувствуют себя зрители, которые стоят на рок-концерте в первом ряду. Он не видел динамиков, но музыка явно доносилась откуда-то сверху. Сверху и из-за угла.

Он зашагал по коридору.

Чем дальше, тем громче звучала музыка. Портеру показалось, что язычки пламени танцуют, отклоняясь на мощных басах. Как будто на

ветру в грозу.

В джунгли,
Добро пожаловать в джунгли!
Смотри, смотри как я извиваюсь.
Я хочу слышать, как ты кричишь...

Когда Портер дошел до угла, пришлось оторвать ладони от ушей, чтобы крепче держать биты. Он шел наугад, сжимая в руках несерьезное оружие и подволакивая кровотокающую ногу.

Портер — день второй, 17.40

Портер решил, что он находится в бывшем общем зале. В просторное помещение стащили все, что осталось от конторы, которая находилась на этом этаже раньше.

Посреди комнаты возвышался старый дубовый стол; на полу горели сотни свечей. На столе стоял старый двухкассетный стереомагнитофон — таких он уже лет двадцать не видел. Черная пластмассовая обшивка была покрыта пылью и заляпана краской, одно из двух кассетных гнезд отсутствовало, а стекло, которое должно было защищать тюнер, так потрескалось, что стало невозможно рассмотреть номера радиостанций. На дисплее в такт музыке плясали и переливались светодиодные огоньки: красные, зеленые, желтые и синие. Куда-то вверх уходил провод; он вел к четырем огромным динамикам, составленным у одной из трех открытых лифтовых шахт. К двухкассетнику была приклеена записка: «Поменяй канал с 97,9, и я сброшу тебя с крыши. Подписано — твои друзья на Местном радио, 49». Под этим кто-то нацарапал: «Классик-рок навсегда!»

Вся аппаратура была подключена к красному генератору «Бриггс энд Страттон». Портер нагнулся и выключил питание. Музыка умолкла; генератор тоже утих.

— Не любишь «Ганз'Н'Роузиз»? — заскрипел голос Бишопа из рации в кармане.

Портер выхватил рацию и нажал кнопку:

— Где ты, мать твою?

— Я забыл тебе рассказать, кем стала миссис Картер в своей новой жизни.

— Что?

— Лайза Картер умерла в тот же день, что и мой отец, но позже возродилась; у нее началась совершенно другая жизнь. Хочешь узнать, как ее стали звать? По-моему, ее имя ты уже слышал.

Портер слышал голос Бишопа не только из рации; он доносился откуда-то еще, двоился. Бишоп был где-то рядом. Правда, из-за звона в ушах Портеру трудно было ориентироваться.

С двух сторон от лифтовой площадки шли дверные проемы. Всего их было четыре, по два с каждой стороны. Свечи вокруг стола мешали смотреть в окружающий мрак. Портер чувствовал, что Бишоп не сводит с него глаз.

— Ты не хочешь узнать, кем стала миссис Картер после того дня в нашем доме?

Портер направился к первой открытой двери, занеся битую, готовясь нанести удар.

— Не надо!

Портер застыл на месте.

Из мрака у противоположной стены выплыла тень. Энсон Бишоп толкал перед собой офисное кресло на колесиках, в котором сидел Артур Толбот, примотанный к спинке клейкой лентой — руки, ноги и торс. Его глаза закрывала грубая повязка; изо рта капала кровь. Портер перенесся мыслями на одиннадцать этажей вниз, вспомнил глаза на пыльном полу, язык, который нашел на площадке...

Он увидел, что Энсон Бишоп приставил к горлу Толбота нож.

— Привет, Сэм!

Портер подошел с осторожностью, оглядывая пустое пространство.

— Где она?

— Сэм, у тебя есть пушка? Если есть, попрошу тебя оставить ее вон там, в коридоре.

— Только вот это. — Он поднял битую.

— Битую можешь оставить, если тебе от этого легче. Только стой, где стоишь; не нужно подходить ближе.

Толбот жалобно застонал; его голова бессильно упала на плечо.

Издали послышался вой сирен.

— Позволь отвезти его в больницу. Ему вовсе не обязательно умирать.

— Мы все умираем, Сэм. Одним в этом отношении везет больше, чем другим. Не так ли, Арти? — Он надавил острием; по шее Толбота побежала кровь. Толбот не реагировал; должно быть, потерял сознание. Бишоп снова поднял голову, посмотрел на Портера и нахмурился. — Знаешь, тебе надо показать свою ногу врачам. Подниматься пешком по лестнице — не такая это была удачная мысль.

Портер посмотрел вниз и понял, что штанина у него пропиталась кровью; наверное, разошлись все швы. Он прижал руку к ране, и между пальцами просочилась кровь. Голова закружилась. Он выронил биту, и она со стуком упала на пол.

— Я в порядке.

— Сэм, ты хороший полицейский. Наверное, ты и сам это понимаешь. Я так и знал, что ты разгадаешь загадку. А то, что ты ставишь других выше себя, достойно восхищения. Такое нечасто встретишь, особенно в наши дни.

Портер глубоко вздохнул и заставил себя держаться прямо, не обращая внимания на белые пятна, плясавшие перед глазами. Сирены завывали все громче.

— Слышишь? Они скоро будут здесь. У тебя еще есть время для того, чтобы поступить как надо. Скажи, где Эмори, и отпусти Толбота. И уходи. Я не смогу гнаться за тобой — в таком-то состоянии.

Бишоп подкатил кресло к первой открытой шахте лифта и расплылся в улыбке:

— Отпустить?

— Нет! Не надо! — Портер с трудом заковылял к нему.

Бишоп поднял руку с ножом и направил нож на него:

— Стой! Не подходи ближе!

Портер остановился.

С кончика ножа капала кровь и падала Толботу на плечо. Кресло стояло в каком-то метре от шахты высотой в одиннадцать этажей — плюс подвальные помещения. Портер старался сосчитать в уме, но мысли в голове путались. Сколько тут — метров тридцать? Сорок? Он не мог определить. Да это и не важно; все равно достаточно высоко.

— Эмори я еще понимаю, но почему ты защищаешь этого подонка? Ты и сам скоро поймешь, сколько он натворил. Не сомневаюсь, Клэр и другие ребята уже нашли документы.

Он приложил руку ко всем грязным сделкам, которые совершались в нашем городе за тридцать лет. Из-за него совершались убийства, процветала коррупция — все то, с чем ты борешься всю жизнь. Сколько людей умерли из-за него? И сколько еще умрет народу, чтобы он мог и дальше набивать себе карманы?

Снаружи послышалось стрекотание вертолета; судя по всему, пилот садился на крышу. Бишоп быстро посмотрел на потолок и

перевел взгляд на Портера:

— Похоже, прибыли твои друзья.

— Ну да. Здание окружено. Одни спустятся сверху, а спецназ, скорее всего, уже на лестнице. Твое время вышло, Бишоп. Все кончено. — У Портера перед глазами потемнело, колени подкосились; он держался из последних сил. — Отойди от Толбота и встань на колени.

Бишоп медленно развернул кресло:

— Без него наш мир станет лучше. Разве ты так не считаешь? Этого хотел бы мой отец.

— Какую роль играл во всем напарник Керби? — спросил Портер, надеясь отвлечь Бишопа. — Тот, кто застрелил твоего отца.

— Что?

— Керби собирался сбежать с твоей матерью и миссис Картер, но как же тот, второй, которого ты называл «мистером Джонсом»? — Портеру все труднее было стоять прямо; его тело словно налилось свинцом. Ему хотелось спать, но он понимал, что должен говорить с Бишопом — убалтывать его, пока не придет подкрепление. Пока...

— Его звали Фелтон Бриггс. Он работал на нашего приятеля. — Бишоп еще раз повернул кресло с Толботом. — Скорее всего, он был кем-то вроде телохранителя. Я спрашивал о нем Арти, но он мне не отвечал, только бормотал про глаза; «Не вижу! Ничего не вижу!» — ну и так далее. Пришлось в конце концов его заткнуть. Ты бы видел!

— Он тоже участвовал в их заговоре?

— До тех пор, пока не нажал на спусковой крючок и не убил отца, он, возможно, был единственным невинным человеком, который оказался в тот день в нашем доме. Он просто делал свое дело. Он понятия не имел, что Керби сговорился с матерью и миссис Картер. И, разумеется, он не знал, что Керби собирался его убить.

Толбот дернулся, голова завалилась назад. Пальцы вытянулись, все тело свело судорогой.

— Он в шоке; пожалуйста, позволь отвезти его в больницу.

Бишоп улыбнулся:

— Скоро здесь будут твои друзья. Но вот ты меня беспокоишь. Как ты себя чувствуешь? Ты, Сэм, ужасно побледнел.

Портер чувствовал себя паршиво. В углу стояли два Бишопа, а не один, и руки у него онемели. Он хотел нагнуться, подобрать с пола

бейсбольную битку, броситься на Бишопа и избить до потери сознания, превратить его голову в кровавую кашу, но все силы уходили на то, чтобы стоять прямо. Все силы уходили на то, чтобы не потерять сознание.

— И какое же новое имя взяла себе миссис Картер?

Бишоп просиял:

— Ах да! Чуть не забыл от волнения! Спасибо, Сэм, что напомнил.

Толбот не шевелился. Портер не видел, дышит ли он.

Бишоп продолжал:

— Мама поменяла имя на Эмили Джерард. Очень жаль, но больше мне ничего не удалось о ней узнать. Я пробовал разыскать ее, но это имя ни разу нигде не всплывало. Ни кредитной истории в банке, ни продажи земли — ничего. Не думаю, что она воспользовалась этим именем. А вот миссис Картер воспользовалась, и еще как! Она даже не пыталась прятаться. По-моему, ты с ее именем знаком, хотя узнал его недавно. Миссис Картер стала Катриной Коннорс.

Мысли в голове путались. Мозги работали медленно, очень медленно. Он узнал имя — он безусловно его где-то слышал, но не мог вспомнить где. Потом...

— Мать Эмори?!

Бишоп расплылся в улыбке и в очередной раз крутанул кресло с Толботом.

— Помнишь, ты просил меня изучить ее биографию? Мне еще тогда очень хотелось рассказать тебе все, что я о ней разузнал. Но, согласишься, тогда это было бы совсем не смешно!

— Но как?

— Саймон Картер перевел на офшорные счета свыше четырнадцати миллионов долларов; я знал, что мама и миссис Картер какое-то время жили на эти деньги. Помимо всего прочего, они скупали недвижимость — много недвижимости. Такой недвижимости, которая, как ей было известно, однажды понадобится Толботу. Когда он наконец решил обратиться к ней по поводу конкретного участка со складами вдоль набережной, она соблазнила его. В результате на свет появилась Эмори. В первый день рождения Эмори она перевела всю недвижимость на имя дочери, а потом сказала Толботу, кто она такая на самом деле. Еще она сказала, что все документы, которые много лет

назад украл ее муж, хранятся у нее, и она их обнаружит, если Толбот не согласится завещать Эмори все свои легальные активы. Вскоре после этого он изменил завещание.

— Как ты обо всем узнал? Ты ведь говорил, что не знаешь, куда уехали твоя мать и миссис Картер.

— Гюнтер Херберт оказался очень откровенным, — ответил Бишоп. — С неделю назад мы с ним славно поболтали.

— Главный финансовый директор Толбота?

— Да.

— Значит, если Толбот умрет...

— Эмори унаследует миллиарды, а созданная им криминальная империя рассыплется в прах.

Портер посмотрел на Толбота. Тот снова зашевелился; голова ворочалась из стороны в сторону, он издал низкий, гортанный стон.

— Ты не можешь его убить.

— Не могу? Интересно почему? — удивился Бишоп, толкая кресло.

Толбот подкатился к открытой шахте слева, и Портер бросился туда же, вложив в бросок последние силы. Он упал, сильно ударившись о бетонный пол, и заскользил, вытянув руки, ухватившись пальцами за холодную сталь. Он схватил одно колесико, которое подкатилось к самому краю. Удерживал его долю секунды, но потом колесо вырвалось и скрылось во мраке.

Он услышал грохот далеко внизу; за грохотом последовал пронзительный крик. Приглушенный девичий крик, доносившийся из соседней шахты, в центре комнаты, всего в нескольких шагах справа от него.

Эмори!

Подняв голову, он увидел, как Бишоп не спеша идет к третьей шахте и разворачивается к ней спиной. Заметив, что Портер смотрит на него, Бишоп помахал ему рукой на прощание и одними губами выговорил:

— Прощай, Сэм! Было весело! — Потом он шагнул спиной вперед в проем и скрылся в черной пропасти.

Все почернело, когда Портер наконец потерял сознание.

Портер — день второй, 17.58

— Сэм! Ты меня слышишь? По-моему, он приходит в себя...

Голос Клэр.

Клэр-эклер.

Куда делся Бишоп?

— Пожалуйста, отойдите, мэм.

Яркий свет.

Ярчайший.

Самый яркий из всех возможных.

— Детектив!

Что-то щелкнуло, свет пропал, и Портер заморгал. Голова раскалывалась.

— Где я?

Клэр оттолкнула врача.

— На первом этаже, у входа в здание. Мы спустили тебя вниз в корзине, привязанной к вертолету. И речи быть не могло о том, чтобы тащить твою толстую задницу по лестнице!

— Бишоп убил Толбота.

Клэр отбросила со лба прядь волос:

— Мы знаем. Послушай...

Портер смотрел на ее палец.

Из двери-турникета выбежал Нэш; следом за ним двое санитаров выкатили носилки с лежащей на них девочкой. Из ее руки торчала капельница; голова и запястье были перевязаны.

— Как она?

— Все с ней будет хорошо, — сказала Клэр. — Бишоп приковал ее к каталке внизу шахты лифта. Она сильно обезвожена, и из-за наручников запястье воспалилось, но не думаю, что она потеряет руку. Если не считать уха, он ее не тронул. Только бросил там внизу. Все это время в здании работали строители, но никто и понятия не имел, что она там, в шахте; они работали на верхних этажах.

Портер облизнул губы. В горле у него пересохло.

— Бишоп прыгнул в другую шахту. Он умер?

Клэр глубоко вдохнула и медленно выдохнула:

— Он не прыгнул; он оттолкнулся. У него в той шахте были припасены канат и альпинистское снаряжение; он благополучно спустился вниз. Когда мы там очутились, то увидели дыру в стене, которая вела в еще один подземный туннель, вроде того, который мы нашли под «Малифаксом». Он ушел, Сэм. Патрульные проверяют все входы и выходы в туннели, которые нанесены на карту города, но не думаю, что мы его найдем. Хотя половина нашего управления была в этом здании и пыталась пробраться на твой этаж сверху и снизу, он ускользнул у нас между пальцев и скрылся в подземелье.

— Мадам, мы должны везти его в больницу. Он потерял много крови.

Клэр метнула на фельдшера мрачный взгляд и улыбнулась Портеру:

— Ты молодец, Сэм. Ты нашел Эмори, а мы установили личность Обезьяньего убийцы. Он где-нибудь ошибется, и мы его найдем. К сегодняшнему вечеру весь мир будет знать, как он выглядит. Больше ему не спрятаться.

Портер сжал руку Клэр и смотрел, как Эмори везли к машине скорой помощи справа от него. Потом он закрыл глаза. Он хотел одного: спать.

Портер — день третий, 8.24

Когда Портер снова открыл глаза, оказалось, что он в больничной палате. Она выглядела точно так же, как палата, в которой он лежал раньше... Который час? Он поискал глазами часы или свой телефон, но не нашел ни того ни другого. Из окна в палату проникал солнечный свет и согревал одеяло у него на кровати. Неужели он в самом деле проспал всю ночь?

— Где тут кнопка вызова сестры, мать ее? — Он завожился в простынях, ища кнопку, но ему удалось только запутаться в шнурах капельниц.

— Тебя ни на минуту нельзя оставить одного, — сказал Нэш, входя в палату из коридора. В руках он нес стакан кофе из автомата и шоколадный батончик. — Так и вижу газетный заголовок: «Детектив, выживший после столкновения с серийным убийцей, задохнулся на больничной койке».

— Мне не нужно было выживать; он не собирался убивать меня, — хрипло ответил Портер.

Нэш протянул ему бумажный стаканчик, стоявший на тумбочке:

— Вот, попробуй. Это сестра принесла несколько минут назад.

— Что там?

— Кубики льда.

Портер поднес стаканчик к губам, и холодная вода пролилась на грудь и подбородок.

— Ну ладно, может, не несколько минут назад, а раньше. Наверное, кубики растаяли.

Нэш нагнулся над кроватью и сразу нашел кнопку вызова сестры.

— Попрошу, чтобы она принесла еще.

Портер откинул край простыни и осмотрел ногу: ее снова забинтовали. На руках появилось несколько новых царапин и кровоподтеков. Он рассказал Нэшу, что случилось с Толботом.

— Возможно, Уотсон, Бишоп, или как там его зовут на самом деле, оказал нам услугу.

Портер поднял брови, но ничего не ответил.

— На квартире у Бишопа мы нашли коробку с документами; там достаточно материала, чтобы посадить человек двадцать или даже тридцать, которые орудуют в Чикаго и окрестностях. Знаешь, что их всех объединяло? Точнее — кто?

— Толбот?

— Толбот.

— Бишоп мне сказал.

Нэш фыркнул:

— Спроси ты меня о нем еще неделю назад, я бы сказал, что он скоро станет нашим следующим мэром.

— Вполне мог бы стать, если бы не эта история.

— Что-то все-таки не дает мне покоя. Как Бишоп все распутал? Он послал триста кусков Кеттнеру за то, чтобы тот прыгнул под автобус. Откуда у него столько денег? — спросил Нэш.

— Может быть, нашел их под кошкой.

— Какой еще кошкой? — удивился Нэш.

— А ты почитай его дневник.

Нэш отпил кофе и покачал головой:

— Подожду, пока по нему снимут фильм.

Портер покосился на шоколадный батончик:

— Можно?

В дверь просунула голову Клэр Нортон:

— Будь я проклята, неужели тебя положили в ту же самую палату?

— Привет, Клэр-эклер!

Она вошла и обняла его:

— Псих ты ненормальный! Так и хочется приковать тебя к койке наручниками, чтобы ты снова не сбежал!

Нэш оживился:

— Если что, я ведь здесь!

Клэр бросила в него пустым бумажным стаканчиком:

— Извращенец!

— Горжусь, что я член профсоюза!

Она повернулась к Портеру:

— Ты уже готов принимать гостей?

Он пожал плечами:

— Уж если я вас двоих терплю, наверное, готов к чему угодно.

Клэр поправила простыню на кровати и улыбнулась:

— Никуда не уходи; я сейчас вернусь. — Она скрылась за дверью, но почти сразу вернулась, толкая перед собой кресло-каталку, в котором сидела девочка. Голова и рука у нее были забинтованы, и она была смертельно бледна.

— Здравствуй, Эмори, — тихо сказал Портер.

— Здравсте.

Портер повернулся к остальным:

— Вы не можете ненадолго оставить нас?

Клэр схватила Нэша за руку и потащила к двери:

— Пошли, поищем, где здесь можно позавтракать!

Нэш с порога улыбнулся Эмори и Портеру:

— По-моему, я ей нравлюсь!

Когда за ними закрылась дверь, Портер снова посмотрел на Эмори. Учтывая все, что с ней случилось, выглядела она неплохо. Судя по нескольким ее фотографиям, которые он видел, она сильно похудела. Лицо осунулось, и на нем появились морщинки, которые при обычном течении жизни не возникли бы еще лет десять. Он понимал, что морщинки появились, скорее всего, от обезвоживания и со временем пройдут. Ее, однако, выдавали глаза. Это не были глаза пятнадцатилетней девочки; перед ним были глаза человека гораздо старше, глаза женщины, которая видела то, чего она не должна была видеть.

— Итак... — начал Портер.

— Итак...

Он жестом показал на тумбочку:

— Я бы предложил тебе что-нибудь попить, но у меня даже лед растаял. Как всегда, больничная палата не слишком приспособлена к приему гостей.

Эмори показала на капельницу, присоединенную к своему креслу:

— Я привезла закуски с собой; но спасибо, что предложили.

Портер с трудом сел. Палата закружилась у него перед глазами.

— Ух ты!

— Обезболивающие?

Он облизнул пересохшие губы:

— По-моему, мне дали что-то классное — все так и кружится...

Ух ты!

Эмори подняла запястье:

— Мне тоже дали классную вещь вот от этого, и от уха тоже. Я просила утром подождать с очередным уколом, чтобы навестить вас.

Портер посмотрел на пол.

— Эмори, прости, что я не нашел тебя раньше. Я...

Но она покачала головой и положила руку ему на плечо:

— Не надо себя ни в чем обвинять. Вы ведь нашли меня! Клэр рассказала обо всем, что вы для меня делали последние дни. Не знаю, как вас и благодарить.

Эмори проследила за его взглядом: он смотрел на ее забинтованную руку.

— Вчера мне сделали операцию. Поврежден какой-то нерв, а еще перелом ладьевидной кости, но врачи обещают, что все заживет. Рука онемела, но пальцы работают как положено. Говорят, что подвижность восстановится в полном объеме. — В доказательство она пошевелила пальцами и поморщилась от боли.

— А ухо? — Портер сам не знал, почему спросил. В обычных условиях он ни за что не спросил бы ни о чем подобном и ждал бы, пока она заговорит первой. Наверное, наркоз виноват.

— По-моему, мне отрастят новое ухо.

— Что?!

— Утром я разговаривала с врачом, который сказал, что может вырастить мне новое ухо у меня на предплечье из хрящевой ткани, взятой с ребер, — объяснила Эмори. — Дело займет месяца три, но он обещал, что ухо нельзя будет отличить от настоящего.

Портер откинулся на подушку.

— Мне определенно вкололи что-то хорошее. Мне показалось, или ты в самом деле сказала, что тебе вырастят новое ухо?

Эмори хихикнула. Приятно было слышать ее смех.

Портер смотрел на нее, смотрел ей в глаза, которые видели то, чего им нельзя было видеть, смотрел на девочку — и понимал, что с ней все будет хорошо.

— Может, поговорим о твоей матери? Недавно я многое узнал о ней. Можем сравнить впечатления.

— Я бы с удовольствием, — улыбнулась Эмори.

Эпилог

Два дня спустя

— Черт! — Нэш поднял ногу и принялся разглядывать собачье дерьмо, прилипшее к подошве.

— Эх, забыл тебя предупредить, чтобы ты смотрел под ноги, — сказал Портер, роясь в кармане в поисках ключей. — У нас здесь такое часто бывает. Для меня и дом не дом без собачьего дерьма на крыльце.

Наступила ночь, и на улицах зажглись фонари. После захода солнца стало промозгло, что Портеру даже нравилось; свежий воздух бодрил.

Они стояли у дверей его дома. Врачи продержали его в больнице два дня, чтобы убедиться, что швы не разойдутся, и только потом выписали. После того как он самовольно сбежал из больницы, погнался за серийным убийцей и взобрался на десятый этаж, он, очевидно, вышел у врачей из доверия. Опасались инфекции, но все обошлось, и нога заживала.

— Ты вовсе не обязан был везти меня домой; я бы и сам добрался. Нэш отмахнулся:

— Иначе Клэр бы меня заживо съела!

— Ты просто мне не доверяешь.

— И это тоже. — Нэш перешагнул на край тротуара и вытер подошву об угол бордюра.

Незадолго до того как Портер выписался из больницы, ему позвонил детектив Баумгарт из пятидесят первого участка. Харнеллу Кэмпбеллу, убившему Хизер, каким-то образом удалось выйти под залог.

— Интересно, откуда у этого засранца полмиллиона долларов? — возмутился Нэш.

— Если он обратился к поручителю, достаточно было внести всего десять процентов от этой суммы, — заметил Портер.

— Если он грабит супермаркеты, у него и таких денег нет!

— Возможно, у него есть приятель, который торгует наркотиками и чем-то ему обязан. Не важно. Баумгарт думает, что улики против него надежные. Он сядет, только не сегодня.

Нэш пожал плечами:

— Если решит появиться на суде.

— Ты меня здорово подбодрил.

— Извини!

Они вошли в подъезд, и Портер отпер свой почтовый ящик. Он был набит доверху.

— Ты давно не проверял его содержимое?

— Несколько дней. — Он порылся в почте, выхватил «Телегид» на следующую неделю и стопку писем. Запер дверцу и направился было к лестнице, но Нэш схватил его за плечо и развернул к лифту.

— Даже не думай — худеть начнешь на следующей неделе. Никаких физических упражнений и ни под каким видом не ходить по лестницам; приказ врача!

— Перееду-ка я, пожалуй, на первый этаж. После Бишопы я испытываю неприязнь к лестницам и лифтам, — сказал Портер.

Нэш нажал кнопку вызова. Дверцы разъехались, и они вошли в кабину.

— Удалось его разыскать? — Портера изгнали из оперативного штаба и приказали держаться подальше от следствия, пока врачи не разрешат ему вернуться на работу, но он ничего не мог с собой поделаться. Зная, что Бишоп на свободе, он не мог спать спокойно.

— За последние дни мы получили больше тысячи сообщений, но все мимо. Его видели на Хард-Рок у озера и в Париже; во французском Париже, а не в городке Париж в штате Иллинойс. Экспертно-криминалистическое управление прочесало его квартиру частым гребнем; похоже, на самом деле он там не жил, просто инсценировал все для нас. Кто знает, где на самом деле его логово или место, которое он считает своим домом!

— А как же дом, где он жил в детстве? Дом из дневника. Вам удалось его найти?

— Клоз поднял из архива все дела о пожарах в домах, стоящих неподалеку от пруда или небольшого озера, но пока ничего не нашел. Все дипломированные бухгалтеры и аудиторы внесены в национальный реестр. Он пробовал разыскать бухгалтера по имени Саймон Картер, но и здесь тоже зашел в тупик. Кроме того, он составил список «плимутов» модели «дастер»; нашел больше четырех тысяч, но я понятия не имею, что нам делать с таким огромным

количеством машин и владельцев. Скорее всего, этот след тоже никуда не ведет. Мы изучаем списки сотрудников многочисленных компаний Толбота; нигде не значатся ни Картер, ни Фелтон Бриггс, ни Луис Керби. Если честно, мне кажется, что его дневник — полная ерунда, еще одна обманка. Вчера приехали федералы; четверо в черных костюмах и с непомерным самомнением. Они хотели захватить наш оперативный штаб, но я отправил их в комнату напротив.

Портер нахмурился:

— Комнату, в которой так странно пахнет?

— Ага. Они же из ФБР; может, заодно разберутся, откуда идет запах.

Лифт приехал на четвертый этаж, и они вышли на площадку.

Портер вставил ключ в замок.

— По-моему, дневник — единственная ниточка, которая связывает нас с ним. Он хотел, чтобы мы поняли, где его истоки.

— Меня сейчас волнует другое: куда он подевался.

Они вошли, и Портер включил свет. Взгляд его скользнул к пятну на полу — туда он упал после того, как Бишоп пырнул его ножом.

— Кто тут прибирался?

— Вчера заезжала Клэр. Мы не хотели, чтобы ты вернулся домой и попал в грязь, тянули жребий, и выпало ей. Возможно, так оно и лучше; я бы просто накрыл то место ковриком или поставил туда горшок с цветком. Пятна крови придают квартире самобытность. Видел бы ты мое жилище!

Портер мог себе это только представить.

— Передай ей от меня спасибо, когда увидишь.

Нэш зашаркал ногами:

— И скоро ты вернешься?

— Наверное, через неделю, а может, и через две. — Он достал из холодильника пиво: — Будешь?

— Не могу. Мне еще возвращаться. Я ведь на работе. — Он повернулся к двери. — Я загляну к тебе завтра, хорошо?

— Ты не обязан меня навещать; я в порядке.

Нэш улыбнулся и кивнул:

— Знаю. Спокойной ночи, Сэм.

— Спокойной ночи, Брайан.

Портер запер за Нэшем дверь и отвинтил крышку с бутылки. После глотка холодного пива мир сделался лучше.

Со столика на него смотрела фотография Хизер. Он подошел к ней, провел пальцем по щеке:

— Я скучаю по тебе, Кнопка! — Достал новый сотовый телефон, начал набирать номер ее голосовой почты, но передумал. — Спи сладко, красавица.

Он допил пиво и поставил бутылку на стол, а потом пошел в спальню.

Он не сразу заметил на кровати маленькую белую коробку, и даже когда заметил, поморгал глазами — показалось, что коробка ему мерещится. Но нет — маленькая белая коробка, перевязанная черной бечевкой, стояла рядом с запиской Хизер. Портер инстинктивно потянулся за пистолетом, но понял, что пистолета у него по-прежнему нет.

Он обошел кровать с другой стороны, взял коробку, стараясь успокоиться: руки у него дрожали. Он понимал, что надо надеть перчатки, но ему было все равно. Он дернул узел, и бечевка полетела на пол. Он снял крышку и заглянул внутрь.

На ватной подкладке лежало человеческое ухо. Мочка была вся в пирсингах: шесть ромбов и четыре колечка. Ухо отрезали ровно, с хирургической точностью. Вата пропиталась бурыми пятнами засохшей крови.

На внешнем краю мочки было черными буквами вытатуировано слово «фильтр».

Он сразу же узнал ухо: Тарек показал ему татуировку еще в пятьдесят первом участке.

Ухо принадлежало Харнеллу Кэмпбеллу.

Внутренняя сторона крышки была исписана бисерным почерком Энсона Бишопа:

«Сэм!

Вот тебе небольшой подарочек от меня... Жаль, ты не слышал, как он вопил. Может, услуга за услугу?

Так сказать, „зуб за зуб“ между друзьями.

Помоги мне найти мою мать.

По-моему, нам с ней пора поговорить.

Б.»